

Università degli Studi di Trieste
Scuola Superiore di Lingue Moderne
per Interpreti e Traduttori

SLAVICA TERGESTINA

5

Славянские языки и перевод

Доклады первого международного симпозиума

Факультет гуманитарных наук
Университета им. Я. Паннониуса

Кафедра славянской филологии
Университета им. Я. Паннониуса

Комиссия по теории перевода
при Академии наук Венгрии

Международная Ассоциация преподавателей
русского языка и литературы ЪМАПРЯЛЬ

г. Печ, Венгрия
28-29 апреля 1995 г.

под редакцией
Лильяны Авирович
Людмилы Дзеккини

Padova
1997

Scuola Superiore di Lingue Moderne
per Interpreti e Traduttori
Università degli Studi di Trieste
via F. Filzi, 14
34132 Trieste (Italy)
tel. 040/6762360
040/6762361
fax 040/6762301
internet: <http://www.sslmit.univ.trieste.it/>
e-mail: avirovic@sslmit.univ.trieste.it
verc@sslmit.univ.trieste.it

Impaginazione: Alberto Severi
Stampato nel mese di giugno 1997 presso la "C. L. E. U. P. "
Cooperativa Libreria Editrice Università di Padova
Via G. Prati, 19 (tel. 049/650261)

CONTENTS

- Первый международный симпозиум: Славянские языки и перевод**
- 11 Вступительное слово
- Пленарное заседание**
- 15 Три симпозиума – единая утопия
Ljiljana Avirović (Italia)
- Секция I: Художественный перевод**
- 27 Endre Ady na hrvatskom jeziku
Agneš Prodan (Magyarország)
- 35 Rosyjski dowcip polityczny w przekładzie polskim
Ewa Blachowicz-Wolny – Kazimierz Wolny (Polska)
- 43 K teoretickým problémom prekladu staroslovienskych textov
Ema Krošláková (Slovensko)
- 51 The Translation of the Bible into the Slavic Languages: Biblical Citations in the *Lives of Cyril and Methodius* and the First Slavic Bible Translation
Henry R. Cooper, Jr. (USA)
- 63 Поэма *Москва – Петушки* В. Е. Ерофеева в переводе на венгерский (к вопросу о том, что же такое художественный перевод)
V. Komarov (Magyarország)
- 77 Поэма *Москва – Петушки* В. Е. Ерофеева в переводе на немецкий (к вопросу о том, что же такое художественный перевод)
Cristian Pischlöger (Oesterreich)

- 85   Переклади, переспіви, промахи
Zoltán Medve (Magyarország)
- 99   Bilingvizmus és műfordítás (gondolatok Cs. Ajtmatov
újabb műveiről és műfordításukról)
István Balogh – Marianna Sőrés (Magyarország)
- 105   Problem polonizacji tekstu w staropolskich kompilacjach
przekładów literatury apokryficznej
Elżbieta Stryniak Sztankóné (Magyarország)
- 111   О некоторых вопросах перевода произведений И. Э.
Бабеля на венгерский язык
Sandor Vegvari (Magyarország)
- 117   Атонімія в поезії Янки Купали та її відтворення
українською мовою
Ярослав Чорненький (Україна)
- 129   Prešernov sonet po italijansko
Maria Pirjevec (Italia)
- 139   Проблемы перевода говорящих имён и заглавий
литературных произведений
Mária Rev (Magyarország)
- 147   К вопросу о трансформации и компенсации (*Весна и
ночь Фофанова* в переводе Рильке)
Mária Barota (Magyarország)
- 159   Novela Miroslava Krležе *Bitka kod Bistrice Lesne* u
prijevodu Zoltána Csuke
Stjepan Blažetin (Magyarország)
- 167   Ржёт ли солнце? (к вопросу о трудностях
художественного перевода)
Viktoria Lebovics (Magyarország)

- Секция II: Лингвистика и перевод**
- 181 Вопросы перевода в русско-венгерской деловой переписке
Erzsébet Cs. Jonas (Magyarország)
- 191 K problému prekladovosti v česko-slovenskom literárnom kontexte
František Koli (Slovensko)
- 203 Прецедентные тексты в аспекте художественного перевода
Н. Д. Бурвикова (Россия)
- 209 К вопросу о лексико-семантических соответствиях при переводе на сербохорватский язык поэмы М. Ю. Лермонтова *Песня про... купца Калашникова* (лингводидактический аспект)
Е. Головатина (Россия) – Н. Клочко (Latvija)
- 217 Окаменевшие метафоры в русской и итальянской технической терминологии: совпадения и аналогии
Andrea Ottogalli (Italia)
- 223 Поиски причин вынужденного парафразирующего перевода с русского на немецкий язык (на примере начинательной приставки „за-“)
Dieter Wirt (Deutschland)
- 237 Magyar lexikai egységek fordítása lengyel nyelvre és a bilingvizmus kérdése
Wiesław Tomasz Stefańczyk (Polska)
- 243 Сталистические вопросы перевода парных слов в произведении В. Распутина
Imre Pacsai (Magyarország)
- 253 Русская пословица в тексте и переводе
Endre Lendvai (Magyarország)

- 263 Адекватный перевод русских имплицитных средств выражения отрицания (модальный аспект)
Л. Григорьева (Moldova)
- 271 Перевод русских неологизмов последних лет на венгерский язык (на материале российской прессы)
Andrea Laki (Magyarország)
- 277 Экспансия „разговорности” в информационно-публицистическом дискурсе и некоторые проблемы перевода (на материале англоязычной прессы)
Г. Орлов (Россия)
- 287 Употребление конструкций с постпозитивным несогласованным определением в русском и венгерском языках
Mária Jankovics (Magyarország)
- 297 Опыт толкового словаря русской лагерной лексики (в помощь переводчикам)
Csaba Tiszóczy (Magyarország)
- 307 О пользе знания славянских языков при переводе текстов с западноевропейских языков на английский
John Jemison (New Zealand)
- Секция III: Обучение переводу**
- 317 Preklad ako metodicky postup v porovnaní s profesionálnym prekladom
Daniela Müglóvá (Slovensko)
- 323 Трансферты, оферты, дивиденды и прочее (из опыта работы над устным и письменным переводом с итальянскими студентами-стажёрами в БЭУ, город Будапешт)
Lj. Zecchini (Italia) – T. Mihalik (Magyarország)

- 333 Перевод как метод совершенствования лингвистической и коммуникативной компетенций учащихся на среднем и продвинутом этапе обучения русскому языку как иностранному
А. Димитрова (България) – Д. Илиева (България)
- 341 Коммуникативно-информативная специфика текста и проблематика перевода
Т. Г. Герасимова (Россия)
- 347 Об учёте культурологической обусловленности прагматического плана высказывания при выборе адекватного варианта перевода
Н. С. Малова (Россия)
- 353 Авторская песня как мотив обучения русскому языку в Венгрии (на материале песен В. Высоцкого)
Peter Vizai (Magyarország)
- 365 Передача русских фразеологизмов при помощи перевода на венгерский язык
György Misky (Magyarország)
- 377 Соответствия в значении главных терминов русского и венгерского народного языкознания
V. A. Fedoszov (Magyarország)
- 387 Об употреблении инфинитива при переводе
Ilona Erdei (Magyarország)
- 397 Traduzione scritta e traduzione orale: un approccio pragmatico
Francesco Straniero Sergio (Italia)
- 415 Перевод в условиях краткосрочного обучения
Галина Богданова (Россия)
- 419 Prevođenje drame sa srodnih jezika (kritički i knjževnoistorijski aspekt; uvodne napomene)
Marija Mitrović (Italia)

- 431 Учебный перевод и использование родного языка в упражнениях (результаты анализа учебников русского языка как иностранного)
О. А. Ерёмкина (Россия)
- 441 „Символотворчество” устного переводчика (обучение конспектированию при последовательном переводе)
György Kárpáti (Magyarország)
- 449 Диалог разных культур и разных языков
László Kerekes (Magyarország)
- 455 Непрямые значения в речи и некоторые особенности русской речи нерусских
А. Л. Гребенев (Россия)

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Авторы и редакторы нового научно-методического сборника *Славянские языки и перевод* приветствуют Читателя и заявляют о своей цели стать регулярным международным форумом славянской транслатологии, предоставляя место для публикаций на данную тематику, с выходом через каждые два года.

Сборник содержит труды участников первого международного симпозиума *Славянские языки и перевод*, задуманного и проведённого Кафедрой славянской филологии Университета имени Януса Паннониуса (Венгрия) и Факультетом устного и письменного перевода Триестского университета (Италия) 28-29 апреля 1995 года в городе Печ. Инициатива организации этого нового типа мероприятия в „столице” Южно-задунайского края Венгрии была поддержана Международной ассоциацией преподавателей русского языка и литературы (МАПРЯЛ), а также и Комитетом теории перевода при Академии наук Венгерской Республики.

Работа симпозиума была увенчана несомненным успехом. Она проходила под знаком плодотворных дискуссий, обмена опытом, повышенного интереса к достижениям зарубежных, в том числе и заокеанских, представителей теории и практики перевода славянских языков на языки мира и *vice versa*. Идея о проведении симпозиума была оправдана, участники одобрили замысел о его проведении каждые два года.

Структура сборника отражает структуру симпозиума, она состоит из разделов: 1. *Художественный перевод*. 2. *Лингвистика и перевод*. 3. *Обучение переводу*. Авторы 45 статей и сообщений, представители 10 стран (Австрия, Венгрия, Италия, Латвия, Новая Зеландия, Польша, Россия, Словакия, Соединённые Штаты Америки, Украина) выносят свои труды на суд читателя.

Особую благодарность мы приносим Триестскому университету за публикацию сборника, оказавшему таким образом действенную помощь делу, столь важному для международного сотрудничества славистов, внесшему большой вклад в дело сотрудничества „Альпы-Адрия”.

Отзывы и предложения, связанные с настоящим сборником, просим направлять по адресу Dr. Lendvai Endre, JPTE

BTK Szlav Filológiai Tanszék, Hungary 7624 Pécs, Ifjúság útja 6.
Fax: (36) (72) 315-738. E-mail: lendvai@btk.jte.hu Prof.
Ludmilla Zecchini, Scuola Superiore di Lingue Moderne per
Interpreti e Traduttori, Via F. Filzi 14, 34132 Trieste, Italia.

г. Печ/Триест, август 1995 года

Редакторы

Ludmilla Zecchini
Endre Lendvai

ТРИ СИМПОЗИУМА – ЕДИНАЯ УТОПИЯ

Ljiljana Avirović

Дорогие коллеги,

Факультетом устного и письменного перевода Триестского университета, под эгидой Ведомства Издательских Дел при Министерстве достояний Культуры и Природы, было организовано, с 1989 по 1993 г., три Международных симпозиума, посвящённых вопросам перевода художественной литературы. Первый из них, получивший название *Писатель и переводчик, взаимоотношения*, ставил своей целью проанализировать отношения между писателем и его переводчиком, останавливаясь, в том числе, как на практической, так и на теоретической стороне художественного перевода. Работа симпозиума основывалась на двух романах, вышедших в 1989 году в переводе на разные языки мира, на книгах *Имя розы* Умберто Эко и *Дунай* Клаудио Магриса. Следующая за ней встреча, на которую были приглашены и писатели, коснулась отношений между издателем и переводчиком. Третий симпозиум, 1993 года, затронул перевод театральных произведений с точки зрения количества и качества переведённого, а также симбиоза между переводчиком и режиссёром-постановщиком.

В общем числе, в работе трёх триестских симпозиумов приняло участие более трёхсот деятелей данного сектора, были выслушаны мнения коллег из разных стран Европы, многочисленные теоретики художественного перевода получили возможность поделиться собственным опытом.

Каков же результат? Наши дебаты принесли плоды? Каков облик переводчика художественной литературы в Италии? Его юридический и профессиональный status? Каким критериям следует его работа? Кто выносит суждение о ней? Что передать тем, кто вступает на поприще художественного перевода? И, в заключение, имеет ли смысл само преподавание перевода или, может быть, в конце концов достаточно лишь призвание интеллигента, выступающего в роли посредника между различными культурами? Таковы, в синтезе, темы триестских дебатов. Со своей

Slavica tergestina 5 (1997)

стороны, я постараюсь вкратце разъяснить различные мнения многочисленных участников триестских встреч.

Вот слова Бурхарда Крёбера, автора перевода *Имени розы* на немецкий язык: „Как только переводчик начинает что-то вводить от себя в текст оригинала, он тут же рискует перейти границу, становясь, *volens volens*, чем-то вроде соавтора или режиссёра-постановщика, ставящего на сцене своего языка/культуры то, что писателем было однажды создано для собственной. (...) Вкратце: перевод такой книги как *Имя розы* – это совершенно особая задача, редко встречающаяся на стезе переводчика художественной литературы (который, само собой разумеется, не должен игнорировать или добавлять что-то от себя), поскольку, задавшись целью верной передачи духа и вкуса оригинала, ему не остаётся иного, в этом отдельном случае, как создание *belle infidèle*” (Kröber 1993: 29).

Имре Барна, переводчик романа на венгерский язык, заметил совершенно искренне: „Мне тоже удалось создать нечто прекрасное – семиологический *grand guignol* в пятьсот страниц, теологический детектив про то, говорить о чём не позволено. Я создал роман мирового размаха и горжусь этим. (...) *Имя розы* – книга моя, я начертал её фразы по-венгерски. (...) Умберто Эко мне это почти подтвердил” (Barna 1993: 31).

Еленой Костюкович, автором русского перевода *Имени розы*, было отмечено: „В переводе произведения, столь резко отличающегося от нашего быта и порядка мышления, мне пришлось повысить стилистическую окраску, набрать и усилить тон, разграничить, то есть поднять до небес или обрушить в бездну, с тем, чтобы создать такое гармоничное равновесие, которое сделало бы восприятие книги русским читателем естественным” (Kostiukovich 1993: 57).

Всё это означает, что в присутствии обоих писателей вновь была подтверждена сама идея перевода как присвоения оригинала.

Само собой разумеется, что реакция законного собственника вызвала огромный интерес: он целиком и полностью согласился со всем сказанным его переводчиками... Посему мы должны заключить, что между писателем и переводчиком взаимонепонимания не существует – первый, по всей видимости, безоговорочно доверяется решениям послед-

него. Даже когда испанские теоретики Сантойо и Чамоза указали на сто случаев сокращений в английском переводе *Имени розы* знаменитого Уильяма Вивера, Умберто Эко, разобрав эти сто случаев почти поочерёдно, оправдал их как „издательские упразднения”.

Менее разительными, на наш взгляд, явились выступления большинства переводчиков романа *Дунай*: все они отстаивали критерии верности оригиналу. Единственным выступлением в пользу вольного перевода явился доклад переводчика на немецкий язык Ханса Георга Хельда, хотя, впоследствии, г-жа Анна Лойбе из издательства Карл Хансер Ферлаг уведомила слушателей, что данный перевод был ею коренным образом пересмотрен при сопоставлении с текстом оригинала.

Что касается результатов первого триестского симпозиума, в работе которого приняло участие два писателя и сорок докладчиков (переводчиков и теоретиков), можно подвести следующий итог: коллеги-переводчики провели два дня в полном дружеском взаимопонимании, два дня, заложивших основу и явившихся стимулом для сотрудничества между переводчиками-участниками дебатов. С точки же зрения чисто умозрительной, можно сказать, что эти дебаты принесли плоды, хотя все мы знаем, что „ничто не ново под солнцем”. Перевод может быть верен/неверен оригиналу. Итак, если в повседневном употреблении термин „утопия” означает любую идею или план, ставящие своей задачей достижение достойной и благородной, но практически недостижимой цели, можно сказать, что в данном случае мы почти коснулись утопии.

Обдумывая, обсуждая, правя гранки, мы не только издали Записки симпозиума *Писатель и переводчик, взаимоотношения* (которые я предоставляю в Ваше распоряжение), но и подготовили вторую триестскую встречу, на которой были затронуты животрепещущие для переводчика вопросы. Речь идёт о симпозиуме 1991 года. В его работе приняли участие ведущие издательства Италии, такие как – и приведу здесь лишь краткий перечень – Эйнауди, Риццоли, Мондадори, Адельфи и Фельтринелли, были приглашены зарубежные издатели (из Австрии и Хорватии) и малые итальянские: Студио Тези, Хефти, Теория и многие другие. В течение двух дней работы симпозиума переводчики

вступали в контакт, а иногда и в „конфликт”, со своими „работодателями”. Наряду с выдающимися представителями издательского дела в Италии, такими как Джулио Эйнаути, в работе приняли участие и специалисты по юридическим правам того, кто в последнее время в нашей стране получил название „автора перевода”, а именно – переводчика художественной и технической литературы. В ходе встречи издатели воспользовались оказией и напомнили об объёме гонорара переводчика относительно затрат на публикацию и, хотя с одной стороны, и не выразили особых возражений против уплаты огромной суммы за машинописный лист (25000 лир включая налоги), дабы подписать контракт с высококвалифицированным специалистом, отметили, с другой стороны, что слишком часто оплаченные переводы нуждаются в дополнительной редакции со стороны издательства для улучшения качества переведённого. Не трудно поэтому сделать вывод о психологических и социальных условиях работы профессионального переводчика в Италии. Юрист и переводчик Фабрицио Мегале обратил наше внимание на следующее: „В 1989 г. двадцать пять процентов напечатанных в Италии книг составили переводы, на которые издателями было потрачено не менее двадцати пяти миллиардов лир. Кроме того, в нашей стране работает более десяти тысяч переводчиков (пятьдесят процентов от общего числа писателей, журналистов и публицистов), для которых работа с издательствами является основным родом деятельности. Но, несмотря на огромное значение этого сектора для общества, экономики и культуры, а также на всё более частое возникновение спорных вопросов между переводчиками и издателями, перевод для издательств ещё очень мало освещён правовыми нормами, а ведь авторское право переводчика – это самое настоящее авторское право. Художественный перевод является творческой обработкой первичного произведения искусства и, следовательно, должен быть специально и автономно защищён, а автор перевода обличён правами, чётко отграниченными от прав автора исходного произведения” (Megale 1992: 212-213).

В своём докладе Мегале прокомментировал некоторые примеры контрактов на издание перевода в Италии, Франции, Англии, Испании и Германии. Законы, следовательно, существуют, хотя в издательской повседневности перевод-

чик не получает прав с проданных экземпляров и довольствуется гонораром с листа, установленным в частном порядке с издателем, который, со своей стороны, получает права на издание со сроком действия, в среднем, на двадцать лет.

Второй триестский симпозиум ставил своей задачей наметить направление развития отношений между переводчиком и издателем, однако в ходе работы мы в первую очередь констатировали расхождение во мнениях самих переводчиков. Одни подчёркивали необходимость создания профессиональной ассоциации, другие же считали „позорным” вступать в подобные союзы. Нужно сказать, что обе стороны в определённом смысле правы. Если создание профессиональной ассоциации переводчиков сковывает творчество „цепями”, то отсутствие компетентного органа не позволяет разрешать спорные вопросы между профессиональным переводчиком и издателем. Симпозиум уделил мало внимания выступлениям переводчиков, направленным против жёстких сроков сдачи работы, по сравнению с необъёмными сроками публикации, устанавливаемыми самим издателем. А ведь в работе переводчика время, потраченное на поиск, имеет особую хронологию, не подчиняющуюся календарному листку или часовой стрелке. Chronos переводчика непреклонен, переводчик сталкивается с ним как только переходит от общих принципов к конкретному приложению, так как, подписывая контракт, берёт на себя обязательство сдать работу в срок. Итак, не вызывает сомнений (этому нас научил опыт), что слагаемое время является решающим в режиссуре переводческого дела, в аналитической работе передачи текста и в установлении характера отношений между переводчиком и издателем. День сдачи работы преследует переводчика, которому, однако, неведомо, когда она выйдет в печати. Может пройти десять лет и никто не даст объяснений (издатель обычно говорит об экономических соображениях), не к кому будет обратиться, чтобы сжать сроки издания.

Переводчики художественной литературы в Италии находятся в двусмысленном положении: считаясь привелигированными относительно коллег-переводчиков технической литературы, они являются, в правовом и экономическом отношении, „золушками перевода”. Опровергнув первое

соображение, нам, может быть, удастся преодолеть и второе.

Предоставляя в Ваше распоряжение Записки симпозиума *Переводчик и издатель, взаимоотношения*, я перехожу к третьей встрече, проходившей под названием *Перевод на сцене*. В её работе приняли участие многочисленные театральные переводчики, режиссёры, теоретики, критики и многие актёры. В работах сессий симпозиума, разделённого на лингвистические зоны, приняли участие представители различных областей театральной деятельности. На этой встрече мы получили возможность подробно рассмотреть вопросы, касающиеся театральной постановки переведённого текста, в то время как режиссёры-постановщики отметили необходимость тесного сотрудничества с переводчиком, которое, по их мнению, должно начинаться с первой встречи-прочтения. Так, например, Жак Лассаль, бывший директор Комеди Франсез, захватывающе рассказал об этапах постановки произведений Гольдони на французском языке и указал на своего рода симбиоз, создавшийся в ходе работы с переводчицей Жинет Анри, из выступления которой, с другой стороны, было ясно, что она оказала большое влияние на творческие решения режиссёра. Имре Барна поделился своим опытом перевода Гольдони на венгерский, а другой пример удачного сотрудничества между переводчиком и режиссёром-постановщиком был приведён бельгийской переводчицей комедий Дарио Фо Моник Жакмен. Это лишь краткий перечень основных выступлений, имевших место в ходе трёхдневной безостановочной работы симпозиума в Триесте, в результате которой мы пришли к заключению, что перевод для театра – это особая область, в которой постановка иностранного текста зачастую невозможна без активного содействия переводчика. Конечно, во всех вышеперечисленных выступлениях приведены лишь удачные примеры театрального сотрудничества.

В своём докладе мне хотелось бы коснуться ещё одной темы – преподавания перевода в Италии. Опыт в этом направлении положителен. Несколько лет тому назад в Турине была создана SETL (Европейская школа художественного перевода). Сюда поступают выпускники лингвистических вузов, окончившие курсы немецкого, английского, испанского, французского и русского языка. Для поступле-

ния необходимо сдать очень сложные вступительные экзамены, дающие также право на получение стипендии. Срок обучения – четыре месяца, в этот период учащиеся посещают интенсивные лекции, которые читают не только профессиональные переводчики, но и издатели, писатели, поэты, лингвисты и теоретики перевода. Надо сказать, что мой опыт преподавания в SETL на кафедре перевода с русского языка на итальянский – положителен. Поставленный мною, совместно со студентами русского отделения SETL, эксперимент хорального перевода дал отличные плоды. Он доказал, что перевод – это прежде всего ремесло и, как таковое, может быть преподаван, что творческого навыка самого по себе недостаточно, переводчик нуждается в развитии процессов осознания и чувства перевода. Безусловно, нельзя ратовать лишь за хоральный перевод как за универсальный метод работы, важна дидактика перевода, основанная как на постоянном анализе ошибок, так и на анализе работ выдающихся переводчиков, несомненно богатых бесценными указаниями.

Иная стратегия преподавания перевода была разработана нами в текущем году на факультете устного и письменного перевода Триестского университета. С ноября 1994 по апрель 1995 года студенты первого и второго двухлетия посещают лекции по теории перевода, в самом широком смысле этого термина. Во время лекций освещаются вопросы лингвистического подхода, факторов культуры и текстуальности, текстуальной типологии и функциональной эквивалентности, семиотического перевода и, в заключение, герменевтики и перевода. Я считаю эти вопросы основными в подготовке студента к переводческому делу.

В конце выступления позвольте остановиться на некоторых фактах, сопутствовавших мне, переводчице художественной литературы, в последние годы. Тем, кто не знаком с моей работой, я должна сказать, что перевожу с хорватского языка на итальянский и наоборот, перевожу также и с русского на итальянский. Редакторы итальянских издательств, если не считать Эйнауди, зачастую не владеют этими славянскими языками. Нередко мне приходилось сталкиваться с представителями издательств, имевшими лишь общее представление о русском языке и пользовавшимся им как подспорьем в чтении оригиналов на хорват-

ском. Само собой разумеется, что в подобном случае обсуждение стилистических черт писателя, красоты звучания фразы в оригинале или, тем более, художественного контекста звучало как глас вопиющего в пустыне. Я умышленно рассказываю только о личном опыте и хочу подчеркнуть, что очень часто мне приходилось слышать просьбу об „отшлифовке”, так сказать, текста во имя гипотетического „среднего итальянского читателя”. В подобном случае не остаётся ничего иного, как прервать отношения с издателем или „сплюснуть” стиль писателя, а ведь полученная таким образом „гребёнка” славянской литературы ведёт к тому, что такой-то и такой-то издатель печатает книги как бы одного и того же автора, переводимого с самых разнообразных славянских языков. Пусть моё выступление будет воспринято как голос в защиту переводимой в Италии славяноязычной литературы. В последние годы, после начала войны на пороге нашего государства, ситуация изменилась к худшему: для расшифровки оригинала издательства стали прибегать к помощи людей, находящихся в Италии вследствие войны, которые часто не имеют ясного представления ни о языке оригинала, ни тем более о художественном переводе, а профессиональный переводчик художественной литературы с многолетним опытом попадает в затруднительное положение... Литература, то есть современные славянские писатели (русские, чехи, поляки, хорваты, словенцы, сербы), становятся все на одно лицо. „Стилистическая уравниловка” никого не щадит. Дорогие коллеги, мы должны принять это к сведению, мы должны учитывать это в нашей работе.

Надо заметить, что существуют и другие формы сотрудничества, речь идёт о „сотрудничестве” между переводчиком и его работодателем. Мне, например, не удалось пригласить на симпозиум *Перевод на сцене* режиссёра из Сплита, поставившего на сцене городского театра пьесу Клаудио Магриса *Штадельман*, так как мой перевод вышел, попросту, под его именем. Случается и не такое. Не так давно мною была переведена на итальянский язык пьеса хорватского драматурга Слободана Шнайдера *Змеиная кожа*. В форме прочтения в лицах пьеса была успешно представлена на Фестивале современной драмы. В недалёком будущем она будет поставлена итальянским театром.

Мой же итальянский перевод используется местным представителем театра для собственной версии на английском языке, он же переводит её на итальянский и лишает переводчика авторских прав. Таким образом, используя мой труд, этот представитель театра сможет получить авторские права как на английский, так и на итальянский вариант того, что однажды было переведено мною с хорватского. Театральный переводчик окзывается в ловушке. В театре, к сожалению, так бывает даже слишком часто. Наша встреча – это не место для жалоб, но это возможность встать на защиту прав переводчика. В заключение хочу сказать, что определение таких терминов как „перевод” и „профессиональный status переводчика” есть утопия, тем не менее наши студенты, которым мы сегодня говорим, что искусство перевода включает в себе любовь к культуре и культурам, чему-то в конце концов научатся.

ЛИТЕРАТУРА

- Barna, I.
1993 *Monologo del copista*, in: *Umberto Eco, Claudio Magris, Autori e traduttori a confronto*, a cura di: Lj. Avirović e J. Dodds, Campanotto, Udine 1993.
- Kostiukovich, E.
1993 *Le decisioni stilistiche della traduzione in lingua russa de Il nome della rosa*, in: *Umberto Eco, Claudio Magris, Autori e traduttori a confronto*, a cura di: Lj. Avirović e J. Dodds, Campanotto, Udine 1993.

Slavica tergestina 5 (1997)

Kröber, B.
1993

Stare al gioco dell'autore, in: *Umberto Eco, Claudio Magris, Autori e traduttori a confronto*, a cura di: Lj. Avirović e J. Dodds, Campanotto, Udine 1993.

Megale, F.
1992

La traduzione, saggi e documenti, Istituto poligrafico e Zecca dello Stato, Roma 1992.

ABSTRACT

Three conferences organised by the University of Trieste's Scuola Superiore per Interpreti e Traduttori (SSLM) are here discussed, three conferences in which topics such as the rapport between authors and translators, the rapport between publishers and translators, and the translation of theatrical texts were widely debated.

The most significant elements emanating from this material are covered, as well as those points that illustrate the professional and legal status of the translator in Italy and the function of the translation as an act of communication.

As a translator into Croatian (but also into Italian from Russian) I also venture certain considerations on the "risks" that are generally encountered by a Slavonic language text when it is translated and published in Italy (first and foremost that of being remodified by editors with no knowledge of the author of the source language).

Finally I shall mention my experience as teacher of literary translation at the European School of Literary Translation in Turin, the only one of its kind in Italy, which has been assessed in very positive terms by Peter Newmark, one of the most important translation theorists.

ENDRE ADY NA HRVATSKOM JEZIKU

Agneš Prodan

Za sadašnji trenutak u hrvatskoj kritici prijevoda s mađarskog na hrvatski jezik i obratno nema značajnijih radova, napisanih tokom posljednjih nekoliko desetljeća, iako je tradicija, razumije se, starija.

Po vrijednosti svega onoga što je objavljeno kao kritika prijevoda, može se reći da je hrvatskoj kritici prijevoda nedostajala čvršća teorijska osnova na planu komparativne stilistike, komparativne versifikacije i drugih teorijskih pitanja prevođenja.

Iscrpan pregled i ocjena onoga što je na tom polju do sada urađeno tek trebaju biti dati u okviru istraživanja o razvoju prevodilaštva s mađarskog na hrvatski odnosno s hrvatskog na mađarski jezik.

Mađarski su, a napose i hrvatski povjesničari književnosti, već osvijetlili onaj stimulativni "utjecaj" Adyjeva djela koji potiče na plodonosnu rezonanciju u djelima Miroslava Krležu, a osim toga sagledali su i koliko adyjevskih poticaja, stvaralačkih adyjevskih impulsa i njihovih autentičnih plodova možemo naći kod njega.

Izvanredan je bio Adyjev pjesnički doprinos i značaj: povijest književnosti bi mogla raspravljati o početku stoljeća, o velikoj obnovi mađarske kulture kao o Adyjevom dobu. Do tada u Mađarskoj nije bilo pjesnika koji je imao veću čar od Adyja na početku stoljeća.

Umjetnici, borci i žene čekali su njegovu riječ, osjetljiviji đaci su ga čitali kriomice, "pod klupom", klanjali mu se ili ga proklinjali, ali se njegova osobnost i poezija nisu mogle zaobići. Čak su i kritičari, ukoliko mu nisu bili neprijatelji, skoro sa zanosom govorili o njemu.

Krležin esej o Adyju iz 1930. godine, najznačajniji je u inostranoj literaturi o Adyju. I mada govori samo o njegovoj ljubavnoj lirici i sudbinskim doživljajima, Adyjevo mjesto zasigurno nije preciznije određeno ni u Europi ni u mađarskoj literaturi. Među simbolistima i impresionistima istočne Europe na početku stoljeća, uz Rilkea, Ady je za Krležu najveći. Osjetljivost, koja je – po njemu – bila dovoljna za većinu istočnoeuropskih simbolista ne bi li produžili igru zapadnih poza, kod Adyja se potpuno pretvorila u osjećaj za stvarnost. Ispod prefinjenih treptaja njegove umjetnosti plamsaju sumorne kalvinističke boje, a u

njegovo remboovsko ustrojstvo uvukla se tajna Dunava, istočno-europski očaj.

Poznavajući dobro mađarski jezik, mađarsku kulturu i književnost Miroslav Krleža je, kao i u slučaju s Petefijem, načinio i vlastite prijevode, odnosno prepjeve Adyjevih pjesama. Oni do danas ostaju najuspjelije, najadekvatnije hrvatske interpretacije stihova ovog velikog mađarskog pjesnika. Posljednja velika bibliografska sinteza Adyjevog stvaralaštva, koja je dokumentirala prisustvo njegovog djela na mađarskom i međunarodnom tlu od 1896. godine do 1970. – navodi i četiri južnoslavenske (délszláv) zbirke Endre Adyja: knjigu prijevoda Ivana Ivanjija (Endre Adi, *Pesme* 1953), dvije zbirke Danila Kiša (*Pesme* 1964; *Krv i zlato* 1961), te zbirku prijevoda Adyjevih novela Ljube Popovića (*Odabrane pripovetke* 1956). Sve su to prijevodi na srpski jezik.

Adyjeve su pjesme inače u zasebnom izdanju ugledale svjetlo dana na rumunjskom, njemačkom, češkom, slovačkom, francuskom, talijanskom, engleskom, poljskom, bugarskom, hebrejskom i ruskom jeziku. A da i ne spominjemo udio u inostranim zbirkama s više autora, odnosno njegovo prisustvo u stranim listovima i časopisima.

Od 1970. godine naovamo inostrana recepcija Adyjeva djela obogaćena je i prvom hrvatskom antologijom, naime prigodom jubilarne 1977. godine dotadašnji impozantni niz samostalnih izdanja upotpunjuje dvojezična zbirka Josipa Krleže – imenjaka Miroslava Krleže – pod naslovom *Ady Endre. Pjesme – Versek*, koja sadrži 51 pjesmu.

S obzirom da se toj zbirci sve do danas dao veoma skroman publicitet, te da se ponovo približava jubilarna godišnjica Adyjevog rođenja svojim prilogom želim dati podsticaj na daljnje prevodenje Adyjevih stihova, i to ne samo kod Hrvata već i kod svih drugih naroda koji cijene i vole poeziju punu osjećaja.

Često se ponavlja i često se naglašava da je prevodenje u stihu posao naročite vrste, posao koji zahtjeva od prevoditelja znanje jezika, izuzetnu nadarenost, stručnost i izuzetan napor. Presudno je i specifično poznavanje cjelovitog pjesničkog procesa, a naročito onda kad pjesnik životom nije više naš suvremenik.

Josip Krleža je temeljito proučavao složenu piščevu biografiju, no naročito je dugo izučavao njegovu čudesnu poeziju i specifični, neponovljivi pjesnički jezik.

Našu analizu prijevoda započet ćemo razmatranjem o pitanju izbora stihova.

Izbor nije rukovođen nekim usmjerenim “narudžbama” nego intoniran glasom intimnog ukusa, koji usmjerava pozornost hrvatskog čitatelja i na neke “neantologijske”, ali ipak vrijedne, trajno aktualne pjesme. Unatoč relativnoj cjelovitosti i namjerama prevoditelja da nam prikaže presjek cijelog Adyjevog opusa, na prvi pogled ipak se može zamjeriti zbog nedostatka podosta “antologijskih” Adyjevih pjesama.

Svoj prevodilački izbor Josip Krleža crpi iz građe cjelokupnog Adyjevog opusa, točnije iz 13 zbirki. Od ukupnog broja pjesama većina je uzeta iz zbirke *Krv i zlato* (*Vér és arany* 1907) – 15 pjesama; 10 pjesama iz knjige *Nove pjesme* (*Új versek* 1906) dok je 9 pjesama uzeto iz poznate zbirke *Volio bih da me vole* (*Szeretném, ha szeretnének* 1909), ali je prevoditelj dotakao i sve ostale Adyjeve zbirke, uključujući i onu objavljenu posmrtno.

Sveobuhvatni izbor pjesama, prilikom komponiranja ove zbirke, razvrstan je u devet ciklusa. Pored političkih stihova nalazimo i Adyjeve doživljaje o ljubavi, univerzalne teme, ali dobivamo i bogat uvid u poetski program pjesnika.

Interesantno je pripomenuti, da je od 51 pjesme njih 14 objavljeno i u srpskim zbirka prijevoda (2 su zastupljene čak u sve tri srpske zbirke, 6 pjesama u dvije, a 6 u jednoj zbirci).

I prijevodi u srpskoj redakciji i Krležini prijevodi u hrvatskoj imaju opravdanje na istodobnu egzistenciju, jer daju različite otiske originala. Oni su rađeni samostalno, svaki ima svoje zasebne vrline i nedostatke.

Mada poznavanje leksičkog fonda nekog jezika ne znači i poznavanje tog jezika u cjelini, ono je temelj od kojeg se polazi. Reklo bi se da se prevođenjem može baviti samo tko besprijekorno vlada i jednim i drugim jezikom; međutim, ipak sa pokazuje da nije uvijek tako. Ne samo da se griješi u prevođenju tananijih nijansi u značenju, nego i tamo gdje pomoć može pružiti dobar rječnik. A osim toga, Adyjevu poeziju, tu poeziju svojevrsnog duhovnog seizmologa koji je osjetio i izrazio disonantnu mnogozvučnost početka ovog stoljeća nemoguće je prevoditi bez profinjenog unutaršnjeg sluha i istančanog osjećaja za oba jezika, bez brižljive studije teksta. Osjetiti sve komponente ritma i stila može svaki kulturniji čitatelj, ali naći im u drugom jeziku izraz adekvatan originalu može samo čovjek koji se i sam bavi literaturom. A Josip Krleža tokom svog života bavio se literaturom, dapače prevodio je i pjesme Attila Józsefa. Niz godina izučavao je tajnovite procese pjesništva, prevodilaštva, a književni afinitet usmjerio je prema

djelu ovog tajanstvenog, impresivnog i tragičnog mađarskag pjesnika.

Naša analiza bila bi nepotpuna kada se ne bismo zadržali na pitanju tekstualne vjernosti prijevoda.

Izvršimo li komparativnu analizu srpskih prijevoda s hrvatskim, prijevodi Danila Kiša ostavljaju ljepši dojam kada se čitaju bez usporedbe s originalom. On prevodi slobodnije, trudi se da prepjeva djelo više nego da ga prevede. Zato njegov prijevod nešto više liči na samostalno umjetničko djelo. A kada se izvrši usporedba s originalom, mora se priznati prednost Krležinom prijevodu, barem što se tiče vjernosti teksta, jer svojim prijevodima on rijetko kad čini prepjeve pjesama, već načinom, stilom i strukturom čuva bit pjesničkog originala. Krležin je prijevod tekstualno vjeran originalu, odstupanja su tako neznatna da o njima i ne treba posebno govoriti. Ima, međutim, nekoliko pogrešno prevedenih mjesta do kojih je došlo ili zbog toga što se prevoditelj nije pažljivo udubio u tekst ili zato što mu je pomanjkalo znanje mađarskog jezika. Neke od tih grešaka su možda i sasvim slučajne, a neke su možda i plod nedovoljnog osjećanja Adyjeve poezije. U tim i tima sličnim slučajevima moglo bi se čak i prigovoriti Josipu Krleži što se nije pomagao prijevodima Danila Kiša pa i Ivana Ivanjija. Teško bi se međutim moglo reći da je ijedna greška rezultat potpunog nerazumijevanja Adyjevog teksta.

Jezični i stilski problemi manje-više su isti kod svakog prijevoda, bilo da je to djelo pisano u prozi ili u stihu.

U svome radu Krleža je sačuvao ljepotu i jedinstvenost originala, uspješno pretočio duh pjesničkog djela u zakonitosti hrvatskog jezika. Može se zaključiti da je pravilno preveo mađarske fraze čak i kad mu je više napora u tom poslu zadavao ritam stiha:

Torkig a förtelemmel (Jönnek jobb napok). Siti strahotama (Bit će boljih dana).

Ma se hitünk, se kenyérünk. (Magyar jakobinus dala). Danas bez kruha i vjere! (Pjesma mađarskog jakobinca).

Hogy az Élet ízlik a számban. (Már előre rendeltettem). Da u ustima mi okus divota. (Već unaprijed predodređen)¹.

Rijetko kad J. Krleža griješi pri odabiranju pravog značenja riječi. Za primjer navodimo citat iz pjesme *Svirala davnog praznovjerja (Sípja régi babonának)*:

1 Ovdje i nadalje *kurziv* je moj, A. P.

u originalu Ady piše:

Vesztett népem veszett földje:
Sohse nézek többet vissza.

J. Krleža to prevodi ovako:

Bijesnog puka bijesnu zemlju:
Stid mi osvrt natrag brani!

što je naravno točno, jer iz određenog konteksta proizlazi ovo značenje riječi (veszett = bijesni), a ne značenje u smislu “izgubljen”.

Dok Krležini prijevodi samo na par mjesta odstupaju od originala mnogo su češća pomjeranja u broju slogova stiha, dakle u dužini stiha, a što se tiče broja samih stihova, od 51 pjesme, svega u jedinoj pjesmi (*Bit će boljih dana*) primjećujemo ispuštanje jednog stiha.

Najviše odstupanja od originala javlja se radi potrebe rima. Krleža u većini slučajeva rimu prevodi rimom i to dosta olako:

Cselédjei az Akaratnak,
Titkon fájunk most magunk
S csak titkon, hogy siratunk –
Kiket akaratunk szépnek, szabadnak: (*Az akarat cselédjei*)

Raspored rima u citatu dolazi sljedećim redosljedom: ABBA – dakle prema shemi obgrljene rime.

Prijevod je načinjen bez razlike u rimovanju, slijedi obgrljenu ABBA shemu:

Služinčad Volje *jesmo*
Tajno nas boli što *sami*
Oplakujemo u *tami*:
One što lijepe, slobodne *htjesmó*: (*Služinčad volje*)

U nemogućnosti da se zbog prostora pokažu sva odstupanja u svezi s pitanjem o postizanju rime i dužine stiha, odabrali smo par citata, gdje se uočavaju sljedeće pojave u prijevodu:

Az élet él, újul, gyöz és szalad, (*Sajnálom szegény fiúkat*)

Lako je uočiti da taj niz riječi: “él, újul, gyöz, szalad” ima stanovit red, da one ne slijede jedna iza druge slučajno. U

originalu uočavamo dakle jednu gradacijsku liniju težine tih riječi, dok u prijevodu možemo zapaziti:

Raste život i pobjedno *krili*, (*đalim sirote dječake*)

1. – ispuštanje glagolskih predikata (u originalu: él, újul, győz, szalad – u prijevodu: raste, krili);

2. – samovoljni prijevod glagola s prilogom (győz – pobjedno).
I da nastavimo sa sljedećim primjerom:

Milyen szép volt, milyen tágas, *szabad*.
Da lijep bje nekad, slobodan, *širi*.

1. – komparacija pridjeva (tágas – širi);

2. – izmjena redosljeda riječi (tágas, szabad – slobodan, širi).

Ezért minden: önkínzás, *ének*. (*Sem utódja, sem boldog őse*)
Za sve te muke, *pjesme bolne*. (*Ni potomak ni sretan predak*)

1. – dodavanje atributa imenici (ének – pjesme bolne).

Az én apámnál *nincs* jobb ember
Nincs, nincs sehol. (*Proletár fiú verse*)
Od mog oca boljeg čovjeka
Nigdje *nema*. (*Pjesma proletarskog dječaka*)

Zbog određenog broja slogova u stihu originala prevoditelj namjerno izbjegava ponavljanje riječi (u mađarskom tekstu tri puta “nincs” – u hrvatskom samo jedanput “nema”). Tako međutim pjesma gubi na svojoj izražajnosti, jer se u originalu baš pomoću ponavljanja ističe očeva dobrota.

Ugye, *paripám*? Hol járunk mi akkor, (*Dalok tüzes szekerén*)
Hej, *moji konji* i gdje bit ćemo tada? (*Na ognjenim kolima pjesme*)

1. – Uporaba plurala umjesto singulara (*paripám* – moji konji);

2. – zamjena dvosložne riječi “parip” sa sinonimnom jednosložnom “konj”.

Istina je da Krleža nije uspio posvuda ritmički uskladiti prijevod s originalom, jer je Adyjeva ritmika posve izuzetna. Ali je iza metra osjetio živo pulsiranje ritma u izvornom tekstu, te je tražio načina da prenese njegove bitne elemente u svoj jezik ne vršeći pri tome nasilje nad prirodnim ritmičkim rječnikom svoga jezika. Tako

će čitatelji moći osjetiti gipkost i ljepotu ritmičkih preljeva originala, ali ponegdje i tromost stihova.

Gledano u cjelini, pojedinostima Josip Krleža nije dosljedno robovao, već je bio stvaratelj koji se udaljavao od doslovnosti radi približavanja suštini pjesme. U tu svrhu žrtvovao je ponekad čak i pojedine značajne elemente pjesme kao na primjer redosljed rimovanih stihova, proširivao je Adyjevu misao iz jedne u dvije rečenice itd.

Takav prijevod svakako traži od prevoditelja višak kvalitativnih napora.

I na kraju smatram potrebnim navesti, da mi je pri analizi ovih stihova stalno bila na umu misao koju je izrazio S. Lipkin: "(...) ne davati kritike odmah, nego vidjeti zašto je došlo do odstupanja. Jesu li ona rezultat prevoditeljeve snage ili slabosti? Jesu li rezultat nebrige za duh i smisao originala ili nasuprot tome, veoma dubokog štovanja originala".

BIBLIOGRAFIJA

- Ady, E.
1973 *Művei I-II*, Budapest 1973.
- Ban, I., Barta, J., Cine, M.
1976 *Istorija mađarske književnosti*, Novi Sad 1976.
- David, A.
1977 *Mostovi uzajamnosti*, u: *O jugoslovensko-mađarskim kulturnim i književnim vezama*, Novi Sad 1977.
- Krleža, J.
1978 *Ady Endre. Pjesme – Versek*, Osijek 1978.
- Piper, P.
1985 *O prevodima iz ruske književnosti*, Novi Sad 1985.

ABSTRACT

The first volume of Endre Ady's verse to be published in Croatian was translated by Josip Krleža (Osijek 1977). Even before that, Ady was no stranger to the Croatian public.

Miroslav Krleža, who wrote an essay about Ady in 1930, had also previously translated some of his poetry.

The volume translated by Josip Krleža contains a total of 51 poems. The selection made is excellent and includes not only the poems usually published in anthologies, but also some of Ady's work which is less known, but which is nevertheless very important from an artistic point of view. With the exception of some major digressions, Josip Krleža attempted to preserve the content as well as the form of the Hungarian original.

ROSYJSKI DOWCIP POLITYCZNY W PRZEKŁADZIE POLSKIM

Ewa Blachowicz-Wolny – Kazimierz Wolny

Teoria przekładu ma bogatą tradycję. Fenomen translacji stanowi zagadnienie ciekawe od wieków nie tylko z punktu widzenia samych przekładów, ale także z punktu widzenia psychologii i jej pokładów semantycznych, których słowa najefektowniej i najstaranniej dobrane w danym języku nie oddadzą tego, co zamierzał oddać język oryginału.

Problem ten nurtuje badaczy przekładu oraz samych tłumaczy, którzy stoją przed – wydawałoby się – zagadnieniem nie do rozwiązania. Jednak zagłębianie się w tradycje kulturowe i środowiskowe krajów, o których dane teksty oryginałów traktują, pozwalają węzeł ten rozwiązać i częściowo przybliżyć kwestię tak, by nie odbiegała od macierzystego komunikatu.

W większości przypadków dowcip polityczny funkcjonował przez ostatnie dziesięciolecia w krajach byłego Układu Warszawskiego w formie ustnej, przekazywany niemal pocztą pantoflową, omijającą cenzurę.

Do niedawna bogata twórczość, jaką jest “dowcip polityczny” nie istniała oficjalnie w byłym ZSRR oraz krajach będących pod jego politycznymi wpływami, ponieważ stanowiła źródło zagrożenia dla wolności osobistej opowiadającego, a często stanowiła źródło zagrożenia dla wolności osobistej opowiadającego, a często również i dla słuchacza. Na mocy znanego w ZSRR 58 artykułu *Kodeksu Karnego* sądy skazywały ludzi “ośmielających się być dowcipnymi” do dziesięciu lat więzienia.

Tematyka dowcipu politycznego była różnorodna. Najczęściej jednak, w okresie panowania Imperium Radzieckiego, dotyczyła dwóch płaszczyzn, a mianowicie: gospodarczej oraz społecznej.

Bohaterami jej byli przedstawiciele władzy z Leninem, Stalinem, Breżniewem czy Gorbaczowem na czele, ukazywani w różnych komicznych sytuacjach. Najczęściej podkreślających ich bezdusność i obojętność względem szarych obywateli.

Do Lenina przychodzi reprezentacja chłopów:

– Towarzyszu Lenin, w naszej wsi nic do jedzenia nie zostało. Już zjedliśmy całą trawę wokół drzew. Niedługo zaczniemy ryczeć jak krowy!

– Nie wiem, nie wiem, moi drodzy. Ja dziś rano kaczuszkę zjadłem, a jakoś nie kwaczę.

Rosjanie bawili się i umieli śmiać także ze swoich prywatnych spraw, na przykład pytali, jaki to jest “rodzinny szampan rosyjski? Mąż pije, żona syczy” (Русское шампанское по-семейному: муж пьёт, жена шипит).

Względna bliskość brzmieniowa i gramatyczna języka polskiego i rosyjskiego umożliwia niekiedy, zachowanie w przekładach nawet tych samych struktur gramatycznych jak i podobnych dźwięków. Dotyczy to także intonacji:

W latach dwudziestych: – Jak wy żyjecie?

Wczesne lata trzydzieste: – Jak wy? Жыjecie?

Koniec lat trzydziestych: – Jak? Wy żyjecie?

(В двадцатые годы: – Как вы живёте?)

Начало тридцатых годов: – Как вы? Живёте?

Конец тридцатых годов: – Как? Вы живёте?).

Sposób wypowiedzania tekstu – intonacja i akcent logiczny odgrywają decydującą rolę w rozumieniu treści.

Często w polskich przekładach mówionych spotyka się rusycyzmy składniowe. Pojawia się wtedy przydawka kwalifikująca przed rzeczownikiem, np.: “Dlaczego należy zaprzestać produkcji *karakulowych czapek* dla niższych oficerów radzieckich? Dlatego, że ściąganie skóry z jednych baranów i zakładanie jej na innych okazało się nierentowne”.

W polskim języku potocznym nieprawidłowość ta jest jednak dopuszczalna i zaciera się granica poprawności.

Zrozumienie i podtekst wymowy dowcipu politycznego nie nastęrczają trudności tłumaczowi, a następnie odbiorcy. Wykluczona jest w tym wypadku interpretacja translatorska.

Wybór synonimicznych zasobów języka polskiego daje, jak się okazuje, możliwość skalkowania warstwy nie tylko fonicznej tekstu, ale i instrumentacji głoskowej.

Przekład taki nie wymaga stylistycznej pretensjonalności. Trzyma się raczej dosłowności w sferze leksykalno-semantycznej, np.:

– Panie doktorze, proszę o tabletki od chciwości. Tylko dużo, dużo!
(Доктор, дайте мне таблетку от жадности. Да побольше, побольше!).

Cechą charakterystyczną dowcipu jest jego anonimowość. Dotyczy to także przekładu. Nikomu nie można go przypisać. Bazuje się tylko na tzw. przekazach ustnych, które są często typową “sztuką interpretacji” na płaszczyźnie fonicznej jak i kulturowej. Wykluczyć tu należy w związku z tym ocenę artystyczną tego typu przekładów, które skupiają się wokół treści oraz sensów przekazywanych podtekstów.

Kontakty między Polską a byłym Związkiem Radzieckim rozwijały się bardzo intensywnie – tak na szczeblu oficjalnym jak i nieoficjalnym. Opowiadane przez Rosjan i Polaków dowcipy polityczne można było przypisywać tak jednej jak i drugiej stronie. Granice narzucone, choć dobrze strzeżone, nie rozdzieliły rozsądnych Polaków i Rosjan na tyle, by wspólnie nie mogli się pośmiać z chciwości i braku tolerancji najwyższych władz państwowych.

Dla uczczenia wizyty Breżniewa w jednym z bratnich krajów zarządzono salwy artyleryjskie. Po drugiej z nich staruszka na ulicy pyta przechodnia:

- Dlaczego strzelają?
- Breżniew przyjechał, babciu.
- Aha, rozumiem. Za pierwszym razem nie trafili.

W polskiej tradycji kulturowo-językowej nie istnieje forma grzecznościowa zwracania się do nieznanego sobie starszych osób “babciu” bądź “dziadku”. Tłumacze starają się zachować, jak widać, grzecznościową formę rosyjską w polskim przekładzie, ale częściej wprowadzają polskie “pan”, “pani” dla podkreślenia, że miejscem akcji może być równie dobrze Polska czy inny kraj będący wówczas pod wpływami ZSRR.

Elena Młynarska w książce pt. *Śmiechu warte czyli humor i satyra rosyjska dla wszystkich* zebrała i opracowała humor rosyjski ostatnich dziesięcioleci i spróbowała udowodnić, że wiele dowcipów politycznych, krążących po krajach byłego bloku socjalistycznego swe źródło miało właśnie w Związku Radzieckim.

Probierzem wartości dzieła oryginalnego jest jego nieprzetłumaczalność na inne języki. Kryterium nieprzetłumaczalności nie powinno odgrywać w interesującym nas przypadku większej roli.

Dowcip polityczny, anegdota polityczna to formy raczej popularne i zmierzające do zaspokojenia oraz rozbawienia bardzo szerokiego grona odbiorców, którzy umieli za pośrednictwem tej formy osłabiać autorytet totalitarnej władzy, dając poczucie wspólnoty i siły. Satyra, anegdota i dowcip polityczny łączą

przedstawiciele różnych zawodów. Wymiar sprawiedliwości umiał śmiać się sam z siebie i błędów jakie popełniał:

Sędzia opuszcza salę rozpraw, pękając ze śmiechu.
– Z czego się pan tak śmieje?
– Ale kawał! Dopiero co dałem za niego dziesięć lat!

Podobnie wśród lekarzy i pacjentów krążył dowcip, mówiący o umiejętnościach służby zdrowia:

Lekarz bada pacjenta: – Oddychać! Nie oddychać! Oddychać! Nie oddychać! Nie oddychać! Nie oddychać! ... Wynieść! Następny!

Robotnicy natomiast śmiali się z rozmów przeprowadzanych na zebraniach związkowych, kpiąc z ingerencji przełożonych w sprawy prywatne obywateli:

Zebranie związkowe. Przewodniczący pyta:
– Mario Iwanowna! Jak to się stało, że pani, zasłużona tkaczka, przodownik pracy komunistycznej, nagle została prostytutką dewizową?
– No, cóż mogę powiedzieć, towarzysze? Powiodło mi się...

Kelnerzy i goście restauracyjni drwili z siebie:

W restauracji.
– Kelner! Wykałaczkę!
– Zajęta!

Sprzedawcy i klienci w czasie kryzysu opowiadali sobie następującą anegdotkę:

Rozmowa w sklepie spożywczym:
– Czy może pani zważyć pół kilo jedzenia?
– Proszę przynieść, zważę.

Ciekawe językowo dowcipy powstają wtedy, gdy lapidarność wypowiedzi opiera się wyłącznie na formach wykrzyknikowych, tworząc sytuację komiczną:

Patrol:
– Stój, bo strzelam!
– Stoję!
– Strzelam!

Celem przekładów dowcipów politycznych z języka rosyjskiego na język polski jest maksymalne oddanie ducha oryginału, dorównujące doskonałości stylu języka rosyjskiego. Każdy język, przy bogactwie struktur gramatycznych, daje tłumaczowi różne możliwości ukazania przedstawionej rzeczywistości. Od ich zdolności bowiem i wycucia językowo-kulturowego zależy to, czy dany tekst zostanie przyjęty na obcym gruncie językowym czy też nie. Pokrewieństwo języków słowiańskich gwarantuje tożsamość odbioru rzeczywistości, ale również może być przyczyną nieporozumień, wynikających właśnie z podobieństw w warstwie leksykalnej, która niejednokrotnie już stanowi źródło humoru. I tak jak w liście, który kończy się pozdrowieniami dla całej rodziny: „я поздравляю тебя, твоего отца, сестру и твою бабочку”.

Humor wynika rzecz prosta z tego, że piszący ufał swojej intuicji językowej i zdał się na podobieństwo słów, nie różnicując znaczenia wyrazów *бабочка* – *бабушка*.

Tym sposobem autor listu pozdrowił “ojca, siostrę i motyla”.

W związku z powyższym satyra funkcjonuje na dwóch płaszczyznach językowych – rosyjskiej i polskiej. Humor słowny tworzony jest czasami nieświadomie, najczęściej wypływa z niedostatecznego opanowania języka, w tym szczególnie warstwy leksykalnej.

Warto zwrócić uwagę, że ten typ przekazu opiera się na zasobie słownictwa mówionego, które zna i używa każdy przeciętny odbiorca tekstu. Warto wreszcie zwrócić uwagę, że kiedy mówimy, mamy do dyspozycji poza słowami dodatkowe, pomocnicze środki wyrazu, jak: intonacja, mimika, gest. Mają one duży wpływ na sposób przekazu. Mówiąc wykorzystuje się również akcent zdaniowy (logiczny). Polega on na podkreśleniu tego wyrazu w zdaniu, na którym nam szczególnie zależy, na uwypukleniu tego, co istotne i ważne. Umiejętne wykorzystanie tempa mowy, barwy głosu umożliwia także podkreślenie szczególnych partii wypowiedzianego tekstu, zwrócenie na niego uwagi słuchaczy.

Sytuacja mówienia odznacza się jeszcze jedną znamioną cechą – w zasadzie nie ma możliwości powrotu do tego, co się powiedziało, cofnięcia, “skreślenia” wypowiedzianych słów i zdań. Można poprawić się, przeformować swoją myśl, ale nie pozostanie to nie zauważone przez słuchaczy. W przypadku dowcipu, żartu ważna jest trafność, lapidarność, dobór słownictwa i sprawność przekazu.

Komizm polityczny jest zawsze reakcją na bieżącą sytuację, odzwierciedla poglądy, opinie, obawy, dążenia, interesy działających aktualnie sił politycznych.

Dowcip polityczny, anegdota silnie działały i działają na wyobraźnię słuchacza i czytelnika, stąd ich nieprzemijająca atrakcyjność.

BIBLIOGRAFIA

- Карху, Э.
1975 *Постигать оригинал*, w: „Мастерство перевода”, М. 1975: X.
- Тетради переводчика*
1973 *Тетради переводчика*, ред.: Л. С. Вархударов, М. 1973.
- Apresjan, J. D.
1980 *Semantyka leksykalna. Synonimiczne środki języka*, Wrocław 1980.
- Balcerzan, E.
1985 *Przekład jako cytat*, in: *Miejsca wspólne. Szkice o komunikacji literackiej i artystycznej*, red.: Edward Balcerzan, Seweryn Wyślouch, Warszawa 1985.
- Baluch, J.
1974 *Norma i konwencja translatorska jako kryterium oceny przekładu*, w: *Z teorii i historii przekładu artystycznego*, red.: Jacek Baluch, Kraków 1974.
- Buttler, D.
1968 *Polski dowcip językowy*, Warszawa 1968.
- Cegieła, A. i Markowski, A.
1986 *Z polszczyzną za pan brat*, Warszawa 1986.

- Kania, S. i Tokarski, J.
1984 *Zarys leksykologii i leksykografii polskiej*, Warszawa 1984.
- Kochański, W., Klebanowska, B. i Markowski, A.
1987 *O dobrej, i złej polszczyźnie*, Warszawa 1987.
- Legeżyńska, A.
1985 *Tłumacz czyli "drugi autor"*, w: *Miejsca wspólne. Szkice o komunikacji literackiej i artystycznej*, red.: Edward Balcerzan i Seweryn Wysłouch, Warszawa 1985.
- Łazarczyk, B.
1979 *Sztuka translatorska Julian Tuwima. Przekłady z poezji rosyjskiej*, Warszawa 1979.
- Pollak, S.
1971 *Obrona niemożliwości czyli o tłumaczeniu poezji*, w: *Srebrny wiek i później*, Warszawa 1971.
- Reginina, K., Tiurina, G. i Szyrokowa, L.
1980 *Frazeologiczne związki łączliwe w języku rosyjskim*, red.: L. Szyrokowej, Warszawa – M. 1980.
- Śmiechu warte*
1994 *Śmiechu warte czyli humor i satyra rosyjska dla wszystkich*. Tłumacz., oraz opracowanie i wstęp: Elena Młynarska, Warszawa 1994.
- Święch, J.
1974 *Tłumaczenie a problemy historii literatury*, w: *Z teorii i historii przekładu artystycznego*, red.: J. Baluch, Kraków 1974.
- Żebrowska, A.
1995 *Tłumacz jest jak krwiodawca. Z Asarem Epelem rozmawia Anna Żebrowska*, w: "Gazeta Wyborcza", 1995: 8/9. 4.

Żygulski, K.
1985

Wspólnota śmiechu. Studium socjologiczne komizmu, Warszawa 1985.

РЕЗЮМЕ

Статья затрагивает вопросы перевода русского политического анекдота с русского языка на польский.

Звуковое и грамматическое совпадение анекдотов позволяет сохранить в переводах грамматические структуры. Часто в польских речевых переводах встречаются синтаксические русизмы. Понятие и подтекст политического анекдота не вызывают трудностей ни у переводчика, ни у слушателя. Поскольку переводы существуют чаще всего в речевой форме, исключается художественное транслационное восприятие.

Подбор синонимических выражений в польском языке способствует точному переводу как фонического, так и звукового содержания текста.

K TEORETICKÝM PROBLÉMOM PREKLADU STAROSLOVIENSKYCH TEXTOV

Ema Krošláková

Problematika prekladu všeobecne, ale predovšetkým vo vzťahu k slovanským, konkrétne staroslovienským textom bola v centre pozornosti významného starobylého staroslovienskeho textu pochádzajúceho asi zo začiatku r. 860. Ide o text *Predhovor k prekladu evanjeliára*, ktorý sa pripisuje Konštantínovi (Jakobson 1978: 16-24). E. Pauliny (1980: 165-169) ho konvenčne nazval *Rozpravou o prekladaní*. Zachovaný poškodený zlomok z tohto traktátu v slavistickej literatúre je známy ako *Macedónsky cyrilský list* (Hilferdingov). Uvádzame ho preto, lebo z hľadiska vývinu teórie prekladu v slovanských jazykoch mal podstatný význam. Podľa A. Vaillanta (1948: 5-20), S. Mathauserovej (1984: 198-201), A. Minčevej (1981: 19 a nasl.) a iných bola v ňom vyjadrená prvá slovanská teória prekladu.

Konštantínova teória prekladu vznikla pred viac ako 1100 rokmi, avšak slovenskí čitatelia sa zoznámili s prvými prekladmi diel staroslovienskej literatúry do slovenčiny až v tridsiatych rokoch 20. storočia.

Na formovanie slovanského i slovenského povedomia slovenskej kultúrnej verejnosti vplývali z viacerých aspektov (napríklad historicko-kultúrneho, religiózneho, literárneho) dva najstaršie pramene o živote a diele solúnskych bratov *Život Konštantína* a *Život Metoda* (ďalej ŽK a ŽM). Výber týchto diel na preklad nebol náhodný. Preklady ŽK a ŽM vznikli preto, aby saturovali isté kultúrno-národné etické, filozofické, religiózne a špecifické potreby prijímajúceho prostredia; aby pomohli pochopiť dôležité problémy ľudského ducha, pretože je známe, že ľudstvo sa obracia k histórii aj cez preklad.

Zo vzťahu medzi minulým a súčasným možno vyvodiť, že úroveň súčasnej kultúry sa dá hodnotiť nielen literárnymi a inými hodnotami, ktoré boli utvorené v súčasnosti, ale aj podľa toho, do akej miery si spoločnosť osvojila a prisvojila duchovné hodnoty minulosti. V tomto vzťahu je úloha prekladu ako kultúrnej a sociálnej aktivity aktuálna. Táto funkcia je zvýraznená účasťou prekladu na kontinuite duchovných kultúr rozličných etníc, čo značí, že prostredníctvom prekladu sa percipujú tradície, pozitívne hodnoty a skúsenosti predchádzajúcich pokolení.

ŽK a ŽM vznikli vo veľkomoravskom období, počas existencie veľkomoravskej literárnej školy, ktorá sa významne zapísala do európskych dejín. Percepciu týchto dávnych literárnych textov zachovaných v cirkevnoslovanských odpisoch či modifikáciách komplikujú viaceré faktory, napr. starosloviensky grafický systém, rozdielne štylistické konvencie, zmena kultúrneho kódu čitateľa a iné. Z týchto dôvodov je potrebné sprístupniť tieto starobylé diela prostredníctvom prekladu.

Pri preklade staroslovienskych textov do slovenčiny vznikajú špecifické teoretické problémy týkajúce sa vzťahu jazyka prekladu k starosloviencine, vzťahu – originál (protograf) → odpis (prepis, modifikácia) → preklad, ako aj problémov spojených so semiotikou prekladu, t. j. pôsobenia faktoru času, kultúry a priestoru v preklade.

Prvý problém možno riešiť jednoznačne v tom smere, že pri prekladoch staroslovienskych textov do slovenčiny a slovanských jazykov všeobecne nejde (ako by to z povrchného, nesystémového prístupu bolo možné vysloviť) o intralingválny (vnútrojazykový) preklad, ale o preklad interlingválny (medzijazykový). Pri intralingválnych prekladoch ide totiž o opis generatívnych jazykovo-tematických operácií v rámci jednej jazykovej štruktúry na základe sémantickej synonymie (Originál / preklad 1983: 171). Starosloviencina z genetického hľadiska nie je historickým predchodcom slovenčiny, aj keď oba jazyky majú spoločnú praslovanskú bázu. Jazykovým základom staroslovienciny bol bulharsko-macedónsky dialekt, t. j. dialekt južnoslovanského pôvodu. Vývin slovenčiny však už v 9. - 10. storočí formovali činitele západoslovanského charakteru (Krajčovič 1988: 22) a zreteľná bola aj orientácia predkov dnešných Slovákov na západnú európsku kultúrnu sféru. Po Metodovej smrti r. 885 jeho žiaci boli vyhnaní z Veľkej Moravy a vyvíjali svoju činnosť na južnoslovanskom či východoslovanskom teritóriu.

Všetky tieto faktory nasvedčujú tomu, že starosloviensky jazyk vplýval na formovanie slovenčiny podstatne slabšie ako na iné slovanské jazyky, akými boli napr. bulharčina a ruština. Vzhl'adom na uvedené okolnosti a z hľadiska "vonkajších dejín" slovenčiny a staroslovienciny nejde o intralingválne (vnútrojazykové) preklady.

Pri druhom probléme treba zdôrazniť skutočnosť, že preklady ŽK a ŽM do slovenčiny (ani do iných slovanských jazykov) sa nemohli realizovať z originálov. ŽK a ŽM, ktoré vznikli ešte v 9. storočí, sa nezachovali. "Suplujú" ich – s istými výhradami –

najstaršie odpisy ŽK a ŽM v cirkevnoslovanskom jazyku, ktoré nesú stopy jazykových črt podľa lokalít, v ktorých odpisy vznikali. Zo ŽK sa zachovalo 59 odpisov, 8 z nich je južnoslovanskej proveniencie, ŽM poznáme v 15 prepisoch (odpisoch), ktoré sú východoslovanskej redakcie. V textoch sa neuskutočnili výraznejšie gramatické a štylistické zásahy, pretože cirkevný zákon vyžadoval pri odpisovaní sakrálnych textov presnosť a vernosť (Vilíkovský 1984: 69).

Tretí problém predstavuje viaceré možnosti prístupu k riešeniu komunikačnej temporálnej dimenzie v preklade (Popovič 1975: 274). Túto komunikačnú bariéru v podobe časového rozdielu medzi vznikom staroslovienskeho originálu ŽK a ŽM a zachovaným cirkevnoslovanským odpisom (napr. u ŽK je to vyše 500 rokov, u ŽM takmer 800 rokov) môže prekladateľ buď vyjadriť v približovaní dobových výrazových črt originálu (tento princíp označujeme ako historizáciu v preklade) alebo ich vzd'alovaním (princíp modernizácie prekladu).

So zreteľom na pôsobenie faktora kultúry v preklade staroslovienskych textov do slovenčiny, hodnotíme ich ako vnútrokultúrne, pretože nezachovaný prototyp, jeho odpisy i preklad vznikli v rámci jedného, slovanského kultúrneho kontextu a tvoria súčasť spoločnej tradície, tradície veľkomoravskej. Pri preklade sa neuskutočnila kontaminácia dvoch kultúrnych systémov, avšak spomínaná chronologická dimenzia posúva situáciu smerom k pôsobeniu medzipriestorového faktora (*ibid.*, 188) a zvyšuje napätie medzi textami najstarších prepisov a ich prekladov.

Naznačenú problematiku sme sa pokúsili sledovať na slovenských prekladoch staroslovienskych (cirkevnoslovanských) textov ŽK a ŽM, a to na preklade J. Stanislava (1934), P. Ratkoša (1977) a Š. Vragaša (1986). Preklad ŽK a ŽM vkomponovaný do diela P. Ratkoša *Pramene k dejinám Veľkej Moravy* (1964, 1968) urobil A. Miškovič. V istom výbere sú preklady ŽK a ŽM (aj iných staroslovienskych textov) v publikácii E. Paulinyho (1964) a E. Paulinyho – Š. Ondruša (1985).

V spomenutých vydaniach prekladov staroslovienskej literatúry uplatňujú sa rozdielne prekladateľské postoje. Preklad J. Stanislava preferuje historizujúci princíp, rešpektujúci kód podávateľa; možno ho hodnotiť ako filologicko-historiozofický (Liba 1981: 131), smerujúci (podľa štylistických variantov) do istej miery k typom reprodukčných prekladov.

J. Stanislav, prvý prekladateľ ŽK a ŽM na Slovensku, explicitne sformuloval svoju poetiku prekladu. V jeho preklade dominuje tzv. ponechávajúci princíp, ktorý je reprezentovaný historizáciou a exotizáciou (Hochel 1990: 33). Prekladateľ pretransformoval cirkevnoslovanský text do nového jazykového kódu v jeho celistvosti a úplnosti, čo sa odrazilo aj vo výbere jazykových prostriedkov. Akcentuje staršie lexikálne jednotky, výrazy, konštrukcie a frazémy (napr. zvolat' veľkým hlasom (*ibid.*, 27), prijať učiteľskú stolicu (*ibid.*, 18), odobrať sa na posledný súd (*ibid.*, 13), ako aj reálie, charakterizujúce čas, prostredie a spoločenskú realitu (napr. drungários, bibliotekár, patriarcha (*ibid.*, 17)) a iné. Používanie inventára archaizujúcich jazykových prostriedkov pomáha utvárať predstavu o starobylosti textu, zároveň však konkretizuje predstavu o špecifikách epochy, o filozofii, morálke, názoroch a pod. Výber jazykových prostriedkov takéhoto typu pridáva prekladu patinu starobylosti a dotvára kolorit, zvyrazňuje jedinečnosť a individualitu textu. Prekladateľ bral do úvahy religióznu podstatu cirkevnoslovanského textu, ktorý má charakteristické príznaky stredovekého myslenia. Pri voľbe historizujúceho princípu prirodzenú jazykovú zrozumiteľnosť textu zastierajú zložité metaforické vetné konštrukcie, symbolické vyjadrovanie a alúzie. Túto komunikačnú bariéru J. Stanislav čiastočne odstraňuje aparátom vysvetliviek, poznámok, výrazov v zátvorkách, ktoré tvoria tzv. neautorský recepčný návod (*ibid.*, 30).

V preklade P. Ratkoša a Š. Vragaša nastáva relatívne modernizovanie (Popovič 1975: 183), ktoré je evidentné na rovine mikroštylistiky. Prekladateľská metóda oboch prekladateľov smeruje k typom prekladov, ktoré by sme – nie celkom jednoznačne – mohli zaradiť k typu kontaminovaných prekladov (*Originál/preklad* 1983: 224), ktoré sú ovplyvnené viacerými faktormi, napr. tendenciou sprístupniť perцепčne náročný text pragmatickým zámerom, kultúrnym kódom čitateľa a pod.

Na relatívne modernizovanie prekladu u P. Ratkoša (1977) a Š. Vragaša (1986) poukazuje výber lexikálnych prostriedkov a syntaktických konštrukcií, ktoré korešpondujú so súčasnou jazykovou normou.

V preklade P. Ratkoša sú vynechané identifikačné citácie zo Starého a Nového zákona, čo znížilo religiózno-persuazívnu a argumentačnú hodnotu prekladu. Vo vtedajšom spoločensko-kultúrnom kontexte však nebolo veľa percipientov s náboženskou lektúrou, a preto identifikačné citácie sa mohli pokladať za

redundantné. V tejto súvislosti treba však poznamenať, že spoločenská situácia nebola priaznivá pre preklady tohto žánru, a teda ani pre citácie z Biblie. Preklad Š. Vragaša sa diferencuje od Ratkošovho prekladu iba jemnými modifikáciami a odchýlkami vo výbere jazykových prostriedkov. Výber týchto prostriedkov odzrkadľuje vývinovú dynamiku spisovnej slovenčiny v jednotlivých jazykových rovinách, najmä v lexikálnej, ktorá najcitlivejšie reaguje na spoločensko-kultúrny vývin a zmeny s ním súvisiace.

Obaja prekladatelia orientovali preklad smerom k príjemcovi, s cieľom zabezpečiť plynulú, neporuchovú recepciu textu. Časový faktor sa uplatnil v prospech príjemcu, čím sa síce zvýšila komunikatívnosť prekladu, ale stratil sa dobový štylistický kolorit staroslovienskeho textu.

Väčšinu súčasných (najmä generačne mladších) príjemcov prekladu môžeme hodnotiť ako tzv. nediferencovaných čitateľov prekladu, t. j. čitateľov prekladu, ktorí sú v styku s originálnym dielom odkázaní na preklad (*Originál/preklad* 1983: 248). Vzhľadom na kultúrno-historické a spoločenské podmienky v minulosti, nie sú dostatočne zorientovaní vo filozofii, náboženstve, v iných ideovo-estetických kategóriách. Nemajú dostatočné vedomosti o histórii Veľkej Moravy a činnosti Konštantína a Metoda. Z týchto dôvodov sa zdá byť najadekvátnejší preklad ŽK a ŽM, ktorý z pragmatických dôvodov zrozumiteľne oslovuje čitateľa, aby mu sprístupnil tieto vynikajúce diela staroslovienskej literatúry. Prirodzene, nie všetci percipienti budú jednoznačne za tento komunikatívny, modernizujúci typ prekladov ŽK a ŽM. Veľa závisí od tzv. skúsenostného komplexu čitateľa, jeho filozofických a estetických názorov.

Problémy semiotiky prekladu (čas, priestor, kultúra), ale aj iné otázky teórie prekladu, napr. posuny v preklade, typy prekladu spôsobujú ťažkosti najmä pri prekladoch textov z najstarších historických období. Temporálna divergencia medzi vznikom stsl. originálu, resp. cirkevnoslovanského odpisu a súčasným prekladom je zreteľná a veľká. Slovenskí prekladatelia sa usilovali riešiť túto divergenciu podľa vlastnej koncepcie. J. Stanislav ŽM a ŽK archaizoval, ponechal im jazykovú patinu starobylosti, zvolil historizujúci prístup, ale zároveň znížil komunikačnú hodnotu prekladu. P. Ratkoš a Š. Vragaš preklady relatívne modernizovali, zvýšili komunikatívnosť textu, pričom však ustúpil do pozadia dobový kolorit a tým aj patina starobylosti.

LITERATÚRA

- Hochel, B.
1990 *Preklad ako komunikácia*, Bratislava 1990.
- Jakobson, R.
1978 *O lingvističeských aspektach perevoda*, in: *Voprosy teorii perevoda v zarubežnoj lingvistike*, M. 1978: 16-24.
- Krošáková, E.
1985 *O prekladaní staroslovienskych analytických spojení do slovenčiny*, "Slovenská reč", 1985: IV: 193-197.
- Lavrov, P. M.
1966 *Materialy po istorii vzniknovenija drevnejšej slavjanskoj pis'mennosti*, in: *Trudy slavjanskoj komissij*, AN SSSR, Mouton & Co., The Hague-Paris 1966.
- Liba, P.
1981 *Kontexty populárnej literatúry*, Bratislava 1981.
- Mathauserová, S.
1984 *Nejstarší slovanské teorie prekladu*, "Československá rusistika", 1984: V: 198-201.
- Minčeva, A.
1981 *Za teksta na Makedonskija kirilski list i negovija avtor*, "Staroblgarska literatura", Sofija 1981: IX.
- Ondruš, Š.
1983 *Život Konštantína a Život Metoda očami súčasnej jazykovedy a literárnej teórie*, in: "Studia Academica Slovaca", red.: J. Mistrík, Bratislava 1983: XII: 289-402.
- Originál/preklad*
1983 *Originál/preklad. Interpretačná terminológia*, red.: A. Popovič, Bratislava 1983.

- Pauliny, E.
1964 *Slovesnosť a kultúrny jazyk Veľkej Moravy*, Bratislava 1964.
1980 *Konštantín Filozof ako teoretik prekladu*, "Revue svetovej literatúry", 1980: I: 165-169.
- Pauliny, E., Ondruš, Š.
1985 *Život a dielo Metoda, prvoučiteľ a národa slovienskeho*, Bratislava 1985.
- Popovič, A.
1975 *Teória umeleckého prekladu*, Bratislava 1975².
- Ratkoš, P.
1977 *Veľkomoravské legendy a povesti*, Bratislava 1977¹.
- Stanislav, J.
1934 *Životy slovanských apoštolov Cyrila a Metoda. Panónsko-moravské legendy*, Bratislava-Praha 1934².
- Vaillant, A.
1948 *La préface de Evangéliare vieux-slave*, "Revue des Études Slaves", Paris 1948: XXIV: 5-20.
- Vilikovský, J.
1984 *Preklad ako tvorba*, Bratislava 1984.
- Vragaš, Š.
1986 *Život Konštantína-Cyrila a Život Metoda*, Rím 1986.

РЕЗЮМЕ

Объектом исследования являются теоретические вопросы, возникающие при переводе старославянского языка (как древнейшего литературного языка славян) на современные славянские языки, главным образом на словацкий язык. Автор сосредотачивает своё внимание на вопросах семиотики перевода (проблема времени, культуры и пространства), а также на проблемах внутриязыкового и межъязыкового перевода. В следующей части она изучает расхождения, возникающие между рецепцией оригинала (в данном случае списка рукописных памятников) и рецепцией перевода в настоящее время. Большое внимание уделяется и стилистическим сдвигам в процессе рецепции.

THE TRANSLATION OF THE BIBLE INTO THE SLAVIC
LANGUAGES: BIBLICAL CITATIONS IN THE
LIVES OF CYRIL AND METHODIUS AND
THE FIRST SLAVIC BIBLE TRANSLATION

Henry R. Cooper, Jr.

Who first translated the Holy Scriptures of Christianity into Slavonic? When and where was this done? What was the fate of that first translation? These questions are far easier to ask than they are to answer. All the textbooks, and virtually all the scholars, agree that the first Bible translations were done by Constantine-Cyril (d. 869) and Methodius (d. 885). Most suggest that the translations were done probably no earlier than 855 and obviously no later than 885. Some insist they were done in Constantinople before the brothers left on their mission, while others insist with equal fervor that they were done “in the field”, during the brothers' stay in Great Moravia, wherever that may have been. Sooner or later every scholar cites as proof of these answers the two great medieval monuments which describe Constantine and Methodius' lives and deeds, the *Vita Constantini* (henceforth VC) and the *Vita Methodii* (VM). The former is extant in over seventy manuscripts, the oldest of which dates only to the second half of the fifteenth century, however. Traditionally, and probably also correctly, the author of this hagiography is considered to be Methodius, who may have written it immediately upon Constantine-Cyril's death in Rome. The latter text is extant in far fewer (16) manuscripts, however the oldest of them is part of the *Uspenskij sbornik*, which is usually dated as twelfth century. The author of the VM is unknown, but tradition again ascribes it to one of Methodius' successors, and internal evidence suggests it was written before the end of the ninth century.

So much has been known and accepted as accurate since the nineteenth century, when Slavic studies, including Cyrillo-Methodian studies, began; little has changed since then. Can we, should we, who stand on the threshold of the twenty-first century, be satisfied with these answers? Of course, yes, we should be satisfied if these answers are in fact correct. On the other hand, perhaps little has changed in the study of these fundamental questions because the old approaches to them have been exhausted or discredited. Perhaps it is time to turn once again *ad fontes*, to

the sources, and pose the questions anew. That is what I propose to do in this paper.

What exactly did the brothers translate, at least as far as the Bible is concerned? The two lives seem quite specific and unambiguous about it:

Въскореже се емоу богъ яви... и абие [тѣгда, Н. С.] сложи писмена, и начя беседу писати еуаггельскоую, еже искони бе слово, и слово бе оу [от, Н. С.] бога, и богъ бе слово, и прочяя (VC 14).

Да тоу яви бѣ философоу словеньскы книги, и абие оустроивь писмена и беседу съставиль... (VM 5).

The two brothers translated the daily prayer offices and the Saturday vigil-Sunday liturgy, and Cyril composed a homily or discourse based on the first verse of the Gospel according to John, which, according to the *Byzantine lectionary* (i. e., the listing of readings for each liturgical celebration of the year), is the Easter reading, and the very first passage of the evangelistarium (Gospel readings arranged according to their use during the liturgical year). But the VC does not record specifically that either Cyril or Methodius translated biblical texts *per sū* (other than John 1: 1, which is quoted). What Pope Hadrian II received from them when the brothers arrived in Rome in 868 is recorded as *книги словеньскыє*, which may have been the liturgical and office translations they had done, since the liturgy and the offices were then immediately celebrated and sung in Slavonic.

Admittedly both the VC and the VM are full of biblical quotes in support of Cyril and Methodius' activities among the Slavs. Lehr-Splawiński counted at least 82 in the VC: 57 from the Old Testament, and 25 from the New, of which 16 are specifically from the Gospels. In the VM there are 29: 13 Old Testament and 16 New Testament, of which 4 are from the Gospels (a fifth which he cites is probably not). Were these citations drawn from Cyril and Methodius' translation of Holy Scripture? My analysis of the Gospel citations suggests that they were not (cf. Kyas 1963, but Bláhová 1982). In comparing the oldest versions of the VC and the VM (plus variants) with the oldest Slavonic Gospel manuscripts (*Zographensis*, *Marianus*, *Savvina kniga*, the *Ostromir Gospel*, and *Assemanus*), only three of the VC citations correspond closely: the well-known Christmas prophecy Matthew 1: 23 ("Behold, a

virgin shall be with child ...”), the opening of John's Gospel (“In the beginning ...”), and the conclusion of Matthew's Gospel (“All power is given unto me ... Go ye, therefore, and teach all nations ...”). All the other citations exhibit some significant difference: either they are a loose paraphrase (Luke 6: 27-29, Luke 11: 9-10, Matthew 5: 45), a conflation (John 10: 27-28 with John 10: 3), a misquote (John 15: 13?, Luke 11: 52), or simply an alternative Slavonic rendering not paralleled in any other ancient Slavonic source. For the most part this last group of VC Gospel citations seems farther from the Greek than the other Slavonic translations (with one exception: Matthew 5:32, where for “divorced woman” VC 15 has *otpuštenojo ot moža* for Greek *apolelymenen*; the others have *podpěgo*). Of the four Gospel citations in the VM, three are extremely short, wellknown, and exact, while the fourth (Matthew 7: 15-16) is a loose paraphrase, and the fifth, if it is from Luke 23: 46, is a double misquote (it is only a single misquote if it is from Psalm 31/30: 5). Is it conceivable that the authors of the VC and the VM cited the Gospels from memory or from some written translation that is not fully consistent with the oldest extant Slavonic Gospel translations? Work on the citations from the Apostolus and the Old Testament suggests they are equally distant from later Slavonic translations.

Methodius' life on the other hand does mention specifically that Pope Nicholas “blessed the brothers' teaching and put the Slavonic gospel [*словеньское еванглие*, Н. С.] on the altar at St. Peter's” (VM 6). Unfortunately Pope Nicholas had died before the brothers reached Rome (VC 16 records correctly that it was Pope Hadrian who received them and that he accepted simply “Slavonic books”), thus undermining somewhat the credibility of this passage. Later (VM 8) Pope Hadrian is quoted as commanding that at any Mass celebrated for Slavs „първее чьтоуть апль и еванглие римьскы таче словеньскы”, which would seem to imply reading of texts in two languages. However, immediately preceding this the Pope notes that he had consecrated and sent Methodius to the Slavs to “explain Scriptures” in their language („сказая книги в языкъ вашъ”): that might imply oral interpretation, not written translation, of the Scriptures into Slavonic. One must take into account, however, that at the end of that chapter the Pope threatens to excommunicate anyone who reviles „книгы языка вашего”.

Finally, however, the VM does give an explicit description of the translation of biblical texts by the two brothers, in Chapter 15: using two priests who were „скорописця” and working over a period of six months, “from March to the 26th of October [884?, H. C.]”, Methodius:

... преложи въбързе вься книги вься испльнь разве макавеи от гръчьска языка въ словюньскъ.

Furthermore it notes:

... пьсалтырь бо бе тъкъмо и еванглие съ апльмь и избъраными слоужбами црквьными съ философьмь преложилъ вьпървее. Тгдаже и номоканонъ рекъше законуу правило, и отчьскыя книги преложи.

This passage has been commented on repeatedly, for it has many problems. In the first place March to October is not six but eight months, and the phrase “two priests скорописця” is not in the dual but plural. But this problem was solved (Mathiesen 1967) by positing that the VM was originally written in glagolitic, and that when it was transcribed into cyrillic, glagolitic “v” (numerical value 3) was simply transposed into cyrillic “v” (numerical value 2), and glagolitic “dz” (numerical value 8) into cyrillic “dz” (numerical value 6). One should note, parenthetically, that correcting those errors effectively doubles (from 2 x 6 into 3 x 8) the number of monkmonths Methodius took to complete his translation, so that the work was done perhaps in less haste than originally thought.

What is of particular interest here is not only the text's stress on speed, but on completeness: all the biblical books, each one in its entirety, except Maccabees, the four books of which bring to a close the Slavonic Old Testament. As far as I can tell, all scholars have always taken this passage to mean that Methodius finished translating everything in the Christian Bible, both the Old and New Testaments, which he and his brother had not translated before. And this assumption would seem to accord with the way Scripture is used in the worship of the Orthodox Church, which reads only a portion of the canon of Holy Scripture in its yearly cycle of readings (Metzger 1963: 81): not even all the gospels are read (90. 6% of John, for example, but only 27% of Mark), and little of

the Old Testament (except for the Psalter). First Cyril and Methodius together did what was absolutely necessary to have a complete cycle of readings for the Christian year, and then Methodius did the rest. This, at least, is the traditional reading of VM 15.

This passage is problematical, however, for more than its numbers. Its odd insistence on translating everything completely, its qualifier that Methodius did all the books except Maccabees, its mention that he translated “from Greek into Slavonic”, and finally even the pluperfect afterthought, that Cyril and Methodius had translated some biblical books before this point, require that we pay closer attention to the claims being made here. Let us also keep in mind that the complete translation of the Bible that St. Methodius did in 884 has never been found: most scholars have assumed it was lost during the brutal expulsion of Methodius' disciples from Moravia immediately after his death.

Why stress that Methodius translated “from the Greek into Slavonic”? It seems unlikely that either Cyril or Methodius would have considered translating the New Testament from anything other than its original language (Greek), which was after all their native language as well. To date, no study has shown convincingly that the earliest extant scriptures in Church Slavonic were translated from anything other than a Greek base. But of course the possibility always existed of translating Old Testament books either from the Greek of the Septuagint or from the original Hebrew (and Cyril at least knew Hebrew). St. Jerome used the Hebrew scriptures in producing the Vulgate, so there was a holy precedent for using them. To stress that the translation was from the Greek suggests to me that Methodius – whose knowledge of Hebrew in any case is not attested – used the Septuagint, which for the Orthodox church to the present day is the only canonically acceptable version of the Old Testament. Add to that the qualifier about everything but Maccabees, and one wonders if the passage is not really suggesting that Methodius translated not the whole Bible, but the whole Old Testament, and that he did not quite finish the last books of it before he was forced (by health, impending death, whatever) to stop.

There is another possible reading of this passage as well. The stress on Methodius' translating everything from the Greek may indicate that his and his brother's earlier translations were not from Greek biblical manuscripts. After all, they were working in an area

where Latin biblical manuscripts would have been much more readily available than Greek, since Pannonia and Moravia (wherever it was) were in the missionary sphere of the western church, and the local population had already been evangelized by western missionaries, some of whom – the Iro-Scottish monks – were known for their translating activities. Perhaps the brothers had adapted these translations for their initial use. Then Methodius, during his visit to Constantinople in ca. 880, may have collected the necessary Greek manuscripts to retranslate their earlier work (the VM does record that he received gifts from the emperor while he was there – what better gifts for a scholar than books?). Subsequently all these translations – both the Latin-based and the Greek-based – were lost.

Or, one more possibility: the VC is reticent about written translations of biblical texts (at least in my reading of it). Perhaps what Cyril and Methodius had provided were oral translations of the Psalter, the Gospel and the Apostolos. This hypothesis is less remarkable than perhaps it seems at first: it is quite conceivable that both Cyril and Methodius knew the Psalter in Greek by heart (monks typically recite it in its entirety at least once a month and its poetic structure makes memorizing it straightforward). They and their disciples may have quickly committed a Slavonic Psalter to heart in the same way, without writing it down. We already know that the Pope had ordered that at Mass the Gospel and Apostolos be read in Latin first, whereupon a Slavonic oral translation could immediately have been provided. So, yes, Cyril and Methodius had translated the Psalter, Gospel and Apostolos before, but it was only Methodius and his speedwriting priests who had committed them to parchment later on, revised and improved, perhaps, on the basis of Greek manuscripts Methodius had recently obtained.

Whatever it was specifically, Methodius' accomplishment as recorded in VM 15 was monumental, and all the more remarkable if one considers that whole Bibles were an extreme rarity in the medieval world and quite massive in size. Typically they were found only in the libraries of major monasteries or cathedral churches. They were not necessary for the ordinary needs of parishes or parishioners, clergy or lay, and they certainly were not suited for missionary work, especially in the tumultuous conditions to be found in Moravia at the time. The Slavs' neighbors did not have Bibles in their own languages. Most important, however, this

monumental work vanished, and the search for any trace of it in subsequent Slavic Bible texts – be they the oldest Old Church Slavonic codices, Croatian breviaries, or the first extant full Slavonic Bible of 1499 – has not been notably successful (despite numerous claims to the contrary; cf. Kyas, for example).

Consider the following as well: VM 15 claims Methodius translated at one and the same time not only the whole Bible (or at least the whole Old Testament, which was big enough), but also the nomocanon (a compilation of church laws) *and*, quite vaguely, “the fathers’ [i. e., *patristic*, H. C.] books”. Grivec (1960) disputes this passage, claiming rather that the nomocanon had been translated earlier. And no collection of patristic writings ascribable to Methodius has been identified. In addition, such a collection could have been as huge as his complete Bible. And, once again, the need for such a major translation is as obscure as that of the whole Bible itself: only a major religious or educational center could justify having one.

In the absence of any hard facts, we are faced with a terrible quandary here: which, if any, biblical texts did Cyril and Methodius translate? To answer this question without resorting to hypotheses or inferences (even if they are my own and I love them dearly), I propose we consider again what exactly the VM is trying to tell us (and with this I will conclude).

If we look at the last chapters of the VM, from Chapter 10, when Methodius is returned to Moravia by the pope after his imprisonment in Germany, to Chapter 17, where his holy death is recorded, we see a pattern, based, as Riccardo Picchio taught us many years ago, on a biblical thematic clue, in this case, 2 Timothy 3-4, where St. Paul, approaching death, admonishes his beloved disciple Timothy to keep the faith, makes his last will and testament and appoints his heir. For example, St. Paul makes prophecies, and so does St. Methodius. The author in VM 11 offers to relate “one or two”, but in fact he gives three, the last of which alludes to Paul’s advice to Timothy, especially 4: 3-4: “For the time will come when they will not endure sound doctrine; but after their own lusts shall they heap to themselves teachers, ...” (Neither Lehr-Splawiński nor Kantor note this parallel in their translations of VM.)

In VM 12 Methodius is compared in his fight against evil to Moses in his struggle with Dathan and Abiram (Slavonic *Дафан и Афирои* – Numbers 16: 12). In 2 Timothy 3: 8 the reference is to

Moses' contest with Jannes and Jambres (Slavonic *Ианнии и Амъериу* – Exodus 7: 11). Though the opponents are different, the structure and point of each Old Testament reference are the same: seducers will arise to mislead the weak and confound the strong, but they will not prevail.

The final chapters of the *vita* depict Methodius and the Pope (*via* a papal letter – VM 12), Methodius' traveling to meet with the Byzantine emperor and the patriarch (VM 13), and Methodius' traveling to meet with the Holy Roman emperor (VM 16). Between these two travelogues, in VM 14, is a quote from St. Paul (2 Cor 11: 26-27, but also less obviously from 2 Timothy 3: 11), on the hazards an apostle must endure when traveling. These chapters clearly depict an exalted Methodius in contact with the powerful of his day, as well as a Methodius who follows in the footsteps of St. Paul.

Finally, the last chapter, VM 17, cites 2 Timothy 4 outright:

течение же съвърши, вероу съблюде, чая правьднаго венца, и понеже тако оугожь боу, възлюбленъ бысть.

And, as in 2 Timothy 4, Methodius appoints his successor, Gorazd, and then the Slavic apostle dies (1 Cor 9: 22):

вси бывшааго вьсячьско вьсемъ, дабы вься приобрель.

So St. Paul, and so too St. Methodius.

But how does VM 15, the famous passage on Bible translation, fit into this integrated structure? Omitting it altogether would do no violence to the conclusion of the *vita*. In fact, it would improve the flow of the text, for it would make Methodius' meeting with the Holy Roman emperor follow immediately upon the letter from the pope and his meeting with the Byzantine emperor and the patriarch. If it is an insertion, however, it must have been an early one, for no manuscript is without this chapter. Moreover, and most important, this reference to Holy Scripture is fully supported by a passage in 2 Timothy 3, verses 15-17, especially 16: "All scripture is given by inspiration of God ...".

Thus a reference to Scripture might be expected here, if the author of the VM is following his biblical model faithfully. A grounding in scripture was to be a guarantee of Paul's successor's orthodoxy. How true this would be of Methodius' successors as

well! Especially if these were scriptures translated explicitly from the Greek, translated explicitly not only by Methodius alone but by both the already sainted Cyril and Methodius together. I will suggest the following alternative reading of the two lives: their internal evidence does not convince me that Cyril made definitive, enduring translations of Holy Scripture, and it leads me to question profoundly what exactly Methodius may have translated, particularly in the tumultuous conditions of Central Europe at the time. Moreover, to return to a point I raised but left hanging earlier, the very high quality of all those biblical translations scholars have ascribed to Cyril and Methodius over the past two hundred years suggests to me that native Slavs, not learned Greeks who knew Slavonic very well, made them or at least first recorded them.

I wonder, therefore, if VM 15, modeled on 2 Timothy, is really suggesting that not Methodius but Methodius' successors composed in writing, perhaps in the peaceful, prosperous scholarly centers of Preslav or Ohrid, under the protection of a sympathetic Slavic emperor, the first full translation of Holy Scripture into Slavonic, based on translations they had heard from their saintly teachers. By crediting Methodius with this translation, VM 15 is really claiming not his and his brother's literal authorship of the first Slavic Bible, but their holy sponsorship. Pseudepigraphy – falsely ascribing a work to a famous writer – was a frequent and honorable phenomenon in the premodern world. If that is the case, then the VC and the VM were written without the benefit of a full Slavonic translation of Holy Scripture at hand, which accounts for the distorted quotations of Holy Scripture in them. This hypothesis also allows us to imagine that Slavs, not Greeks knowing Slavonic well, translated the Bible into Slavonic. And it makes more proximate in time – maybe the early tenth century – and location – Macedonia or Bulgaria – the first Slavic Bible translation and the oldest Slavonic Bible manuscript, the *Codex Zographensis*.

BIBLIOGRAPHY

- Bláhová, E.
1982 *Biblejskie citaty v Uspenskom sbornike XII-XIII vv., "Cyrillomethodianum"*, 1982: VI: 67-79.
- Dvorník, Fr.
1933 *Les légendes de Constantin et de Méthode vues de Byzance*, Orbis, Praha 1933.
- Grivec, F.
1960 *Konstantin und Method: Lehrer der Slaven*, O. Harrassowitz, Wiesbaden 1960.
- Hauptová, Z.
1971 *Lexikální rozbor Apoštola Eninského. Příspěvek k analýze nejstaršího textu staroslověnského apololáře*, "Studia palaeoslovenica", ed.: B. Havránek, Academia, Praha 1971: 105-121.
- Kyas, V.
1963 *Starozákonní citáty v Životě Konstantinově a Metodějově ve srovnání se staroslověnským parimejníkem*, "Slavia", 1963: 32/3: 367-374.
- Lavrov, P. A.
1966 *Materialy po istorii vozniknovenija drevnejšej slavjanskoj pis'mennosti*, in: *Trudy slavjanskoj komissii*, AN SSSR, Leningrad 1930: I (Mouton & Co., The Hague – Paris 1966).
- Mathiesen, R.
1967 *An Emendation to the Vita Methodii XV. I*, "Zbornik za filologiju i lingvistiku", 1967: X: 51-53.
- Metzger, B. M.
1963 *Chapters in the History of New Testament Textual Criticism*, B. Eerdmans, Grand Rapids, Michigan 1963.

- Picchio, R.
1977 *The Function of Biblical Thematic Clues in the Literary Code of Slavia Orthodoxa*, "Slavica hierosolymitana", 1977: I: 1-31.
- The Vita of Constantine*
1976 *The Vita of Constantine and the Vita of Methodius*, trans., eds.: M. Kantor, R. S. White, Michigan Slavic Publications, Ann Arbor, Michigan 1976.
- Żiwoty Konstantyna i Metodego*
1959 *Żiwoty Konstantyna i Metodego (obszerne)*, trans.: T. Lehr-Spławiński, Instytut zachodni, Poznań 1959.

РЕЗЮМЕ

Ответ на вопрос, кто впервые перевёл Библию на славянский язык, стал уже шаблонным: святые Кирилл и Мефодий, во второй половине девятого века, в так называемой Великой Мораве, где бы она ни находилась. Ответ так же стар, как и само славяноведение, но правилен ли он? На основании сравнения евангельских цитат в *Житиях Кирилла и Мефодия* с теми же самыми местами в самых древних славянских рукописях евангелий, автор доклада выдвигает следующие гипотезы: Мефодий к концу жизни (ср. гл. XV его *Жития*) перевёл не всю Библию, а только Ветхий завет; или братья вместе переводили не с греческих, а с латинских рукописей Библии, и этот перевод потом пропал после изгнания их учеников из Моравы; или их библейские переводы были только устными, никогда не записанными в окончательной форме. Кроме того автор доклада предполагает, что гл. X» *Жития Мефодия*, подражая известному зачалу из второго послания св. Павла Тимофею (3-4), указывает не на Мефодия как переводчика Библии, а на его славянских учеников, живших в уже более благоприятных условиях в Болгарии царя Симеона.

Slavica tergestina 5 (1997)

ПОЭМА *МОСКВА – ПЕТУШКИ* В. ЕРОФЕЕВА
В ПЕРЕВОДЕ НА ВЕНГЕРСКИЙ
(К ВОПРОСУ О ТОМ, ЧТО ЖЕ ТАКОЕ
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ПЕРЕВОД)

V. Komarov

Художественный перевод, как известно, вещь серьёзная. А также ответственная. Ответственная перед автором оригинала. Потому что не всё может быть передано дословным переводом. Потому что ... но лучше обратимся к какому-нибудь примеру из классики. Допустим, к гоголевским *Мёртвым душам*. Однажды на семинаре я обратил внимание студентов на интересную казалось бы *ошибку* Гоголя. В одиннадцатой главе бричка убегающего из губернского города NN Чичикова была остановлена похоронной процессией. Узнав, что хоронят прокурора, „исполненный неприятных ощущений, он тот же час спрятался в угол, закрыл себя кожей и задёрнул занавески” (Гоголь 1984: V). Затем следует предложение с этой самой интересной *ошибкой*:

Селифан и Петрушка, набожно снявши шляпу, рассматривали, кто, как, в чём и на чём ехал, считая числом, сколько было всех и пеших и ехавших, а барин, приказавши им не признаваться и не кланяться никому из знакомых лакеев, тоже принялся рассматривать робко сквозь стёклышка, находившиеся в кожаных занавесках: за гробом шли, снявши шляпы, все чиновники (там же, 219; здесь и ниже курсив мой, V. К.).

Двое рассматривали, снявши шляпу (то есть одну на двоих); а все шли, снявши шляпы (то есть каждый свою). У одного из студентов был венгерский перевод, в котором этой разницы не ощущалось.

Гоголь же не случайно сделал эту *ошибку*. Он даже предупредил внимательного и дотошного читателя, симметрично, в начале и в конце пространного предложения, расставив Селифана и Петрушки *шляпу* и *шляпы* чиновников. В следующем абзаце начинается знаменитый гоголевский гимн России („Русь! вижу тебя, из моего чудного, прекрасного далека тебя вижу...”), продолжается

который на последней странице поэмы („Эх, тройка! Птица тройка, кто тебя выдумал? Знать, у бойкого народа ты могла только родиться...”) и заканчивается собственно финалом *Мёртвых душ*. А в этом финале звучит вопрос, ответ на который пока ещё не получен: „Русь, куда ж несёшься ты?” (*там же*, 1984: V: 221, 248, 249).

Начиная с третьей главы, Гоголь подсказывает нам, что характерам трёх седоков брички (Чичикову, Селифану и Петрушке) соответствуют нравы трёх лошадей, в неё запряжённых (Чубарого, Гнедого и Заседателя). Происходит своеобразная и постепенная кентавризация: люди срастаются с лошадьми. Птица-тройка и представляет собой, если угодно, некий кентавр с одним телом и одной головой, потому и единой шляпой.

У Венедикта Ерофеева с текстом происходит примерно то же самое. В нём весьма важно и значение слова, и его место, и даже интонация (отсюда и богатство графических средств). И, может быть, поэтому обозначил Ерофеев жанр *Москвы – Петушков* поэмой.

Рассмотрим для начала одну сцену. Веничка, герой поэмы, войдя в ресторан Курского вокзала, сразу же был оповещён вышибалой о том, что „спиртного ничего нет”. В зале ресторана звучала запись мерзкого – по мнению Венички – голоса Козловского. Далее процитирую:

- Будете что-нибудь заказывать?
- А у вас чего – только музыка?
- Почему „только музыка”? Бефстроганов есть, пирожное, вымя...
- Опять подступила тошнота.
- А херес?
- А хересу нет.
- Интересно, вымя есть, а хересу нет!
- Оччень интересно. Да. Хересу нет. А вымя есть (Ерофеев 1991: 12).

В венгерском переводе предпоследняя реплика выглядит и звучит следующим образом: “– Érdekes, vese van, de vermut nincs!” (Ерофеев 1994: 15).

Вермут – не херес, и вымя – не почки. Удивление Венички вызвано вовсе не тем, что нет ничего спиртного и что слухи о хересе не оправдались. Поражает его другое: вымя, редкое деликатесное блюдо, имеется, а хересу, не менее редкого и деликатесного напитка, нет. Для венгерского читателя вермут, если это не Мартини, напиток повседневный, доступный буквально всюду (как впрочем и некогда в СССР); почки, если это не паштет из гусиной печёнки, обыденное меню. Параллель есть, а уровни – разные. Не получивший вермута и отвергнувший почки Веничка на самом деле выглядит заурядным алкоголиком, а поэма В. Ерофеева, как это мне неоднократно приходилось слышать в венгерской аудитории, роман об алкоголике.

Веничка (герой наш) вовсе не случайно просит херес, а Венедикт (Ерофеев) не случайно предлагает ему вымя. Как не случайно Чехов в рассказе *Толстый и тонкий* пишет о тайном советнике (толстом), что „пахло от него хересом и флердоранжем”, а от его друга детства, всего лишь коллежского ассессора (тонкого) „пахло (...) ветчиной и кофейной гущей” и – только (Чехов 1982: 12).

Вермут тоже встречается на страницах поэмы. После рабочих смен по укладке кабеля в Шереметьево (осенью 1969 года Ерофеев работал там и там же и тогда же написал *Москву – Петушки*. В главе *Чухлинка – Кусково* читаем о вермуте следующее:

А потом – известное дело: садились, и каждый по-своему убивал свой досуг, ведь всё-таки у каждого своя мечта и свой темперамент: один – вермут пил, другой, кто попроще – одеколон „Свежесть”, а кто с претензией – пил коньяк в международном аэропорту Шереметьево (Ерофеев 1991: 34).

Вермут в переводе назван вермутом, одеколон – одеколоном, коньяк – коньяком. Широта шкалы и её разнообразие – сохранены. Однако весьма важно и то, что все – просто пьющие, попроще и с претензией – пьют хоть и разное, но одинаково много, что у Ерофеева передаётся глаголом *пил*: пил вермут, одеколон, коньяк. В венгерском переводе тот, кто с претензией, коньяк *посасывал*: “konyakot szopogatott” (Ерофеев 1994: 30).

О том, что пьющие из всех слоёв тогдашнего советского общества употребляют спиртное одинаково, убедительно говорит следующее место в тексте оригинала:

Вон – справа, у окошка – сидят двое. Один такой тупой-тупой и в телогрейке. А другой такой умный-умный и в коверкотовом пальто. И пожалуйста – никого не стыдятся, наливают и пьют. Не выбегают в тамбур и не заламывают рук. Тупой-тупой выпьет, крикнет и говорит: „А! Хорошо пошла, курва!” А умный-умный выпьет и говорит: „Транс-цен-ден-тально!” И каким праздничным голосом! Тупой-тупой закусьвает и говорит: „Заку-уска у нас сегодня – блеск! Закуска типа «я вас умоляю!»” А умный-умный жуёт и говорит: „Да-а-а... Трас-цен-ден-тально!...” (Ерофеев 1991: 25-26).

У Ерофеева противопоставление этих героев происходит параллельно с их сближением. Это отражается и в структуре предложений. Ерофеевская проза помимо всего прочего интересна своим внутренним ритмом. В данном случае это позволяет, с одной стороны, привести участников вышеприведённой сцены к общему знаменателю, а, с другой стороны, – как это ни парадоксально – неимоверно удалить их друг от друга. В переводе это почти не передаётся. Для наглядности сравним соответствующие места оригинала и перевода. Интересующие нас места будут выделены курсивом.

В начале они крайне противопоставляются друг другу в описании внешности:

Один <i>такой тупой-тупой</i> и в <i>телогрейке</i> .	А другой <i>такой умный-умный</i>	и	в <i>коверкотовом пальто</i>	<i>Az egyik, aki melegítőben van, tompa agyú. A másik meg szövetkabátot visel és főokos</i>
(Ерофеев 1991: 25).				(Ерофеев 1994: 25).

Это подчёркивается употреблением в обоих случаях указательного местоимения *такой*, возводимого последующими удвоенными прилагательными в превосходную степень: *такой тупой-тупой* и *такой умный-умный*. Необходимо также сказать, что *умный-умный* и *тупой-тупой* определены таковыми чисто визуально: умное и тупое выражение лица. Их одежда таким же образом удаляет их друг от

друга на противоположные полюса: тупой-тупой в *телогрейке* – умный-умный в *коверкотовом пальто*. Однако предложения построены по одной схеме:

один *такой-то* и в *таком-то* одеянии   другой *эдакий-то* и в *эдаком-то* одеянии.

В переводе эта схема нарушена. Тем самым сглажено противопоставление. Ослабляется оно и довольно приблизительным переводом: *телогрейка* на венгерском языке передана как *melegítő* (т.е. как *спортивный* или *тренировочный костюм*), а *коверкотовое пальто* как *szövetkabát* (т.е. как *пальто из ткани*). Спортивный костюм и просто пальто в разное время может носить один и тот же человек; телогрейку (в данном случае имеется в виду ватник) и коверкотовое пальто – навряд ли. У Ерофеева это противостояние сознательно акцентируется прилагательным *коверкотовый*. Коверкот – „сорт плотной шерстяной ткани” (Ожегов 1975: 257), а не ткань вообще. Искажается структура и тем самым не передаётся смысл отсутствием повторяющегося союза *и*, в данном случае выполняющего не просто и не только соединительную функцию. Союз этот имеется в каждом предложении этого описания, а в выделенных местах, как увидим ниже, играет весьма важную роль.

<p><i>Тупой-тупой выпьет, крикнет и говорит: „А! Хорошо пошла, курва!” А умный- умный выпьет и говорит: „Транс-цен-ден-тально!”</i> (Ерофеев 1991: 26).</p>	<p><i>A tompa agyú iszik, megköszörüli a torkát, majd így szól: “Aj, de jólesett, a kurva életbe!” A főokos is iszik, majd így szól: “Transz-cen-den-tális!”</i> (Ерофеев 1994: 24).</p>
---	--

В этих предложениях повторяющийся союз *и* уже буквально соединяет обладателей телогрейки и коверкотового пальто. В переводе структура была бы почти сохранена, не будь вставлена перед глаголом *iszik* (буквально – *пьёт*) частица *is* (тоже, также). Но и не только в этом дело. В тексте оригинала союз *и* передаёт ещё и очерёдность в обоих случаях совершенного и несовершенного видов: *выпьет* и *говорит*. Закуска необходима и тупому и умному, но – второстепенна и для того, и для

другого. В следующих предложениях структура и ритм в переводе на венгерский нарушены полностью:

<p><i>Тупой-тупой закусывает и говорит:</i> „Заку-уска у нас сегодня – блеск! Закуска типа «я вас умоляю!»” <i>А умный-умный жуёт и говорит:</i> „Да-а-а... Транс-цен-ден-тально!...” (Ерофеев 1991: 26).</p>	<p><i>A tompa agyú eszik néhány falatot, és azt mondja:</i> “Milyen pompás harapnivalónk van ma! Szinte megszólal, hogy könyörgök, vegyen még!” <i>A főokos meg rágás közben rábólint:</i> “Bizony-bizony... Transz-cen-den-tális!” (Ерофеев 1994: 24).</p>
---	---

Конструкции типа *выпьет и говорит, закусывает и говорит, жуёт и говорит* нужны в речи Венички именно для того, чтобы поставить на один уровень представителей разных слоёв общества – рабочего (или деклассированного элемента, во всяком случае – алкоголика обыденного) и интеллигента (алкоголика, некогда изящного, а теперь – только выдающего себя за такового). В венгерском переводе вместо *закусывает и говорит* – *eszik néhány falatot, és azt mondja* (дословно: *ест несколько кусков и говорит*); вместо *жуёт и говорит* – *rágás közben rábólint* (дословно: *в ходе жевания кивает*). Необходимо подчеркнуть, что обратный перевод именно дословен. Венгерский текст отнюдь не выглядит неуклюжим. Неуклюжи только лексические и синтаксические изменения, потому что сбивают ритмичность и не выражают блестящее завершение изумительной виртуозности словесного пассажа, в начале которого тупой и умный были полярно противопоставлены, затем сведены одинаковыми действиями и в конце-концов, проведённые через общую нулевую точку, вновь разведены с переменной полюсов. Эмоции умного выражены одним и тем же – возможно, непонятным тупому – нерусским словом *трансцендентально*, которое тот, смакуя, произносит по слогам. Реакция тупого отразилась в пусть и не высоком по стилю, но – живом тогдашнем русском слове.

Насколько не случайно и отнюдь не гипотетично всё вышесказанное свидетельствует то, что *сближение* и *отдаление* этих безымянных героев подготовлено страницей раньше, где Веничка рассуждает о глазах соотечественников: подавив спазмы после очередного выпитого в

тамбуре стакана и вернувшись в вагон, он с радостью для себя отмечает, что попутчики смотрели на него безучастно:

Мне это нравится. Мне нравится, что у народа моей страны глаза такие пустые и выпуклые. Это вселяет в меня чувство законной гордости. Можно себе представить, какие глаза там. Где всё продаётся и всё покупается: ...глубоко спрятанные, притаившиеся, хищные и перепуганные глаза... Коррупция, девальвация, безработица, пауперизм... Смотрят исподлобья с неутраченной заботой и мукой – вот какие глаза в мире Чистогана...

Зато у моего народа – какие глаза! Они постоянно навывкате, но – никакого напряжения в них. Полное отсутствие всякого смысла – но зато какая мощь! (Какая духовная мощь!) Эти глаза не продадут. Ничего не продадут и ничего не купят. Что бы ни случилось с моей страной. Во дни сомнений, во дни тягостных раздумий, в минуту любых испытаний и бедствий – эти глаза не сморгнут. Им все божья роса... (Ерофеев 1991: 24-25).

С точки зрения перевода и передачи смысла нас могут заинтересовать в этом отрывке как минимум два момента: игра слов и интертекстуальность. Высказывание Венички *глаза не продадут* необходимо понимать как – *глаза не предадут*, „совершив измену из корыстных побуждений” (Ожегов 1975: 559), что является вторым значением этого глагола. В следующем предложении то же слово употребляется в первом его значении: *ничего не продадут*. В этом случае *продать* – „отдать кому-н. за плату (о торговой сделке)” (Ожегов 1975: 559). В венгерском переводе в обоих случаях употребляется только второе значение. Ирония остаётся, но глубины и горечи её ощутить невозможно. Затем Веничка дословно цитирует начало тургеневского стихотворения в прозе: „Во дни сомнений, во дни тягостных раздумий о судьбах моей родины – ты один мне поддержка и опора, о великий, могучий, правдивый и свободный русский язык! – Не будь тебя – как не впасть в отчаяние при виде всего, что совершается дома? – Но нельзя верить, чтобы такой язык не был дан великому народу” (Тургенев 1946: 561). Ирония безучастных и немых глаз соотечественников переходит в отчаяние „при виде

всего, что совершается дома”. Не могу представить, как это можно передать переводом. Это стихотворение заучивается наизусть каждым русским школьником и держится в памяти каждого образованного русского. В процитированном отрывке тургеневские слова структурно балансируются описанием глаз мира Чистогана, что также является своеобразной интертекстуальностью – приведением высказываний из тогдашних средств массовой информации о западном образе жизни. Перевод лишается и этого.

Выражение глаз у *тупого* и *умного* такое же, как и у всех их соотечественников, но показывает оно представителей противоположных типов, имеющих один и тот же родной язык, но говорящих на разных языках. А без уяснения этого никак не понять, для чего появляется позднее разговор о разбуженном декабристами Герцене и почему *умный* после этого называется в тексте декабристом. Сквозная ирония оригинала обрывается в венгерском переводе переименовыванием *тупого* в *декабриста*, а *Moszkva – Petuski* перестаёт быть поэмой.

Искажение смысла текста оригинала часто перемежается простыми недоразумениями. Например, ангелы пропели Веничке, которого тошнило и мучило после ночёвки в чужом подъезде: „*А ты походи, легче будет, а через полчаса магазин откроется: водка там с девяти, правда, а красенького сразу дадут...*” (Ерофеев 1991: 9). В венгерском переводе „*a красенького сразу дадут...*” передано как “*de vörösbort azonnal kaphatsz...*” Vörösbor – красное виноградное вино. Красенькое, по крайней мере в момент создания *Москвы – Петушков*, – любое вино, портвейн, вермут, и даже – ликёр, настойки; словом любое спиртное до 30%, которое можно было купить до 9 часов утра.¹ Вот если бы ангелы пропели „*сухонького сразу дадут*” тогда – иное дело. Это можно подтвердить и самим текстом поэмы. В главе *43 километр – Храпуново*, Веничка просвещает нас относительно коктейлей типа Поцелуй следующим образом:

---

1 Спиртные напитки крепче 30% в те времена продавались только после девяти утра. В семидесятые годы этот порог был поднят до одиннадцати часов, а затем и до двух пополудни. Сегодня в России спиртное продаётся днём и ночью и на каждом углу...

Объяснить вам, что значит „Поцелуй”? А „Поцелуй” значит: смешанное в пропорции пополам-напополам *любое красное вино* с любой водкою. Допустим: сухое виноградное плюс перцовка или кубанская – это „Первый поцелуй”. Смесь самогона с 33-м портвейном – это „Поцелуй, насильно данный”, или, проще, „Поцелуй без любви”, или, ещё проще, „Инесса Арманд” (Ерофеев 1991: 84-85; *курсив мой*, V. К.).

Кстати 33-й портвейн² переведён как 33-процентный портвейн.

Или, например, что может сказать венгерскому читателю такое: „vettem két üveg kubánit”? (Ерофеев 1994: 18). Наверное, только то, что купил Веничка нечто кубанское, с Кубани. А Веничка купил две бутылки кубанской водки. А в конце перечисления того, что прихвачено им в магазине в дорогу добавляет: „И ещё какое-то красное. Сейчас вспомню. Да – розовое крепкое за рупь тридцать семь” (Ерофеев 1991: 18). *Красное* как и в вышеупомянутом случае переведено дословно, а *розовое крепкое* как *jobbfejta rosét*. За рубль тридцать семь даже в конце шестидесятых (во время написания *Москвы – Петушков*) ничего качественного получить было нельзя, разве что вермут, называемый в народе *сверхмут*. Уж если качественное вино, то сюда больше подходит херес. Тот самый, который в венгерском переводе был заменён повседневным вермутом.

Да и сам автор поэмы не раз высказывает недоброжелательное отношение своего героя к розовому крепкому (а через него – да-да! – ко всему спиртному):

Я вынул из чемоданчика всё, что имею, и всё ощупал: от бутерброда до розового крепкого за рупь тридцать семь. Ощупал – и вдруг затомился и поблёл. Господь, вот ты видишь, чем я обладаю? Но разве это мне нужно? Разве по этому тоскует моя душа? Вот что дали мне люди взамен того, по чему тоскует моя душа! А если б они дали того, разве нуждался бы я в этом? Смотри, Господь, вот розовое крепкое за рупь тридцать семь... (*там же*, 22).

---

2 33-й портвейн называется так по его порядковому марочному номеру. Был, например, портвейн, называемый в народе *три семёрки*. По логике перевода он выглядел бы как 777-градусный портвейн!

Кстати, в венгерском переводе заключённая в оригинальном тексте тоска сглаживается. *Вдруг затомился и поблэк* переведено как “hirtelen elsápadtam, és az ájulás környékezett...” (Ерофеев 1994: 21). *Затомиться и приближение обморочного состояния*, видит Господь, не одно и то-же. Видела и чувствовала, кажется, по своему и Эржбет Вари, переводчица: в конце переведённого ею предложения стоит многоточие, в конце предложения Ерофеева – точка. Впрочем, многоточие в переводе можно объяснить и тем, что изменения состояний Венички в венгерском переводе поданы в ином порядке, то есть, – словно Ерофеев написал бы: поблэк и затомился...

И ещё одно. Разрядка вышепротитированного текста оригинала заменена в переводе курсивом. Курсивом у Ерофеева выделены только и только слова ангелов. Не раз курсивом набраны места, никак не выделенные Ерофеевым. После того как Господь замолчал, неоднозначно ответив Веничке на его вопрошения, наш герой – и далее цитирую – „вышел в тамбур. Так. Мой дух томился в заточении четыре с половиной часа, теперь я выпущу его погулять. Есть стакан и есть бутерброд, *чтобы не стошнило* (курсив только в соответствующем месте перевода, V. К.). И есть душа, пока ещё чуть приоткрытая для впечатлений бытия. Раздели со мной трапезу, Господи!” (Ерофеев 1991: 23). Дух – томился, а душа – чуть приоткрытая. В переводе в обоих случаях (дух и душа) употребляется одно слово *lelek*, действительно, соответствующее обоим русским словам, но не передающее глубокий смысл текста оригинала.

То же самое можно сказать, сославшись на другой эпизод, весьма характерный с той точки зрения, что при его передаче мало быть просто переводчиком. На кабельных работах в Шереметьево Веничку одно время даже назначили бригадиром. Из-за пьянства всей бригады, употребление спиртного которой отражалось в своеобразном графике, подобном графикам выполнения социалистических и прочих обязательств, коими были увешаны рабочие места пред-, до- и застойных времён.

В четверть часа всё было решено – моя звезда, вспыхнувшая на четыре недели, закатилась. Распятие свершилось – ровно через тридцать дней после вознесения. Один только месяц от

моего Тулона до моей Елены. Короче, они меня разжаловали, а на место моё назначили Алексея Блиндяева, этого дряхлого *придурка*, члена КПСС с 1936г. А он, тут же после назначения, проснулся на своём полу, попросил у них [*т.е. у представителей управления, начальников своих, V. K.*] рупь – они ему рупь не дали. Стасик перестал блевать и тоже попросил рупь – они и ему не дали. Попили красного вина, сели в свой „москвич” и уехали обратно (Ерофеев 1991: 41; *курсив мой, V. K.*).

Остановлюсь только на двух моментах, связанных с Алексеем Блиндяевым. Мне кажется, венгерскому читателю трудно понять, почему именно его назначили новым бригадиром. Возможно, этого не почувствовала и переводчица. Хочу оговориться, что все замечания здесь, до этого и после – скорее не упрёки, а желание помочь. Итак, Блиндяев назван Веничкой *дряхлым придурком*, венгерский эквивалент которого – *a vén tökfilkó*. Слово *придурок* в советское время – слово лагерного жаргона. Так называют в лагерях человека, уклоняющегося от тяжёлой физической работы и всяческими способами устраивающегося писарем, банщиком, хлеборезом, учётчиком и т. п. Венгерский эквивалент *a vén tökfilkó* этого не передаёт. В тексте Ерофеева *придурок* проснулся на *своём полу*. В венгерском переводе – *fölebredt ott a földön*. Если сделать обратный перевод, получим примерно следующее: *дурачок проснулся там на земле* вместо *придурок проснулся на своём полу*.

Объяснение – в тексте Ерофеева и оно следующее. Член КПСС с такого-то года Блиндяев – *придурок* на *своём* полу. Самый-самый из отлыньщиков даже на *своём* самом-самом низком уровне. Он-то и назначен начальниками бригадиром, которому те рубль не дали, но красненькое на дармовщинку выпили.

* * *

Приведённые примеры, подобных которым найдётся множество в каждой главе и даже на каждой странице, не отражают всю гамму несоответствий перевода. Всё же, думается, их достаточно, чтобы увидеть, как блекнет на наших глазах поэма. В утешение переводчикам – насто-

ящим и будущим и не только переводчикам Ерофеева – можно сказать, что Белинский в своё время назвал *Повести Белкина* всего лишь анекдотами. Пушкинская же проза стала восприниматься во всей своей глубине только в нынешнем веке.

В статье *Тень Венички Ерофеева*, опубликованной 22 февраля 1995 года в „Литературной газете”, Григорий Померанц, рассуждая о своём сложном отношении к поэме *Москва – Петушки*, пишет: „С одной стороны, меня оттолкнула авторская позиция – сдача на милость судьбе, стремление быть «как все», добровольное погружение в грязь, паралич воли. И вместе с тем был в ней тот пафос, который можно назвать старыми словами «срывание всех масок» – пафос правды о реальной жизни народа, пафос, если хотите, жизни не по лжи, но без реторики”. Не будем сейчас комментировать и спорить с этим суждением. Однако, оно будет полностью правомерным – по крайней мере в первой его части – после прочтения *Москвы – Петушков* в венгерском переводе. А вот другое высказывание из той же газеты за 7 июня 1995 г. (Лиля Панн *Улыбка Венички*), которое я полностью разделяю:

Фактически путь, предлагаемый им [*Ерофеевым*, V. K.] литературе в её нынешней ситуации, – это путь второго тома *Мёртвых душ*, который Гоголь сжёг, а Ерофеев, возможно наученный его горьким опытом, и не собирался писать (...) у нас, живших во второй половине XX века в стране, которую Николай Васильевич видел птицей-тройкой, а нам сподручнее сравнение с электричкой „Москва – Петушки”, другой с о е й бессмертной поэмы, кроме как сочинённой Венидиктом Васильевичем, не было и пока нет. И когда она появится (рано или поздно, но непременно), то ready-made Бога мы опять не найдём на её страницах, много ужасного мы опять найдём, но к концу книги оно станет неотличимо от прекрасного.

ЛИТЕРАТУРА

- Гоголь, Н. В.
1984 *Собрание сочинений*, М. 1984.
- Ерофеев, В. В.
1991 *Москва – Петушки*, Союз, СПб. 1991.
1994 *Moszkva – Petuski*, Budapest 1994.
- Ожегов, С. И.
1975 *Словарь русского языка*, М. 1975.
- Панн, Л.
1995 *Улыбка Венчики*, „Литературная газета”, 7. 6. 1995.
- Померанц, Г.
1995 *Тень Венчики Ерофеева*, „Литературная газета”, 22. 2. 1995.
- Смирнова, Е. А.
1990 *Венедикт Ерофеев глазами гоголеведа*, „Русская литература”, 1990: III.
- Тургенев, И. С.
1946 *Избранные произведения*, Огиз. Государственное издательство художественной литературы, М.-Л. 1946.
- Чехов, А. П.
1982 *Толстый и тонкий*, М. 1982.
- Goretity, J.
1992 *Az alkoholizmus orosz evangéliuma*, “Nagyvilág”, 1992: IV.

ABSTRACT

My article about the Hungarian translation of V. Yerofeyev's poem *Moskow – Petushki* deals with the fact that in Yerofeyev's writing not only is the meaning of a word important, but also its position in the sentence. To translate literature, one has to know not only the language, but also the national customs and culture of the country in question. Just to give an example, the words “vermouth” or “red wine” have different meanings in both languages: the meaning of the word “red wine” in Russian is “every drink containing alcohol besides beer and vodka”. As in the German translation, there were also obvious mistakes, *xerec* – vermouth or *вълмя* (udder) – *vese* (kidney), which make the point ambiguous. So in the end the translation might be understood as a celebration of alcoholism, which totally contradicts the intentions of the author.

ПОЭМА МОСКВА – ПЕТУШКИ В. ЕРОФЕЕВА
В ПЕРЕВОДЕ НА НЕМЕЦКИЙ
(К ВОПРОСУ О ТОМ, ЧТО ЖЕ ТАКОЕ
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ПЕРЕВОД)

Cristian Pischlöger

Начать надо сначала, то есть с заглавия поэмы. Хотя бы потому, что „сначала было слово”. И об этом тоже пойдёт речь. А пока – для начала – о заглавии.

Москва – Петушки в оригинале и *Die Reise nah Petuschki* в немецком переводе. Содержание практически осталось, форма пропала. Однако, у Ерофеева форма от содержания неотделима. Как у Гоголя, о котором было сказано не раз в *Петушках*, и не совсем как у Толстого, о котором тоже было упомянуто. Итак, о форме – для начала. Название поэмы насчитывает *тринадцать* букв. Безымянные станции от Москвы до Петушков обозначены цифрами (километровым расстоянием от столицы) и трижды оканчиваются на 3: 33, 43 и 113. Теперь сравнительно легко проникнуться если не логикой, то подсказкой к ней: *тринадцать* букв заглавия (в начале) и *113 километр* почти в конце.

Теперь о содержании – и тоже для начала: герой наш Веничка многократно (сколько-кратно?) повторяет „вот если я доеду ...”. И почему он повторяет? Правильно! Потому что в *начале* было заглавие, составленное Вендиктом Ерофеевым из *тринадцати* букв. Если этого недостаточно (а этого никогда не может быть достаточно), подскажем – буква *М* в хеберском алфавите – *тринадцатая* по счёту буква.

И это ещё далеко-далеко не всё. Числовое значение хеберской буквы *М* – 40. С сороковой ступеньки (считая снизу) Веничка начал свой трудный путь (*Die Reise ...*) в Петушки (... *nah Petuschki*) из чужого подъезда (в немецком переводе – fremdes Treppenhaus) и чуть не закончил его трагически в неизвестном подъезде (в немецком переводе – fremdes Treppenhaus). Чужой не равен неизвестному. Достаточно заглянуть в любой толковый словарь.

Чтобы не утомлять господ филологов арифметикой, попробуем покончить с ней в самом *начале*. Дотошный читатель легко подсчитает, что количество глав – 39

(трижды тринадцать равняется тридцати девяти), а количество станций – 28 (точнее, $28 + 1$, потому что, отправившись с Курского вокзала, Веничка приезжает на тот же вокзал, и, наконец-то, оказывается на вожделенной Красной площади, на южном конце которой Минин с Пожарским указывают в сторону Запада, то бишь, к кремлёвской стене, о которую один из *четверых* „хватил (...) головой” Веничку).

Кроме того, поездка Венички в Петушки происходила в *тринадцатую пятницу* после знакомства его с тамошней *сукой*, как называл её наш герой, облагораживая сие не совсем благозвучное существительное благородным прилагательным, – *гармонической* сукой. У Ерофеева форма настолько вытекает из содержания, что для меня лично не сразу стало понятным в немецком переводе – *harmonische Schlunze*. Слово *сука* понятно каждому русскому, как слово *Schlunze* непонятно мне, родившемуся и выросшему в Вене. Другое несоответствие в переводе связано с близким синонимически словом *блядь*: „Играй, Клеопатра! Играй, пышнотелая блядь, истомившая сердце поэта!” (Ерофеев 1981: 49). В немецком переводе: “Spiele nur, Kleopatra! Spiele nur, du dralle Schickse, bis das Herz des Poeten verschmachtet!” (Ерофеев 1987: 50). *Schickse* в переводе с немецкого (точнее, это слово пришло в немецкий из языка идиш) означает примерно следующее: девушка из простой христианской семьи. Клеопатра приравнена к простой крестьянке ... Но и не в этом заключается ошибка перевода. *Блядь*, как определение, для Клеопатры одно из основных; для *Schickse* – одно из периферийных.

Ерофеев словно чувствовал (а почему бы и нет?) трудности возможных своих переводчиков (всякий знает и никто не знает), ввернув в свой текст потрясающий пассаж: „Почему-то никто в России не знает, отчего умер Пушкин, – а как очищается политура – это всякий знает” (Ерофеев 1981: 63). В том-то и дело, что не всякий знает рецепт очищения политуры и каждый ребёнок из детсада знает *как* умер Пушкин. Из текста в прямом переводе это понять трудно, а рядовому читателю, может быть, и невозможно. Поэтому, хвала переводчице Наташе Шпитц, объяснившей в комментариях: “Vielmehr: das weiß jedes Kind (weil es das schon im Kindergarten lernt)” (Ерофеев 1987: 164).

Несколько раз в поэме *Москва – Петушки* встречается в разных вариациях высказывание *вставай и иди*. Одна из ерофеевских форм: *встань и ходи*. Перевести это невозможно (по крайней мере, дословно), потому что по-немецки *вставай* и *встань* выражается одним словом. Даётся эта форма и в переводе с арамейского языка, точнее: „Подошла ко гробу и говорит: «Танифэ куми». Это значит в переводе с древнежидовского: «Тебе говорю – встань и ходи»» (Ерофеев 1981: 87). В немецком переводе: “Sie schritt zum Sarg und sagte: «Talitha qûmî». Das bedeutet in der Übersetzung aus dem Hebräisch: «Ich sage dir, stehe auf und geh»” (Ерофеев 1987: 87). *Hebräisch* и *древнежидовский*, во-первых, не одно и то же, а во-вторых: как можно вообще перевести русское *древнежидовский* со всеми негативными оттенками этого слова? В процитированном отрывке оригинала имеются три – явно не полиграфические – ошибки. Вместо „талифа куми”, неоднократно встречающемся в тексте, на этот раз, очевидно, сознательно автор вставляет „танифэ куми”. Третья и, очевидно тоже, сознательная ошибка – несуществовавший древнежидовский язык. И уж если говорить об очевидно сознательных ошибках-опечатках, можно упомянуть ещё о двух. Издательство УМСА-Press предварило текст поэмы справкой о том, что *Москва – Петушки* были впервые изданы в израильском журнале „Ами”. Немецкое издание ссылается на то, что текст оригинала был взят для перевода в журнале “Ani”. *Ами* в переводе с еврейского означает – *мой народ*. *Ani* – нечто вроде фонетической транскрипции русского местоимения *они* и еврейского местоимения *я*.

В тексте оригинала довольно часто встречаются немецкие выражения, отдельные слова, написанные русскими буквами. Подобно финской песенке *Летка-енка* (название песни и её происхождение не указаны; в связи с этой песней будет сказано отдельно чуть ниже), это совсем не случайно. В послесловии немецкого издания, написанном Наташей Друбек-Мэйер, имеется интересная ссылка на слова Ерофеева: обидевшись на советских чиновников от литературы, он заявил, что следующее своё произведение будет писать на немецком языке.

Теперь о том, насколько трудно и ответственно переводить название глав, состоящих из названий станций от

Москвы до Петушков. В немецком переводе в двух случаях был сделан так называемый прямой перевод: *Москва – Сеп и Молот* = *Moskau – Hammer und Sichel*; *Омутице – Леоново* = *Höllensbreugel – Leonowo*. Остановимся на втором случае. В главе *113 километр – Омутице* говорится о картине Крамского *Неутешное горе*. Höllensbreugel – фламандский художник, точнее это его псевдоним, а не имя – Питер Брейгель. Важно помнить (и – знать), что die Hölle по-немецки означает ад. Почему *Омутице* переведено именно так? Возможно, чтобы указать на параллель между живописцами? Не могу ответить. Die Hölle, как ад, сюда больше подходит для объяснения, но нет органической привязки. Повторяю: у Ерофеева содержание объясняется формой и не нуждается в подсказке.

Несколько слов о графическом оформлении. У Ерофеева в поэме используется несколько типов шрифтов. Главные из них – разрядка и курсив. В немецком переводе, кроме обычного шрифта, присутствует только курсив. В оригинальном тексте курсивом набраны слова ангелов. Слова сына Венички передаются разрядкой. Так же как и некоторые места (отдельные слова и предложения), которым автор придаёт особое значение.

В поэме упоминается финская песня в русском переводе – *Летка-енка*, бывшая популярной в Советском Союзе в конце шестидесятых годов. В немецком переводе это никак не поясняется и не проясняется. Просто приводится строчка из довольно популярной немецкой песни, с которой *Летку-енку* объединяет присутствие в ней одного-единственного почти общего слова die Schuhe – туфли. Однако, в краткой биографии Ерофеева, включённой в немецкое издание его книги, можно прочитать, что отец автора был обвинён в сотрудничестве с белофиннами (!) и немецкими (!) фашистами и восемь лет просидел в ГУЛАГе.

Несколько раз Ерофеев сталкивает нас с буквой „Ю”: её прекрасно знает его *трёхлетний* сын. Эта буква появляется перед теряющим сознание Веничкой в заключительной главе. В немецком переводе „Ю” заменена на “Q”. Это объяснить практически невозможно. Но можно попытаться. Qual по-немецки – мука. Мукам подвергается наш герой. Но у Ерофеева „Ю” не случайно уже потому, что это – 29 буква русского алфавита. Между Москвой и Петушками 28

станций. Отправившись из Москвы (первой станции), герой Ерофеева оказывается в Москве сразу же после вокзальной площади Петушков (то есть на двадцать девятой станции). Когда Веничка познакомился со своей гармонической сукой, ему было 29 лет, точнее ему ещё было 29 лет, поскольку встреча эта произошла в его тридцатый день рождения. И с тех пор к моменту путешествия Венички прошло 13 недель... Буква „Ю” у Ерофеева (как и у Кафки, о котором речь пойдёт ниже) может быть и сокращением, начальной буквой: юстиция, юбилей, юдофоб... Кроме того, поскольку здесь уже говорилось о странностях с личными местоимениями, Ю может означать и английское *You*. Буква Q этого ни объяснить, ни подсказать не может.

Однако, можно оправдать старания переводчицы. В рассказах Ф. Кафки *In der Strafkolonie* и *Ein Traum* есть интересные совпадающие моменты. В первом рассказе, когда его герой подвергается страшным пыткам и медленно и в муках умирает, он видит в момент наступления смерти надпись „Будь справедлив!”: “Sei gerecht!” (Kafka 1984: 118). Во втором рассказе перед героем появляется надпись „Здесь покоится Йозеф К.”: “Hier ruht Josef K.” (там же, 146). В переводе на русский заглавие рассказа означает „сон”.

Веничка погибает подобно герою романа Кафки *Процесс* (*Der Prozeß*). Процесс в данном случае необходимо дополнить прилагательным *судебный*. В конце романа герой становится жертвой двоих убийц, которые дважды провернули нож в его сердце. Веничка подвергается нападению четырёх убийц, пригвоздивших его шилом к полу:

Они вонзили своё шило в самое горло...

Я не знал, что есть на свете такая боль. Я скрючился от муки, густая красная буква „Ю” распласталась у меня в глазах и задрожала. И с тех пор я не приходил в сознание, и никогда не приду (Ерофеев 1981: 160).

Sie bohrten mir ihren Pfriem mitten in den Hals ...

Ich hatte nicht gewußt, daß es auf der Welt so einen Schmerz gibt, und krümmte mich zusammen vor Qual. Der tiefrote Buchstabe Q erzitterte und zerfloß vor meinen Augen. Seither habe ich das

Bewußtsein nicht mehr erlangt und werde es auch nie mehr erlangen (Ерофеев 1987: 162).

„Я скрючился *от муки*” = “krümmte mich zusammen *vor Qual*”. Мука появляется в обоих случаях.

Множество параллелей можно найти ещё между Ерофеевым и Кафкой. Например, в начале *Процесса* героя романа арестовывают в его день рождения, утром: ему исполнилось *тридцать* лет. Веничка отправляется в Петушки всегда по пятницам – судебный процесс у Кафки происходит всегда и только по воскресеньям. (Какой же суд заседает по воскресеньям?) Процесс – „последовательная смена состояний в развитии чего-нибудь” (Ожегов 1975: 577), в данном случае – порядок разбирательства судебного дела. Путешествие Венички тоже процесс, развитие: начинается оно утром и завершается вечером. У Ерофеева – один день; у Кафки – один год. В *Процессе* присутствует какая-то неизвестная власть, довлеющая над героем: он не знает, в чём его обвиняют, кто его обвиняет, и на казнь идёт без вины виноватый.

Много и долго ещё можно говорить об ерофеевской поэме. На сегодня я заканчиваю свои размышления. Начал с начала – закончил концом. Но точку ставить не хочу и не желаю. Поэтому закончу *тримя троеточиями*: Москва – Петушки ... (троеточие) (*Процесс*) ... (второе троеточие) В русском алфавите эти буквы следуют в таком же порядке ... (третье троеточие)

ЛИТЕРАТУРА

- Ерофеев, В.
 1981 *Москва – Петушки*, YMCA-Press 1981.
 1987 *Die Reise nach Petuschki*, Serie Piper, 1987.
 1992 *Vaszilij Rozanov – ahogyan egy különk látja*,
 “Nagyvilág”, 1992: IV.
- Ожегов, С. И.
 1975 *Словарь русского языка*, М. 1975.
- Kafka, F.
 1984 *Sämtliche Erzählungen*, Fischer, 1984.
 1987 *Der Prozeß*, Reclam, 1987.

ABSTRACT

In my paper I tried to show how difficult the translation of literary works is. The German translation mainly reproduces the meaning (besides the fact that it also contained blatant errors). But in Yerofeyevs composition the form is as important as the meaning. A word, besides its semantical meaning, also implies symbolic meaning, in terms of numbers. The problems of translation, for example in connection with numerology, start with the original title, consisting of 13 letters, which is not reflected in the German translation. And it ends with the Russian letter „Ю” the hero catches sight of, before he gets murdered (?) at the end of the poem. The Russian letter „Ю” could be an abbreviation, the English personal pronoun *you* or a number as well. This simply cannot be reproduced in German, where this letter does not even exist.

ПЕРЕКЛАДИ, ПЕРЕСПІВИ, ПРОМАХИ

Zoltán Medve

Cato senex litteras graecas didicit

Эти крылатые слова выражают культурное сознание интеллигенции римского общества: убеждение в том, что учиться у народа, стоящего на высоком уровне в области науки, культуры и искусства является не только похвальным намерением, но и полезной и необходимой деятельностью. Более того, это – естественное средство развития общества. Об этом свидетельствует и сегодняшнее употребление слова-термина, применяющегося в том случае, когда создаётся текст на родном языке на основании созданного на чужом. Этот специальный термин входит в лексическую группу слов, употребляемых в бытовой лексике человечества, стоящего в самом начале культурного развития. Это слово – вокабула, *verbum* – употреблялось и употребляется в пространственном и временном значении в сфере физического труда: *fero, ferre, tuli, latum*, а позже стало термином умственной деятельности с приставкой *trans-* и перешло в современные индоевропейские языки путём калькирования: переводить, перевести – перевод; перекладати, перекласти – переклад; *překládat – překlad; przekładać – przekład*. Венгерский термин *fordít – fordítás* тоже выражает действие, вследствие которого „предмет” движется в каком-л. направлении, с одного места на другое или используется в своих целях, стремится к своей цели. Другой термин: *átültet* выражает работу, вследствие которой растение начинает новую жизнь на другом подходящем месте.

Transfere necesse est

Язык, культура (в рамках её выделяется народная поэзия) и род человеческий – почти одного возраста. Желание сообщать о знаниях является основным человеческим атрибутом. Нельзя считать случайным, что автор Священного Писания вкладывает в уста Бога слова:

Slavica tergestina 5 (1997)

„Не хорошо жить человеку одному, сотворим ему помощника, соответственного ему” (Бытие 2, 18).

Библейская констатация „об одном языке и одном наречии” существовала лишь до начала построения вавилонской башни. Устную передачу знаний после появления письменности заменила письменная (*littera*). Передача культурных ценностей инспирировала благотворную работу и „равноапостольных первоучителей славянских”. Будучи учёными, они сознательно стремились к развитию культуры – в первую очередь церковной – и стремились поднимать одноязычный свой славянский народ путём переводческой деятельности. Факт, что давнопрошедшая инстинктивная деятельность человека постепенно превращалась в сознательное действие (Борисов 1988: 7-28).

Если различать по Шпенглеру (Spengler 1920-1924) культуру и цивилизацию (не согласуя с теорией о падении и отмирании первой), то следует отметить, что понятие „культура” противостоит понятию „природа”. Человек побеждает силы природы, преобразовывает её и вследствие этой деятельности создаёт культуру, т.е. совокупность духовных и материальных ценностей. (Ср.: природа – род – родить – родник – порода.) Достигнутый уровень общественного развития – цивилизация – это созданная из неорганизованной толпы организация, членами которой являются *cives*, граждане.

В понятии „культура” заключается деятельность *civium*, входит в эту деятельность и литература, т.е. создание литературного произведения. Этот продукт произведён человеком, человеческим родом, является его общей собственностью. Поэтому считается естественной тенденция сделать доступной общую, мировую культуру, а в ней литературу, для всех народов и наций. Но как? Ведь „искусством Бартока, Кодая, Листа, Мункачи наслаждаются все образованные люди; но не зная венгерского языка, как нам познакомиться с настоящим Ади? И как сами венгры могут знать, какое место занимает этот гений среди известных и по языку доступных поэтов мировой литературы” – задаёт вопрос переводчик Э. Вильсон (“Nagyvilág” 1977: V). Изобразительное искусство и музыка гораздо доступнее литературы: она без знания языка непознаваема, недоступна, непонятна. Вот, в чём

огромное значение перевода. История литературы свидетельствует о том, что переводная литература всегда обогащает и отечественную литературу (Иглои 1989: 20-29).

Translator fit aut nascitur?

Теперь уместно поставить вопрос: является ли литературная переводческая деятельность только *простой умственной работой* или *мастерством*, т.е. может ли *homo doctus* усвоить её или же требует она природной одарённости: более пяти талантов?

Конечно, для самого выражения, для передачи дум другого автора, для перевода чужого текста, для перевода его идейного содержания необходимы блестящее знание соответствующих выразительных средств и способность их применять. Если „сообщение” не происходит на ожидаемом художественном уровне, тогда не осуществляется цель сообщения и такая работа не является настоящим сообщением. В определённой ситуации *формальный* недостаток превратится в *существенный*. В творческой работе *содержание и форма неотделимы*. Касательно переводческой деятельности: воссоздание, сотворение заново значительного литературного произведения, написанного на чужом языке, обязательно требует точного понимания и „толкования” содержания. И это гораздо больше, чем понимать слова, синтагмы и предложения: для этого не достаточно лишь понимать, писать и говорить на данных языках, в этом случае необходимо знание и человеческого, исторического, культурного, общественного и социального аспектов. В этом случае обязательно появляется и *плюс-требование* по отношению к оригиналу.

Правда, работа переводчика не требует новой, умственной, мыслительной инвенции, но обязана искать новые, соответствующие новому языку выразительные средства и инструменты. Переведённый текст должен передать „чужое” содержание для новой, принимающей новую информацию публики так, чтобы оно создало впечатление нового „оригинального”, так сказать, уже „своего” произведения. Для достижения этой цели необходимо употреблять новые адекватные языковые и

стилистические приёмы в интересах гармонии содержания и формы.

Настоящий, требовательный к себе переводчик в „своё новое” произведение переносит и те явления, „феномены”, которые поэт употребляет не сознательно, т.е. он берётся за невозможное – и эта сознательная попытка может быть успешной, ведь настоящий поэт-переводчик может обогатить оригинал до сих пор ему самому не известными и не употребляемыми ценностями родного языка. Тогда этот поэт-переводчик искушает невозможность, обогащает и свой родной язык, создавая „новое произведение”, иногда превосходя сам оригинал, подвергая испытанию возможности родного языка до бесконечности. (Ср. некоторые переводы Ж. Раб и Д. Ийеша) (Göncz 1981: 53-56).

В процессе переводческой деятельности *poeta et translator doctus* в структуре стихотворения прежде всего должен увидеть и понять *целое*, скрытые за словами представления, впечатления, переживания, т.е. эмоциональное единство. В формировании адекватности и различия оригинального и переводимого стихотворения содействуют многообразные эффекты, наблюдаются разные сферы, среди которых выделяются: акустическая, понятийная, грамматическая и изобразительная (Tellér 1981), которые без глубокого знания данного иностранного языка (напр. в случае применения подстрочника) вряд ли представляются переводчику. Если задачей переводчика является создать желательную эквивалентность между двумя текстами, то в работе „сотворения” нельзя избежать вышеизлагаемых и языковых, и культурно специфических требований.

Translationes

На основе „требований” художественного перевода сравним одну строфу стихотворения Петефи *Hegyen ülök ...*

Tarka madár nem füttyörész az ágon.
 Sárgapiros levél csörög a fákon,
 Innen-onnan lehull a fák levele ...
 Bárcsak én is lehullanékővele!
 Ne scsebecse pesztrőj ptach na konari.

Slavica tergestina 5 (1997)

Zsoltó lisztya csevenyatszja v chotari,
 Popadajut lisztya sz derev hev i tam ...
 Barz bö upal dolov sz nima i ja szam!
 (perelozsil: Kellő).

В процессе формирования и развития самостоятельной литературы большую роль играла песнь, ведь она является основой и золотым фондом поэзии (Vas 1981: 275). В переводе этой песни выделяется „сообщение целого” относительно ко всему стихотворению. В данной строфе сразу бросается в глаза тождество словоупотреблений, типов предложений и тогда, когда некоторые адекватные значения выражены другой формой, напр.: sárgapiros levél = zsoltó lisztya cservenyszja; nem fűtőrés = ne scsebecse.

Оплативное предложение, соответствующее духовному состоянию Петефи, имеется в обоих вариантах. Цезуры выделяют те же самые синтагмы удачнее, чем у Мартынова. Для акустической сферы характерно, а для двуязычного читателя удивительно мастерство, с которым точно сохраняются набросы (*enjambement*) в переводе стихотворения *Boldogtalan voltam* ...

Csak az vigasztal, hogy Meg nem érdemeltem.	Lem to mja tyizsit, zse Vinovatőj ne jem.
--	--

Csak az vigasztal, hogy Nincs messze odáig.	Lem to mja tyizsit, zse Uzs blisko do nyoho.
--	---

В журнале “Nagyvilág” в связи с юбилеем Эндре Ади в 1977 г. было опубликовано стихотворение *Az Értől az Óceánig* на двадцати языках, в том числе на семи славянских (“Nagyvilág” 1977: III, IV). Известно, что Ади – поэт, трудно переводимый. Его стихотворения может перевести адекватно лишь такой конгениальный поэт-переводчик, который может проникнуть в глубину поэтического мышления Ади, в тонкости богатого венгерского языка. Без глубокого и всестороннего знания истории Венгрии непонятны её символы (*там же*, 1977: V).

В этом стихотворении *ér* имеет три значения:
ér – это ручей, небольшой водный поток;

Ég – это название конкретного ручья, впадающего в реку Красна и, из неё, в другие реки и океан.

Ég – выражает и начало карьеры поэта, рождённого на берегу этого ручья. Эти три значения неотделимы друг от друга и несут символический смысл. Кардинальный вопрос: при первой встрече со стихотворением – что ассоциируется в читателе на основе его знаний. Это зависит – между прочим – от общественной среды, от культурного уровня и от умения узнавать скрытые соотношения сообщения. Из недостатков должных знаний вытекают трудности переводческой работы.

В трёх переводах читатель не узнаёт этимологического значения слова Ég и на имя собственное указывает лишь прописная буква или названия других рек. В русском и польском добавляется „поток” и rzeczka, в сербском только jagok, в болгарском и чешском отсутствует имя собственное. В словацком тексте употребляется калька Žriedlo.

Большие трудности возникают при переводе (и понимании) предложения “S ha rám dól a szittyá magasság”. Ворование о происхождении венгров от скифской народности не общеизвестно, дериват-атрибут этого слова, выражающий отсталость, невозможно передать на иностранном языке, но русский, болгарский, польский и сербский тексты по крайней мере говорят „о небе скифском”, а в чешском варианте стоит слово sitina, название полевого растения. “A bús merészség” в русском – волшебство, в сербском bezumlje, в польском zuchwalosc. Болгарское слово дързост и чешское odvaha свойственны лексике Ади. Об этом свидетельствует и рукопись Яноша Эльберта (Ади 1958: 25). Ср. последние строки *Песнь венгерского яacobинца* в переводе Л. Мартынова: „Но ты, Грядущее за нами, Когда решимся и дерзнём!” (*курсив мой, Z. M.*). Часто употребляемый в поэзии Ади глагол akarom здесь повторяется и адекватно переведён в польском, словацком, чешском и сербском текстах.

За недостатком времени и места сошлюсь только на блестящие переводы Ю. Шкробинца (Шкробинец 1968-1972) и на других малоизвестных поэтов-переводчиков Подкарпатья (Н. Келлий, В. Генджа-Донский, Е. Балецкий, Ф. Потушняк, Ю. Качий). Исключая небольшие недоразумения, точнее – невозможности (напр. строчку Петефи “elhull a virág, eliramlik

az élet”) они качественно обогатили украинскую-русинскую поэзию (Medve 1988). Интересно отметить, что В. Левик, переводя с подстрочника *Привет Томасу Манну* Аттилы Йожефа, прекрасно передал приветственное обращение: „Порадуй нас *заветными* словами” (Medve 1993: 89; *курсив мой*, Z. M.).

Transformationes

В период „самообретенья” на украинской-русинской земле „переспіви” считались естественными произведениями. Создание самостоятельной национальной литературы являлось основным орудием на пути становления наций. Появление „чужой литературы” не только обогащало свою национальную, не только помогало в развитии отечественной культуры, но было и доказательством существования „нового” литературного языка, когда использование родного украинского на Руси было запрещено (ср. циркуляр Валуева и Эмское соглашение). В борьбе за самостоятельную литературу большое значение имела поэзия „буревісника революці,” Ш. Петефи. Это влияние заметил и поддерживал П. Грабовський, посылая из ссылки, из Сибири, переводы Петефи И. Франко во Львов.

Хотя теоретически он и не занимался вопросами художественного перевода, считал однако, что все настоящие переводы должны передавать в своей сущности истинный дух и искусную красоту произведения, преподносить всё, что выражает подлинность и ценность творения, чтобы новое располагало теми же чертами, содержащимися в оригинале. Грабовський утверждает, что перевод может перерасти в новое оригинальное произведение, а иногда может и превзойти его. Результат этой переводческой и поэтической деятельности называется „переспівом”.

В письме к Б. Грінченко он пишет: „Вірша *Зустпїч (Fürstbement terv)* можно не друкувати, бо се – *перерїбка* з Петефі. Моїх *переспівів* нова збірка складається з поетів...” (Грабовський 1985: II: 260; *курсив мой*, Z. M.). В большинстве случаев эти переспіви характеризуются созданием с подстрочника, на основе русских переводов.

Slavica tergestina 5 (1997)

Приводя примеры и сравнивая их переводы: “Pusztá föld ez, ahol most járok, Dicsérsz kedves”, сразу бросается в глаза отклонение от оригинала и рост объёма. Такое изменение рождает многословие, редунданцию и в содержании. Первое стихотворение в оригинале состоит из 14, в переводе Плещеева из 16, Грабовського из 20 строк. Удлинение строчек привело к такому же результату и В. Щурата:

Ez a világ amilyen nagy,
Te, galambom, oly kicsiny vagy;

Якій незмерний сей великій светь!
А ты на немъ мала, слаба якъ цвѣть;

В стихотворении *A rab* герой превращается в „борца”, т.е. олицетворяется переводчиком: он являет себя субъектной персоной, невольным казаком. *Бетяр и козак* одно и то же лицо. „*Бетяр* стрілою летить”, но: „Тривай лиш, *козаче!* Де взяв ти коня?” Или: „Серденьком шинкарка лине до *бетяра*, Та козак байдуже, бо він „й не пара.” (Medve 1995).

Размышления Грабовського совпадают с идеями Петефи, но конкретные термины, выражающие ту же мысль, художественная выразительность, украинская среда и действительность свидетельствуют о том, что *hic et nunc* родились „переспіви”.

Тот же самый подход и приём наблюдается в переводческой деятельности подкарпатских поэтов. Когда речь идёт о судьбе, о будущем, о трагедии *руського (русинского) народа и языка*, литература часто обращается к Петефи. *Мадярска народна спеванка* А. Новака, т.е. Ирины Невицкой, богата мотивами венгерских народных песен. А. Карабелеш в такой степени „переспівав” стихотворение *Szeptember végén*, что сохранились лишь картины природы первых трёх строф и параллельные конструкции. В переводе Е. Балецкого природа переходит в северную зону. После „переспіва” стихотворения *Erdélyben* из 69 строк осталось всего 50. Произведение лишилось заглавия и всех определений *magyar*, которые заменились выражениями: *мой народ, моя родня* с субъектным отношением к ним и ответственностью. Подчёркивается раздробленность русской нации: „един народ в раздвоенной родине; мой народ в

разединении”. Так же поступает М. Попович в стихотворении *Меня тревожит мысль одна...*. Его поздняя судьба даёт ответ на вопрос, почему и зачем выбрал он для „переспіва” произведение, говорящее об отношении мировой революции к национализму и патриотизму.

Errores

Возвращаясь к трудно переводимому поэту, Эндре Ади, и к оценке переводческой деятельности Л. Мартынова, необходимо подчеркнуть, что в его переводах уже получило место пророчество Ади, доказанное потомством. Другими словами: Ади в этих переводах – это уже не Ад и Рай, а лишь борющаяся душа между небом и землёй (Medve 1994).

Помимо упрощения идей Ади, содержания стихотворений (ср. *Песнь венгерского якобинца*), самый большой промах – вопреки *неоценимой помощи* Агнеш Кун и Антала Гидаша (Ади 1975) – это полное непонимание известного стихотворения. “Add nekem szemeidet, Hogy vénül” arcomba ássam” в дословном переводе: Дай мне твои глаза, чтобы зырыл их в моё стареющее лицо. В переводе Мартынова:

Дай мне твои глаза,
Чтоб мог я в них зарыться
Стареющим лицом и юный отразиться.

Перевод Балецкого:

Отдай ты мне свои глаза,
В моё лицо стареющее врую их,
Чтоб я красивым стал от глаз твоих.

В рассказе Чехова *Студент*, семинарист Иван Великопольский, разговаривая с вдовой Василисой в день страстной пятницы, „посмотрел кругом в потёмки, судорожно встяхнул головой и спросил:

- Небось, была на двенадцати евангелиях?
- Была – ответила Василиса.

Slavica tergestina 5 (1997)

В венгерском переводе Шаролты Ланьи:

– Ugye, ismered a tizenkét evangélistát? (*курсив мой, Z. M.*).

То есть буквально, в дословной ретроверсии:

– Небось, ты знаешь двенадцать евангелистов?

При сравнении данных предложений сразу же бросается в глаза непростительный промах: *двенадцать евангелистов*. Ведь в европейских культурных кругах общеизвестно, что греческое *euvaggelisthiz* = „носитель благовещения”, и со второго столетия п. р. Хр. относится к авторам евангелий. Их было четверо: Матфей, Марк, Лука и Иоанн. В последующих строках выясняется, что здесь речь идёт действительно о евангелии, т.е. евангельском сказании: „Если помнишь во время Тайной вечери Пётр сказал Иисусу: с тобой я готов и в темницу, и на смерть...”.

Таким образом и в логике переводчика выясняется грубая ошибка: чтобы понять дальнейшие слова студента-богослова, обязательно надо знать, что такое евангелие, точнее сказать, евангелия. Но, в противоположность оригинальному тексту, их тоже четыре, а не двенадцать.

Подробная ситуация наблюдается в переводе романа М. Е. Салтыкова-Щедрина *Господа Головлёвы*. Предложение: „Не далее как час тому назад кончилась *всенощная*, сопровождаемая чтением *двенадцати евангелий*,(...)” в переводе Клары Сёллэши звучит следующим образом: “(...) a *vécsernye*, melyen felolvasták az *evangélium tizenkét versét*” (*здесь и ниже курсив мой, Z. M.*).

Следует отметить, что всенощная служба – это не *вечерня*. Это такое богослужение, которое совершается вечером накануне праздничных дней. Оно состоит из соединения *вечерни* с *утреней* и I-м часом и совершается более торжественно и при большем освещении. Это богослужение называется *всенощным* потому, что в древности оно начиналось поздно вечером и продолжалось всю ночь до рассвета (*egész éjszakai istentisztelet, vigilia*). Конечно, переводчик не прав и в том, что „было прочитано *двенадцать стихов* из евангелия”.

Что касается перевода предложения: „Порфирий (...) *выслушал евангельское сказание* и отмечал на свече восковыми катышками число прочитанных евангелий”, можно согласиться с выражением *meghallgatta az evangéliumot* но никак не соответствует оригиналу венгерский текст: “*viaszgolyócskával megjelölte a gyertyán a felolvasott bibliai versek számát*”.

В упомянутых литературных произведениях речь идёт о *двенадцати отрывках* евангелий, которые читаются ночью Страстного четверга, на рассвете Страстной пятницы (ср. всенощное бдение). В данном выражении употребляется *totum pro parte*, как в самом тексте литургии Иоанна Златоуста: „услышим святого евангелия, от Мафея святого евангелия чтение” (и священник чтёт *евангелие*). Впрочем, чтение двенадцати евангелий то же самое, что в западной церкви *пассион*, т.е. история мук Христовых (Мень 1991: 114).

И переводчик европейского уровня должен об этом знать.

В известном романе И. Ильфа и Е. Петрова *Двенадцать стульев* бывшие офицеры и кулаки-нэпманы организуют под руководством главного героя „Союз меча и орала”, в венгерском переводе: “*A kard és sas szövetsége*”, т.е., в буквальной ретроверсии: *Союз меча и орла* (Ильф-Петров 1961: 142; 1963: 120). Эта филологическая и политическая безграмотность тоже двусторонняя. Переводчик был „неграмотен” в области общей и европейской христианской культуры. Известная скульптура Е. В. Вучетича *Перекуём мечи на орала* стоит в Нью-Йорке и в Москве. Памятник носит библейское название. Пророки Исаия и Михей пишут о том, что придёт золотой век и народы „перекуют мечи на орала и копья свои – на серпы” (Исаия 2, 4; Михей 4, 3. Ср. *IV эклогу* Вергилия).

Дело в том, что символом офицеров является меч, а символом крестьянства *орало* (плуг), а не орёл, не говоря уже о склонении существительных.

Наш бывший земляк, писатель львовянин, И. Франко в историческом романе *Захар Беркут* пишет: „Среди них был один столетний старец, долгое время пробывший *на Афонской горе* у греков” (*курсив мой*, Z. M.). В венгерском переводе “*Athén hegyén*”, т.е. *на Афинской горе*. Православные монахи, конечно, как известно, живут не в Афинах, а на Афонах.

В романе Достоевского *Преступление и наказание* Соня говорит: „Я на прошлой неделе была [в церкви, Z. M.] (...) *Панихиду служила*”, в венгерском переводе: “gyászmisét mondattam”. Но панихида (панахида) это не gyászmise. Венгерского термина gyászmise в русском нет. Это понятие на русском: обедня (литургия) за упокоевание умершего. А панахида – это *отпевание, траурная служба, но не обедня, не месса, не дароприношение*: в панахиде нет ни претворения, ни причащения. Панихида часто служит сразу после обедни.

„После освобождения была введена в издательскую практику система и методика контрольного редактирования. Значение его неизмерно: оно укрепляло в высшей степени целостность и точность переведённых текстов” звучит официальная позиция. Более того: „Контрольные редакторы, лекторы иногда придерживались жёстких, пуристских языковых норм” (Ferenczi 1981: 33). Но, к сожалению, как видно, эти драконовские меры на практике не вступили в силу.

Незнание, неподготовленность, „умывание рук” не могут служить оправданием ни переводчику, ни лектору.

ЛИТЕРАТУРА

- Ади, Э.
1958 *Стихи*, М. 1958.
1975 *Стихи*, перев.: Л. Мартынов, М. 1975.
- Борисов, Н. С.
1988 *Церковные деятели средневековой Руси XIII-XVII вв.*, М. 1988.
- Грабовський, П.
1985 *Вибрані твори в двох томах*, К. 1985.

- Иглои, Э.
1989 *История древней русской литературы XI-XVII вв.*, Будапешт 1989.
- Ильф, И. и Петров, Е.
1961 *Двенадцать стульев*, М. 1961.
1963 *Tízrnkét szék*, ford.: Hugó Gellért, Budapest 1963.
- Мень, А.
1991 *Православное богослужение. Таинство, слово, образ*, М. 1991.
- Шкробинець, Ю.
1968 *Апостол*, Ужгород 1968.
1969 *Балади. Поема* Толді, К. 1969.
1970 *Угорська арфа*, Ужгород 1970.
1972 *Витязь Янош*, К. 1972.
- Ferenczi, L.
1981 *Adalékok a felszabadulás utáni magyar műfordítás történetéhez*, in: *A műfordítás ma*, Budapest 1981.
- Göncz, Á.
1981 *A fordítás helye és feladata a magyar irodalomban*, in: *A műfordítás ma*, Budapest 1981.
- “Nagyvilág”
1977 “Nagyvilág”, Világirodalmi folyóirat, Budapest, 1977: III, IV, V.
- Medve, Z.
1988 *Petőfi ukránföldön*, Kandidátusi értekezés. Kézirat, 1988.
1993 *Размышления о церковной культуре восточных славян и бесстыдной фальсификации истории*, в: “Studia Slavica Savariensia”, Szombathely 1993: II.
1994 *Carmina transferre necese est* [Переводы стихотворений Эндре Ади в Подкарпатской Руси], в: *Теория и практика обучения славянским языкам*, Печ 1994.

- 1995 *Szibériai ukrán Petőfi-fordítások*, in: "Studia Ukrainica et Rusinica", Nyregyháza 1995: II.
- Spengler, O.
1920-1924 *Der Untergang des Abendlandes*, München 1920-1924.
- Tellér, G.
1981 *Versstruktúra és versfordítás*, in: *A műfordítás ma*, Budapest 1981.
- Vas, I.
1981 *Mit nehéz fordítani?* in: *A műfordítás ma*, Budapest 1981.

ABSTRACT

Der Autor wirft nach einer übersetzungstheoretischen Einleitung die Frage der adequaten Übersetzungen, der bewußten Umdichtungen und der schweren inhaltlichen Mißverständnissen auf und veranschaulicht diese mit Beispielen. Er bringt die Meinung zum Ausdruck, das die Mißverständnisse durch fehlende Kulturgeschichtliche Kenntnisse entstehen und nicht als Folgen sprachlichen Unwissens zu betrachten sind.

BILINGVIZMUS ÉS MŰFORDÍTÁS
(GONDOLATOK CS. AJTMATOV ÚJABB
MŰVEIR'L ÉS MŰFORDÍTÁSUKRÓL)

István Balogh – Marianna Sőrés

A magyar olvasóközönség az elmúlt évtizedekben hozzászólt ahhoz, hogy Ajtmatov műveinek fordítását “forró nyomon” olvashatta. Napjainkban ez a hagyomány változik. A *Плаха* c. regény (1986) műfordítása még viszonylag hamar elkészült és megjelent (1987), de az ezt követő műveket jelenleg az olvasó magyar nyelven nem találja meg a könyvtárakban.

Említésre méltó, hogy 1990-ben a „Знамя” folyóiratban az “Az évszázadnál hosszabb ez a nap” c. regényhez az író egy korábban a cenzúra által nem engedélyezett részt, egy legendabetétet publikált *Белое облако Чингизхана* címmel. Az alpmű sok vonatkozásban hármass szerkesztésű szövegéből hiányzott ez a harmadik legenda. Az utólagos megjelentetés nem erőltetett, hanem hiteles bizonyítéka annak, hogy korábban is létezett ez a rész, hiszen helye van a három cselekménysík egyikének hármass rendszerében.

A kisregény után jelent meg a *Богородница в снегах* c. mű, s végül 1994-ben látott napvilágot Zürichben a legújabb ajtmatovi regény műfordítása németül. Ajtmatov egy televíziós interjúban úgy nyilatkozott, hogy a *Тавро Кассандры* c. forrásmű hamarosan megjelenik orosz nyelven is.

Közismert Ajtmatov bilingvizmusa. A kirgiz és orosz nyelv anyanyelvi szinten való birtoklása és az azokon való párhuzamos alkotás nem új jelenség. A modern orosz irodalomban példaként említhetjük V. Bikovot, aki belorusz és orosz nyelven írja a műveit, vagy a Nobel-díjas Joszif Brodskijt, aki orosz és angol nyelven alkot párhuzamosan. A bilingvizmus a multikulturális hatás eredménye, s fényes bizonyítéka annak, hogy különböző kultúrák paradigmái megtermékenyítőleg hathatnak egymásra, ha a másságuk önjogúságát és szabadságát kölcsönösen elfogadják.

Szokatlan jelenség, hogy Ajtmatov műve először egy “harmadik” nyelven jelenik meg. Az okokat keresve megállapíthatjuk, hogy személyes és gazdasági-politikai motiváció is szerepet játszhatott a különös sorrendiségben. Az író szerződést kötött egy svájci kiadóval, s azt tervezi, hogy néhány korábbi művét, köztük az “Az évszázadnál hosszabb ez a nap” c. regényt is

Slavica tergestina 5 (1997)

átírja, mert korábban nem mindig sikerült “végigénekelni az éneket”. A művek átírását megelőzte egy új regény, a *Тавро Кассандры* megírása és német nyelven történő megjelentetése “*Das Kassan-dramal*” címen. (T. Aitmatow, *Das Kassandramal* [*Tavro Kassandry*], aus dem Russischen von Friedrich Hitzer, Unionsverlag, Zürich 1994).

Az “Az évszázadnál hosszabb ez a nap” c. regényt Rab Zsuzsa ültette át magyarra. Az eredeti művet és a műfordítást is ismervén megállapíthatjuk, hogy egy sikeres műfordítás került az olvasók elé. Az ekvivalencia elveinek megfelelően (Klaudy 1987) a forrásnyelvi és a célnyelvi szövegvilágok alapján ugyanaz az elbeszélésvilág és lehetséges világ (Csúri 1987) állhat össze az olvasói tudatban. Apróbb “eltéréseket” természetesen felfedezhetünk a forrásnyelvi és a célnyelvi szövegösszehasonlítás során. A kurzívan szedett és tizenkét alkalommal ismétlődő epikai rím olykor központozásban és egy alkalommal igeidőhasználatban eltérést mutat, s mindennek jelentésmódosító szerepe van.

Az ajtmatovi mű sajátos világában gyakran előfordulnak kirgiz, kazah személynevek, állatnevek és földrajzi nevek. A névadás nem véletlenszerű. A kirgiz hagyományok szerint a név állítmányi funkcióval bír. A név az ábrázolt életformát és annak filozófiáját testesíti meg (Кречетов 1986: 212). A nevek átváltási művelete – sok esetben “átírásuk” – látszólag egyszerű fordítói feladat, a valóságban azonban buktatókkal jár. Rab Zsuzsa nyitottságát és fordítói leleményességét tükrözi, hogy például az Укубала, Коспан, Дөненбай, Сары-Өзек nevek megfelelői a műfordításban a középázsiai nyelvek kiejtési szabályai szerint Ükübala, Köszpan, Dönenbáj és Szári-Özek. Az ajakkerekítéses “ö” és “ü” hangátváltással és betűk szerepeltetésével a műfordító a lehetséges világ egy kis színfoltját “csempészi vissza” a műfordítás szövegvilágába.

A Tlbutq név átváltása esetén a fentebb említett megoldás csorbát szenved. Az átírás nem pontosan fonetikus (Едигей – Jegyigej), a műfordító nem élt az ajakkerekítéses hangzók átváltásával sem. Az újabb szakirodalomban olvashatunk arról, hogy az írói névválasztás visszavezethető a tatár Ödögej névre (Mozur 1987).

A névadásnak megvan a funkciója Ajtmatov legújabb regényében is. Az alkotói módszert és a korábbi műveket ismervén – a forrásnyelvi szöveg hiányában –, a német nyelvű műfordításra alapozva az alábbi kép tárul elénk: a globalizáló és

szintézis-teremtő technikát folytatva az elbeszélő kilép a korábban ábrázolt lokalizált színhelyek teréből. A cselekmény földi és kozmikus színterei motiválják az elbeszélői névadást. A főbb szereplők – Robert Bork, Filofej – korábban Andrej Krylzew, Oliver Ordok, Anthony Junger – neve nagyban különbözik a korábbi ajtmatovi szereplők megnevezésétől, ugyanakkor éppen így valósulhat meg az új műben a tartalom és a forma egysége.

Különös figyelmet érdemel Filofej – Krilcov alakja és neve. Az orosz egyháztörténetből vett Filofej nevet Krilcov saját maga adta magának. Korábbi neve Andrej Krilcov volt (Id. Andrej Krylzew), de erre csak az epilógusban találunk magyarázatot: kisgyermekkorában zsákvászonba burkolva egy gyermekotthon külső lépcsőjén (Außentreppe) “felejtették” őt. Az orosz kéziratban minden valószínűség szerint a „крыльцо” felel meg a “külső lépcső” vagyis feljárat, lépcsőtornác kifejezéseknek. A „крыльцо” pedig a névadás alapjává válik, „Крыльцов” lesz belőle az orosz névadás szabályai szerint.

Oliver Ordok neve az elbeszélői interpretálásban érdekes módon magyar nyelvű asszociációkra ad alkalmat. Ordok úrnak, a demokrata elnökjelöltnek szokatlan megjegyzést tesznek egy választási nagygyűlésen: “Sie sind doch ungarischer Abstammung. Auf ungarisch bedeutet Teufel – Ördök!” (102. l.) (Ön magyar származású. Magyarul a Teufel annyit jelent, hogy – Ördök!) – Oliver Ordok figuráját felfoghatjuk ördöginek is, vagy éppen a semmivel, a nullával is asszociálhatjuk, hiszen a politikai csatározásokban kész ő egy pillanat alatt akár száznyolcvan fokos fordulatot is tenni a véleménynyilvánítás terén.

A hangokkal való játékos variációt nemcsak az Ordok – Ördök szemlélteti a műben. Robert Bork foglalkozását tekintve futurologus, de – mert szeret fényképezni – a felesége gyakran becézi őt fotorológusnak (Futurologe – Fotorologe).

Anthony Junger fiatal korára való tekintettel viseli a Junger (fiatal) nevet.

Konjuchanov KB-titkár nevében szerepel a „конюх” (lovász, lóápoló) elem, a titkár alakja ténylegesen állatgondozóra emlékeztet. – Krilcov doktor Konyuhanov titkár alatt dolgozott korábban egy Moszkva-környéki intézetben, ahol női elítélt rabok méhébe megtermékenyített petesejtet kellett ültetnie. A “munkája” során találkozott Krilcov doktor egy különös elítélttel, Runa Lopatina Fedulownával. Runa büszke magatartása, jelleme hívja fel Krilcov doktor figyelmét az általa végzett munka embertelenségére. Runa

jelként jelenik meg Krilcov életében – nevében az “R” a rovásírás egyik betűjele –, ekkor határozza el a doktor, hogy géntudós létére az űrben szeretne dolgozni. Az űrben “minősíti” Krilcov magát szentté, itt tesz világgraszoló felfedezést: a megszületendő magzatok jelzést rajzolnak a terhesség korai szakaszában anyjuk homlokára, miszerint sokan közülük nem akarnak e világra születni. Ez a jel a görög mitológiából ismert Kasszandra-jegy.

Runa Lopatina nevében a Lopatina családnév is különös jelentőséggel bír (лопата – lapát, ásó). Runa nem engedi, hogy méhébe megtermékenyített petesejtet ültessen Krilcov doktor. Tiltakozása halállal végződik, ásóval és lapáttal. Az ásó-kapa elválasztja Runát és Krilcovot a földi életben, ugyanakkor Krilcov (vagyis Filofej) öngyilkossága mintegy feloldja ezt az elválasztást.

Az elemzett példák bizonyítják, hogy a forrásnyelvi szövegmegértés és a műfordítás sokoldalú munkát igényel. Bonyolódik ez a szellemi munka és játék, ha az író is többnyelvűséggel bír, gondolkodása és nyelvi megjelenítőképessége nem sztereotíp. A többnyelvűség adta átváltási problémák feloldhatók. A nevek fordításánál az esetek többségében célszerű az átírással választani, de valamilyen módon ajánlatos utalni a forrásnyelvi asszociációs lehetőségekre, hogy a csak anyanyelvén értő olvasó is részese lehessen a szellemi játéknak, a rejtély megfejtésének, a jel dekódolásának.

IRODALOM

- Кречетов, В.
1986 *Верность выбора*, М. 1986.
- Csúri, K.
1987 *Lehetséges világok*, Tankönyvkiadó, Budapest 1987.
- Klaudy, K.
1987 *Fordítás és aktuális tagolás*, Akadémiai Kiadó, Budapest 1987.
- Mozur, Joseph P.
1987 *Doffing "Mankurt's Cap" Chingiz Aitmatov's The day lasts more than a hundred years and the Turkic Nacional Heritage*, University of Pittsburgh. Center for Russian and European Studies, Pittsburg 1987: DCV.

РЕЗЮМЕ

Общеизвестно, что Ч. Айтматов творит на киргизском и русском языках, но непривычно, что новый роман автора впервые выходит в свет на немецком языке (*Das Cassandra-mal* – перевод с оригинала). В новом романе часто встречаются говорящие имена, при переводе которых часто употребляется транскрипция, таким образом читатель, владеющий только языком перевода, лишается умственной игры, связанной с декодированием знака, спрятанного в именах. Именно поэтому было бы желательно ссылаться в переводах на значения имён и связанные с ними ассоциации значений имён в языке-источнике.

Slavica tergestina 5 (1997)

PROBLEM POLONIZACJI TEKSTU W STAROPOLSKICH
KOMPILACJACH PREKŁADÓW
LITERATURY APOKRYFICZNEJ

Elżbieta Stryjniak Sztankóné

Termin apokryf ma w kulturze europejskiej różne zastosowania. W badaniach historycznoliterackich upowszechnia się najszersze rozumienie tej nazwy. Apokryfy w tym znaczeniu to wszelkie utwory stymulowane Biblią powstałe od I do XIX w. (*Słownik literatury* 1990: 43-45).

Według definicji Kazimierza Borowicza, źródłowo objaśniającej etymologię tego terminu, literatura apokryficzna to literatura religijna starożydowska i starochrześcijańska, posługująca się formą i stylem biblijnym, związana z Pismem św. i na nim oparta, a jednak nie należąca do jego kanonu (Borowicz 1955: XIV-XVII).

Literatura ta wyrosła z silnego zapotrzebowania na przekazy dostarczające informacji o życiu i działalności Jezusa. To zapotrzebowanie jest tak stare jak chrześcijaństwo, a istnieje do dziś; tak więc nurt literatury apokryficznej liczy sobie bez mała 2000 lat nieprzerwanej historii. Świadczy o tym dobitnie dorobek sztuki o wymiarze światowym, w którym stale są obecne tematy i wątki oparte na Biblii.

W historii piśmiennictwa polskiego apokryfy zajmują trwałą pozycję i dzieje tego gatunku można prześledzić, poczynając od współczesności, a na najstarszej generacji naszych zabytków kończąc.

Owe najstarsze polskie apokryfy (chodzi tu głównie o rozmyślenia) nie są utworami oryginalnymi – stanowią kompilację źródeł łacińskich, francuskich, niemieckich. Ich pierwowzory można odnaleźć w powstałych między XII a XV w. zbiorach apokryfów takich jak: *Vita metrica* czyli *Vita gloriosa beatae Virginis Mariae et Salvatoris*, *Złota legenda* czyli *Legenda aurea sive historia lombardica* Jakuba de Voragine oraz w takich utworach jak: *Liber passionis* św. Bernarda, *Pasja* napisana przez Jakuba z Vitry, *Pasja* Henryka z St. Gallen i wiele innych, które, z kolei, też wszystkie bez wyjątku były inspirowane przez najstarsze apokryfy chrześcijańskie spisane między II a VI w. naszej ery. Są to: *Protoewangelia* Jakuba, *Ewangelia Pseudo-Mateusza* (na niej zaś są oparte: *Ewangelia Pseudo-Tomasza*, *Armeńska Księga*

Dzieciństwa i Arabska Księga Dzieciństwa), następnie tzw. *Ewangelia św. Piotra* oraz *Ewangelia Filipa*.

Polskie rozmyślenia z końca XIV w. oraz z XV i XVI koncentrują się głównie na medytacji, kumulują więc wszystkie te pierwiastki, które miały się złożyć na *meditatio*, *compassio* i *imitatio*, czyli dostarczyć przedmiotu rozważań, pobudzić odbiorcę do współczucia i skłonić do naśladowania.

Równoległe z tym gatunkiem rozwija się różnorodne piśmiennictwo religijne: powstają kolejne redakcje Biblii, artystyczne wyżyny osiąga literatura psalterzowa, bogato jest reprezentowana homiletyka. Pod koniec średniowiecza pojawiły się w Europie dzieła o ambicjach intelektualnych, powstałe jako rezultat działania średniowiecznych szkół mistycznych. Najwybitniejszy utwór z kręgu *devotio moderna* – ostatniej wielkiej szkoły mistycznej średniowiecza – *O naśladowaniu Chrystusa* Tomasza á Kempis był już w XV w. przepisywany w Polsce.

W zestawieniu z literaturą psalterzowo-biblijną, z twórczością Tomasza á Kempis czy Erazma z Rotterdamu, reprezentującego humanizm chrześcijański, rozmyśleniom pozostawała rola popularyzatorska. Rozmyślanie to romans duchowny, to literatura masowa staropolszczyzny. Apokryf pozostał przy takiej interpretacji biblijnych motywów biograficznych, która, spleciona z elementami medytacji, miała oddziaływać na emocje odbiorcy – odbiorcy masowego, niekoniecznie wykształconego, dla którego rzeczywistość biblijna, *realia* palestyńskie były bardzo odległe, trudne do wyobrażenia. Słuchacz (czytelnik) rozmyślań powinien był utożsamiać się emocjonalnie z bohaterami utworu. Inaczej nie byłoby możliwe osiągnięcie *meditatio*, *compassio* i *imitatio*. Czy polski odbiorca literatury apokryficznej w XIV, XV i XVI w. mógłby się identyfikować z postaciami egzotycznymi?

Autorzy wykorzystywali cały dostępny zasób poetyki biblijnej, również pewne tropy retoryczne, np. paralelizmy, nagromadzenia, powtórzenia, konkatencje – jak i elementy wiążące utwór z rzeczywistością polską.

Polska literatura apokryficzna to, jak wiemy, literatura obca adaptowana, przybliżana, popularyzowana w polskich kompilacjach. Adaptowana i przybliżana – inaczej mówiąc – polonizowana głównie w warstwie zewnętrznej, językowej, dzięki użyciu języka potocznego. Wyrazistymi elementami języka potocznego są obecne we wszystkich polskich rozmyśleniach liczne zdrobnienia. „Namyleysi szynaczkowye” – zwraca się Jezus

do apostołów, “Jezus (...) kłęczy podnyowschy rączky wzgorę” – głosi podpis pod jedną z miniatur w *Rozmyślaniach dominikańskich*; w *Męce Pana Jezusowej* czytamy: “Wkwietna niedziela gothował szia Pan Iesu nowym anyeswiczyaynym obyczayem do Jerusalem, ale mathvchna iego mila tego mu odmawiała”. I jeszcze jeden fragment pasyjny (z *Rozmyślań dominikańskich*): “Maluthką chwylkę polezał lezus vszmyerzony y vplakany. O yakoz thedy leżacz na kamyeny y czyęszko wzdychał y drzał jako rybka przed czyęszkoszczyą męky”.

“Najmilejsi synackowie”, “rączki”, “matuchna”, “malutką chwilkę”, “drzał jako rybka” – te wszystkie deminutiva są, oczywiście, nacechowane emocjonalnie, służą do oksreślania postaci pozytywnych, tych, z których przeżyciami mamy się identyfikować.

Podobną funkcję spełnia porównanie Jezusa do baranka, zaczerpnięte z symboliki biblijnej. Jako jego antyteza, dla uwypuklenia kontrastu między świetlaną postacią Boga-człowieka a okrucieństwem ludzi winnych jego śmierci, pojawia się w *Rozmyślaniach* porównanie Żydów do wilków: “(...) zidzy, iako wilczy iadowiczi, vchwacili Baranka smyerneho”. Porównanie to wykracza poza rzeczywistość palestyńską i przenosi nas w realia europejskie, chociaż niekoniecznie polskie, bo analogie można znaleźć w literaturze zachodnioeuropejskiej.

Podobnie ma się rzecz z nakładaniem elementów rodzimych realiów, rodzimej obyczajowości na odległą rzeczywistość biblijną. Oryginalność utworów polskich w tym zakresie sprowadza się do tego, że odwołują się bezpośrednio do realiów i mentalności polskiej, chociaż tendencja do stosowania tego rodzaju zabiegów ma zasięg ogólnoeuropejski.

Obrzęd pogrzebowy (pogrzeb Chrystusa) nosi wyraźne znamię polskich obrzędów wielkopiątkowych. W *Rozmyślaniach dominikańskich* czytamy: “A aniely sproczesyą sly przed czalem bozem y okolo czyala bozego wdalmatykach drudzy w albach nyosacz swyeczce przed czalem bozym”. Jeszcze jeden przykład: “O zayste slvszno to bylo ysz by byly rycerze y dworzanye krola wyechnego przy pogrzebye yego boskyey wszechmocnosczy”. Ostatni cytat jest interesujący z dwóch względów: owi “rycerze i dworzanie króla wiecznego” to znakomita egzemplifikacja nakładania się realiów nie tylko polskich, ale charakterystycznych dla stosunków społecznych ówczesnej Europy. Obok pojawia się zwrot “Jego Boska Wszechmocność”.

Na poziomie językowej organizacji tekstu, autorzy polskich rozmyślań, dotychczas ograniczeni rygiem wierności wobec łacińskich wzorców apokryficznych, mogą swobodniej korzystać z całej gamy zwrotów tytułarnych i grzecznościowych, jakimi dysponowała staropolszczyzna. A bogactwo tych środków było ogromne, ze względu na zhierarchizowanie ówczesnego społeczeństwa. Istoty boskie stały na samym szczycie owej hierarchii, czy nawet ponad nią. Autorzy staropolscy usiłowali więc zachować stosowny dystans wobec Chrystusa i Jego Matki, dlatego obok nieledwie familiarnych zwrotów “miły Jezus” i “Matuchna” pojawiają się tytuły “Jego Boska Wszeczmocność” – analogiczny do właściwego polszczyźnie “Jego Królewska Wysokość”, czy bardzo częste: “Jej Miłość”, “Jego Miłość”: “Y mowyly mathcze bozey (...) rzekącz kv yey myloszczy”, “Y dawaly czyęzke polyczky yego myloszczy” (*Rozm. dom.*). Jezus tytułuje swą Matkę “Twa Dostojność”: “Othoz dzysz yvsz zanye vmyeram, a wszako thwa dostoynoszcz myla mathko modlylasz szye zatho abymye bog oczyc zeszal naszwyath odkvpycz lvd” (*ibid.*).

Przyjrzyjmy się, jak radzą sobie autorzy rozmyślań z przedstawianiem żydowskiej hierarchii społecznej. W opartym na Wulgacie łacińskim tekście *Ewangelii wg św. Łukasza* (*Novum Testamentum* 1900: III: 2) czytamy: “sub principibus sacerdotum Anna et Caipha (...)”, co w XVI-wiecznej *Ewangelii* przetłumaczono jako: “Za książąt kapłańskich Annasza i Kaifasza (...)” (*Nowy Testament* 1556: III: 2) – jak widać, przetłumaczono wiernie i dosłownie, bardzo blisko oryginału; w XX-wiecznym tekście (*Biblia* 1975: III: 2) mamy tu słowo “arcykapłan”: “Za arcykapłanów Annasza i Kaifasza (...)”. W rozmyślaniach kapłani żydowscy są nazywani biskupami, a ich siedziby to – dwory: “ale ieden snich ymianim Kayfas kthori byl biskupem nathen czas (...)” (*Męka Pana Jezusowa*); w *Rozmyślaniach dominikańskich*: “O szynv bozy (...) wydzialesz oczyma bosztwa twego yz yvdasz vbyszku na dworze będącz szykuye wcyszko preczywo thoby”.

Szczególną pozycję zajmuje w polskich utworach pasywnych Pilat. Wydał wyrok śmierci na Jezusa, nie jest więc postacią pozytywną i na względy nie zasługuje, toteż w narracji wymienia się jego imię bez dodatkowych tytułów, lub stosuje się *pluralis maiestaticus*: “y dziwowali szye pilat temv” (*Rozm. dom.*). Uosabia jednak władzę i w dialogach ądzi tytułują go: “Przywyedzyon Iezusz zaszyę do pilatą oth herodą y rzekli zydwye panye pylaczye otoczyę krol herod darował tēm czlowykyem (...)” (*ibid.*);

“Ale zidowye wolaly: panye starosta osadzy rjchlej tego czlowyeka nasmyercz”. W *Rozmyślaniu przemyskim* ądzi tytułują Piłata królem i zwracają się do niego “Wasza Wielebność”: “(...) krolv pylaczye, tego snamy, yze yest syn czyeslyn Iozephov (...)”; “(...) proszyemy vasey vyelebnosczy, aby yemv kazal stacz przed tvoystolecz”.

W *Rozmyślaniu przemyskim* pojawia się inna postać – podwojskiego, interesująca nie tylko ze względu na nazwę, ale i na niuanse obyczajowe, charakterystyczne dla społeczeństwa polskiego, które wraz z tą postacią przedostają się do tekstu i współtworzą przedstawianą w nim rzeczywistość; “O tem, yako żydowie volaly napodvoyskyego, yz Iezuszovy taką czescz vczynyl a tako skarzyly Pylatovy (...) Czemvsz yego nyekazal zavalacz glossem, yako pravo podvoyskyego, alyesz pon poslal posla”. Podwojski to woźny sądowy, miał on wywoływać zawezwanych przed sąd. W ten sposób powinien się również zachować posłaniec Piłata. Ów podwojski bywa również nazywany rycerzem lub posłem, jako osoba pełniąca urząd, a więc mająca pewną rangę w społeczeństwie. Natomiast zwykły legionista rzymski, jeden z tych, którzy ukrzyżowali Jezusa, nie zasługuje na miano rycerza. Jego określa się jako włodykę, bo włodyka to w staropolszczyźnie żołnierz ubogi, najmnik – najbliższy odpowiednik rzymskiego legionisty. O nim autor *Sprawy chędogiej* napisze: “Potim włodyczy Pilatowi porosdzieleniu odzienya siedzacz strzegli Jesu Crista (...)”.

Herod w Ewangelii zarówno łacińskiej jak i polskiej jest nazywany tetrarchą: “Anno autem quinto decimo imperii Tiberii Caesaris, procurante Pontio Pilato Judaeam, tetrarcha autem Galilaeae Herode, (...)” (*Novum Testamentum* 1900: III: 1) – “Roku piętnastego cesarstwa Tyberiusza Cesarza gdy sprawował Poncius Piłath Iudeę. A Tetrarchą Galileey byl Herod (...)” (*Nowy Testament* 1556: III: 1). W polskim tekście Ewangelii wyraz “tetrarcha” odmienia się według deklinacji rodzaju żeńskiego – jako zakończony na samogłoskę “a” i zostaje zapożyczony do języka polskiego, włączony do systemu polskiej fleksji. Natomiast żaden tekst apokryficzny nie posługuje się tą nazwą, która dla masowego odbiorcy nic nie znaczyła. Herod we wszystkich apokryfach nazywany jest królem.

Jak wynika z obserwacji zaprezentowanego tu materiału, autorzy staropolskich apokryfów dość daleko posuwali się w swych zabiegach polonizacji tekstu. Ze względu na specjalną,

popularyzatorską funkcję literatury apokryficznej należy uznać to zjawisko za proces naturalny i nieunikniony.

PRZYPISY

- Biblia*
1975   *Biblia to jest Pismo Święte Starego i Nowego Testamentu*, Brytyjskie i Zagraniczne Towarzystwo Biblijne, Warszawa 1975.
- Borowicz, K.
1955   *Literatura apokryfów, wstęp pt.*, in: H. Daniel-Rops i F. Amiot, *Apokryfy Nowego Testamentu*, Biblioteka Polska, London 1955.
- Novum Testamentum*
1900   *Novum Testamentum graece et latine. Textus latinus et vulgata...*, Lipsiae 1900.
- Nowy Testament*
1556   *Nowy Testament polskim językiem wyłożony (...)*, Kraków 1556.
- Słownik literatury*
1990   *Słownik literatury staropolskiej*, red.: T. Michałowska, Ossolineum 1990.

РЕЗЮМЕ

Данная статья основана на материале древних польских апокрифов XIV-XV веков (*Rozmyślanie przemyskie, Rozmyślania dominikańskie, Sprawa chędogo*). Исползованные тексты представляют собой компилятивное изложение древнехристианских и западноевропейских источников. Проведённый анализ позволяет сделать вывод о том, что свою основную функцию эти апокрифы видят в *meditatio, compassio, imitatio*. Эта функция реализуется только при одном условии – максимального приближения библейской реальности к массовому сознанию.

Анализ текстов, представленных в данной статье, проведён только на лингвистическом уровне.

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ПЕРЕВОДА ПРОИЗВЕДЕНИЙ И. Э. БАБЕЛЯ НА ВЕНГЕРСКИЙ ЯЗЫК

Sandor Vegvari

Общеизвестно, что любое литературное сочинение, попадая в среду другой литературы, культуры, встречается с новой исторической действительностью и начинает с нею взаимодействовать. В большинстве случаев для него начинается вторая жизнь, в которой открываются новые просторы. Перевод на другой язык обновляет авторскую мысль – словно переводит её в другой регистр и придаёт ей новые оттенки. Национальное своеобразие другого народа, иные исторические условия и этнографические особенности как бы усложняют и тотчас же уточняют процесс восприятия данного литературного произведения. Поскольку художественные особенности, ценности любого литературного творения проявляются через язык, важно как можно точнее передать при переводе не только мысли автора, но и специфику его художественного языка. Однако на этом пути возникают определённые трудности, с которыми нужно справиться переводчику.

Среди трудностей, стоящих перед переводчиками И. Бабеля, нужно отметить те, которые, помимо общих, возникли в литературе двадцатых годов XX века: как известно, в этот период многие русские-советские писатели весьма сложно выражают свои мысли в языковом-стилистическом отношении, начиная с символической прозы А. Белого и В. Брюсова и кончая классической прозой К. Федина и Л. Леонова. Среди многочисленных стилистических обработок языка простого народа особую группу представляют произведения прозаиков, использующих специфический язык казачества, но и здесь наблюдаются значительные различия: литературный язык *Железного потока* А. Серафимовича буквально утопает в море диалектных форм, М. Шолохов удачно сочетает классический литературный язык с языком казачества, а у И. Бабеля получается весьма интересный сплав, состоящий из множества языковых пластов, а именно русского литературного языка, русско-украинского языка казачества, нового революционного языка эпохи Октября и русского языка еврейства XX века. Однако в разные

периоды творчества И. Бабеля по-разному складываются характерные черты и пропорции языковых-стилистических составляющих элементов, что вызывает дополнительные трудности при переводе как его ранних, так и более поздних рассказов и новелл.

И. Бабелю „повезло” в отношении переводчиков и любви к нему издательств Венгрии: его сочинения, точнее основные его произведения (вслед за *Избранным* 1957 и 1966 г.) перевел на венгерский язык один из лучших мастеров перевода – Ласло Вештели (Babel 1964), а остальные произведения (в ходе составления наиболее полного тома сочинений Бабеля в 1986 г.) – выдающиеся филологи-русисты Агнеш Геробен и Жужа Хетени (Babel 1986), а количество изданий его сочинений приближается к десяти – причём довольно большим для Венгрии тиражом. В успехе произведений Бабеля в Венгрии значительную роль сыграло то обстоятельство, что его творчество представляет собой как бы результат взаимопроникновения и взаимного обогащения нескольких национальных культур, близких венгерскому читателю, а именно – еврейской (древней и современной), русской, украинской (казацкой) и французской, но это обстоятельство создаёт и определённые трудности при переводе его сочинений.

Язык И. Бабеля, начиная с первого рассказа *Старый Шлойме* (1913), написанного в ключе русской классической литературы второй половины XIX века и, как такового, переводимого без всяких трудностей, постепенно наполняется стилистическими особенностями того социального слоя или группы, о которых он говорит: вершиной его мастерства являются два знаменитых цикла рассказов и новелл *Конармия* и *Одесские рассказы*, кстати, самые проблематичные с точки зрения художественного перевода на иностранные языки из-за богатства используемых в них языковых пластов, стилистических средств и приёмов.

При рассмотрении переводов бабелевских произведений, перед нами предстаёт совершенно разнообразная и пёстрая картина: здесь встречается и простая *невнимательность* переводчика, примером которой является пропуск нескольких абзацев конармейского рассказа *Вдова* или же *неточность словарной работы* в переводе рассказа *Мама, Римма и Алла*: в любовном эпизоде студент Мархотский целовал

Римму и „Он порвал ей кофточку и лиф”, а в венгерском переводе стоит: „Elszakította a lány kabátját, mellénykékét” (Babel 1972), то есть „Он порвал ей пиджачок и жилетку”.

Несомненно, самая трудная задача – передать языковую стилизацию и инородные стилистические элементы текстов (и здесь, пожалуй, больше всего теряет оригинал), например, таких текстов, которые созданы путём введения языковых особенностей русской речи евреев, то есть калькирования оборотов языка идиш: в рассказе *Детство. У бабушки* встречаются такие места: *мне сделалось грустно* (вместо – „мне стало грустно”); *он имел большие руки* (вместо – „у него были большие руки”) или же языковой юмор Бабеля: в этом рассказе бабушка хочет, чтобы её внук стал *богатырём* (имея в виду „богатого человека”, „богача”).

При переводе почти полностью теряются исковерканные фразы, словечки евреев, которые в плане языковой характеристики придают полнокровность и индивидуальность герою: например, Янкелю (из незаконченного рассказа *Три часа дня*), который вместо *горе* говорит „горевание”, *глупость* – „глупство”, *ералаш* – „каралаш”; или Гершковичу (из рассказа *Илья Исаакович и Маргарита Прокофьевна*), повторяющему вместо *глупость* → *глупство*, или вместо словосочетания *полная дама* употребляет „дама с весом”; в речи Гершковича также наблюдаются кальки идиша с глаголом *иметь*: „Каждый человек *имеет свои неприятности*” (вместо: „У каждого человека есть свои неприятности”). (Здесь нужно отметить, что, на наш взгляд, именно этот тип конструкции казался Бабелю наиболее характерным для героев еврейского происхождения.)

Не менее сложно с точки зрения художественного перевода передать тот специфический еврейский быт и образ мышления, который характеризует бабелевский рассказ *Шабос нахму* с его ритмичной прозой, орнаментализмом стиля, а также фразеологией, насыщенной библейской и народной мудростью, примером чего являются такие поговорки и пословицы, как: „Всякая картошка растёт на божьем огороде”, „Зачем подбрасывать поленьев в огонь, когда он и без того горит ярко”, „Сам бог положил эти слова на ваши губы” и т. д. А среди ритмических явлений особо нужно подчеркнуть места, в которых бабелевская

проза переходит прямо в стихи и которые очень трудно поддаются переводу, в первую очередь потому, что переводчик часто не замечает ритмики этих мест и не старается передать особенности ритмической прозы, к примеру: „Лошадь корчмаря понуро повезла пустую телегу к тому месту, где она оставила своего хозяина”, а это простое – на первый взгляд – ничем не отличающееся предложение, полностью ритмизированное: „Лошадь корчмаря / понуро повезла / пустую телегу / к тому месту / где она оставила / своего хозяина”.

Особый интерес представляет из ранних рассказов И. Бабеля *Иисусов грех* с переплетением разных стилистических пластов русского народного просторечия десятых годов XX века, русского литературного языка и церковного, библейского языка. Наиболее ярким примером первого пласта являются трудно переводимые на другие языки *фразы*, встречающиеся в изобилии в этом сочинении: „он как в душу поплевал”, „до брюха не очень клонись”, „время три месяца отчеканило”, „ему бы в матери сырой земле лежать”; *поговорки*: „В ухо себя не поцелуешь”, „Вода текёт, звезда сияет, мужик ярится” и другие. Также невозможно передать *архаизмы*, появляющиеся в употреблении третьего лица множественного числа вместо третьего лица единственного числа для выражения почтительного отношения говорящего: „Трофимыч – большие грубияне”, хотя подобный тип конструкции не раз встречается в рассказах И. Бабеля.

Огромную пробу сил означает для любого переводчика цикл рассказов и новелл Бабеля *Одесские рассказы*, ибо в нём причудливо и чудесно переплетается множество стилистических пластов: литературного языка, народного просторечия с его пословицами и поговорками, исковерканного русского языка российских евреев, библейского-церковного языка и официального стиля. Здесь с точки зрения перевода самое простое положение встречается в случае оборотов русского литературного языка, таких, как: „Три тени загромождают пути моего воображения”; „Кто вникает в смысл немногих слов Короля?” и т. д. ; труднее перевести обороты *разговорной речи* (просторечия): „во двор затесался молодой человек”, „хоть завались”, „Видно, вы тёртый старик!” и т. д. ; *пословицы и поговорки* (правильные):

„Глупая старость жалка не менее, чем трусливая юность”; „Подкладка тяжёлого кошелька сшита из слёз”; „Перестанем размазывать белую кашу по чистому столу”; и *исковерканные*: „Пьян, как водовоз” (правильно: „Он пьян как сапожник”) или „Свинья со свиньёй не встречается, а человек с человеком встречается” (правильно: „Гора с горой не сходится, а человек с человеком сойдётся”). Почти невозможно передать тот эффект, который вызывают *кальки идиши* для носителей русского языка: „я имею вам сказать пару слов”, „пусть вас не волнует этих глупостей”, „и он пострадал же через своих молдавских”, „не имей привычку быть нервным на работе”, „Покупщик его носил возле усов подусники” и т. д. ; а церковно-библейский язык и официальный стиль не означает особых трудностей для переводчика.

В заключение нам хочется подчеркнуть следующее: вышеназванные ссылки на невозможность или недостаточную точность перевода отнюдь не означают, что мы не считаем удачными переводы сочинений И. Бабеля на венгерский язык. Нам лишний раз хочется напомнить лишь о том, что работа переводчика весьма ответственная, требующая чрезвычайного внимания ко всем, казалось бы незначительным, подробностям литературного произведения и широкого знания тех культурных ценностей и языковых пластов (начиная с литературного языка и кончая народным просторечием, порою и жаргоном), на которые опирался писатель при создании своего неповторимого произведения, которое всё же повторяется при художественном переводе, и этим самым оно становится достоянием и других народов, частью других национальных культур.

ЛИТЕРАТУРА

- Babel, I.
1964 *Művei. Elbeszélések és színművek*, ford.: László Wessely, Magyar Helikon Kiadó, Budapest 1964: 440.
- 1972 *Mama, Rimma és Alla*, ford.: János Elbert, in: *Lovashadsereg és egyéb elbeszélések*, Európa Könyvkiadó, Budapest 1972: 219.
- 1986 *Művei*, ford.: János Elbert, Ágnes Gereben, Zsuzsa Hetényi, Zsuzsa Király, László Wessely, Európa Könyvkiadó, Budapest 1986: 839.

ABSTRACT

The author of the study first examines those common features of Isaac Babel's literary works which determine the possibility of translation; later he mentions some characteristic notions of Hungarian translators, Hungarian publications and the premises for the reaction to them.

In connection with the translation of concrete works the author points out cases of mistranslation, which are luckily not too many, then analyses the cases in detail in which the translator's task is more or less difficult. He indicates typical cases where adequate and precise translation becomes impossible: he refers to phraseologism and cases of word-by-word Russian translation from Yiddish.

АНТОНІМІЯ В ПОЕЗІЇ ЯНКИ КУПАЛИ ТА ЇЇ ВІДТВОРЕННЯ УКРАЇНСЬКОЮ МОВОЮ

Ярослав Чорненький

Зближення націй, контакти в сфері культури, мистецтва, літератури є неможливі без дієвого посередника – перекладу, який іде в одному руслі з оригінальною творчістю, розвиваючи мову, розширюючи понятійне коло мовців. А точність перекладача, його вміння безпомилково передати не тільки основну думку, сюжет твору, але і стиль автора – ось деякі з важливих проблем, які цікавлять теоретиків перекладу.

Переклад – мистецтво. Найважливіше місце в перекладознавстві займає проблема точності перекладу. Проте, одні вважають, що переклад повинен бути повноцінним (Фёдоров 1983), другі – вірним (Рыльский 1958), треті – реалістичним (Гагачелидзе 1972). Але більшість перекладачів знаходять ідеал відповідності не в наданні виключної переваги будь-якому з двох протилежних методів – точності чи вільності, не в механічному їх змішуванні, а в розумному, гармонійному поєднанні, що ґрунтується на глибокому й об'єктивному науковому аналізі оригіналу. Адже їкожній мові і кожній епосі – властиві свої засоби вираження, відмінні від аналогічних засобів іншої мови і іншої епохи не тільки зовнішнім виглядом – формою, але й смисловим змістом та емоційним забарвленням. Кожна мова, сприймаючи дійсність по-своєму, оформляє її відповідно до своєї власної системи знаків. Тому кожна мова досить оригінальна у відображенні дійсності й містить у собі чимало особливостей, які не можна відтворити в якійсь іншій мові. Внаслідок цього абсолютно точний переклад з однієї мови на іншу по суті – неможливий” (Матезиус 1967: 445).

Історія українського та білоруського народів – це історія народів одного слов'янського кореня. Твори Янки Купали перекладено на десятки мов народів світу. Поезія *А хто там іде?* – майже на сто мов.

Янка Купала був тісно зв'язаний з життям України. Він був дійсним членом АН Української РСР, знав історію українського народу, фольклор, літературу. Сам, як один із

творців білоруської літературної мови, тонко відчував українську, перекладав на білоруську твори Тараса Шевченка, якого любив протягом усього свого життя, бо „паэзія вялікага украінскага кобзаря Шаўчэнкі натхняла беларускага песняра на самаадданная служэння працоўному народу” (Бровка 1971: 8).

Великий внесок у справу донесення до українського читача поетичного слова Янки Купали зробив Павло Тичина. Його майстерні переклади дуже точно передають зміст та ідеї оригіналу і майже оптимально відтворюють стилістичні властивості творів білоруського поета. Павло Тичина і Янка Купала підтримували дружні зв'язки. „Ми з Янкою Купалою не про все поговорить устигли при наших зустрічах, а мені здається, що нам буквально все було відоме одне про одного, і що всі питання життя перед нами пройшли уже при повному обопільному обговоренні” (Купала 1953: 5).

Крім П. Тичини, твори Янки Купали перекладали М. Рильський, А. Малишко, В. Сосюра, М. Бажан, М. Стельмах, Д. Павличко, Р. Лубківський та інші.

Поезії білоруського пісняра написані простою і зрозумілою мовою. Його вірші часто подібні на народні пісні, тому швидко знаходили стежки до серця читачів. Необхідно підмітити, що Янка Купала разом зі своїм побратимом по перу, Якубом Коласом, були не лише основоположниками нової білоруської літератури, а й основоположниками білоруської літературної мови. Переклади їх творів на українську мову здійснювалися в той час, коли українська мова досягла високого рівня розвитку, розмаїття в усіх стильових жанрах.

У мовознавстві визначено основні напрямки дослідження лексичних систем слов'янських мов в порівняльному аспекті. Це – метод загального використання інтернаціональних лексем, народні елементи, їх структурні типи, основні відповідності в передачі характеру „внутрішніх форм” (Виноградов 1953: 3-13).

При дослідженні мови оригіналу і мови перекладу близькоспоріднених слов'янських мов, таких, зокрема, як українська і білоруська, виявлення характеру „внутрішніх форм” має першочергове значення, бо саме „внутрішня форма” служить основою конотативних сполучуваностей.

У нашому дослідженні прагнемо, виявивши антонімічні зв'язки у творах Янки Купали, зіставити їх з аналогічними зв'язками в перекладах українською мовою творів білоруського поета, і таким чином виявити, наскільки точно передано в перекладах українською мовою точність висловлювання, красу і багатство мови Янки Купали.

Матеріали дослідження: Янка Купала, *Зібрання творів у семи томах*, Мінськ 1971; Янка Купала, *Вибрані твори*, переклад з білоруської, ред. П. Тичина, К. 1953.

У поезіях Янки Купали антонімічних пар небагато, однак вони відзначаються влучністю, і саме на них будується купалівська антитеза. Їм притаманна велика художньо-виражальна сила, бо на тлі контрастів поет „яскраво змальовує картини життя, складні переплетення почуття і мислі” (Вихованець 1990: 139).

Поезії білоруського пісняра наповнені антонімією різних частин мови. Найбільш поширеними є антоніми-прикметники та антоніми-іменники.

Розглянемо декілька антонімічних пар поезії Янки Купали та відтворення їх українською мовою. В основному розглядатимемо ті антонімічні пари, які знаходяться в одній строфі.

Так, у вірші *Я мужык – беларус* зустрічаємо антоніми „цёмен” – „белы”. Цю антонімічну пару автор використовує для зображення важкого життя простого білоруського народу в дореволюційний час. Дані лексеми мають у своїй семантиці чітко виражене протиставлення. Янка Купала пише:

Я мужык – беларус,
Пан сахі і касы;
Цёмен сам, белы вус,
Пядзі дзве валасы.

За класифікацією В. Кодухова – це антоніми градуальної і координованої протилежності. Проте дану антонімічну пару можна розглядати і як контекстуальні антоніми, оскільки словом „цёмен” автор відображає не лише колір обличчя бідака-трудівника, а і його неграмотність. Це засвідчує одна із строф вірша:

Эй, каб *цёмен* не быў,
Чытаць кніжкі умеў,
Я б і долю здабыў...

У перекладі наведена антонімічна пара передана без змін.

Я мужик-білорус,
Пан коси і сохи;
Темний сам, *білий* вус...

а також:

Коли б *темний* не був,
Коли б кніжку читав,
Я б і долю зробив...

У вірші *Мужык* наявна антонімія „малий” – „старий”. Ці лексеми характеризують вік людини. У них чітко виражене протиставлення. В оригіналі ці лексичні одиниці вплетені у наступний контекст:

Ці я *малы*, ці я *старык*,
Працюю, як той вол рабочы,
Бо я мужык, дурны мужык.

Своєрідним у даній антонімічній парі є те, що в зв'язок тут вступають іменник – „старык” і субстантивованій прикметник – „малы”. Перекладач у перекладі опускає дану пару. Тут читаємо:

Заліті потом мої очі,
Світ радості для мене зник,
Як віл працюю дні і ночі,
Бо я мужик, дурний мужик.

Ця заміна зумовлена тим, що в українській мові слово „старик” не використовується, а вживається слово „старий”. Вживання ж цього слова у вірші порушило б римування.

У вірші *Спросоння* знаходимо кілька антонімічних пар. Причому тут одна з лексем знаходиться в одній строфі, інша – в наступній. Наприклад: „спёка” – „сцюжа”:

Няма патолі і ад неба:
То студзе, то *спёкай* пяче. (...)
Зімой ад *сцюжы* не атуле,
А ўлетку горача хадзіць.

У перекладі дану антонімічну пару не знаходимо. Їх замінено іншими. Слово „спёка” перекладено як „вогонь”, а „сцюжа” – „холод”.

Нема polegшання й від неба:
То студить, то *вогнем* пече. (...)
Узимку *холод* пропускає,
А влітку гаряче ходить.

На нашу думку, така заміна викликана не лише римуванням, але також і тим, що для української мови більш властивим є вживання таких словосполучень, як „вогнем пече”, а не „спекою пече”; „холод пропускає”, а не „студінь пропускає”. В перекладі цієї строфи є ще одна заміна. Янка Купала пише: „ад сцюжы не атуле”, що дослівно перекладається „від студені не затулить”. Використання такого дослівного перекладу було б недоречним, тому що порушило б ритмомелодику вірша, і не точним.

В останній строфі цього ж вірша є прислівникова пара. Це слова: „днём” – „ночай”.

Чакаў і *днём*, чакаў і *ночай*,
І ўжо абрыдала чакаць (...)

Перекладач цю антонімічну пару передає як іменникову: „дні” – „ночі”.

Чекав і *дні*, чекав і *ночі*,
І острогидло вже чекать.
Встаю. Іду у світ за очі,
За кривди плату відшукать.

Така заміна викликана римуванням „ночі” – „очі”.

Багатим на антонімічні пари є вірш *Родныя песні*. Вже назва поезії містить одне із слів антонімічної пари „родныя” – „чужыя”. Янка Купала пише:

На руки людскія наложыць аковы,
Край стопчуць, заграбяць *чужыя* народы,
У песнях народны край, *родныя* словы
Жылі, і жывуць, і жыць будуць заўседы.

У перекладі немає жодного слова цієї антонімічної пари. Словосполучення „чужыя народы” перекладач не використовує зовсім. Строфа набуває наступного звучання:

На руки невтомні наложать окови,
Загарбають край, його доли і ріки
У пісні народній наш край, наше слово
Жили і живуть і не згинуть повіки.

На нашу думку, в оригіналі думка більш чітка. Можна стверджувати, що в даному випадку маємо справу з вільним перекладом.

У цьому вірші зустрічаємося з двома однокореневими антонімічними парами. Обидві вони знаходяться в одній строфі. Це – „нядоля” – „доля” та „няволя” – „воля”.

У вас адаб'ецца *нядоля* і *доля*,
Уздыханні, што ходзяць з сахою, з сякерай,
І холад, і голад, *няволя* і *воля*,
І у будучнасць ясну надзея і вера.

Ці антонімічні пари без змін подані у перекладі:

У вас одіб'ється *недоля* і *доля*,
Зітхання, що ходять, де плуг і сокира,
І холод, і голод, *неволя* і *воля*,
І в світле майбутнє надія і віра.

Наведений вище приклад переконливо свідчить про те, що слова з префіксом *не-* слід вважати антонімами, оскільки в

них чітко виражене не заперечення, а протиставлення, що є основною ознакою антонімів.

У вірші *Я не для вас...* знаходимо одну антонімічну пару. Своєрідним для неї є те, що в антонімічні відношення вступають іменник „паны” і субстантивований прикметник „бедны”.

Я не для вас, *паны*, о не,
А для *бедных* і загнаных,
Я з імі мучуся ўраўне,
Б адных закут з імі кайданах (...)

Переклад без змін подає антонімічну пару:

Я не для вас, *пани*, е ні,
А я для *бідних* і для гнаных,
Ділю страждання їх страшні,
Я з ними разом у кайданах (...)

У вірші *Перед бурай* знаходимо контекстуальні антоніми „замрэ” у значенні „затихне” і „заграхоча”.

Так толькі бывае прад летняю бурай
І птушка *замрэ*, й пагляд сонца нясмелы,
На небе ж збіраюцца хмура за хмурай,
І гром *заграхоча*, і дрогне свет цалы.

Перекладач і в даному випадку подає строфу без змін.

Бувае так тільки під бурю улітку
Пташки *завмирають*, і сонце несміле,
І хмари вкривають небесну намітку,
Та грім *загуркоче* й здригнеться світ цілий!

У переклад цієї строфи перекладач вносить образний вислів „небесна намітка”, що збагачує мову перекладу, а також служить римуванню „улшїтку” – „намшїтку”. Читаючи цей вірш, неможливо не відмітити близькість поезії Янки Купали і творчості Максима Горького. В обох митців революція зображена в образі бурі.

У вірші *Я не паэта* є іменникова антонімічна пара: „ўпадок” – „хвала”.

Кожны край мае тых, што апяваюць,
Чым ёсць для народа ўпадок і хвала,
А беларусы нікога же не маюць,
Няхай жа хоць будзе Янка Купала.

Перекладач не вводіць слів „упадак і хвала” у строфу, а описово подає те, що хотів сказати Янка Купала даною контекстуально-антонімічною парою.

Край кожен тих мае, що в пісні співаюць,
В чім сила народу, чому занепала,
А білоруси нікого ж не маюць,
Нехай же їм буде хоч Янка Купала.

На нашу думку, така заміна зв'язана з римуванням.

Цікавим у поезії *Песняру-беларусу* є те, що тут знаходимо антонімічні відношення не тільки між словами, але й між словом і фраземою.

Отже, виділяємо антонімічні пари: „жыць” – „памерць”, „жыць” – „на той свет сойці”. Крім того, слово „памерць” і фразема „на той свет сойці” вступають між собою в синонімічні зв'язки.

І важна слаўлен песнярыста,
На той свет сойдзеш, як лісток
Памёр песняр. – Над белым крыжам
За годам год перабяжыць;
Напамяць імя пяўца зліжа,
А песня будзе *жыць* і жыць!

Перекладач строфу передає без змін, лише у фразеологічному звороті замінено слово „сойдзеш” словом „злетиш”, що передає зміст більш високим стилем.

І вічно-славний, в сяйві новім
Злетиш на той світ, як лісток
Умер пісняр. – Над прахом хиже
Свавілля зим перебіжить;

Ім'я співця непам'ять злиже,
А пісня буде жить і жить!

Антонімічні зв'язки в поезіях Янки Купали виразно проявляються і в синонімічних рядах. Антонімія породжується тут через зв'язок особистого ставлення автора до того, що він говорить.

Зокрема в синонімічному ряді *гаварыць, сказаць, гутарыць, гамоніць, шэптаць, бубніць, прагудзець, падняць, скібінец слова*, який ми зустрічаємо у поезії Янки Купали, відчутно виражені попарні антонімічні зв'язки. Ми зробимо спробу вичленувати з даного синонімічного ряду антонімічні пари та на прикладах вживання цих лексем у контексті постараємося довести можливість антонімічних зв'язків.

Стержневим словом даного синонімічного ряду є слово „гаварыць”. Янка Купала використовує його в реченні: „Цяпер і вы загаварылі”.

Слово „гаварыць” є нейтральним щодо емоційно-експресивного забарвлення. У перекладі: „Тепер і ви загамоніли”.

Слово „загамоніли” надає реченню вже певного емоційного звучання. Проте воно близьке до нейтрального – *заговорили*.

Слово „шэптаць” – означає „говорити дуже тихо”. „Прагудзець” – навпаки, – „сказати щось дуже голосно”. Це показує і контекст.

А вецер ім бязбожныя напевы
То ціха шэпча, то гудзіць, як звір.

Отже, слова „шэптаць” – „гудзець” разом з тим, що вони належать до одного синонімічного ряду із стержневим словом „гаварыць”, вступають між собою і в антонімічні зв'язки.

Цікавим є також і те, що на прикладі одного із слів даного синонімічного ряду ми спостерігаємо явище енантіо-семії. Це слово „гамоніць”. В одних випадках це слово означає тихе говоріння, як це видно на прикладі поезії Янки Купали:

Звод нейкі гамоніць, шапоча:
– Калодаю, дружа, ты будзь!

В інших випадках, навпаки, слово „гомоніти” означає „говорити досить голосно”:

Тепер і ви загомоніли,
І вже хвала взамін хули.

Іменниковий синонімічний ряд *дарога, шлях, гасцінец, перавоз, сцяжына* також має між своїми членами антонімічні відношення. Найбільш чітко це проявляється між лексемами „шлях” і „сцяжына”. Оскільки слово „шлях” ознчає широку, довгу дорогу, а слово „сцяжына” – вузьку доріжку, протоптану людьми переважно в полі або в лісі. Янка Купала вплітає ці лексичні одиниці в наступний контекст:

Гулам звона скажу, цябе шлях пакажу (...)
Сцяжыны замкнуты туды, дзе ясны быт
Душы не кідае ў бадыле.

У поезіях Янки Купали антонімічні пари несуть у собі великий смисловий емоційний заряд, який майже повністю знаходить своє віддзеркалення в перекладах українською мовою.

З розглянутих нами антонімічних пар – десять перекладено адекватно, три антонімічні пари перекладач подає описово, одну пару антонімів замінює іншою.

На основі дослідження можна сказати, що у перекладах українською мовою Янки Купали дуже точно за допомогою синонімічних засобів, антонімічних протиставлень і фразеологізмів передається ідейно-поетичний задум творця. Прагнучи якнайтонше і якнайточніше передати зміст, і в той же час зберегти стилістичну специфіку, колорит висловлювання, перекладач проводить відбір лексичних і граматичних засобів української мови для перекладу творів білоруського поета. Переклади не збіднюють поезію Янки Купали саме тому, що перекладач навіть при заміні слів, що є необхідним для збереження ритмомелодики, зберігає ідейний зміст та задум оригіналу.

ЛІТЕРАТУРА

- Виноградов, В. В.
1953 *Основные типы лексических значений слова*, „Вопросы языкознания”, 1953: V: 3-13.
- Гачачелидзе, Г.
1970 *Введение в теорию художественного перевода*, Тбилиси 1970.
1972 *Художественный перевод и литературные взаимосвязи*, М. 1972.
- Кодухов, В. И.
1979 *Введение в языкознание*, М. 1979.
- Матезиус, В.
1967 *Язык и стиль*, Пражский лингвистический кружок, М. 1967.
- Михайлов, В. А.
1983 *К вопросу о логической базе антонимии*, „Вестник Ленинградского университета”, 1983: XIV.
- Рыльский, М. Т.
1958 *Художественный перевод с одного славянского языка на другой*, М. 1958.
- Фёдоров, А. В.
1983 *Основы общей теории перевода*, М. 1983.
- Бровка, П.
1971 *Передмова*, у: Янка Купала, *Зібрання творів у 7 томах*, Мінськ 1971.
- Вихованець, І. А.
1990 *Таїна слова*, К. 1990.
- Купала, Я.
1953 *Вибрані твори*, переклад з білоруської, ред.: П. Тичина, К. 1953.

1971 *Зібрання творів у 7 томах*, Мінськ 1971.

Прохарава, С. М.

1982

Аналіз руских і польських перекладаў верша Я. Купалы А хто там ідзе?, „Вестн. Беларус. ун-та”, 1982: II.

РЕЗЮМЕ

Доклад *Антонимия в поэзии Янки Купалы и её воспроизведение в украинском языке* отображает особенности перевода антонимических пар в стихах белорусского поэта на украинский язык.

Произведения Янки Купалы не перенасыщены антонимами. Автор удачно использует их для изображения контрастов. Антонимические пары поэзий белорусского песняра несут в себе большой эмоциональный заряд, который почти полностью находит своё отображение в украинских переводах. Наиболее употребляемыми в стихотворениях поэта антонимы-существительные и антонимы-прилагательные.

Среди проанализированных нами антонимических пар – десять переведено аналогично оригиналу, три – переводчик подаёт посредством описательных конструкций, одну пару антонимов автор перевода заменяет совершенно другой, что касается её принадлежности к части речи.

Переводы на украинский язык стихотворений Янки Купалы не оскудевают даже при замене одних лексических единиц другими, что иногда необходимо для сбережения мелодики произведения. Потому, что переводчик сберегает идейный смысл и замысел оригинала.

Capitolo 14

MODELLI DI ESTRAZIONE E COLLOCAZIONE

Il contenuto di questo capitolo è sostanzialmente un'applicazione del procedimento sequenziale del n° 13.2.5 allo studio dei problemi d'estrazione che vengono qui approfonditi – casi particolari si trovano tra gli *Esempi* 4.1.1 e 13.2.3 – anche perché saranno utili come esempi di riferimento nei *Capitoli* 15 (*indipendenza stocastica*) e 16 (*scambiabilità*), Vol. II. Vengono studiate sequenze d'estrazione da un'urna contenente oggetti di *tipo diverso* in tre *modalità d'estrazione* – *con, senza rimessa e con contagio* (rimessa assieme a un oggetto dello stesso tipo) – nell'ipotesi di *scelta a caso* dell'oggetto in ogni estrazione (*modelli base*) e loro *generalizzazioni* (distribuzioni sui *tipi* di oggetto assegnate con funzioni peso). Nel § 14.2 si studiano i modelli con *due alternative* – urna contenente palline (oggetti) bianche e rosse – e per ogni modalità si determina la *distribuzione del numero di successi* (estrazioni di pallina bianca) in n estrazioni – la *probabilità sulla sua* partizione canonica –. Nelle modalità *con, senza rimessa e con contagio* si trovano nell'ordine le distribuzioni *binomiale* (n° 14.2.1), *ipergeometrica* (n° 14.2.2) e *di Pólya* (n° 14.2.3). I modelli con *più alternative* vengono studiati nel § 14.3, ove in corrispondenza alle tre modalità si introducono le distribuzioni *multinomiale*, (n° 14.3.1), *ipergeometrica multipla* (n° 14.3.2) e *di Pólya multipla* (n° 14.3.3). Nel § 14.4 si interpretano i modelli *collocazione* (di classificazione per caratteristica) come modelli d'estrazione di una caratteristica per ciascun oggetto e si studiano quelli corrispondenti alle tre solite modalità, in cui si ritrovano tre modelli della fisica delle particelle – più generale quello relativo al modello con contagio –, introdotti classicamente in convenienti ipotesi di simmetria.

14.1 Modelli d'estrazione

Si è fatto cenno nel § 4.1 che il primo approccio al calcolo delle probabilità ha avuto luogo con lo studio di problemi collegati a giochi d'azzardo, i quali, nella maggioranza, si prestano ad essere trattati come problemi d'estrazione di oggetti da un'urna; o perché così si presentano già in origine – com'è nel caso del lotto e di lotterie varie – o dopo convenienti interpretazioni – ad es. nei giochi a dadi, roulette, giochi di carte, problemi di collocazione –.

L'interesse per lo studio dei problemi collegati a **schemi d'estrazione** è solo in piccola parte dovuto alle applicazioni ai giochi d'azzardo. A schemi d'estrazione vengono infatti ricondotti – se non altro in un primo approccio – problemi di rilevante importanza, riguardanti vari aspetti dell'attività umana. È facile intuire le possibilità di applicazione nel campo della statistica per indagini induttive sulla classificazione di "popolazioni". Come detto, le possibilità di applicazione, in senso induttivo e non, sono però molto variegata. Basterà citare alcuni campi, come quello del controllo di qualità, della meccanica statistica, delle assicurazioni, dei problemi di diffusione, compresi quelli epidemici. Indicazioni su taluni di questi modelli proposti saranno date a suo luogo, dopo introdotto l'appropriato modello d'estrazione. Problemi d'induzione statistica, collegati a modelli d'estrazione, sono trattati con qualche dettaglio nel *Complemento* 16.2.4, Vol. II, per spiegare con semplici esempi l'uso corretto (coerente) delle frequenze osservate al fine di ottenere valutazioni di probabilità.

Lo schema d'estrazione che andremo ad esaminare prevede un'urna contenente m oggetti di t tipi, il tipo h -esimo di numerosità m_h ($m = m_1 + \dots + m_t$). Vediamo qualche esempio tra quelli considerati nel n° 4.1.1: nel gioco del lotto – primi cinque *Esempi* – ogni pallina è distinguibile dalle altre (è numerata) e riesce perciò $m = t = 90$, $m_h = 1$ ($h = 1, \dots, 90$); situazioni analoghe si hanno quando si lancia un dado, ove gli oggetti sono le 6 facce ($m = t = 6$), e nei problemi di collocazione dell'*Esempio* 13, ove gli oggetti sono 3 cassetti distinguibili ($m = t = 3$); gli oggetti sono ovviamente le carte nei giochi a carte e a seconda dei fini esse vengono considerate indistinguibili se dello stesso rango e allora $m_h = 4$ – ad es. per quasi tutti i punti del poker ed è $t = 8$ e $m = 32$ nell'*Esempio* 6 – oppure dello stesso seme e allora $t = 4$ – ad es. per i punti colore e scala reale nel poker ($m_h = 8$, $m = 32$) e ai fini della distribuzione nel gioco del bridge (*Esempio* 7), in cui $m_h = 13$ e $m = 52$ –; sono palline di colore diverso e per il resto indistinguibili negli *Esempi* 9, 10, 11 – 8 bianche e 2 nere ($t = 2$, $m_1 = 8$, $m_2 = 2$, $m = 10$) – e nell'*Esempio* 12 – 1 bianca, 2 nere, 3 rosse, 4 verdi ($t = 4$, $m_1 = 1$, $m_2 = 2$, $m_3 = 3$, $m_4 = 4$, $m = 10$) –.

Circa le modalità d'estrazione, considereremo dapprima modelli che prevedono una sequenza di estrazioni di un oggetto per volta, *a caso in ogni singola estrazione* – come negli *Esempi* del n° 13.2.4 (eccetto che per un quesito) –. Se sono s gli oggetti presenti nell'urna in una di tali estrazioni e sono s_h quelli di tipo h , allora ogni oggetto ha probabilità $1/s$ di essere scelto e s_h/s è la probabilità che venga scelto un oggetto di tipo h . Inoltre, ogni modalità d'estrazione prevede regole che prescrivono come comportarsi prima di effettuare la prossima estrazione. Abbiamo già incontrato negli esempi le modalità *con rimessa*, in cui è prescritto che l'oggetto estratto venga rimesso nell'urna (reimbussolato), e *senza rimessa*, in cui l'oggetto non viene reimbussolato. Considereremo qui come terza modalità quella *con contagio* o

incremento unitario, in cui è prescritto che dopo ogni estrazione l'oggetto venga reimbussolato assieme ad uno dello stesso tipo. Studieremo essenzialmente questi tre modelli. Per quelli con rimessa e con contagio daremo anche una versione generalizzata, consistente nel considerare gli oggetti nell'urna tutti distinguibili e sostituendo l'ipotesi di scelta a caso con regole che interpretano convenientemente le due modalità d'estrazione.

Sin qui i modelli menzionati prevedono che in ogni singola estrazione venga scelto un solo oggetto. Nulla vieta naturalmente di considerare anche modelli che prevedono l'estrazione di più oggetti per volta, diciamo n su m presenti nell'urna. Con qualche cautela – al momento di ogni singola estrazione deve essere $n \leq m$ – essi sono però facilmente riconducibili ai modelli precedenti, immaginando un'urna contenente come oggetti la totalità dei sottoinsiemi di n oggetti che si possono formare con gli m a disposizione. Nell'ipotesi di scelta a caso da quest'urna fittizia – è il solo modello d'estrazione a gruppi che prenderemo in considerazione – si può stabilire, come vedremo, una sorta di equivalenza tra una estrazione secondo questo modello e una sequenza di n estrazioni di un oggetto per volta, senza rimessa e a caso.

14.2 Estrazioni con due alternative

In questo paragrafo studieremo modelli d'estrazione da un'urna contenente b palline bianche e r rosse e loro generalizzazioni. Posto $E_i = \text{esce pallina bianca all}'i\text{-esima estrazione}$, indichiamo con $[E'_1 \wedge \dots \wedge E'_n]_h$ il generico costituente della partizione generata $\mathbb{P}_G(\{E_1, \dots, E_n\})$ con h eventi affermati (e perciò $n-h$ negati). Per ogni $[E'_1 \wedge \dots \wedge E'_n]_h$ possibile, usando il teorema delle probabilità composte si ha:

$$P([E'_1 \wedge \dots \wedge E'_n]_h) = P(E'_1) P(E'_2 | E'_1) \dots P(E'_n | E'_1 \wedge \dots \wedge E'_{n-1}). \quad (46)$$

Come vedremo, in tutte tre le modalità d'estrazione (e loro generalizzazioni) si trova che la probabilità del generico evento elementare $[E'_1 \wedge \dots \wedge E'_n]_h$ dipende da h e $n-h$, ovvero da quanti sono gli eventi affermati e quanti quelli negati, ma non da quali. Posto allora $P([E'_1 \wedge \dots \wedge E'_n]_h) = \pi(h, n-h)$ e indicato con S_n il numero (aleatorio) di eventi affermati (successi) nelle prime n estrazioni, la sua distribuzione di probabilità – quella sulla partizione $\{S_n=0, \dots, S_n=n\}$ – è data da

$$P(S_n = h) = \sum^{(o)} P([E'_1 \wedge \dots \wedge E'_n]_h) = \binom{n}{h} \pi(h, n-h), \quad h = 0, \dots, n, \quad (47)$$

ove la sommatoria si intende estesa ai termini che si ottengono scegliendo in tutti i modi possibili h apici affermati e $n-h$ negati (la notazione è analoga a

quella convenuta per la somma logica in 6.3.2 *Notazione*).

Come lascia intendere la (46), la valutazione su $\mathbb{P}_G(\{E_1, \dots, E_n\})$ sarà ottenuta con procedura sequenziale. Frammentandola cioè in una sequenza di valutazioni *coerenti* (in accordo con le rispettive modalità d'estrazione) sulle partizioni:

$$\{E_1, \bar{E}_1\}, \{E_2|E'_1, \bar{E}_2|E'_1\}, \dots, \{E_n|E'_1 \wedge \dots \wedge E'_{n-1}, \bar{E}_n|E'_1 \wedge \dots \wedge E'_{n-1}\}.$$

La coerenza di tale valutazione – e perciò anche di quella sulla partizione $\{S_n=0, \dots, S_n=n\}$ – è allora assicurata dalla *b*) di 13.2.5 *Teorema*, e questo rende superflua la verifica che $\sum^{(0)} P(E'_1 \wedge \dots \wedge E'_n) = 1$. Il che è molto utile, perché, come si vedrà, tale verifica è molto semplice nel modello con rimessa e sua generalizzazione, ma non altrettanto negli altri modelli.

14.2.1 Estrazione con rimessa. Distribuzioni binomiale.

È il caso più semplice, perché dopo ogni estrazione la composizione dell'urna ritorna nelle condizioni iniziali. In ogni singola estrazione è cioè $b/(b+r)$ la probabilità di estrarre pallina bianca e $r/(b+r)$ quella di estrarre pallina rossa. In termini più precisi, per ogni $i = 2, \dots, n$ riesce:

$$P(E_i|E'_1 \wedge \dots \wedge E'_{i-1}) = P(E_i) = b/(b+r), \quad P(\bar{E}_i|E'_1 \wedge \dots \wedge E'_{i-1}) = P(\bar{E}_i) = r/(b+r)$$

A secondo membro della (46) troviamo allora h fattori $b/(b+r)$, $n-h$ fattori $r/(b+r)$ e pertanto si ha: $P([E'_1 \wedge \dots \wedge E'_n]_h) = [b/(b+r)]^h [r/(b+r)]^{n-h}$, e ciò vale per ogni n e $0 \leq h \leq n$.

Si trova poi lo stesso risultato se l'urna contiene solo due palline, una bianca e una rossa – o si effettua una sequenza di lanci di una moneta ($E_i = \text{esce testa nel lancio } i\text{-esimo}$) –, e si interpretano b ed r come pesi (numeri reali positivi e per il resto qualunque) delle distribuzioni di probabilità sulle partizioni $\{E_i, \bar{E}_i\}$ e $\{E_i|E'_1 \wedge \dots \wedge E'_{i-1}, \bar{E}_i|E'_1 \wedge \dots \wedge E'_{i-1}\}$, $i > 1$. Posto $p = b/(b+r)$ e $q = r/(b+r)$, la distribuzione (47) – coerente per 13.2.5 *Teorema* come detto in premessa di questo paragrafo – allora diventa

$$P(S_n = h) = \binom{n}{h} p^h q^{n-h}, \quad p, q \geq 0, p + q = 1, h = 0, \dots, n,$$

e ad essa si dà il nome di **distribuzione binomiale**. La verifica diretta della coerenza qui è semplice. Riesce infatti:

$$\sum^{(0)} P(E'_1 \wedge \dots \wedge E'_n) = \sum_{h=0}^n P(S_n = h) = \sum_{h=0}^n \binom{n}{h} p^h q^{n-h} = (p+q)^n = 1$$

Osserviamo ancora che nel gioco a testa e croce con moneta *perfetta* ($p=q=1/2$) riesce $P(E'_1 \wedge \dots \wedge E'_n) = 1/2^n$, e perciò i 2^n eventi elementari della partizione generata da $\{E_1, \dots, E_n\}$ sono equiprobabili. I problemi che riguardano una

partita a testa e croce che prevede n lanci di una moneta perfetta, in cui si suppone che il risultato di ogni lancio non dipenda da risultati di quelli precedenti, possono allora essere studiati ponendosi in ipotesi di simmetria. Le probabilità degli eventi logicamente dipendenti dalla partizione $\mathbb{P}_G(\{E_1, \dots, E_n\})$ possono cioè essere valutate come rapporto di casi favorevoli e casi possibili, come fatto in precedenza.

14.2.2 Estrazione senza rimessa. Distribuzione ipergeometrica.

Qui si suppone che la pallina estratta in ogni singola estrazione non venga rimessa nell'urna. Per ogni $n \leq b+r$ riesce allora $[E'_1 \wedge \dots \wedge E'_n]_h \neq \emptyset$ se e solo se sono soddisfatte le condizioni $h \leq b$ e $h \leq n$, $n-h \leq r$, $n-h \leq n$, che si traducono nella $\max(0, n-r) \leq h \leq \min(b, n)$. In questa ipotesi possiamo allora applicare la (46). Poiché l'estrazione avviene senza rimessa, i fattori a secondo membro – in numero di n – sono frazioni di denominatore decrescente da $b+r$, quello di $P(E'_1)$, a $b+r-(n-1)$, quello di $P(E'_n | E'_1 \wedge \dots \wedge E'_{n-1})$. Il denominatore del risultato è perciò $(b+r)_n$. Circa i numeratori, siamo in grado di dire che h di essi dipendono da b e $n-h$ da r , perché il prodotto logico prevede h estrazioni di pallina bianca e $n-h$ di pallina rossa. Percorrendo i fattori da sinistra a destra – come si è fatto del resto per il calcolo del denominatore – i numeratori che dipendono da b sono nell'ordine $b, b-1, \dots, b-(h-1)$, e quelli che dipendono da r sono $r, r-1, \dots, r-(n-h-1)$. Per la proprietà commutativa della moltiplicazione, come numeratore del risultato troviamo allora $(b)_h (r)_{n-h}$. Pertanto: $P([E'_1 \wedge \dots \wedge E'_n]_h) = (b)_h (r)_{n-h} / (b+r)_n$ e la (47) ora diventa

$$P(S_n = h) = \begin{cases} \binom{n}{h} \frac{(b)_h (r)_{n-h}}{(b+r)_n} & \text{se } \max(0, n-r) \leq h \leq \min(b, n) \\ 0 & \text{altrimenti} \end{cases} \quad (48)$$

e prende il nome di **distribuzione ipergeometrica**.

COMPLEMENTO. Estrazioni a gruppi di uguale numerosità.

Gli eventi $S_n = h$ descrivono il risultato della sequenza di n estrazioni di una pallina per volta senza tenere conto dell'ordine. Si può pervenire all'osservazione dello stesso risultato estraendo dall'urna n palline tutte in una volta. È del tutto naturale allora pensare confrontare gli eventi $S_n = h$ con i corrispondenti $E_h^{(n)} = \text{su } n \text{ palline estratte dall'urna tutte in una volta } h \text{ sono bianche}$. Si tratta di eventi sicuramente diversi, perché sono diverse le modalità d'estrazione e con esse i rispettivi stati d'informazione. Se si suppone che nell'estrazione a gruppi i sottoinsiemi di n palline abbiano la stessa

probabilità di essere estratti, viene però naturale ritenere che per ogni h gli eventi $S_n = h$ e $E_h^{(n)}$ debbano avere probabilità uguale. Per dare corpo a questa sensazione, numeriamo *idealmente* le palline da 1 a $b+r$ per renderle distinguibili (fisicamente lo sono) – come abbiamo fatto in casi analoghi in precedenza (ad es. in 4.1.1 Esempi 9, 10, 11, 12) – e introduciamo la partizione di Ω negli eventi elementari *esce l'insieme di palline* $\{i_1, \dots, i_n\}$, $1 \leq i_1 < \dots < i_n \leq b+r$, che giudichiamo equiprobabili. Gli eventi elementari possibili sono allora in numero di $\binom{b+r}{n}$. Quelli favorevoli a $E_h^{(n)}$ si ottengono scegliendo h delle b palline bianche in $\binom{b}{h}$ modi e $n-h$ delle r palline rosse in $\binom{r}{n-h}$ modi. Si ottiene allora:

$$P(E_h^{(n)}) = \binom{b}{h} \binom{r}{n-h} / \binom{b+r}{n}, \quad \max(0, n-r) \leq h \leq \min(b, n). \quad (49)$$

L'espressione che si ricava per la probabilità di $E_h^{(n)}$ è formalmente diversa da quella dell'evento $S_n = h$ del modello sequenziale. Ma solo formalmente. È facile verificare infatti che i due risultati sono uguali (esercizio).

In conclusione, se un modello d'estrazione con oggetti di due tipi prevede che le operazioni avvengano in modo sequenziale un oggetto per volta e a caso, ove si abbia interesse per il numero di successi (estrazione di un oggetto di un dato tipo), ma non per l'ordine d'estrazione, le valutazioni di probabilità che si riferiscono a sequenze di n oggetti possono essere fatte sostituendo idealmente al modello originale quello che prevede una sola estrazione di un gruppo di n oggetti tutti in una volta, in condizioni di simmetria. Il che significa immaginare di scegliere a caso un elemento da un'urna contenente come oggetti i sottoinsiemi di n elementi che si possono formare con i $b+r$ oggetti.

14.2.3 Estrazione con contagio. Distribuzione di Pólya.

In questo schema si suppone che dopo ogni estrazione la pallina estratta venga rimessa nell'urna assieme ad un'altra dello stesso colore. Allora, contrariamente al caso dell'estrazione *senza rimessa*, la composizione dell'urna viene ora modificata *aumentando* di una pallina il suo contenuto dopo ogni estrazione. Di conseguenza gli eventi $[E'_1 \wedge \dots \wedge E'_n]_h$ sono possibili per ogni n e $h \leq n$, come nel modello senza rimessa. Nella (46) i denominatori dei fattori a secondo membro sono noti, come nei due modelli precedenti, ma ora crescono da $b+r$ a $b+r+n-1$ e il loro prodotto è allora $(b+r+n-1)_n$. Circa il numeratore, il ragionamento è analogo a quello del caso senza rimessa, salvo dover qui incrementare anziché decrementare i fattori, rispettivamente da b a $b+h-1$ e da r a $r+(n-h)-1$. Si ottiene perciò $\pi(h, n-h) = P([E'_1 \wedge \dots \wedge E'_n]_h) = \frac{(b+h-1)_h (r+n-h-1)_{n-h}}{(b+r+n-1)_n}$. Usando la (47) si ha perciò $P(S_n = h) = \frac{\binom{n}{h} [(b+h-1)_h (r+n-h-1)_{n-h}]}{(b+r+n-1)_n}$, da cui si ricava:

$$P(S_n = h) = \binom{b+h-1}{h} \binom{r+n-h-1}{n-h} / \binom{b+r+n-1}{n} \quad (50)$$

che è la **distribuzione di Pólya** relativa al *modello base*.

La formula si generalizza considerando anche in questo caso, come in quello con rimessa, un'urna con due palline, una bianca e una rossa, attribuendo peso b alla bianca e peso r alla rossa per la prima estrazione ed incrementando di a il peso della pallina estratta in ciascuna delle estrazioni successive. Allora riesce $P(E_i) = b/(b+r)$ e $P(\bar{E}_i) = r/(b+r)$. Per il calcolo di $P(E'_{i+1} | E'_i \wedge \dots \wedge E'_i)$, $1 \leq i < n$, occorre e basta conoscere il numero di successi nei primi i colpi. Siano questi $j \leq i$. I pesi di $E'_{i+1} | E'_i \wedge \dots \wedge E'_i$ e di $\bar{E}'_{i+1} | E'_i \wedge \dots \wedge E'_i$ sono allora $b+ja$ e $r+(i-j)a$, rispettivamente. Le loro probabilità sono perciò nell'ordine $(b+ja)/(b+r+ia)$ e $(r+(i-j)a)/(b+r+ia)$. Per la (46) allora si ottiene

$$P([E'_j \wedge \dots \wedge E'_n]_h) = \frac{b(b+a) \dots (b+(h-1)a) r(r+a) \dots (r+(n-h-1)a)}{(b+r)(b+r+a) \dots (b+r+(n-1)a)} = \frac{(-b/a)[(-b/a)-1] \dots [(-b/a)-h+1] (-r/a)[(-r/a)-1] \dots [(-r/a)-n+h+1]}{[(-b/a)-(r/a)][(-b/a)-(r/a)-1] \dots [(-b/a)-(r/a)-n+1]}$$

Posto $p = b/(b+r)$, $q = r/(b+r)$ e $\gamma = a/(b+r)$, quindi $b/a = p/\gamma$ e $r/a = q/\gamma$, da qui si ricava

$$P(S_n = h) = \binom{n}{h} \frac{(-p/\gamma)_h (-q/\gamma)_{n-h}}{(-1/\gamma)_n} = \frac{(-p/\gamma)_h}{h!} \frac{(-q/\gamma)_{n-h}}{(n-h)!} / \frac{(-1/\gamma)_n}{n!}$$

e quindi finalmente:

$$P(S_n = h) = \binom{-p/\gamma}{h} \binom{-q/\gamma}{n-h} / \binom{-1/\gamma}{n} \quad \gamma > 0, p, q \geq 0, p+q = 1. \quad (50')$$

La (50') è la formulazione della distribuzione di Pólya unidimensionale. I parametri p e q sono la probabilità iniziale di estrarre pallina bianca e rossa, rispettivamente, e possono essere interpretati come indicatori del bilanciamento iniziale dei due colori. Il parametro γ è invece l'incremento percentuale del peso complessivo iniziale in vista della seconda estrazione, e in quanto tale può essere interpretato come un indicatore dell'effetto che ha l'incremento di peso sullo sbilanciamento di cui sopra. È utile osservare per questo che riesce $P(E_2 | \bar{E}_1) = p/(1+\gamma) = P(E_1) - [\gamma/(1+\gamma)] P(E_1)$ e simmetricamente $P(\bar{E}_2 | E_1) = P(\bar{E}_1) - [\gamma/(1+\gamma)] P(\bar{E}_1)$. Sicché, $\gamma/(1+\gamma)$ è il decremento percentuale della probabilità che nella seconda estrazione esca l'oggetto di un colore (bianco o rosso), se nella prima estrazione è uscito l'oggetto dell'altro colore (rosso o bianco). Ad esempio, se nella seconda estrazione il peso complessivo dei due oggetti aumenta del 10%, 50%, 100%, le suddette probabilità diminuiscono del 9,09%, 33,33%, 50%, rispettivamente.

Questo modello è stato introdotto da G. Pólya e F. Eggenberger (1923) per

studiare problemi di contagio tra individui di una popolazione colpita da una epidemia. L'osservazione di un individuo sano (ammalato) è una indicazione di regresso (progresso) dell'epidemia, perché rafforza la probabilità di osservare un prossimo individuo sano (ammalato), in misura tanto maggiore quanto più grande è γ .

14.3 Estrazioni con più alternative

Nel caso di una sequenza di estrazioni di un oggetto per volta da un'urna contenente oggetti di t tipi, con ragionamenti del tutto analoghi (differiscono solo per il riferimento a *più* tipi d'oggetto, anziché a *due*), si ottengono risultati simili a quelli trovati nei modelli con due alternative. Ci possiamo perciò limitare a una descrizione essenziale dei modelli e dei relativi risultati. Per descrivere il risultato di una sequenza di n estrazioni di un oggetto per volta consideriamo intanto la sequenza di partizioni $\mathbb{P}_1, \dots, \mathbb{P}_n$, ove $\mathbb{P}_i = \{\omega_i^{(1)}, \dots, \omega_i^{(t)}\}$ e $\omega_h^{(i)} =$ nell'estrazione i -esima esce un oggetto di tipo h . Allora l'evento $\omega_{h_1}^{(1)} \wedge \dots \wedge \omega_{h_n}^{(n)} \in \mathbb{P}_1 \wedge \dots \wedge \mathbb{P}_n$ descrive una sequenza di n estrazioni e, in analogia al caso di due alternative, $[\omega_{h_1}^{(1)} \wedge \dots \wedge \omega_{h_n}^{(n)}]_{n_1, \dots, n_t}$ è il generico $\omega_{h_1}^{(1)} \wedge \dots \wedge \omega_{h_n}^{(n)}$ che prevede che l'oggetto di tipo h venga estratto n_h volte (che n_h degli indici $h_1, \dots, h_n$ siano uguali a h), $h = 1, \dots, t$, $n_1 + \dots + n_t = n$. Usando il teorema delle probabilità composte ora si trova:

$$P([\omega_{h_1}^{(1)} \wedge \dots \wedge \omega_{h_n}^{(n)}]_{n_1, \dots, n_t}) = P(\omega_{h_1}^{(1)}) P(\omega_{h_2}^{(2)} | \omega_{h_1}^{(1)}) \dots P(\omega_{h_n}^{(n)} | \omega_{h_1}^{(1)} \wedge \dots \wedge \omega_{h_{n-1}}^{(n-1)}), \quad n_1 + \dots + n_t = n. \quad (51)$$

Nei tre modelli con e senza rimessa e con contagio e loro generalizzazioni, il risultato analogo a quello del caso $t=2$ è qui, come vedremo, che la probabilità di $[\omega_{h_1}^{(1)} \wedge \dots \wedge \omega_{h_n}^{(n)}]_{n_1, \dots, n_t}$ dipende da quante sono le estrazioni di oggetti di tipo 1, ..., quante di tipo t , ma non da quali. In simboli si ha perciò $P([\omega_{h_1}^{(1)} \wedge \dots \wedge \omega_{h_n}^{(n)}]_{n_1, \dots, n_t}) = \pi(n_1, \dots, n_t)$. Indicato allora con $S_n^{(h)}$ il numero aleatorio degli oggetti di tipo h che vengono estratti nelle n estrazioni, $S_n^{(1)} + \dots + S_n^{(t)} = n$, i costituenti di $\mathbb{P}_1 \wedge \dots \wedge \mathbb{P}_n$ che compongono l'evento $(S_n^{(1)} = n_1) \wedge \dots \wedge (S_n^{(t)} = n_t)$ sono $\binom{n}{n_1} \binom{n-n_1}{n_2} \dots \binom{n-n_1-\dots-n_{t-1}}{n_t} = n! / n_1! \dots n_t!$. Pertanto si trova:

$$P((S_n^{(1)} = n_1) \wedge \dots \wedge (S_n^{(t)} = n_t)) = \frac{n!}{n_1! \dots n_t!} \pi(n_1, \dots, n_t), \quad n_1 + \dots + n_t = n. \quad (52)$$

Come nel caso $t = 2$, anche qui la coerenza della valutazione è assicurata da 13.2.5 Teorema. In tutti tre i modelli riesce perciò:

$$\sum_{n_1 + \dots + n_t = n} P((S_n^{(1)} = n_1) \wedge \dots \wedge (S_n^{(t)} = n_t)) = \sum_{n_1 + \dots + n_t = n} \frac{n!}{n_1! \dots n_t!} \pi(n_1, \dots, n_t) = 1.$$

14.3.1 Estrazione con rimessa. Distribuzione multinomiale.

È sufficiente considerare il caso generale, quello in cui l'urna contiene t oggetti distinguibili, $1, \dots, t$, ai quali vengono attribuite in ogni estrazione probabilità $p_1, \dots, p_t$ di essere estratti, $p_1 + \dots + p_t = 1$. Usando la (51) si ha allora $\pi(n_1, \dots, n_t) = p_1^{n_1} \dots p_t^{n_t}$ e sostituendo nella (52) si ottiene

$$P((S_n^{(1)} = n_1) \wedge \dots \wedge (S_n^{(t)} = n_t)) = \frac{n!}{n_1! \dots n_t!} p_1^{n_1} \dots p_t^{n_t}, \quad n_1 + \dots + n_t = n. \quad (53)$$

$$p_i > 0, \quad i = 1, \dots, t, \quad p_1 + \dots + p_t = 1.$$

che è la **distribuzione multinomiale** – su $\mathbb{P}_1 \wedge \dots \wedge \mathbb{P}_n$ –.

14.3.2 Estrazione senza rimessa. Distribuzione ipergeometrica multipla.

Generalizzando il discorso fatto per il modello senza rimessa nel caso $t = 2$, supponiamo qui che l'urna contenga m_1 oggetti di tipo 1, $\dots$, m_t oggetti di tipo t e poniamo $m = m_1 + \dots + m_t$. Poiché l'oggetto estratto non viene rimesso nell'urna, nella (51) i casi possibili sono tutti e soli quelli per cui riesce $0 < n_i \leq m_i$ per ogni $i = 1, \dots, t$. Soddisfatte queste condizioni, al denominatore del secondo membro della (51) troviamo n fattori decrescenti di 1 a partire da m , e al numeratore ancora n fattori, di cui n_i decrescenti di 1 a partire da m_i (generalmente non consecutivi), $i = 1, \dots, t$. Pertanto si ha $\pi(n_1, \dots, n_t) = (m_1)_{n_1} \dots (m_t)_{n_t} / (m)_n$, e perciò si trova

$$P((S_n^{(1)} = n_1) \wedge \dots \wedge (S_n^{(t)} = n_t)) = \frac{n!}{n_1! \dots n_t!} \frac{(m_1)_{n_1} \dots (m_t)_{n_t}}{(m)_n},$$

che si può anche scrivere

$$P((S_n^{(1)} = n_1) \wedge \dots \wedge (S_n^{(t)} = n_t)) = \binom{m_1}{n_1} \dots \binom{m_t}{n_t} / \binom{m}{n} \quad (54)$$

$$n_i \leq m_i, \quad i = 1, \dots, t, \quad n_1 + \dots + n_t = n, \quad m_1 + \dots + m_t = m.$$

La (54) è la generalizzazione della (49) e prende il nome di **distribuzione ipergeometrica multipla**. Analogamente a quanto visto nel caso $t = 2$ per

la (49), è facile verificare che si perviene allo stesso risultato per la probabilità dell'evento $E_{n_1, \dots, n_t}^{(n)}$ = su n oggetti estratti tutti in una volta da un'urna contenente m_1 oggetti di tipo 1, ..., m_t di tipo t , $m = m_1 + \dots + m_n$, n_1 sono di tipo 1, ..., n_t di tipo t , nell'ipotesi che i sottoinsiemi di n oggetti che si possono formare con gli m disponibili abbiano uguale probabilità di essere estratti (scelta a caso dei sottoinsiemi di n oggetti). Pertanto:

Se non interessa l'ordine d'estrazione, il modello di scelta sequenziale senza rimessa di n oggetti a caso uno per volta da un'urna che ne contiene m , può essere sostituito nei calcoli dal modello di scelta a caso di un sottoinsieme di n oggetti tutti in una volta.

Il modello senza rimessa può essere generalizzato in termini di pesi in modo analogo a quelli visti per il modello con rimessa (per $t \geq 2$) e per quello con contagio (per $t = 2$). Basta supporre che dopo ogni estrazione i pesi degli oggetti vengano *decrementati* (di -1 nel modello base), anziché incrementati o lasciati invariati. Si ottiene così un modello con contagio *negativo* che si presta ad essere studiato assieme a quello con contagio positivo, come in effetti faremo nel prossimo numero.

14.3.3 Estrazione con contagio. Distribuzione di Pólya multipla.

Ferme restando le ipotesi fatte nel numero precedente sulla composizione iniziale dell'urna, supponiamo ora che dopo ogni estrazione l'oggetto estratto venga reimmesso assieme a uno dello stesso tipo. Ragionando in modo analogo al caso $t = 2$ allora si ottiene:

$$\pi(n_1, \dots, n_t) = \frac{[m_1 \dots (m_1 + n_1 - 1)] \dots [m_t \dots (m_t + n_t - 1)]}{m \dots (m + n - 1)} = \frac{(m_1 + n_1 - 1)_{n_1} \dots (m_t + n_t - 1)_{n_t}}{(m + n - 1)_n}$$

Sostituendo nella (52) si trova

$$P((S_n^{(1)} = n_1) \wedge \dots \wedge (S_n^{(t)} = n_t)) = \binom{m_1 + n_1 - 1}{n_1} \dots \binom{m_t + n_t - 1}{n_t} / \binom{m + n - 1}{n}, \quad (55)$$

$n_1 + \dots + n_s = n$, che è la **distribuzione di Pólya multipla** relativa al modello base.

Passando al caso generale, come nel caso con rimessa consideriamo un'urna contenente t oggetti distinti, 1, ..., t , una distribuzione di probabilità su $\mathbb{P}_1 = \{\omega_1^{(1)}, \dots, \omega_t^{(1)}\}$ assegnata mediante la funzione peso $b_1, \dots, b_t$ e un peso $a > 0$ destinato a incrementare il peso relativo all'ultimo oggetto estratto prima dell'estrazione successiva. Posto $b = b_1 + \dots + b_t$, è $p_1 = b_1/b, \dots, p_t = b_t/b$

la distribuzione iniziale. All'atto della j -esima estrazione ($j > 1$) il peso complessivo della distribuzione di $\mathcal{P}_j | \omega_{h_1}^{(1)} \wedge \dots \wedge \omega_{h_{j-1}}^{(j-1)}$ è $b + (j-1)a$, di cui $b_i + j_i a$ è la parte che compete all'evento $\omega_i^{(j)} | \omega_{h_1}^{(1)} \wedge \dots \wedge \omega_{h_{j-1}}^{(j-1)}$ se in precedenza è stato estratto j_i volte l'oggetto di tipo i , $i = 1, \dots, t$. Allora riesce:

$$P([\omega_{h_1}^{(1)} \wedge \dots \wedge \omega_{h_n}^{(n)}]_{n_1, \dots, n_t}) = \frac{[b_1 \dots (b_1 + (n_1 - 1)a)] \dots [b_t \dots (b_t + (n_t - 1)a)]}{b \dots (b + (n - 1)a)}.$$

Moltiplicando a numeratore e denominatore ciascuno degli n fattori per $-1/a$ e ponendo $\gamma = a/b$ – per cui si ha $b_i/a = p_i/\gamma$, $i = 1, \dots, t$ – da qui si ricava:

$$P([\omega_{h_1}^{(1)} \wedge \dots \wedge \omega_{h_n}^{(n)}]_{n_1, \dots, n_t}) = \frac{(-p_1/\gamma)_{n_1} \dots (-p_t/\gamma)_{n_t}}{(-1/\gamma)_n} = \pi(n_1, \dots, n_t).$$

Sostituendo nella (52) si trova infine la seguente formula generale della distribuzione di Pólya multipla:

$$P((S_n^{(1)} = n_1) \wedge \dots \wedge (S_n^{(t)} = n_t)) = \binom{-p_1/\gamma}{n_1} \dots \binom{-p_t/\gamma}{n_t} / \binom{-1/\gamma}{n}. \quad (55')$$

$\gamma > 0, p_i > 0, i = 1, \dots, n, p_1 + \dots + p_t = 1, n_1 + \dots + n_t = n.$

Come preannunziato al termine del numero precedente, si possono considerare anche modelli con contagio negativo. Manteniamo per questo le ipotesi precedenti sulla composizione dell'urna e sulla funzione peso della distribuzione iniziale, ma diamo adesso ad a il significato di decremento di peso. Con ragionamento analogo a quello del caso di incremento positivo ora si trova:

$$P([\omega_{h_1}^{(1)} \wedge \dots \wedge \omega_{h_n}^{(n)}]_{n_1, \dots, n_t}) = \frac{[b_1 \dots (b_1 - (n_1 - 1)a)] \dots [b_t \dots (b_t - (n_t - 1)a)]}{b \dots (b - (n - 1)a)},$$

purché sia $b_i - (n_i - 1)a \geq 0$, $i = 1, \dots, n$. Moltiplicando qui a numeratore e denominatore ogni fattore per $1/a$ (invece che per $-1/a$) si ricava

$$P((S_n^{(1)} = n_1) \wedge \dots \wedge (S_n^{(t)} = n_t)) = \binom{p_1/\gamma}{n_1} \dots \binom{p_t/\gamma}{n_t} / \binom{1/\gamma}{n}. \quad (56)$$

ove il significato di p_i , n_i , n e γ è quello che hanno nella (55').

14.3.4 Esempio.

Riprendiamo 4.1.1 *Esempio 12* – urna contenente 1 pallina bianca (oggetto di tipo 1), 2 nere (oggetti di tipo 2), 3 rosse (oggetti di tipo 3) e 4 verdi (oggetti di tipo 4) – e poniamo gli stessi quesiti, con riferimento però a tutte tre le modalità d'estrazione. Si tratta di calcolare la probabilità che in una sequenza

di 4 estrazioni di una pallina per volta le palline estratte siano tutte bianche (evento E_1), dello stesso colore (evento E_2), di colore diverso (evento E_3), una bianca, due verdi e una di altro colore (evento E_4).

Usando la notazione dei paragrafi precedenti abbiamo $t=4$, $m_1=1$, $m_2=2$, $m_3=3$, $m_4=4$, $m=10$ e $p_1=1/10$, $p_2=2/10$, $p_3=3/10$, $p_4=4/10$. I quattro eventi inoltre si scrivono:

$$\begin{aligned} E_1 &= (S_4^{(1)}=4) = (S_4^{(1)}=4) \wedge (S_4^{(2)}=0) \wedge (S_4^{(3)}=0) \wedge (S_4^{(4)}=0) \\ E_2 &= \bigvee_{i=1}^4 (S_4^{(i)}=4) = \bigvee_{i=1}^4 [(S_4^{(i)}=4) \wedge \bigwedge_{h \neq i}^{1,4} (S_4^{(h)}=0)] \\ E_3 &= \bigwedge_{i=1}^4 (S_4^{(i)}=1) \\ E_4 &= (S_4^{(1)}=1) \wedge (S_4^{(4)}=2) \wedge ((S_4^{(2)}=1) \vee (S_4^{(3)}=1)) = \\ &= (S_4^{(1)}=1) \wedge (S_4^{(4)}=2) \wedge [(S_4^{(2)}=1) \wedge (S_4^{(3)}=0)] \vee [(S_4^{(2)}=0) \wedge (S_4^{(3)}=1)] \end{aligned}$$

Per calcolare le loro probabilità useremo la (53) per il modello con rimessa, la (54) per il modello senza rimessa e la (55) per quello con contagio.

In relazione all'evento E_1 riesce $n_1=4$, $n_2=n_3=n_4=0$. Allora si ha:

$$P(E_1) = \frac{4!}{4!0!0!0!} \left(\frac{1}{10}\right)^4 \left(\frac{2}{10}\right)^0 \left(\frac{3}{10}\right)^0 \left(\frac{4}{10}\right)^0 = 0,0001$$

nel modello con rimessa, $P(E_1) = 0$ nel modello senza rimessa perché $n_1=4 > 1 = m_1$ e

$$P(E_1) = \binom{4}{4} \binom{1}{0} \binom{2}{0} \binom{3}{0} / \binom{13}{4} = \frac{1}{715} = 0,0014$$

in quello con contagio (unitario).

Come si vede, ai fini del calcolo si possono trascurare i fattori corrispondenti agli eventi $S_4^{(i)}=0$, cosa che d'ora in poi faremo sistematicamente.

Probabilità di E_2 .

Riesce $P(E_2) = \sum_{i=1}^4 P((S_4^{(i)}=4) \wedge \bigwedge_{h \neq i}^{1,4} (S_4^{(h)}=0))$. Nelle modalità con rimessa e con contagio nell'ordine si ha:

$$\begin{aligned} P(E_2) &= \sum_{i=1}^4 \frac{4!}{4!} \left(\frac{i}{10}\right)^4 = \frac{1+16+81+256}{10000} = 0,0354, \\ P(E_2) &= \sum_{i=1}^4 \left[\binom{i+3}{4} / \binom{13}{4} \right] = \frac{1+5+15+35}{715} = 0,0783. \end{aligned}$$

Nel modello senza rimessa riesce $(S_4^{(1)}=4) = (S_4^{(2)}=4) = (S_4^{(3)}=4) = \phi$ e perciò $E_2 = (S_4^{(4)}=4)$ e allora si trova $P(E_2) = \binom{4}{4} / \binom{10}{4} = 1/210 = 0,0048$.

Probabilità di E_3 .

L'evento E_3 è possibile in tutti i tre modelli e si ha:

$$P(E_3) = \frac{4!}{1!1!1!1!} \frac{1}{10} \frac{2}{10} \frac{3}{10} \frac{4}{10} = 0,0576 \quad (\text{con rimessa}),$$

$$P(E_3) = \binom{1}{1} \binom{2}{1} \binom{3}{1} \binom{4}{1} / \binom{13}{4} = 0,0336 \quad (\text{con contagio}),$$

$$P(E_3) = \binom{1}{1} \binom{2}{1} \binom{3}{1} \binom{4}{1} / \binom{10}{4} = 0,1143 \quad (\text{senza rimessa}).$$

Probabilità di E_4 .

Anche l'evento E_4 è possibile in tutti i tre modelli. Ora si trova:

$$P(E_4) = \frac{4!}{1!2!1!} \frac{1}{10} \binom{4}{10}^2 \frac{2}{10} + \frac{4!}{1!2!1!} \frac{1}{10} \binom{4}{10}^2 \frac{3}{10} = 0,0960 \quad \text{con rimessa},$$

$$P(E_4) = \binom{1}{1} \binom{5}{2} \binom{2}{1} / \binom{13}{4} + \binom{1}{1} \binom{5}{2} \binom{3}{1} / \binom{13}{4} = 0,0699 \quad (\text{con contagio}),$$

$$P(E_4) = \binom{1}{1} \binom{4}{2} \binom{2}{1} / \binom{10}{4} + \binom{1}{1} \binom{4}{2} \binom{3}{1} / \binom{10}{4} = 0,1429 \quad (\text{senza rimessa}).$$

14.4 Modelli di collocazione

Sono numerose le circostanze in cui interessa indagare sulla ripartizione degli *individui* di una popolazione in classi in ragione di certe loro *caratteristiche*. Ad esempio, sulla ripartizione degli *italiani* per *sex*, o *peso*, o *altezza* o *classe di reddito*; oppure sulla ripartizione degli *articoli* di una qualche produzione in base a fissati *livelli di qualità*; oppure ancora sulla suddivisione dei *sinistri* denunciati a una compagnia di assicurazione per *giorni della settimana* o, se si tratta di assicurazione auto, per *cilindrata e/o zona di circolazione*; e così via.

In questa e in analoghe circostanze, un'indagine capillare permetterebbe ovviamente di pervenire ad una *distribuzione statistica* della popolazione in base alle caratteristiche desiderate, e non vi sarebbe allora alcunché d'incerto. Ma è altresì evidente, che in presenza di popolazioni numerose l'osservazione e classificazione di ogni individuo è spesso praticamente irrealizzabile, o per motivi economici e/o per ragioni di tempestività (si pensi ad esempio alle previsioni dei risultati elettorali, fatte subito dopo la chiusura dei seggi). In altre casi può anche essere che non sia troppo oneroso pervenire ad una conoscenza completa della distribuzione statistica, ma che ciò abbia interesse in una prospettiva induttiva: in vista cioè di utilizzare l'informazione

acquisita per ottenere valutazioni nei riguardi delle distribuzioni statistiche di situazioni analoghe future, o comunque incerte. Come ad esempio quella della classificazione degli incidenti per cilindrata e zona di circolazione, sicuramente non proibitiva con l'uso dei moderni elaboratori elettronici e di evidente interesse per la compagnia ai fini di una valutazione del fabbisogno per la copertura degli impegni per il prossimo o i prossimi esercizi.

Come detto all'inizio, e come ormai facilmente s'intende, gli esempi potrebbero continuare numerosi; ma non è il caso di insistere. Interessa invece segnalare, qui, che tutte queste situazioni si prestano ad essere descritte utilizzando uno schema comune. Suddivisa la caratteristica che interessa esaminare in «livelli» – maschio e femmina per il sesso, scale numeriche per il peso (altezza, reddito), giorni della settimana (o mesi) per le denunce di sinistro, eccetera – si può infatti immaginare di pervenire alla classificazione della popolazione assimilando i «livelli» a cassette e collocando un individuo (oggetto) per volta nel cassetto corrispondente al suo livello. La scelta del cassetto per un individuo è obbligata se si conosce il suo livello (se è stato osservato). Altrimenti, quando il modello è usato per descrivere una situazione incerta, i criteri di scelta saranno probabilistici.

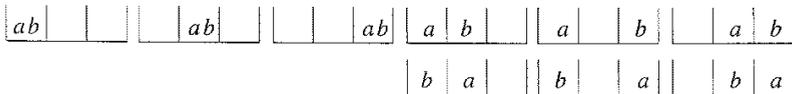
Un *modello di collocazione* quale quello appena delineato può essere ricondotto facilmente a un *modello d'estrazione*. Se sono n gli individui della popolazione e s i livelli della caratteristica, tale modello prevede infatti che il risultato di una collocazione si ottenga operando n scelte di un cassetto (una per ogni individuo). Il modello di collocazione diventa allora modello d'estrazione se immaginiamo un'urna contenente gli s cassette e usiamo gli n individui come indici delle estrazioni numerandoli, dando a loro un *nome* e un *ordinamento*. I cassette (oggetti nell'urna) vanno considerati a due a due distinti, perché ciascuno di essi è usato per individuare un livello della caratteristica che si vuole classificare. Sicché, l'urna che serve a descrivere il modello di collocazione mediante un modello d'estrazione, contiene s oggetti di s tipi. Le modalità di collocazione, tradotte in modalità d'estrazione, saranno poi quelle che permetteranno di dare una struttura probabilistica al modello. Di attribuire cioè la probabilità di scelta dei singoli cassette per la collocazione sequenziale degli n oggetti.

14.4.1 Aspetti descrittivi dei modelli di collocazione.

Poiché i modelli di collocazione possono venire interpretati come modelli d'estrazione con più alternative, per le notazioni ci riferiremo a quelle di precedente § 14.3, adeguando però la terminologia. Occorre per questo anzitutto dare individualità ai cassette e lo facciamo numerandoli da 1 a s . Ciò

posto, il generico costituente $\omega_h^{(i)}$ della partizione $\mathbb{P}_1$, che nel § 14.3 è definito dalla proposizione *nell'estrazione i -esima esce un oggetto di tipo h* , si esprime qui in modo più appropriato con la proposizione *l'oggetto i -esimo viene collocato nel cassetto h* . I costituenti della partizione $\mathbb{P}_1 \wedge \dots \wedge \mathbb{P}_n$ descrivono il risultato della collocazione in modo dettagliato. Il generico di essi, $\omega_{h_1}^{(1)} \wedge \dots \wedge \omega_{h_n}^{(n)}$, dice cioè che il primo individuo viene collocato nel cassetto h_1 , il secondo nel cassetto h_2 , ..., l' n -esimo nel cassetto h_n . Il che si può indicare in modo più suggestivo ponendo $(h_1, \dots, h_n) = \omega_{h_1}^{(1)} \wedge \dots \wedge \omega_{h_n}^{(n)}$ e dando ai costituenti il nome di **collocazioni**. Le collocazioni vengono così descritte dalle disposizione con ripetizione $(h_1, \dots, h_n)$ di classe n (n -ple ordinate) dei numeri $1, \dots, s$. Data $(h_1, \dots, h_n)$, la corrispondente collocazione si ottiene ponendo l'oggetto i -esimo nel cassetto h_i , $i = 1, \dots, n$. Viceversa, data una collocazione, si risale alla disposizione che la descrive ponendo al posto i -esimo della corrispondente disposizione il numero del cassetto che contiene l'oggetto i . Il numero massimo delle collocazioni possibili – quello dei costituenti di $\mathbb{P}_1 \wedge \dots \wedge \mathbb{P}_n$ – è quindi s^n .

Vediamo di chiarire la questione riprendendo in esame 4.1.1 *Esempio* 13, in cui è prevista la collocazione di $n=2$ palline a, b (1, 2 nella notazione precedente) in $s=3$ cassette 1, 2, 3, che abbiamo ivi rappresentato graficamente nell'ordine con $\underline{\quad} \underline{\quad} \underline{\quad}$. Nell'ipotesi che sia possibile collocare entrambe le palline anche in un solo cassetto le collocazioni possibili – già viste allora, ma che conviene qui riportare – sono:

Le corrispondenti descrizioni in termini di disposizioni con ripetizione – di classe 2 dei numeri (cassetti) 1, 2, 3 – sono le seguenti:

- (1,1)
- (2,2)
- (3,3)
- (1,2)
- (1,3)
- (2,3)
- (2,1)
- (3,1)
- (3,2)

Usando i simboli dei modelli d'estrazione gli individui (oggetti) a e b diventano indici della prima e seconda estrazione, alle quali vengono associate le partizioni $\mathbb{P}_a = \{\omega_1^{(a)}, \omega_2^{(a)}, \omega_3^{(a)}\}$ e $\mathbb{P}_b = \{\omega_1^{(b)}, \omega_2^{(b)}, \omega_3^{(b)}\}$. Si ha allora $\omega_1^{(a)} \wedge \omega_1^{(b)} = (1,1)$, $\omega_1^{(a)} \wedge \omega_2^{(b)} = (1,2)$, $\omega_3^{(a)} \wedge \omega_1^{(b)} = (3,1)$, eccetera.

In 4.1.1 *Esempio* 13 si è considerato anche il caso in cui i cassette possono contenere al più una pallina. Le prime tre collocazioni – quelle corrispondenti alle disposizioni (1,1), (2,2), (3,3) – diventano allora impossibili.

Sin qui il discorso riguarda collocazioni di oggetti *distinguibili*. Se questi sono *indistinguibili*, non è possibile tenere conto dell'ordine in cui gli oggetti

vengono collocati. La rappresentazione grafica delle collocazioni possibili deve allora essere modificata. Con riferimento al nostro esempio si avrà allora la seguente rappresentazione:

In generale, la partizione che descrive la collocazione di n oggetti indistinguibili in s cassette è la $\{(S_n^{(1)}=n_1) \wedge \dots \wedge (S_n^{(s)}=n_s) : n_1 + \dots + n_s = n\}$, nella quale il generico fattore $S_n^{(i)}=n_i$ significa ora il *cassetto i -esimo contiene n_i oggetti* (in termini d'estrazione: *i successi di tipo i sono n_i*). Per avere una notazione più adatta ai problemi di collocazione viene naturale di porre $[n_1, \dots, n_s] = (S_n^{(1)}=n_1) \wedge \dots \wedge (S_n^{(s)}=n_s)$. Per indicare la generica **occupazione** dei cassette si viene così a disporre di un simbolo meno ingombrante, in cui si legge che il primo cassetto è occupato da n_1 oggetti (che è vuoto se $n_1=0$), il secondo da n_2 oggetti, ..., l' s -esimo da n_s oggetti. Per questo motivo daremo a $n_1, \dots, n_s$ il nome di *numeri di occupazione*. Circa il numero delle possibili occupazioni, esso è dato da $\binom{s+n-1}{n}$, con $n = n_1 + \dots + n_s$. Si tratta delle combinazioni con ripetizione di s elementi di classe n (gli s cassette che vengono scelti n volte). Proveremo questo risultato indirettamente in 14.4.2 *Nota*. Osserviamo ancora qui, invece, che il numero delle occupazioni possibili del nostro esempio è $\binom{3+2-1}{2} = 6$ e che con la nuova notazione esse si scrivono:

$$[2, 0, 0], [0, 2, 0], [0, 0, 2], [1, 1, 0], [1, 0, 1], [0, 1, 1].$$

14.4.2 Le statistiche della fisica delle particelle.

In questo numero riportiamo a titolo di esempio alcuni modelli di occupazione che vengono utilizzati in fisica per studiare il comportamento di sistemi di particelle subatomiche: elettroni, fotoni, neutroni, nuclei, protoni, ... Per pervenire ad una modellizzazione, lo spazio delle fasi del sistema viene suddiviso in un numero convenientemente grande di *celle* – i cassette – destinate a ricevere le particelle (gli individui di una popolazione). Il comportamento dei sistemi non è comune a tutti i tipi di particelle. Per questo motivo i fisici hanno proposto, per lo studio di questi sistemi, più di un modello. Tutti vengono comunque ricondotti ad un comune schema descrittivo. Le particelle sono considerate ovviamente indistinguibili. Non sarebbe infatti realistico supporre di essere in grado di identificarle materialmente, dando a loro un nome. Nulla impedisce però di immaginare di farlo, se ciò serve per descri-

vere le modalità di collocazione e per introdurre nel modello la struttura probabilistica. Noi lo faremo per tutti i tre modelli che andremo a studiare qui di seguito. In primo approccio descriveremo cioè l'operazione di collocazione mediante la partizione $\mathbb{P}_1 \wedge \dots \wedge \mathbb{P}_n$, spiegandola così come se le particelle fossero distinguibili e collocate nelle celle una alla volta in un ordine assegnato. La struttura probabilistica viene allora introdotta stabilendo la modalità d'estrazione sequenziale delle celle. Noi considereremo qui le tre modalità d'estrazione base – con e senza rimessa, con contagio –, trovando per questa via tre modelli classici della fisica delle particelle, che sono stati però introdotti originariamente assumendo opportune ipotesi di simmetria. Poiché le particelle sono indistinguibili, ciò che concretamente interessa calcolare, nelle tre modalità d'estrazione suddette, è la distribuzione di probabilità sull'insieme delle occupazioni $\{[n_1, \dots, n_s]_n : n_1 + \dots + n_s = n\}$. Per un adeguato commento dei modelli interesserà tuttavia considerare anche la distribuzione di probabilità sull'insieme delle collocazioni, cioè sulla partizione $\mathbb{P}_1 \wedge \dots \wedge \mathbb{P}_n$. Ricordiamo in proposito che abbiamo indicato con $\pi(n_1, \dots, n_s)$ la probabilità del suo generico costituente $[\omega_{h_1}^{(1)} \wedge \dots \wedge \omega_{h_n}^{(n)}]_{n_1, \dots, n_s}$, che qui dice, tenendo conto dell'ordine, che n_1 particelle vengono collocate nella cella 1, $\dots$, n_s nella cella s .

Statistica di Maxwell-Boltzmann.

Supponiamo che la cella assegnata ad ogni particella sia scelta a caso tra *tutte* le s disponibili, occupate e non. Il corrispondente modello d'estrazione è allora quello sequenziale con rimessa; esso prevede perciò che si eseguano n estrazioni con reimpulso di una cella per volta, da un'urna che ne contiene s distinguibili. La distribuzione di probabilità sull'insieme delle occupazioni si ottiene allora ponendo nella (53) $p_i = 1/s$, $i = 1, \dots, s$. Si trova:

$$P([n_1, \dots, n_s]) = \frac{n!}{n_1! \dots n_s!} \left(\frac{1}{s}\right)^n, \quad n_1 + \dots + n_s = n.$$

In questo modello riesce $\pi(n_1, \dots, n_s) = (1/s)^{n_1} \dots (1/s)^{n_s} = 1/s^n$. Le s^n collocazioni (gli eventi elementari di $\mathbb{P}_1 \wedge \dots \wedge \mathbb{P}_n$) sono dunque tutte possibili ed equiprobabili. Questa condizione di equiprobabilità – conseguenza qui della modalità di collocazione – viene assunta nel modello originale direttamente per ragioni di simmetria. Anche se può sembrare a prima vista un'ipotesi ragionevole, si è rivelata però in realtà inadeguata ad interpretare in modo soddisfacente il comportamento di qualsiasi sistema di particelle subatomiche. L'ipotesi di simmetria sulle collocazioni – e perciò anche quella di collocazione sequenziale con rimessa – non corrisponde cioè al comportamento osservato di nessun sistema di particelle.

Statistica di Fermi-Dirac.

Supponiamo che la cella assegnata ad ogni particella sia scelta a caso tra quelle vuote al momento della sua collocazione. Allora, le collocazioni possibili sono tutte e sole quelle che prevedono celle occupate al più da una particella. Il corrispondente modello d'estrazione è quello sequenziale senza rimessa. Perché l'operazione non sia impossibile, bisogna perciò che sia $n \leq s$ (ma in questi modelli n va pensato in realtà molto minore di s). La distribuzione di probabilità sull'insieme delle occupazioni si ottiene allora ponendo nella (54) $t = m = s$, $n_i \leq m_i = 1$ – sicché riesce $\binom{m_i}{n_i} = 1$, $i = 1, \dots, s$, e quindi si trova:

$$P([n_1, \dots, n_s]) = 1 / \binom{s}{n}, \quad n_i \leq 1, \quad i = 1, \dots, s, \quad n_1 + \dots + n_s = n \leq s.$$

In questo modello le occupazioni sono dunque equiprobabili. Sono tali anche le collocazioni possibili, che sono in numero di $\binom{s}{n}$ – si può assegnare una cella in s modi alla particella 1, in $s - 1$ modi alla particella 2, ..., in $s - n + 1$ modi alla particella n – e riesce $\pi(n_1, \dots, n_s) = 1 / \binom{s}{n}$ come si vede ponendo $t = m = s$ e $m_1 = \dots = m_s = 1$ nell'espressione di $\pi(n_1, \dots, n_s)$ del n° 14.3.2.

Come già segnalato, la condizione di simmetria per le occupazioni è assunta come ipotesi. A titolo di curiosità segnaliamo ancora che questo modello è ad esempio adatto per spiegare il comportamento di sistemi di elettroni, di neutroni e di protoni. Più in generale, le particelle che obbediscono alla statistica di Fermi-Dirac sono dette fermioni.

Vale anche la pena di osservare che il problema che stiamo trattando può essere interpretato come una generalizzazione dell'estrazione del lotto su una ruota. Al posto di estrarre 5 dei 90 numeri presenti in un'urna, qui si immagina di scegliere n di s celle disponibili. Se queste non sono distinguibili – com'è nel nostro caso – o non interessa l'ordine d'estrazione si ottiene che le combinazioni di classe n di s oggetti distinguibili (qui di celle) sono equiprobabili.

Statistica di Bose-Einstein.

Nel modello Fermi-Dirac, una cella non può essere occupata da più di una particella. Possiamo pensare che questo accada perché le particelle sono dotate di una forza repulsiva in grado di impedire alle altre particelle l'ingresso in una cella già occupata (da una particella). Il modello che andiamo ora ad esaminare si lascia invece descrivere immaginando che le particelle si attraggano con una forza traducibile nel corrispondente modello d'estrazione in termini di contagio unitario. Che il problema di occupazione possa cioè essere assimilato a un modello d'estrazione di Pólya da un'urna contenente s celle, in cui è 1 sia il peso iniziale di ciascuna cella sia l'incremento di peso della cella estratta in ogni singola estrazione. La distribuzione di probabilità sull'insieme delle occupazioni si ottiene ora ponendo nella (55) $t = m = s$, $m_i = 1$, $i = 1, \dots, s$, e

quindi si ricava:

$$P([n_1, \dots, n_s]) = 1 / \binom{s+n-1}{n}, \quad n_1 + \dots + n_s = n$$

Come nel precedente modello di Fermi-Dirac, anche in questo le occupazioni possibili sono equiprobabili. Ora però il loro numero è maggiore, perché ogni cella può essere occupata da più particelle (anche da tutte). Questo modello si è mostrato adatto per la descrizione del comportamento di alcuni sistemi di particelle, quali ad esempio i fotoni e gli atomi di idrogeno. Le particelle che obbediscono alla statistica di Bose-Einstein vengono denominate bosoni.

NOTA. *Formule combinatorie.*

Sappiamo che le valutazioni di probabilità sulla partizione $\mathbb{P}_1 \wedge \dots \wedge \mathbb{P}_n$ che si ottengono con procedura sequenziale sono coerenti (13.2.5 Teorema) e che sono perciò coerenti anche quelle che si ottengono a partire da queste per la partizione $\{(S_n^{(1)} = n_1) \wedge \dots \wedge (S_n^{(s)} = n_s) : n_1 + \dots + n_s = n\}$, meno fine della prima. Vale 1 perciò la somma delle probabilità dei loro eventi elementari. Questo risultato può essere usato efficacemente come strumento per dimostrare in via probabilistica talune formule di tipo combinatorio. Vediamo qualche esempio.

Nel caso delle statistiche di Fermi-Dirac e di Bose-Einstein le occupazioni sono combinazioni di s elementi di classe n , semplici le prime e con ripetizione le seconde. Poiché sono equiprobabili, la loro somma – che deve essere 1 – è uguale alla probabilità comune per il loro numero, e questo è allora il reciproco delle rispettive probabilità. Ciò dimostra che $\binom{s}{n}$ è il numero delle combinazioni semplici di s elementi di classe n e $\binom{s+n-1}{n}$ le combinazioni con ripetizione. Posto nella (48) $n_0 = \max(0, n-r)$ e $n_1 = \min(b, n)$ e sommando per h compreso tra n_0 e n_1 si ottiene la formula combinatoria:

$$\sum_{h=n_0}^{n_1} \binom{n}{h} (b)_h (r)_{n-h} = (b+r)_n.$$

Ponendo $p_i = b_i / (b_1 + \dots + b_t)$ a secondo membro della (53) e sommando per $n_1 + \dots + n_t = n$ si trova la seguente generalizzazione dello sviluppo del binomio di Newton.

$$\sum_{n_1 + \dots + n_t = n} \frac{n!}{n_1! \dots n_t!} b_1^{n_1} \dots b_t^{n_t} = (b_1 + \dots + b_t)^n,$$

Analogamente, sommando ancora per $n_1 + \dots + n_t = n$ a secondo membro della (55') si ricava la formula combinatoria:

$$\sum_{n_1 + \dots + n_t = n} \binom{-p_1/\gamma}{n_1} \dots \binom{-p_t/\gamma}{n_t} = \binom{-1/\gamma}{n}, \quad \gamma > 0, p_i > 0, p_1 + \dots + p_t = 1.$$

COMPLEMENTO.

Il modello di Fermi-Dirac prevede che le particelle si respingano con intensità tale da impedire che una cella possa essere occupata da più di esse. Per quel che riguarda l'aspetto probabilistico si suppone classicamente che le occupazioni possibili – in numero di $\binom{s}{n}$ – siano equiprobabili. Come abbiamo visto, questa valutazione è equivalente a quella che si ottiene assimilando il problema di collocazione a uno di estrazione sequenziale (delle celle) senza rimessa, che può anche essere interpretato come problema di estrazione con contagio negativo *unitario* (n° 14.3.3). La valutazione della distribuzione di probabilità sulle occupazioni con procedura sequenziale consente di introdurre modelli con contagio negativo in cui le particelle si respingano con forza più debole di quella prevista dal modello di Fermi-Dirac, capace cioè di ostacolare l'ingresso delle particelle in celle già occupate, ma non di impedirlo. Analogamente, l'assegnazione della probabilità con procedura sequenziale permette di introdurre modelli con contagio positivo in cui le particelle si attraggono con forza graduata a piacere dall'entità del contagio. Per i modelli di contagio negativo si userà la formula (56) – purché siano soddisfatte per n e per i numeri di occupazione n_i le limitazioni ivi previste – e per quelli di contagio positivo la (55') – che non pone limiti per il numero delle particelle e per i numeri di occupazione (salvo ovviamente che per la somma di questi, che deve essere uguale al numero delle particelle – (n° 14.3.3).

A titolo di esempio consideriamo il problema di collocazione di 4 particelle in 6 celle e andiamo a calcolare la probabilità delle occupazioni in cinque ipotesi sull'entità del contagio, comprendenti i tre modelli (statistiche) studiate sopra. Osserviamo anzitutto che qualunque sia l'entità del contagio (negativo o positivo), la distribuzione iniziale è uniforme, riesce $p_i = 1/6$ e si può pensare assegnata attribuendo peso 1 alle singole celle – come già fatto del resto per il modello di Bose-Einstein –. Circa il contagio, lo esprimeremo in percentuale di 1 (del peso comune delle celle). Esso risulta perciò -1% nella statistica di Fermi-Dirac, 0% in quella di Maxwell-Boltzmann e 1% in quella di Bose-Einstein. Per questi tre casi il calcolo della distribuzione sulle occupazioni si effettua usando le formule messe in evidenza sopra per ciascuno di essi. Per gli altri due modelli abbiamo scelto un contagio negativo e uno positivo di entità pari a 0,15. Abbiamo allora $a = 0,15$, $b_1 = \dots = b_6 = 1$, $b = 6$, $1/\gamma = b/a = 40$ e $p_i/\gamma = 20/3$. Riesce $b_i - (4-1)a = 0,55$, e perciò ogni cella ha la possibilità di essere estratta 4 volte anche nel modello con contagio negativo pari a -0,15 – le quattro particelle possono essere collocate anche in un solo

cassetto -. Usando la (56) troviamo allora che la corrispondente distribuzione sulle occupazioni è

$$P([n_1, \dots, n_4]) = \binom{20/3}{n_1} \dots \binom{20/3}{n_4} / \binom{40}{4}, \quad n_1 + \dots + n_4 = 4.$$

Quella relativa al modello con contagio +0,15 è analoga (basta sostituire 20/3 con -20/3 e 40 con -40), come segue usando la (55'). In tutti i modelli, poi, la $P([n_1, \dots, n_4])$ è una funzione simmetrica dei numeri di occupazione. Le occupazioni che hanno lo stesso insieme di numeri $\{n_1, \dots, n_4\}$ hanno cioè uguale probabilità. È sufficiente perciò riportarne una per tipo, come abbiamo fatto nella tabella più avanti, elencandole in ordine di «concentrazione» decrescente. Circa il loro calcolo, ci limitiamo qui ad indicare quello della probabilità di una delle $\binom{6}{3} \binom{5}{1} = 15$ occupazioni che concentrano tre particelle in una cella e la rimanente in un'altra cella. Per l'occupazione [3, 1, 0, 0, 0, 0] e contagio -0,15 si trova allora:

$$P([3, 1, 0, 0, 0, 0]) = \binom{20/3}{3} \binom{20/3}{1} \binom{20/3}{0} \binom{20/3}{0} / \binom{40}{4} = \\ \left(\frac{(20/3)(17/3)(14/3)}{3!} \times \frac{(20/3)}{1!} \times 1 \times 1 \right) / \frac{40 \cdot 39 \cdot 38 \cdot 37}{4!} = 0,00214.$$

Se il contagio è 0,15 si ha invece:

$$P([3, 1, 0, 0, 0, 0]) = \binom{-20/3}{3} \binom{-20/3}{1} \binom{-20/3}{0} \binom{-20/3}{0} / \binom{-40}{4} = \\ \left(\frac{(-20/3)(-23/3)(-26/3)}{3!} \frac{(-20/3)}{1!} \right) / \frac{(-40)(-41)(-42)(-43)}{4!} = 0,00339.$$

Come si vede nella tabella, e com'è ovvio che sia, $P([4, 0, 0, 0, 0, 0])$ cresce al crescere del contagio e $P([1, 1, 1, 1, 0, 0])$ decresce. Crescono anche le

a	$P([4, 0, 0, \dots])$	$P([3, 1, 0, \dots])$	$P([2, 2, 0, \dots])$	$P([2, 1, 1, \dots])$	$P([1, 1, 1, \dots])$
-1	0	0	0	0	0,06667
-0,15	0,00029	0,00214	0,00390	0,00919	0,02161
0	0,00077	0,00309	0,00463	0,00926	0,01852
0,15	0,00214	0,00399	0,00529	0,00920	0,01601
1	0,00794	0,00794	0,00794	0,00794	0,00794

probabilità delle occupazioni [3, 1, 0, 0, 0, 0], [2, 2, 0, 0, 0, 0], meno concentrate della prima, mentre la probabilità della [2, 1, 1, 0, 0, 0] è prima crescente e poi decrescente.

ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА ГОВОРЯЩИХ ИМЁН И ЗАГЛАВИЙ ЛИТЕРАТУРНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

Mária Rev

Борис Андреевич Успенский в статье *Социальная жизнь русских фамилий* пишет: „Имя выступает как основная характеристика человека, как его идентифицирующий признак. В каких-то случаях имя способно даже заменить человека: это проявляется в таких противоположных сферах – они находятся на разных уровнях цивилизации и, казалось бы, не могут иметь друг с другом решительно ничего общего, – как магия и бюрократия. Магическое действие, направленное на человека, оперирует с его именем (в колдовстве, в гадании и т. п.); равным образом и бюрократическая документация имеет дело не с людьми, а с именами, и судьба человека может непосредственно зависеть от бюрократической процедуры; всё это способствует мистическому отношению к имени, которое ощущается и в наши дни” (Успенский 1994: II: 164). И Успенский обращается к повести Салтыкова-Щедрина *Противоречия*, где домашний учитель оказывается на хлебах „у некоего г. Вертоградова”, который „между нами будь сказано, происхождения не дворянского, как это достаточно показывает и фамилия его”; „*Вертоградов* – типичная «семинарская» фамилия, которая указывает на происхождение из духовной среды. Итак, подобно тому, как могут различаться дворянские и недворянские имена, могут различаться дворянские и недворянские фамилии” (*там же*, 166).

Фамилия героя одного из первых произведений Салтыкова-Щедрина обратила на себя внимание учёного. В связи с этим необходимо признать, что Салтыков-Щедрин, который в наше время снова вызывает большой интерес, относился с особенной заботой к подбору имён и фамилий своих героев. В странности фамилий, имеющих явное или опосредованное значение, скрывается дополнительная нагрузка, углубляющая смысл произведения. Эта остроумная выдумка особенно бросается в глаза в исторической хронике *История одного города*. Определённая игривость проявляется в чередовании обычных фамилий и говорящих имён, они усиливают ироническое, сатирическое звучание. Однако в

Истории одного города одно усиливает мифологический оттенок, а другое – может служить примером противоположного типа. В одной формулировке абстрактная конструкция, в другой – отражение сугубо вещного мира.

Эти моменты художественного произведения являются всегда самыми сложными в работе переводчика, ведь если оставить в переведённом тексте оригинальную фамилию, то примечания, сноски мешают целостному освоению художественной метафоры. Многие из переводчиков часто придерживаются этого способа передачи текста. Другие с большим остроумием стараются находить равноценный эквивалент.

Венгерские переводчики всегда выделялись своим энтузиазмом и стремлением дать венгерской читающей публике качественный перевод соответствующего уровня. Такую работу проделал Режё Хонти в своей передаче *Истории одного города* Салтыкова-Щедрина. Хонти знал целый ряд языков (французский, итальянский, испанский, арабский, персидский и русский). Человек глубоко начитанный, с широкими литературными сведениями, он не чуждался этого очень сложного, неоднозначного произведения. Он сумел сохранить уровень речи летописца, его обращения к читателю и рассказ о корне происхождения глупцов, ибо город назван Глуповым. И здесь переводчик обошёлся без примечания, хотя название города он сохранил соответственно русскому подлиннику. „Прибывши домой, головотяпы немедленно выбрали болотину и, заложив на ней город, назвали Глуповым, а себя по тому городу глуповцами” (Салтыков-Щедрин 1969: VIII: 275). По-венгерски: “Mihelyt megint otthon voltak a vaskobakok, kikerestek egy lápos helyet, ott várost alapítottak és elnevezték az *Ostobák Városának*, Glupovnak, magukat pedig a városról glupoviaknak” (Салтыков-Щедрин 1956: 23, *здесь и ниже курсив мой*, М. R.). В этом месте Р. Хонти обратил внимание на два главных момента книги, он перевёл слово *головотяп* довольно удачно и прибавил два слова на венгерском языке: Глупов он прямо назвал „Городом Глуповым”, это хорошо звучит, даже естественно, в венгерском тексте, и таким образом этим дополнением сразу даётся объяснение в самом тексте, не нарушая ритма его, без лишнего многословия.

Пожалуй, самым значительным достижением переводчика является перевод говорящих имён градоначальников, имеющих смысловую нагрузку. В „Описи градоначальникам в разное время в город Глупов от высшего начальства поставленным «1731-1826»” следуют друг за другом естественные фамилии, существование которых вполне возможно, наряду с вымышленными, созданными автором через тройную передачу от издателя, от последнего архивариуса-летописца и составителя на основе летописи-хроники. После Клементия, Ферапонтова следовал Великанов. Этот последний получил на венгерском языке фамилию *Gigászij*, это решение является почти калькой, но в венгерском тексте звучит очень хорошо, и углубляет иронию, подчёркивая мнимое величие этого лица. Безусловно заслуживает внимание перевод Брудастого на *Torzonborszki*. Это даже не перевод, а удачное название, которое действительно остроумно, тем более если иметь в виду дальнейшую характеристику: „Назначен был впопыхах и имел в голове некоторое особое устройство, за что и прозван был «Органчиком»” (Салтыков-Щедрин 1969: VIII: 278). По-венгерски: “*Valami egészen különös szerkezet volt a fejében, ami miatt Verkli-nek nevezték*” (Салтыков-Щедрин 1956: 28). Эта характеристика автора возбуждает интерес читателя и в дальнейшем ведёт к описанию фантастических последствий в поведении градоначальника и глуповцев.

Стоит выделить из списка градоначальников ещё Двоекурова, который в венгерском варианте назван *Tuukovszki*, корень близок к русскому подлиннику. Сходное решение – перевод имени градоначальника Бородавкина на *Bibirsov*, или Негодяева на *Zsivanov*, затем майор Прыщ – *Ragyásov*, который оказался с фаршированной головой – “*felfedezték, hogy hurkatöltelék van a fejében*”. Грустилов в венгерском издании стал *Busulkin*, Угрюм-Бурчеев, бывший прохвост, который разрушил старый город и построил другой на новом месте, стал по-венгерски *Zordon-Morcov*, и Перехват-Залихватский – *Zebre-Dugovits*. И. С. Тургенев считал *Историю одного города* Салтыкова сатирой свифтовского масштаба, содержащей серьёзный и жестокий юмор (Тургенев 1956: XI: 201, 203). Эти решения Режé Хонти облегчают чтение на венгерском языке, тем более когда

речь идёт о сложном, заставляющем читателя думать произведении, и на основе этого делать соответствующие выводы, входить в круг этих размышлений здесь нет места и времени, да и тематика нашего симпозиума иная. Мне хочется добавить только, что этим способом переложения фамилий и имён на язык перевода, пользуются не очень часто. Например, в драмах А. Островского (Глумов, Кукушкина, Жадов и т. д.) и А. Сухово-Кобылина (Расплюев, Тарелкин, Живец) имеются такие говорящие имена, которые однако остались в своей оригинальной форме и в венгерских изданиях. В английском варианте издания *Истории одного города*, крупный английский специалист также предпочёл сохранить русские фамилии и указать на их значение (Салтыков-Щедрин 1977). Возвращаясь к идеям Успенского, можно сделать вывод, что Салтыков-Щедрин, создавая фамилии своих сатирических персонажей, знал материал сказок и мифов. Однако его имена базируются не на общеизвестных мифах, а как бы являются исходной точкой для создания новых сказок и мифов.

В этом отношении интересно отметить, что при переводе определённые фамилии могут получать дополнительное значение. Например, в *Лошадиной фамилии* Чехова Овсов (по-венгерски Zabos) имеет и скрытое значение: досадно. Из этого вытекает, что венгерский вариант *явно* высказывает то, что в русском тексте звучит только скрытно. Говоря об этом рассказе Чехова, можно ещё добавить, что и Жужа Раб, и Янош Эльберт переводили фамилии совершенно по-разному, но оба варианта равноценны.

Следует обратить внимание ещё на заглавия нескольких рассказов Чехова. Например, *Счастье* Чехова имеет двойное значение на венгерском языке: во-первых – szerencse – посчастливилось кому-то, во-вторых – состояние полного высшего удовлетворения – boldogság. Рассказ на венгерском языке получил заглавие *Szerencse*, а такое заглавие больше выделяет благополучие, а не духовное удовлетворение. И это заглавие сужает внутреннее пульсирование идей в рассказе. Наверное, это слово по характеру своему такое же, как *любовь*, где оттеняются два значения в русском слове: szeretet и szerelem.

Стоит ещё бегло рассмотреть историю перевода заглавия рассказа *Попрыгунья*. Сам Чехов с трудом искал подхо-

дящее слово для заглавия и менял его несколько раз. В конце концов он остановился на заглавии *Попрыгунья*. Впервые в 1900 г. перевели „колеблющаяся тростинка” – *Ingó nádszál*, затем, в 1903г., „гнётся как тростинка” – *Hajlik, mint a nádszál*. Промелькало даже заглавие „кузнечик” – *Szöcske* в 1925 г. Так как она женщина, по-русски даже лучше „стрекоза”. Это название, наверно, отражает реминисценцию басен Лафонтена или Крылова. Здесь следует добавить, что переводчиком этого заглавия был тот же Режё Хонти, который позднее так остроумно перевёл *Историю одного города* Салтыкова-Щедрина.

Новые переводы *Попрыгуньи*, сделанные замечательной переводчицей Кларой Сёллэши, свидетельствуют о её сомнениях. В начале она назвала *A kikapós feleség* (Жена-изменница или Неверная жена), потом исправила на *A léha aszszony* – Ветренная женщина или Легкомысленная женщина. Эти заглавия слишком подчёркивают легкомыслие героини рассказа, и, пожалуй, следовало бы перевести очень просто, по выражению, выдуманному Чеховым, “Ugra-bugra”, ведь „Попрыгунья” для взрослой женщины звучит также некрасиво, как его венгерский эквивалент.

Можно было бы привести ещё много примеров, но это не укладывается в рамки настоящего доклада. Однако приведённые мною примеры наглядно показывают, что дело переводчика художественного произведения требует особенного таланта, знаний и немалого труда, он – результат очень сложного процесса, учитывающего своеобразие и языка оригинала, и языка перевода.

ЛИТЕРАТУРА

- Салтыков-Щедрин, М. Е.
1956 *Egy város története*, ford.: R. Honti, Új Magyar Könyvkiadó, Budapest 1956.
1969 *История одного города. Собрание сочинений в двадцати томах*, Художественная литература, М. 1969.

- 1977 *Selected Satirical Writings*, ed.: I. P. Foote, Clarendon Press, Oxford 1977.
- Сёке, Д.
1988 „Анатомия и физиология” художественного перевода, “Hungaro-Slavica”, Akadémiai Kiadó, Budapest 1988: 229-233.
- Тургенев, И. С.
1956 *History of a Town [Istorija odnogo goroda]*, ed.: M. E. Saltykoff, St. Petersburg 1870; в: *Собрание сочинений в двенадцати томах*, ГИХЛ, М. 1956: 200-203.
- Успенский, Б. А.
1994 *Миф – имя – культура, Социальная жизнь русских фамилий*, в: *Избранные труды I-II*, ГНОЗИС, М. 1994.
- Чехов, А. П.
1900 *Ingó nádszál*, A Hét, Budapest 1900: XI: évf. 27/249, 28/250.
1903 *Hajlik, mint a nádszál. Csehov A. A bűn. Elbeszélések*, Magyar Hirlap kiadása, Budapest 1903.
1925 *A szöcske. Csehov, A fekete barát és egyéb elbeszélések, II*, ford.: R. Honti, Mépszava, Budapest 1925.
1974 *A léha asszony. Csehov, A 6-es számú kórterem*, ford.: K. Szöllősy, Magyar Helikon, Budapest 1974.
1974 *A lónevű. Csehov, Beszélgetések a kutyával*, ford.: Zs. Rab, Magyar Helikon, Budapest 1974.
1974 *Szerencse. Csehov, A szirán*, ford.: E. Devecseriné Guthi, Magyar Helikon, Budapest 1974.
1974-1983 *Лошадиная фамилия, Счастье, Попрыгунья*, в: *Собрание сочинений и писем в тридцати томах*, Наука, М. 1974-1983: IV, VI, VIII.

ABSTRACT

The article's author considers as her starting point B. A. Uspenskij's study *The Social Life of Russian Family Names*, according to which, at various levels of civilization, the name appeared as a mark of identification, reflecting the person's basic characteristics. Saltykov-Shchedrin paid special attention to the names of his characters, and this really helped determine their characterisation. The family names used by an author always pose the most complicated problems for the translator, and there is generally a conflict of viewpoints. According to some, it is not important to translate family names (it being sufficient to add notes), while others feel that the translation makes the literary work more understandable for the reading public.

In Rezső Honti's translation of *The History of the Town of Glupov* the Hungarian names given to the governors are extremely interesting and witty, making the Swift-sized satire, *The History of a Town*, easier to read. The study also refers to the Hungarian translation of the titles of Chekhov's short stories *Fortune* (or *Happiness*) and *The Grasshopper* (or *The Butterfly*). In the latter case the author shows, that despite the fact that the best Hungarian translators dealt with it, they did not succeed in finding the Hungarian equivalent. Perhaps Rezső Honti's 1925 translation is the most appropriate. The examples mentioned prove how much responsibility rests with the translator, how much knowledge, ability and ingenuity is required of him.

К ВОПРОСУ О ТРАНСФОРМАЦИИ И КОМПЕНСАЦИИ
(*ВЕСНА И НОЧЬ* ФОФАНОВА В ПЕРЕВОДЕ РИЛЬКЕ)

Mária Barota

Рильке, который считал Россию своей духовной родиной, два раза побывал там, в 1899 и 1900 годах (Asadowski 1986: 5; Naumann 1993: 210). Его сопровождала Лу Андреас-Саломе. Праздник Православной Пасхи во время первой поездки в Москву, как Рильке об этом вспоминал позже в письме к Лу, оказался для него определяющим моментом всей жизни: “Das war mein Ostern und ich glaube es reicht für ein ganzes Leben aus” (Rilke 1989: 142-143).

В период между двумя путешествиями, и под влиянием первой поездки в Россию, Рильке с увлечением начинает интересоваться вопросами русской культуры, истории, литературы. В Мейнингене под Берлином он приступает к изучению русского языка и в 1900 году делает первые переводы с русского на немецкий язык – переводит Лермонтова, крестьянского поэта Дрожжина, стихотворения Фофанова и Гиппиус, один рассказ Сологуба, *Чайку* Чехова, намеревается приступить к переводу *Дяди Вани*, а в 1904 году осуществляет перевод *Слова о полку Игореве* (Schnack 1990: 181).

Рильке и Лу Андреас-Саломе двадцать восьмого декабря 1899 года познакомились в Берлине с дочерью архитектора Н. Н. Шилла. Их семья была немецкого происхождения. Софья Шилл публиковала свои работы под псевдонимом Сергей Орловский, занималась среди прочего и творчеством Тургенева.

При встрече Лу обращает внимание С. Шилл на Метерлинка, а Рильке на талантливого немецкого поэта-романтика Новалиса (Šertkov 1975: 37).

Именно в письме к С. Шилл от двадцать третьего февраля 1900 года Рильке сообщает, что он перевёл стихотворение Фофанова *Весна и ночь* и прилагает русский оригинал. “Gestern hab ich ein schönes Gedicht Фофановъ-s übersetzt (...) Ist das nicht schön?” (Asadowski 1986: 123-124).

Немецкий перевод Рильке долгое время считался утерянным, его обнаружила в 1934 году Софи Бруцер в Архиве Рильке (Naumann 1993: 168; Gerke 1943: 101).

Молодого Рильке по всей вероятности привлекли импрессионистические, меланхоличные настроения, лёгкость, плавность и музыкальность фофановского текста. Современники называли Фофанова „неблагополучным Верленом” (Török 1970: 227). В этих фофановских строчках Рильке наверняка услышал голос, родственный ему, его поэзии ранних лет, голос, восхищающийся тишиной, далёкой от шума больших городов.

Сам Фофанов пишет в письме к А. Кауфманну: „Мы, живущие в больших городах, бегущие в погоне за призраками благополучия, мы часто теряем свою нравственность, душу свою, как теряют зонтики и галоши в швейцарских при большом съезде гостей (...)” („Вестник литературы” 1921: VIII: 5).

В раннем стихотворении Рильке *Will dir den Frühling zeigen* (*Хочу тебе весну показать*) есть строчки:

Will dir den Frühling zeigen
der hundert Wunder hat
Der Frühling ist waldeigen
und kommt nicht in die Stadt
(Rilke 1987: 126).

(Весна, имеющая сто чудес, свойственна лесу, она не приходит в город.)

Немецкий поэт-романтик Новалис, на которого обратил внимание С. Шилл Рильке, известен как автор знаменитых *Hymnen an die Nacht* (*Гимнов на ночь*), он обращается к святой, таинственной ночи. Спустя много лет, Рильке объединяет двадцать два своих стихотворения в один цикл под заглавием *Gedichte an die Nacht* (*Стихи на ночь*).

При сравнении русского оригинала стихотворения Фофанова *Весна и ночь* и его немецкого перевода я не ставила вопроса о том, возможен ли вообще адекватный перевод стихотворного текста на другой язык, так как ответ теоретиков и практиков на него известен.

Моё внимание привлекли некоторые лексико-семантические добавления, отклонения, коннотации. В немецком тексте я старалась и выявить некоторые ритмодинамические конструктивные элементы, и найти такие специфические

черты в переводе, которые свойственны раннему творчеству Р. М. Рильке.

Чарующее воздействие таинственных световых и звуковых эффектов заката, состояние лирического „я” у Фофанова выражается не глаголами, а существительными „мерцанье” и „трепетанье”. Определяя своим творческим чутьём контекстуальное значение слова „мерцанье”, Рильке в качестве эквивалента употребляет немецкий глагол „schimmert” (мерцает). Этот глагол не имеет той мягкой слуховой мелодичности, как русское существительное „мерцанье”, зато семантическая трансформация даёт звуковой эффект постепенного „утихания”, шелеста листьев. Шипящий „ш” встречается у Рильке два раза в первой строчке, а в третьей аллитерацией двусложных слов усиливается функция данного согласного: „im (...) Schatten schlanker schwarzer Zweige”. Здесь и гласные „а” – „е” находятся в корреляции. В немецком они имеют термины, соответствующие световым эффектам: „dunkel” – „hell” (тёмный – светлый). Звуковая сторона стихов молодого Рильке играет доминирующую роль. Он не раз переписывал свои строчки и предъявлял высокие и строгие требования к себе: „Der Cornet soll noch einmal endgültig, durchgeformt werden und Ton für Ton geprüft bis in jeder Nachklang hinein (...)” (Rilke 1974: 84) – пишет он о своём произведении *Корнет*, переработанном им три раза.

Рильке применяет при переводе лексические и семантические добавления: „мерцанье” – „schimmert schwach” (мерцает слабо) как и в третьей, уже упомянутой строчке: „im wirren Schatten schwarzer Zweige” (и в роще в спутанной тени чёрных ветвей). Глобальная перцепция распадается, переходит в мозаику.

И существительное „трепетанье” в конце первой строфы теряет свою мягкость и утончённость: „Ungewisse Laute sind wach” (неясные звуки бодрствуют). В то же время строчки обогащены этой вставкой-неологизмом Рильке „schimmert schwach (...) [die, M. В.] Neige” (мерцает уходящее/ушедшее), они потенциально становятся частью самой структуры стихотворения, приобретают эффект и силу сцепления, благозвучие, „одеваются в рифмы”, как у Фофанова.

Вторая строфа выражает удивление перед вечным чередованием заката и зари. В четвёртой строчке у Рильке опять

свободный поэтический перевод. Позиция Рильке как переводчика напоминает кредо венгерского поэта-переводчика начала XX века Дежё Костолани, одного из лучших переводчиков стихов Рильке на венгерский язык. Костолани утверждает, что если он и шёл на компромиссы, то никогда не в ущерб красоте стихотворения. Художественный перевод – это продукция, а не репродукция (Kosztolányi 1914: III).

Фофановская строчка „И что безгрешней въ этотъ часъ” передаётся у Рильке как: „Und was jetzt sündenloser atmen mag” (и что теперь безгрешней дышать может). Вследствие чего во второй строфе скомпонованы рифмы: „Tag – tag”, „Leben – heben”. Прилагательное „безгрешный” в функции сказуемого, в связи с вопросами, поставленными Фофановым во второй строфе, вызывает ощущение волшебства, таинственности, соединения неба с землёй, создаёт импрессионистические цветовые эффекты в следующей строфе. Земля освещается тонами расцветающей, зеленеющей, весенней природы, небо переливается всеми цветами от жёлтого („солнце – жёлтого”) до тёмно-коричневого и алого в час заката:

Земля (...) въ зелени цветущей,
(...) небо въ аломъ янтаре.

У Рильке даётся “Blütenfall” (дождь цветов / поток цветов). Образ цветущего дерева напоминает нам об одном из стихов Рильке 1896 года:

Und dein Lied klingt in den Mai
blühe, blühe Blütenbaum
meiner Sehnsucht schönsten Traum
will ich hier erwarten
(Rilke 1987: 138).

Совершенно неожиданно небо у Рильке окрашено цветом не янтаря, а смолы: “Der Himmel harzklar wie vom Stamm der Fichte”, (небо глубоко чисто как смола, в дословном переводе: небо, смолачисто как со ствола сосны). Символика сосны в русской литературно-поэтической традиции представляет собой угрюмое, суровое настроение (ср. Пушкин, Фет, Тютчев), она часто живописуется чёрным, траурным цветом. Восходит эта символика к древним обычаям, принятым на Руси. Сложное слово “harzklar” необычно, в не-

мецком языке – это неологизм Рильке. У Фофанова тоже необычным кажется словосочетание „въ аломъ янтаре”. Янтарь тёмно-жёлтого, мягкого, слегка коричневого цвета в наших стандартных ассоциациях. Но имеется и разновидность янтаря – *simenit*, она обладает алым, ало-коричневым оттенком. Поразительным кажется, что Рильке в своём переводе применяет не прямое соответствие „янтарь” = “Bernstein”, от глагола “bernen” → “brennen” существительное “bern[e]stein” в значении “Brennstein” (горючий камень) (*Herkunftswörterbuch* 1989: 75). Венгерское слово “borostyán-[k]” заимствовано тоже из немецкого языка. Римляне называли янтарь *succinít* (сок). И янтарь, химический состав его, это ни что иное, как смола сосны (*pinus succinifera*). Так слово “Fichte” (сосна) в переводе у Рильке и „янтарь” (Bernstein) не так далеки друг от друга, как кажется на первый взгляд, но они коренятся в разных культурных планах, сохраняя свой местный колорит, свою культурную закреплённость (Oberfrank – Rékai 1984: 178).

Образ дерева со своей трихотомией, изменчивостью в вечности времени является одним из ведущих символических мотивов фольклора, Библии и вообще искусства и художественной литературы. Центральное место этот образ занимает и у Рильке.

Перед первой поездкой в Россию, пребывая во Флоренции, в своём *Флорентийском дневнике* (*Das Florenzer Tagebuch*) он пишет:

Es sind nur Augenblicke, aber in diesen Augenblicken sehe ich tief in die Erde hinein. Und sehe die Ursachen aller Dinge wie die Wurzeln breiter, rauschender Bäume. Und sehe, wie sie alle aneinander greifen und sich halten wie Brüder. Und sie trinken alle aus einem Quell.

Und es sind nur Augenblicke, aber in diesen Augenblicken sehe ich noch in die Himmel hinein. Und sehe die Sterne wie stille, lächelnde Blüten dieser rauschenden Bäume. Und sie wiegen sich und winken einander zu und wissen, daß eine Tiefe ihnen Duft und Süße gibt.

Und es sind nur Augenblicke, aber in diesen Augenblicken sehe ich weit über die Erde hin. Und ich sehe, daß die Menschen starke und einsame Stämme sind, die wie breite Brücken von den Wurzeln zu den Blüten führen und ruhig und heiter die Säfte heben in die Sonne hinein.

(Rilke 1988: 64).

В своём дневнике Рильке утверждает, что общий путь ведёт от общего истока, от общих корней до звёзд мерцающих цветочным венком на ветвях деревьев, и люди на земле, как стволы сильные и одинокие, они, как и широкие мосты, простираются от корней до небесного светила, до солнца.

Две последние строчки третьей строфы стихотворения Фофанова – это констатация факта:

И ближе молодость къ заре,
И ближе к сердцу Вездесущій.

У Рильке выдвигается на первый план характер процесса, характер сближения, посредством повторения слов: “Mein Jungsein nähert sich dem nächsten Lichte” (моя молодость приближается к приближающемуся свету). Так слово „заря”, употреблённое Фофановым в стихотворении два раза, переведено на немецкий как: “alter Abend” (старый вечер) – с чередованием гласных “а” и “е”, – как: “nächstes Licht” (следующий / наступающий свет). Дословным соответствием к заре могло бы служить сложное немецкое слово: “Morgendämmerung”.

В немецком языке ритмическое чередование дня и ночи передаётся одним словом: “Dämmerung”. Точно отразить это явление можно только, употребив сложное слово: “Morgendämmerung / Abenddämmerung”.

В третьей строфе последняя строчка фофановского стихотворения: „И ближе к сердцу Вездесущій” приобретает у Рильке новый лексико-семантический план, который в то же время сохраняет и общий смысловой образ: “an mein Herz drängt sich das wache All” (в моё сердце проникает Вселенная). Перед нами пульсирует пантеистически космический образ, и Рильке-переводчик создаёт тематическую трихотомию в созвучии архитектурно-симметрически расположенных, завершающих строку словосочетаний первых трёх строф:

- 4. строка – “sind (...) Laute wach”
- 8. строка – “(...) was atmen mag”
- 12. строка – “(...) das wache All”

Их потенциальная энергия является составным элементом охватных рифм: “schwach – wach; Tag – mag; Blütenfall – das wache All”.

Вдыхание и выдыхание, два разных направления процесса, греческое слово *pneuma* или латинское *spiritus* и *spiritus sanctus* или библейское „дыхание жизни” (Моисей 1: 2-7) в тексте Рильке могут быть связаны новыми, добавляющими смысл коннотациями.

Четвёртая строфа – под влиянием пережитых чудес весны и ночи – содержит в себе неожиданное, необычное, невероятное: „очи жаждут слёз” – “die Augen schmachten nach Tränen”. Как у Фофанова, так и у Рильке всё переходит в сон – или в мечту?

У Рильке кротость выражена неологизмом “das sanfte Nachten” (мягкий приход ночи). Как будто чудо весны и ночи, их волшебство – как сон, как мечта... И как после прекрасного сна, прекрасной мечты остаётся разочарованность, очи обмануты – “die Augen sind enttäuscht”.

В последней строфе у Рильке привлекает внимание неологизм: “frühlingliche Liebe” (вешняя любовь). Обыкновенным было бы “frühlinghafte Liebe”, но в оригинале у Фофанова, в предыдущей четвёртой строфе поставлено тоже не прилагательное „весенний”, а по-тургеневски „вешний”. Состояние напряжённости, загадочности благодаря тому, что вопросы, сформулированные в стихотворении, остаются навсегда без ответов, и чувство очарованности, несбыточности, их контраст Фофанов даёт нам при помощи суживания временных пределов и расширением пространственного плана:

Какъ недосказанная сказка
У догоревшего огня.

При переводе последних фофановских строчек Рильке опять прибегает к самостоятельному добавлению: “am Ofenplatz” (у печки).

Старинные, волшебные сказки, о которых вспоминает сам Рильке в стихотворении *Wenn's Frühling wird* (1895), при переводе перемещены в иное пространство. Это – внутреннее пространство и в то же время внешнее, при сопоставлении его с внутренним душевным пространством лирического „я”, вследствие чего дана и оппозиция космическому пространству предыдущих строф. Течение времени так же подчёркнуто лексико-семантическими средствами: “beim rasch verflamnten Feuer” (у скоро сгоревшего огня) и новизной

приставки “ver-” перед немецким глаголом *flammen* (гореть) на месте *er/auslöschen* (потухнуть).

Анализ некоторых явлений оригинала и перевода эмпирическим путём позволяет сделать вывод, что Рильке свободно модифицирует, варьирует более лаконичный текст Фофанова своими добавлениями и вставками.

Большая, по сравнению с русским оригиналом, длина строчек обусловлена не только языковыми реалиями, структурой немецкого языка. Перевод Рильке – продукция, в смысле венгерского поэта-переводчика Д. Костолани (Dezsó Kosztolányi), жившего на стыке XIX и XX веков. Благодаря этому переводческому приёму, спасены рифмы Фофанова, те рифмо-динамические компоненты стихотворения, которые далеко выходят за рамки поэтической формы. „Музыкальное звучание поэтической речи – тоже способ передачи информации, т.е. содержания, и, в этом смысле, он не может быть противопоставлен всем другим способам передачи информации, свойственным языку как семиотической системе. Этот способ – «музыкальность» – возникает лишь на самом высоком уровне организации словесной структуры – в поэтической речи – и его не следует путать с элементами музыкальности в системе языка, например, интонацией” (Лотман 1994: 95).

В области рифм Рильке-переводчик оказался верным оригиналу. Отступление у него сделано только в последней строфе, у Фофанова охватные, а у Рильке перекрёстные рифмы. Выбор всё-таки определён оригиналом, ведь в русском предыдущая строфа рифмуется именно этим способом. Так при переводе всех строчек Рильке меняет только одно – перекрёстные четвёртой строфы Фофанова он переносит в пятую, в четвёртой у Рильке – охватные, как и во всех остальных строфах. Применение перекрёстных – исходя из коммуникативного ядра – в пятой оказывается адекватным, как и в четвёртой – оригинала.

Перевод Рильке богат не только лексико-семантическими добавлениями поэта, но и неологизмами. Они позволяют не только точно передать атмосферу и импрессионистические краски, оттенки „весны и ночи”, но и создать новые структурно-музыкальные компоненты художественного стихотворного текста. Применение своеобразных неологизмов, ис-

кусство поэтического создания, слова-„творения” и музыкальность свойственно не только переводчику, но и поэту Райнеру Мария Рильке.

К. М. ФОФАНОВ

Весна и ночь! Вдали мерцанье,
Зари негаснувшей огни.
И вь роще, вь спутанной тени,
Неясных звуковъ трепетанье...

И не поймёшь – где день погась,
Где жизнь ещё пугливо бьётся?
Где новый день для слёзъ проснётся?
И что безгрешный вь этотъ часъ:

Земля ли вь зелени цветущей,
Иль небо вь аломъ янтаре?
И ближе молодость къ заре,
И ближе къ сердцу Вездесущий!

Душа, отвыкшая отъ грёзь,
Готова верить вешней ночи;
И алчеть умъ и жаждутъ слёзъ
Не разъ обманутые очи.

И жизнь влечётъ, и вновь меня
Томить весны больная ласка
Какъ недосказанная сказка
У догоревшаго огня.

R. M. RILKE

Frühling und Nacht. Und ferne schimert schwach
des alten Abends unverloschne Neige,
im wirren Schatten schlanker schwarzer Zweige
sind ungewisse Laute wach...
Du kannst nicht sagen: wo wersank der Tag!
wo rührt sich schreckhaft zuckend noch das Leben?
wo wird der Morgen sich zu Tränen heben?
und was jetzt sündenloser atmen mag:
die Erde, grünend, unterm Blütenfall,
der Himmel harzklar wie vom Stamm der Fichte?
Mein Jungsein nähert sich dem nächsten Lichte

und an mein Herz drängt sich das wache All!
 Die Seele löst sich leis vom Traume los
 bereit zu glauben an das sanfte Nachte,
 die Sinne hungern mir, die Augen schmachten
 nach Tränen, wie noch nie enttäuscht und groß.
 Und wieder: Leben, und aufs Neue quält
 mich frühlingliche Liebe, schmerzhaft teuer,
 so wie ein Märchen, nicht zuend erzählt
 am Ofenplatz beim rasch verflamnten Feuer...

ЛИТЕРАТУРА

- „Вестник литературы”
 1921 „Вестник литературы”, 1921: VIII (32).
- Лотман Ю. М. и тартуско-московская семиотическая школа
 1994 *Язык-семиотика-культура*, М. 1994.
- Asadowski, K.
 1986 *Rilke und Rußland. Briefe, Erinnerungen, Gedichte*,
 Aufbau Verlag Berlin-Weimar 1986.
- Gerke, I.
 1943 *Rainer Maria Rilke als Übersetzer*, Marburg 1943.
- Herkunftswörterbuch*
 1989 *Herkunftswörterbuch der deutschen Sprache*, Duden,
 Mannheim-Wien-Zurich 1989: 75.
- Kosztolányi, D.
 1914 *Modern költők*, Budapest 1914: III.
- Naumann, H.
 1993 *Rußland in Rilkes Werk*, Schäuble Verlag, Berlin
 1993.
- Oberfrank, F., Rékai, J.
 1984 *Drágakövek*, Budapest 1984: 178-179.
- Rilke, R. M.
 1974 *Die Weise von Liebe und Tod des
 Cornets Christoph Rilke. Text-Fassun-*

- gen und Dokumente, Suhrkamp, Frankfurt am Main 1974: 84.
- 1987 *Sämtliche Werke I-VI. Herausgegeben vom Rilke, Archiv Ruth Sieber-Rilke – Ernst Zinn, Insel Verlag, Frankfurt am Main 1987¹.*
- 1988 *Das Florenzer Tagebuch, Suhrkamp, Frankfurt am Main 1988: 64.*
- 1989 *R. M. Rilke – Lou Andreas Salomé Briefwechsel, Herausgegeben von Ernst Pfeiffer, Insel Verlag, Frankfurt am Main 1989: 142-143.*
- Schnack, I.
1990 *Rainer Maria Rilke. Chronik seines Lebens und Werkes I-II. Erster Band 1875-1920, Insel Verlag, Frankfurt am Main 1990.*
- Čertkov, L.
1975 *Rilke in Rußland. Auf Grund neuer Materialien, Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, Wien 1975: 37.*
- Török, E.
1970 *Orosz irodalom a XIX. században, Gondolat, Budapest 1970: 227.*

ABSTRACT

R. M. Rilke visited Russia twice at the turn of the century, first in 1899 then in 1900. During the months between the two trips, he even started to study Russian and started to do some literary translation. Among others, he translated the poem *Vesna i noč* (Spring and Night) by a contemporary poet, K. M. Fofanov into German.

Compared to the original text, Rilke's translation shows considerable lexical and semantic alteration and addition, retaining, at the same time, Fofanov's rhymes.

The paper intends to present some examples of the poetic word-creation so characteristic of Rilke's life-work as well as the relationship between Fofanov's poem and Rilke's early poems.

NOVELA MIROSLAVA KRLEŽE
BITKA KOD BISTRICE LESNE
U PRIJEVODU ZOLTÁNA CSUKE

Stjepan Blažetin

“Što prevođenje jest?” – postavlja sebi pitanje Krunoslav Pranjić u knjizi *Jezik i književno djelo* te odmah i odgovara: “Pronalaženje jednakovredna izraza u drugome jeziku – jedan je od mogućih odgovora; no jednakovrednost je lakše postići u sadržaju negoli u izrazu, prije gramatički, stilistički već teže, pogotovu kad su posrijedi nijanse koje najjasnije očituju vlastitost jednog jezika.” (Pranjić 1986: 155).

Svakome tko je barem jednom pokušao prevoditi neki tekst i razmišljao o prirodi poteškoća kojima se usput susretao izneseni problemi moraju biti poznati. Prenijeti tekst iz jednog jezičnog sustava u drugi moguće je samo djelomično između ostalog i stoga što se ti sustavi razlikuju. Konotacijama koje pobuđuje u čitatelju tekst na nekom jeziku nije moguće naći stopostotnu zamjenu u drugom jeziku. Dodamo li tomu različitu povijesnu, kulturnu itd. tradiciju unutar kojih se razvijaju književni izrazi jednog ili drugog jezika neće biti teško zaključiti da savršenog prijevoda nema.

Na temelju prijevoda Krležine novele *Bitka kod Bistrice Lesne* iz pera Zoltána Csuke pokušat ću pokazati kakvim se načelima rukovodi ovaj prevoditelj, koji se problemi neminovno javljaju tokom prevođenja Krležinih djela na mađarski jezik.

Krleža vjerojatno nema niti jedan tekst u kojem ne bismo mogli naći mađarizme, što više, nerijetko ubacuje cijele rečenice pa katkad i pasuse na mađarskom jeziku. Takvi su dijelovi u originalu stilski snažno obilježeni i simboliziraju sveprisutnost mađarskog jezika i ekspanzionističku politiku mađarskih vladajućih krugova prema Hrvatskoj. U tom kontekstu Mađarske državne željeznice (MÁV) bit će jedan od središnjih simbola Krležine proze. Nije to drugačije ni u ovoj noveli.

Idu Madžari, ide i on! Svejedno! *Madžar ember! Alamvasút! Mora se.*

Ha a magyarok mennek, ő is megy. Mindegy! “*Magyar ember*”.
*Allamvasút! Muszáj menni!*¹

---

1 *Sva isticanja u tekstu su moja, S. B.*

“Államvasút!” i “Magyar ember!” za mađarskog čitatelja nije nikakav negativan simbol pa se na taj način gubi jedno značajno stilsko obilježje originalnog teksta. Krleža, ustalom, mađarske riječi ovdje prilagođava hrvatskom fonološkom sustavu pa tako nisu napisane mađarskim pravopisom. Prevoditelj ih je mogao ostaviti isto tako kako stoje u originalu čime bi se sugeriralo da te izraze valja dekodirati drugačije nego ostali tekst. U ovakvim slučajevima mogla bi pomoći i bilješka na dnu stranice koja bi objasnila gorenavedeni problem. Csuka, inače, za razrješavanje drugih problema rabi ovu metodu i u spomenutoj noveli.

Na ovom mjestu valja istaknuti i problem prevođenja onih dijelova novele koji su napisani kajkavskim dijalektom ili koji u sebi sadrže izrazite kajkavizme u svrhu stilizacije. Zbog različitog povijesnog razvoja mađarskog i hrvatskog književnog jezika i drugačije dijalektalne slike, tekstove na kajkavskom dijalektu i kajkavizme nije moguće prevesti adekvatno na mađarski jezik. Prevoditelj je ponegdje pokušao arhaizmima i provincijalizmima obojiti prijevod dijalektalnih dijelova, ali bez većeg uspjeha. Te ubačene riječi, pošto ih ima vrlo malo, samo strše i nemaju pravu funkciju. Smatram da se prevoditelj trebao opredijeliti za jednu od dviju mogućnosti: ili dosljedno prevoditi takve dijelove teksta na mađarski književni jezik ili dosljedno arhaizirati, ubacivati provincijalizme, ili nekim drugim jezičnim elementima odvojiti te dijelove od ostalog teksta.

Proletarizirat će vam se djeca! Buju bogčija postali, razumete?

– Je. A kaj ja nis bogec, gospon doktor? Em smo mi bogčija!

Proletársorsra jutnak a gyerekei, érti-e? Földönfutó koldus lesz belőlük, érti-e?

– Érttem, érttem. De hát én nem vagyok tán kóduš, doktor úr? Hiszen mindannyian azok vagyunk!

U odlomku se vidi da riječ “bogec”, kada govori službenik, prevoditelj zamjenjuje s “koldus” a kada govori zagorski seljak s “kóduš”. Valja, međutim, reći da Krležin službenik na Markovom trgu u početku govori književnim jezikom, ali kako se razgovor odvija i Vid Trdak nikako ne shvaća što mu ovaj govori, već tvrdoglavo ponavlja svoje, službenik, pomalo već iziritiran, iznerviran, u afektu, progovara upravo na ovom mjestu kajkavski kako bi možda na taj način uvjerio seljaka da ovdje nema pomoći za njega. Krleža time ujedno pokazuje podrijetlo službenika koji je naučio književni jezik popevši se na društvenoj ljestvici, ali kada

više ne kontrolira svoje osjećaje i on se odaje. Prijevod cijelog razgovora ne sadrži nikakve provincijalizme, niti arhaizme osim ovdje navedenog pokušaja koji je k tomu pogrešan. Čini mi se da je najbolje rješenje ovakve dijelove prevoditi mađarskim književnim jezikom bez stilizacije.

Posebno je pitanje prevođenje vlastitih imena. Osobna imena i prezimena kod Krleže skoro uvijek donose nekakvu dodatnu obavijest o karakteru dotičnog lika. Na primjer: Pesek Mato, Križ Matija, Palčić. Csuka je osobna imena, sasvim ispravno, ostavio kao i u originalu, ali u tome nije bio dosljedan. Što se tiče stranih osobnih imena i prezimena Krleža pravi malu distinkciju. Imena nižih časnika ili običnih domobrana stranog podrijetla piše prilagođeno hrvatskom fonološkom sustavu. Na primjer: Šmit, Rucner. Kada se, međutim, radi o visokim časnicima s obiju strana bojišnice, koji odlučuju o sudbini naših domobrana, Krleža njihova imena ispisuje u potpunosti i u originalu. Na primjer: Rikard Weisersheimb, Ritter von Reichlin-Meldegy und Hochenthurm ili barun von Frederiks. I ona imena koja su prilagođena hrvatskom fonološkom sustavu u prijevodu Csuka piše u originalu: Šmit – Schmidt, Rucner – Rutzner. Time ih izdvaja iz hrvatskog okruženja kamo ih je, po svemu sudeći, Krleža ubrajao. Za njega su oni zapravo “domaći” stranci, slični zagorskim domobranima. Kada govorimo o vlastitim imenima valja napomenuti da je Csuka katkad našao izvrsna rješenja. Mislim ovdje na adekvatnu zamjenu imena životinja i na prevođenje nekih toponima na mađarski jezik bez čega prevedeni tekst zapravo ne bismo mogli ispravno dekodirati.

I tako sedam naših domobrana napajalo ujutro, o podne i podveče svoga Cvetana i svoga Lisaka i svoju bolesnu i sušičavu Rumenu, svaki božji dan ljeti i zimi, (...)

S a mi honvédeink így itatgatták reggel, délben vagy estefelé Virágjukat és Riskájukat, beteg és kehes Tarkájukat a nyár vagy a tél minden istenáldotta napján, (...)

Jezuševo i Sveti Jalžabet i Sveti Ivan pozvat će se opet Lisjakom i Vučjom Jamom kao i prije toga, pa nikome ništa!

(...) és hogy Jézusfálvát, Szentersébetet és Szentivánt holnap már megint Rókásnak meg Farkasüregnek hívják, akárcsak azelőtt, s minden marad a régiben!

Premda toponime u principu ne prevodimo, pa u skladu s time to ni Csuka ne čini ovdje taj postupak ima svoje potpuno

opravdanje. Krleža, naime, suprotstavlja kršćanske i pretkršćanske toponime istih lokaliteta naglašavajući tako bezvremenost ili vječnu patnju, vječno trajanje ljudi na ovim prostorima bez obzira na režime i ideologije. Kako bi se taj dio teksta mogao na ovaj način shvatiti prevoditelj je morao primijeniti ovakav postupak.

Sintagme tipične za hrvatski jezični izričaj koje proizlaze iz hrvatske povijesne, društvene i kulturne tradicije Csuka razrješava uglavnom trojako. Katkad ne objašnjava takvu sintagmu već jednostavno prevodi na mađarski jezik.

(...) ali sav taj gospodski, doktorski, kraljevskotrojedni stroj i sve kraljevske uredbe tog činovničkog stroja omalovažavale su onaj silni i nesavladljivi život u njima, (...)

(...) de ez az egész doktori, úri, királyi hármás gépezet valamennyi királyi rendelettel és hivatalnoki masinériával lebecsülte a parasztban rejlt ő hatalmas és legyúrhetetlen életerőt, (...)

Krleža se ovdje poigrava sa sintagmom “trojedna kraljevina” kako su poslije mađarsko-hrvatske Nagodbe iz 1868. godine zvali Kraljevinu Hrvatsku u sklopu Austro-Ugarske Monarhije. Sintagmom “kraljevskotrojedni stroj”, u kojoj je prvi član u odnosu na uobičajeni gore već navedeni povijesni termin u inverziji, pisac označava svoj ironični odnos prema vlastitoj državi i vlasti u njoj. Csukin prijevod “királyi hármás gépezet” za mađarskog čitatelja, ukoliko on nije dobro upoznat s poviješću Hrvatske, ne donosi nikakvu dodatnu obavijest, ne budi u njemu nikakve asocijacije, pa će on uspjeti iščitati samo jedno značenje a to je da “trojedni stroj”(“hármás gépezet” sačinjavaju “gospoda, doktori i kralj”) “doktorok, úrak és a király”. Krležina veličina je upravo u tome da je uspio jednom sintagmom izraziti i prvo i drugo navedeno značenje i k tomu je, istodobno, signalizirao da sintagmu treba shvatiti u ironijskom ključu.

Drugi put sličnu sintagmu u sličnoj situaciji Csuka objašnjava unutar teksta novele proširujući tako izvorni tekst.

(...) pa se čulo da se podigli neki u Zeleni kader (ali taj više šiša bogataše nego kmetove, taj Zeleni kader, pak će već nešto biti što će biti).

(...) s azt is beszélték, hogy voltak akik felkerekedtek s beálltak a zöld káderbe; (persze a zöld lombok, mezők bujdosó katonái inkább a gazdagokat kopasztották, mint a parasztokat, s majd csak lesz, ami lesz).

Ubačeni tekst točno objašnjava što je “Zeleni kader”, ali ruši ritam izvorne rečenice, a nestaje i ponavljanje prisutno u izvorniku. Čitajući prevedeni tekst stječemo dojam kao da čitamo neki jednojezični rječnik. Mišljenja sam da bi objašnjenje u bilješci bilo puno sretnije rješenje.

Treći način koji primjenjuje Csuka za razrješavanje takvih situacija su bilješke na dnu stranice.

(...) gledao preko njega u zrak i punio Riz-Abadie-tuljiće srednjefinim Be-ha-duhanom i slagao cigarete jednu za drugom u škatulju koja tek što nije bila puna.

(...) úgy nézett át rajta, mintha üres levegő lenne előtte s középfinom Bé-Há dohányát csak töltögette a Riz Abadie hűlznikbe, s egymás után rakosgatta a kész cigarettákat már-mar megtelt dobozába.

U bilješci nalazimo ispisanu skraćenicu “Bé-Há” – “Bosznia-Hercegovina”. Takav je postupak sasvim opravdan jer kad bi prevoditelj u rečenici ispisao potpuni naziv rečenična konstrukcija bi propala. Šteta što se ovim načinom davanja dodatne obavijesti čitatelju o važnim zbivanjima i kulturnopovijesnim okolnostima prevoditelj u ovoj noveli služi samo jedanput a i u cijelom ciklusu novela *Hrvatski bog Mars (A horvát hadisten)* svega nekoliko puta. Čitanje usputnih bilježaka, istina, ometa jedinstveno doživljavanje teksta, ali ujedno pomaže u recepciji. Uostalom, skoro sva hrvatska izdanja ovih novela od 1946. godine sadrže i *Tumač domobranskih i stranih riječi i pojmova* na kraju knjige. *Tumač* je sastavio sam autor pa između ostalog posebnu pozornost posvećuje sintagmi “Zeleni kader”, objašnjava što valja podrazumijevati pod “trojednom kraljevinom” itd. Ako je hrvatskom čitatelju potreban takav tumač onda zasigurno i mađarskom.

Kad se pažljivo usporedi originalni i prevedeni tekst možemo zamijetiti jednu zanimljivu pojavu koju ja uvjetno imenujem “proširivanjem”. Csuka, naime, često suvišnim dodavanjima u prijevodu proširuje Krležine rečenice. Paradoksalno, rezultat ovakvih proširivanja obično je sužavanje smisla prevedenog teksta.

Držao je u lijevoj ruci lulu i neobično je djelovao na Vida Trdaka.

Bal kezében a pipáját szorongatta, s valahogy lesújtó hatást tett Trdak Vidre.

Krleža ne precizira kako je djelovao na Trdaka Vida prizor obješenog Rucnera. Prijevod, međutim, izričito imenuje to djelo-

vanje: “lesújtó hatás/djelovalo je porazno ili zaprepastio se. Prilog “neobično” ne stvara izrazito negativne osjećaje. Krleža na ovaj način želi ukazati na jedno ratnim kaosom zbrkano duševno stanje (strah, nelagoda, zavist, olakšanje, mržnja itd.) što određuje ove jednostavne ljude u metežu koji ne razumiju i kamo su dovedeni bez vlastite volje. Preciziranjem osjećaja Csuka bitno sužava semantičko polje rečenice što nije ničim opravdano.

Sljedeći ulomak ponovo potvrđuje da su proširivanja takve vrste nepotrebna.

– Slušaj me, Viktore, rekao mu je bataljonski zapovjednik pred polazak na dopust. – Ja te puštam s fronte! Dobro je! Ali mi zadaj pošteni riječ da ćeš tu svoju kuju ustrijeliti na svaki način!

– Ide hallgass, Viktor! – szólt hozzá a zászlóaljparancsnok, mielőtt a boldogtalan ember szabadságra indult. – Én elengedlek a frontról! Rendben van! De add becsületszavadat, ha a fene fenét eszik is, agyonlövöd a szukádat!

Sintagma “boldogtalan ember”/”nesretan čovjek” ne nalazi se u originalnom tekstu. I to nije slučajno! Kako bi mogao biti čovjek nesretan kada odlazi kući s fronte, usprkos činjenici, da ga je žena prevarila? Tim odlaskom, barem za neko vrijeme oslobodit će se ratnog užasa. Krleža ništa ne izjavljuje kategorički. Čitatelj će, uostalom, pomoću konteksta sam donijeti sud o Viktoru. Ne treba sputavati čitateljevu slobodu, treba vjerovati u njegovu zrelost!

Zbog ograničenog prostora bio sam prisiljen izostaviti nekoliko primjera te nisam mogao upozoriti na problem vojne terminologije i životinjskih naziva. Ovom prilikom iz istih razloga nisam se pozabavio ni očitim pogreškama prevoditelja.

Nedostaci i stilske nedosljednosti prevedenog teksta mogli bi se otkloniti većom koncentracijom na originalni tekst što bi pridonijelo autentičnijem prijevodu Krležinih tekstova. Podariti stilsku vrijednost Krležinim tekstovima ili bilo kojem književnom tekstu i u prijevodu pokušati ponovo stvoriti i materijalizirati u drugom jeziku duh a ne samo sadržaj originala zadatak je svakog istinskog prevoditelja. Pišući možda više o nedostacima nego o vrlinama ovoga prijevoda nisam ga želio omalovažavati. Jednostavno želim reći da uporednom analizom prijevoda i originala ponekad možemo doći i do stilskih vrednota originalnog teksta kojih inače nismo ni svjesni.

LITERATURA

- A magyar nyelv*
1966 *A magyar nyelv értelmező kéziszótára*, Akadémia Kiadó, Budapest 1966.
- Bakos, F.
1978 *Idegen szavak és kifejezések szótára*, Akadémia Kiadó, Budapest 1978.
- Krleža, M.
1963 *A horvát hadisten*, Európa Könyvkiadó, Budapest 1963.
1982 *Hrvatski bog Mars*, NIŠRO Oslobođenje – IKRO Mladost, Sarajevo-Zagreb 1982.
- Lasić, S.
1987 *Mladi Krleža i njegovi kritičari 1914-1924*, Globus, Zagreb 1987.
1989 *Krležologija V, Književnoznanstvena metoda i literatura o Krleži 1964-1981*, Globus, Zagreb 1989.
- Mamić, M.
1993 *Mađarski elementi u Krležinim djelima, u Jezik, Časopis za kulturu hrvatskoga književnog jezika*, Hrvatsko filološko društvo, Zagreb, prosinac 1993: II(41).
- Palich, E.
1968 *Magyar-szerbhorvát kéziszótár*, Terra, Budapest 1968.
- Pranjić, K.
1985 *Jezik i književno djelo*, Nova prosveta, Beograd 1985.
1986 *Jezikom i stilom kroza književnost*, Školska knjiga, Zagreb 1986.
- Simeon, R.
1969 *Enciklopedijski rječnik lingvističkih naziva*, Matica hrvatska, Zagreb 1969.

Skok, P.
1971

Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika, JAZU, Zagreb 1971.

Srpskohrvatsko-mađarski rječnik
1968

Srpskohrvatsko-mađarski rječnik /Szerbhorvát-magyar szótár, Pokrajinski zavod za izdavanje udžbenika, Novi Sad 1968.

РЕЗЮМЕ

Золтан Чука считается самым известным переводчиком произведений Мирослава Крлежи на венгерский язык. Поэтому его деятельность имеет большое значение для хорватской и венгерской литературы и для культуры вообще.

В настоящей работе автор ставит своей целью показать существующие (или несуществующие) принципы, которыми руководствовался З. Чука при переводе произведений М. Крлежи на венгерский язык. Пользуясь сопоставительным анализом подлинника и венгерского перевода автор обнаружил определённые стилистические ценности оригинального текста, обойдённые вниманием исследователей при чтении произведений только на хорватском языке.

РЖЁТ ЛИ СОЛНЦЕ?
(К ВОПРОСУ О ТРУДНОСТЯХ
ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРЕВОДА)

Viktoria Lebovics

Предпосылкой для правильного решения переводческой задачи является „правильное истолкование переводимого текста; условием её выполнения служит правильный выбор языковых средств” (Фёдоров 1953: 12).

Принимая вышеприведённое высказывание за аксиому, можно сделать вывод, что ошибки, допускаемые при переводе, могут быть двух видов: неправильное – по разным причинам – истолкование переводимого текста или же неправильный выбор языковых средств.

В. Белинский писал: „В художественном переводе не позволяется ни выпусков, ни прибавок, ни изменений. Если в произведении есть недостатки – *и их должно передать верно*. Цель таких переводов есть – заменить по возможности подлинник для тех, которым он недоступен по незнанию языка, и дать им средство и возможность наслаждаться им и судить о нём” (Белинский 1883: ч. 2: 287; *курсив мой*, V. L.). Вот почему настолько важно, как выполнен перевод художественного произведения. Переводчик всегда должен исходить „(...) из интересов читателя, которому оригинал незнаком и который может с ним познакомиться только по переводу” (Фёдоров 1953: 46).

Как это ни парадоксально, однако чем неудачнее перевод какого-либо произведения, тем более поучительным может оказаться анализ этого перевода. Чтоб избежать допущения ошибок, связанных с неправильным истолкованием оригинала, желательно предварительно провести анализ переводимого текста. Рассмотрим небольшой отрывок из повести Чингиза Айтматова *Прощай, Гульсары!* (Здесь и ниже см.: Айтматов 1974: 206-207.)

Иноходец Гульсары „шёл к своему последнему финишу из последних сил”. Он прожил долгую, нелёгкую жизнь, „которой теперь подходил конец”. Конь умирает, и в эти последние минуты в памяти иноходца воскресает вся его жизнь. Словно кадры кинофильма проносятся перед читателем берущие за душу важнейшие моменты этой жизни.

Slavica tergestina 5 (1997)

Поэтические средства, к которым прибегает Ч. Айтматов в данном отрывке повести – с целью достижения экспрессивности и эмоциональной насыщенности, – достаточно своеобразны. Беззаботное, безоблачное, радостное лето детства очень скоро сменяет *строгая*, (солнце „всходило строго на востоке”, „большая гривастая кобыла оказалась строгой матерью”) полная невзгод, тяжёлая жизнь. И вот в момент последней схватки с жизнью и смертью „то ушедшее навсегда лето” возвращается как „обманчивое видение”, чтобы теперь уже действительно исчезнуть навсегда. Близость смерти, угасание накладывают ощутимый отпечаток на описание. Ч. Айтматов повествует о воспоминаниях, чувствах иноходца как бы со стороны, немного сдержанно, намеренно притуплённо, с целью усиления экспрессивности. Здесь нет восклицаний, восторженных или выражающих громкое, безысходное отчаяние интонаций. Лишь в одном месте употребляет Ч. Айтматов восклицательный знак („Какое это было упоительное, пьяное молоко!”), и то в сочетании с определением *пьяное* к слову *молоко*. И это не случайно. Для жеребёнка жизнь – сплошная радость и наслаждение. Он резвится и играет со всем миром, с лугом, с речкой, с кустами, с озером, с солнцем, которые в представлении Гульсары тоже немножко жеребёнка и ведут себя также, как и он. Ну а самое „невероятное” и „удивительное” в этом мире – „тёплое молочное облако”, в которое превращалась его мать – большая гривастая кобыла. И молоко действительно было „пьяное”, ведь „весь мир – солнце, земля, мать – умещался в глотке молока. И уже насытившись можно было сделать ещё глоток, потом ещё и ещё (...)”. Странная метонимия *пьяное молоко* в двух словах подчёркивает и выделяет влияние обильного, упоительного, сладкого молока, опьяняющего и без того беспредельно счастливого жеребёнка. Однако всему этому быстро приходит конец. Всё меняется. И в тексте опять идут распространённые перечисления, к которым Айтматов прибегает с той же целью усиления экспрессивности, сгущения красок и нагнетания эмоций. Отчуждённость повествования, употребление из знаков припинания только точек и запятых находится в резком контрасте с темой отрывка, выбором лексики, повторениями и перечислениями. Всё это вместе взятое даёт лирическое, поэтическое и очень

трогательное описание целой жизни, акцентируя внимание на канве её: двух коротких периодов – мимолётного детства и кажущейся мучительно медленной, а на самом деле может быть минутной смерти иноходца Гульсары.

Венгерский перевод данного отрывка, к сожалению, неудачен. (Здесь и ниже см.: Айтматов 1982: 9-11.) Рассмотрим некоторые ошибки и неточности в переводе, с целью определения причин их возникновения, где это возможно и насколько это возможно.

В беззаботном мире детства Гульсары солнце, будучи в восприятии иноходца также жеребёнком, „ржало и скакало по горам”. Чуть дальше в тексте, когда „всё изменилось”, читаем: „солнце в небе перестало ржать и скакать по горам”. В венгерском переводе соответственно: “az égető napkorgong a hegygerinc mentén tánkolt” (жгущее солнце танцевало вдоль хребта гор) и “Nem táncolt többé hegyről hegyre az égető nap (...)” (уже не танцевало по горам жгущее солнце). Причиной несоответствия, повидимому, надо считать близость фонетического звучания слов *ржать* – *жарк(ий)* – *жечь* и неуверенность переводчика в значении иностранного слова.

Всем, кто когда-либо изучал иностранный язык, должно быть известно явление, когда слово вроде знакомо, и вместе с тем значение его не припоминается; или когда существует какая-то смутная уверенность в том, что искомое слово начинается, скажем, на букву „р”, и всё-таки в голову приходит не оно, а близкое данному слову по звучанию.

В украинском переводе романа *Странный брак* Кальмана Миксата предложение: “(...) míg végül a papnak nem jutott más, csak a csont madam Malipau, kit mint kertészt ünnepelt, mivelhogy egy szép virágot nevelt mindeneknek gyönyörűségére” (Mikszáth 1972: 56) переведено следующим образом: „Священникові нічого не залишилось, як проголосити тост за сухорляву мадам Маліпо. Він похвалив її як взірцеву християнку, яка виростила всім на втіху чудову квітку” (Mikszáth 1955: 46). В переводе перепутаны близкие по звучанию слова *kertész* (*садовник*) и *keresztény* (*христианин*). Странным образом во многих случаях такого рода контекст становится ложным другом переводчика. Очень даже естественно, что священник предлагает поднять бокал за здоровье образцовой христианки, которая на радость всем воспитала девушку – цветок. Верно, что священники чаще

хвалят христиан, чем садовников. Однако поэтическое сравнение в переводе утеряно. Также и с солнцем Гульсары, его солнце ржёт и скачет, как любой жеребёнок. А переводчика подводит контекст: разве солнце ржёт? Да нет же, солнце жжёт и танцует. В результате тщательно выстроенный Чингизом Айтматовым чудесный мир детства рушится. Видение мира жеребёнком Гульсары передаётся именно через это олицетворение – „ожеребение” – солнца и переносится на другие элементы окружающей среды. Перенесение олицетворения Айтматов предоставляет домыслить, допонять читателю. А венгерский читатель в результате неверного истолкования переводимого текста такой возможности лишён.

В вышеупомянутом произведении *Странный брак* встречается и следующий отрывок: „Engedje meg ugam, hogy nyugodtan kiszámítsam a szobámban. – Tessék, – mondta az öregur gúnyos mosolygással” (Mikszáth 1972: 87). В украинском переводе: „Тоді дозвольте мені, пане, вийти і спокійно обдумати вашу задачу. – Прошу, – недовірливо посміхаючись, згодився старий пан” (Mikszáth 1955: 71). Очевидно, что здесь перепутаны слова *gúnyos* (насмешливый) и *gyanus* (подозрительный). В этих словах почти все буквы – не звуки! – совпадают, варьируется только их сочетание. Причиной своеобразной метатезы, вероятно, следует считать невнимательность переводчика и/или неуверенность в значении слова. Контекст здесь не играет настолько важную роль, как в предыдущих примерах, но герой в конечном счёте предстаёт перед читателем совсем в другом свете. Насмешливая улыбка выражает превосходство и уверенность, в то время как в недоверчивой улыбке проскальзывает неуверенность и ожидание проявления недоброжелательности со стороны другого. В переводе рассматриваемого нами отрывка из повести *Прощай, Гульсары!* тоже встречается подобный пример. В жизни иноходца наступает момент, когда „молока уже не хватало. Надо было есть траву”. И мать „(...) больно кусала его за холку, когда он слишком надоедал”. По-венгерски: “(...) fájdalmasan a marjába harapott, ha túl sokat talált szorpi (...)” (Больно кусала его за холку, когда он слишком много сосал, т.е. ел.) Ошибка допущена в результате смещения глаголов *надоедать/недоесть* и *наедаться/наестся*. Хотя слова происхо-

дят от одного и того же корня – *ed* – значение их неодинаково. (См.: Фасмер 1987: III: 38; *надоедать/надоесть* в значении *это ему приелось*.) Контекст слегка вводит в заблуждение, но не стоит забывать и другой не менее важный факт: трудность спряжения данных глаголов, особенно глагола *есть* с приставками и редкую употребляемость многих форм парадигмы. Всё это, конечно, объясняет, но никак не оправдывает допущение подобных ошибок в художественном переводе.

Существует ещё одно явление, характерное для любого перевода, когда переводчик, увлечённый текстом, осуществляя сложный процесс перевода, – а он должен точно понять значение, смысл, информацию, коннотации, стилистическую окраску и т. д. сказанного на одном языке, и передать это грамотно и адекватно, соблюдая грамматические, стилистические правила, сочетаемость слов и т. д. языка, на который переводит, – переводит, до конца не вдумываясь, не продумав написанное. Рассмотрим такой пример. В строгом мире Гульсары солнце „(...) всходило строго на востоке и неуклонно шло на запад (...)”, в этом мире взрослых всё шло своим чередом, согласно предназначению судьбы. На венгерский язык это переведено так: “a nap szabályszerűen keleten kelt és nyugat felé haladt hajthatatlanul” (солнце по правилам вставало на востоке и неуклонно шло на запад). Если задать вопрос, кто же, интересно, установил такое правило, сразу становится понятна аналогичность, непродуманность такого перевода. Кроме того, использование прилагательного *строгий* Ч. Айтматовым в тексте, как уже выяснилось из анализа отрывка, совсем не случайно. Его пропуск или замена недопустимы.

Похожее явление встречается и в следующем примере: „Он любил стоять так, уткнувшись в живот своей гривастой матери”. Перевод предложения звучит следующим образом: “Szeretett így állni, anyja, a termetes dús sörényű kanca oldalához simulva”. (Он любил стоять так, прильнувши/прижавшись к боку своей гривастой матери.) В том случае, если Гульсары уткнулся в живот матери, его тело расположено под углом или в крайнем случае перпендикулярно к телу матери; если же он к ней прижался, то соответственно он стоит параллельно с ней. Мало того, что геометрическое расположение тел жеребёнка и матери в пе-

реводе отражено неправильно, непродуманность, недопонимание выявляется и в том, что жеребёнок не может прижаться к боку кобылы-матери попросту потому, что он ещё недостаточно подрос, недостаточно высок для этого. (Не следует забывать, что это первое лето в жизни Гульсары.) Можно привести массу ещё более очевидных, даже абсурдных примеров переводческих ошибок такого рода. Например, в домашнем задании на семинаре по переводу предложение: „Людмила попробовала себя в моделировании пяти лет от роду” студент перевёл так: „Ludmila születésétől kezdve öt éves koráig gyakorolta a divattervezést” (Людмила с самого рождения до пяти лет пробовала себя в моделировании).

При наблюдении за неопытными переводчиками, занимающимися устным переводом, бросается в глаза, между прочим, следующее: переводчик часто переводит одно и то же два раза подряд. Временами первый вариант менее точный, менее правильно сформулирован, и повторение призвано исправить ошибки, дополнительно разъяснить, чуть ли не „разжевать” сказанное, чтоб адресат обязательно понял, о чём идёт речь. Однако временами повторение часто абсолютно лишне, уже с первого раза всё правильно и понятно, а неуверенный переводчик – ведь он формулирует и передаёт чужие мысли! – всё равно повторяет всю фразу или предложение ещё раз. Это должно быть связано с тем, что даже если усилия, приложенные к тому, чтоб максимально сконцентрировать и в то же время соответственно распределить внимание, приводят к точной, грамотной и правильной передаче мысли, утеряна бывает интонация. А без правильной, соответствующей интонации переводчик „не верит” самому себе и поэтому считает обязательно необходимым лишний раз повторить сказанное уже с более выразительной и правильной интонацией ... адресату!

С подобным явлением мы встречаемся и в анализируемом нами отрывке из повести Чингиза Айтматова, как на лексическом, так и на текстовом уровне. Внешняя сдержанность повествования обуславливает относительную скупость в использовании знаков препинания, а также усилительных частиц в повести Ч. Айтматова. Рассмотрим следующий отрывок: „Он любил то мгновение, когда мать вдруг превращалась в ласково фыркающее облако. (...) Весь мир –

солнце, земля, мать – умещался в глотке молока. И уже насытившись, можно было сделать ещё глоток, потом ещё и ещё... Увы, это продолжалось недолго, совсем недолго”; и ещё предложение: „Но обманчивое видение всякий раз отодвигалось, и это было мучительно”. Венгерский перевод звучит так: “De szerette azokat a pillanatokat, amikor anyja hirtelen kedvesen prüszkölő felhővé változott! (...) Az egész világ, nap, föld, s maga az anya, mind – mind belefértek egyetlen korty tejbe! És később, már jóllakottan, még mindig szívhatott egy kortyot, azután még egyet ... De, ó jaj, nem tartott soká ez a boldogság, nagyon is hamar véget ért” и “Ám a csalóka látomás egyre távolabb suhant előle. Milyen gyötrelmes volt!”.

Перевод первого предложения, начинающийся со слов *Как он любил...* с восклицательным знаком на конце, равно как и последнего предложения *Как это было мучительно!* и есть дополнительное разъяснение читателю, своеобразная расшифровка значения, закодированного Ч. Айтматовым в намеренно сдержанную форму повествования, целью которой является, как уже не раз подчёркивалось, усиление экспрессивности текста. Невольно вспоминается оценка А. С. Пушкина переводческой практики Франции XVIII-го века: „Долгое время французы пренебрегали словестностью своих соседей. Уверенные в своём превосходстве над всем человечеством, они ценили славных писателей иностранных относительно меры, как отдалились они от французских привычек и правил, установленных французскими критиками. В переводах, изданных в прошлом столетии, нельзя прочесть ни одного предисловия, где бы не находилась неизбежная фраза: мы думали угодить публике, а с тем вместе оказать услугу и нашему автору, исключив из его книги места, которые могли бы оскорбить образованный вкус французского читателя. Странно, когда подумаешь, кто, кого и перед кем извинял таким образом (...)” (Пушкин 1949: XII: 137).

А в предложении, начинающемся со слов *Весь мир...* налицо и явное повторение, наряду с разъяснением. У Ч. Айтматова это предложение на уровне языкового оформления скупое, и даже сухо. Однако как много оно значит и как выразительно и сильно звучит в контексте! Для жеребёнка Гульсары между солнцем, землёй, матерью, облаком, речкой, лугом, озером и всем миром нет никакой разницы.

Все они – его товарищи по игре, все они жеребята, которые любят сладкое молоко так же, как он. В венгерском варианте (Весь мир, солнце, земля, и сама мать, все – все уместались в единственном глотке молока!) большая гривастая кобыла противопоставляется остальному миру и для пущей эмфатичности повторяется *все – все*. Целью данного противопоставления и повторения, наверняка, является стремление объяснить читателю всё до конца, чтобы никаких сомнений не оставалось. В то же время утеряно вышеописанное мировосприятие жеребёнка-глупыша. Интересно, что в искажениях перевода вырисовывается какая-то последовательность. (См. пример с солнцем и ржанием.) Умирая, Гульсары уже не способен „преодолеть мерцающую мглу метели – она разыгрывалась вокруг всё сильнее, она секла его жёсткими хвостами”. Совершенно очевидно, что в потухающем сознании иноходца метель, со всей её жестокостью, отождествляется с табуном его детства. А в венгерском переводе: “(...) a vihar egyre hevesebben keringett körülötte, kemény csapásokat mért rá” (метель разыгрывалась всё сильнее, больно секла его) это никак не отражено.

Русское междометие *увы* и венгерское *de, ó jaj* широко используется в текстах греческих трагедий, где выступление хора обычно начинается с этих слов. Таким образом, естественно, что в словарях приводится и этот перевод *увы*, который используют и венгерские переводчики классической русской поэзии. В интерпретации Ласло Латора строчки из *Паруса* Лермонтова „Увы, – он счастья не ищет И не от счастья бежит” (Лермонтов 1970: I: 274) звучат так: “Nem a boldogság hívja, ó, jaj, És nem az elől menekül!” (*Klasszikus orosz költők* 1966: 422). Однако *увы* в русском языке, в первую очередь, выражает сожаление – смирение, как у Пушкина, например: „Увы, на разные забавы Я много жизни погубил!” (Пушкин 1978: 17). И в предложении, которое у Ч. Айтматова начинается с *увы*, предсмертные воспоминания иноходца полны смирения с судьбой. Само междометие и простое повторение слова *недолго* указывают на это. В венгерском переводе (Но, о боже, это счастье продолжалось недолго, очень даже скоро кончилось.) полностью меняется стилистическая окраска предложения, придавая ему слегка трагикомический оттенок в контексте, добавляется слово

счастье и вместо повторения объясняется значение слова *недолго*, дабы лишний раз растолковать читателю, что же Ч. Айтматов хотел сказать. И всё же на наш взгляд ни читателей, ни Айтматова, ни адресата перевода недооценивать не следует.

Временами переводчик допускает ошибку при решении переводческой задачи, выбирая из синонимического ряда слов в данном тексте неподходящий вариант. Последний момент осознанной жизни Гульсары Ч. Айтматов описывает так: Иноходец „(...) заржал изо всех сил, рыдая, но голоса своего не услышал”. Употребление глагола *рыдать* по отношению к животному весьма непривычно. Однако Ч. Айтматов в этом последнем предложении после многократных отождествлений жеребёнка со всем миром открыто приравнивает иноходца к человеку. Один из главных героев повести – Гульсары. Он растёт, страдает, работает, любит совсем, как люди. Этим и объясняется глагол *рыдать*. В венгерском переводе: “(...) minden erejét összeszedve felnyerített, szinte bögött, de a saját hangját nem hallotta meg” (заржал изо всех сил, чуть не ревел, но голоса своего не услышал) мы снова сталкиваемся с попыткой внести поправки в текст. Солнце не ржёт, а иноходец не рыдает. Однако проблема в том, что и не ревет. Бык ревет, медведь ревет, но конь ни в русском, ни в венгерском языках не ревет.

Итак, на основе краткого анализа отрывка из повести *Прощай, Гульсары!*, сопоставления отдельных неправильных решений в переводе и выявления – по возможности – вероятных причин искажения смысла оригинала можно задуматься о том, насколько такой перевод блюдет интересы читателя, который с произведением может познакомиться исключительно лишь по переводу.

Единственной положительной чертой плохого перевода является то, что на нём можно учиться. Всё остальное – отрицательно.

ЛИТЕРАТУРА

- Айтматов, Ч.
1974 *После сказки. Материнское поле. Прощай, Гульсары! Первый учитель. Лицом к лицу. Джамия. Тополёк мой в красной косынке. Верблюжий глаз. Свидание с сыном. Солдатёнок*, 1974.
- 1982 *A varsenyló halála. Fehér hajó*, Budapest 1982.
- Белинский, В.
1883 *Сочинения*, М. 1883: ч. 2, в: *Введение в теорию перевода*, А. В. Фёдоров, М. 1953.
- Лермонтов, М. Ю.
1970 *Сочинения в двух томах*, М. 1970: I.
- Пушкин, А. С.
1949 *Полное собрание сочинений*, М. 1949: XII.
1978 *Избранные сочинения*, М. 1978.
- Фасмер, М.
1987 *Этимологический словарь русского языка*, М. 1987: III.
- Фёдоров, А. В.
1953 *Введение в теорию перевода*, М. 1953.
- Klasszikus orosz költők*
1966 *Klasszikus orosz költők*, Budapest 1966.
- Mikszáth, K.
1955 *Дивный шлюб*, К. 1955.
1972 *Különös házasság*, Budapest 1972.

ABSTRACT

The author, in analyzing some mistakes and errors in the Hungarian translation of a part of Tshingiz Aitmatov's novel, has made an effort to find possible explanations and reasons for them. Phonetical similarity of foreign words together with the context as a false friend of the translator enforced by uncertain knowledge of the translator is one such reason. Another explanation is that sometimes the translator is unaware of the fact that his translation is illogical, sometimes unnecessary repetitions and explanations at both a textual and a lexical level are added, and another mistake is connected with the inappropriate choice of a word from a range of synonyms.

ВОПРОСЫ ПЕРЕВОДА В РУССКО-ВЕНГЕРСКОЙ ДЕЛОВОЙ ПЕРЕПИСКЕ

Erzsébet Cs. Jonas

Оживляющаяся коммуникация в коммерческой жизни с иностранцами поднимает новые вопросы и задачи в изучении перевода. Переписка – это одна из важнейших сторон бизнеса. Она представляет собой тактический, документированный элемент сделки, который необходимо осуществлять с точки зрения адекватного перевода. Деловая корреспонденция опирается на психологию убеждения, пользуется стилистическими средствами языка с целью воздействия. Деловое письмо, по своей функции, не является ни субъективным, как художественная литература, ни объективным текстом, как технический перевод, стремящийся передать информацию в логическом её представлении. Это особый вид текста, который предполагает знание „грамматики” воздействия данного целевого языка, зависящей от данной культуры, эпохи, от социальных и общественных отношений, от языковой моды и норм и т. д.

Убеждение как непосредственная коммуникация

Описание коммуникативного процесса с точки зрения перевода является очень важным, потому что в зависимости от него выбирается адекватный вариант перевода. Убеждение – это такой ряд действий, который заставляет человека изменять своё мнение, поведение. Но, чтобы не задевать его самолюбия и не вызывать его протеста, необходимо пользоваться только средствами коммуникации. Гоффманн представляет этот широко известный процесс воздействия в общественной коммуникации в виде „фасадной работы” (Goffmann 1990). В нашем поведении цель взглядов и связанные с ними действия партнёр воспринимает как логическую линию (line). Одновременно партнёр хочет показать какой-то „фасад” (face), обычно позитивный образ себя. Для успешной коммуникации и чтобы добиться своих целей, необходимо хорошо знать и уважать этот „фасад”. Взаимное уважение лежит в основе всех поступков,

Slavica tergestina 5 (1997)

которые служат для охраны „фасада”, самолюбия партнёра по коммуникации (Brown – Levinson 1990). При этом мы должны учитывать три социологических условия:

а. социальное расстояние, имеющееся между партнёрами (родственники, друзья, близкие знакомые, знакомые, незнакомые и т. д.);

б. разницу в общественном и служебном положении (коллега, подчинённый, старший, младший, знающий наш язык или нет и т. д.);

в. языковые формы (обращение на „ты”, на „Вы”, обороты вежливости), какой уровень вежливости представляется целесообразным.

Позитивная охрана „фасада” партнёра начинается уже с обращения, когда мы впервые даём знать, чем для нас важна и ценна личность. Венгерские примеры, к которым мы ищем адекватные соответствия по стилю и функции в современной русской деловой корреспонденции взяты из одного новейшего пособия (Dobiné Mónus 1994):

Nagyrabecsült Főorvos Úr! Глубокоуважаемый господин доктор!
Igen tisztelt Asszonyom! Многоуважаемая госпожа!

Охрана положительного образа особенно важна в случае рекламного письма (direct mail). Приведённое ниже письмо такого типа показывает, что адресат его – требовательная, знающая цену деньгам бизнесменка, с высоким уровнем благосостояния. Она – занятой человек, поэтому фирма, предлагая ей свои услуги, хочет облегчить ей заботы о красивом оформлении её сада. В случае получения заказа фирма гарантирует бесплатную поставку и возможность выиграть машину VW Golf красного цвета:

Igen tisztelt Szegediné Úrnő!

Az 1995-ös kerti szezon az Ön számára már elkezdődhet azzal, hogy megtervezi növényeit a kertjébe, a balkonjára, a teraszára, a lakásába. A mellékelt katalógusunk az új termékeinket és azok kedvezményes árait tartalmazza. Ha átnézi a kínálatunkat, megállapítja, hogy a legszebb évelők, balkonvirágok, díszcserjék, gyümölcsfák, bogyósok, növényritkaságok közül válogathat, és rendelhet kedvezményes áron. Nem kell utánajárnia, időt szentelnie a növények beszerzésére, ugyanis cégünk az otthonába (vagy az Ön

által megadott címre) szállítja azokat, a megrendelése szerint, díjtalanul.

Mindezt kockázat nélkül teheti, mert mi garantáljuk Önnek az első osztályú minőséget minden termékünknel, és példás küldőszolgálatunk minden igényt kielégít.

Megrendelésével egyben részt vesz azon a sorsoláson, amelyen megnyerhet egy piros VW Golfot.

Kérem, nézze át a katalógusunkat, és ha valamelyik növény megnyerte a tetszését, rendelje meg nálunk. Használja ki a kedvezményes ajánlatunkat és a nyerési esélyét.

Szívélyes üdvözlettel

A cég neve, címe

Aláírás.

Посмотрим рекламное письмо такого же типа на русском языке, чтобы сравнить средства воздействия в деловой коммуникации двух языков (Деева 1992):

Уважаемая г-жа ... !

Благодарим Вас за Ваш недавний заказ на костюм, который рекламировался в нашем осеннем каталоге.

Этот фасон того цвета, который Вы заказали, оказался очень популярным. К моему глубокому сожалению, мы распродали весь запас товара. Позвольте мне предложить Вам посмотреть прилагаемый проспект новых дополнений к нашему осеннему ассортименту; некоторые из них имеются в выбранном Вами цвете и по той же цене. Фасон, который Вы просили, всё ещё имеется в продаже только тёмно-синего и болотного цвета.

Пожалуйста, отметьте Ваш новый выбор в прилагаемом бланке. С другой стороны, Вы можете потребовать возврата денег, которые будут Вам направлены с обратной почтой.

Dear Miss...

Thank you for your recent order for the suit advertised in our autumn catalogue.

This style, in the colour you requested, has proved to be very popular. I very much regret that we have sold our complete stock.

May I suggest that you look at the enclosed leaflet of new additions to our autumn range, several of which are available in the colour of your choice and at the same price. The style you requested is still available in navy blue and moss green.

Please mark your new selection on the enclosed form. Alternatively you may request a cash refund which will be sent to you by return.

С нетерпением ожидаю от Вас известий.	I look forward to hearing from you.
Искренне Ваш	Yours sincerely

Анализируя языковые средства охраны положительного „фасада” партнёра, мы находим следующие функциональные единицы: благодарность за заказ как знак признания; так как выбранного костюма уже нет, то этот негативный „фасад” смягчается изысканными формами просьбы прощения и предложением нового осеннего ассортимента. Директивное обращение присылать заказ или требовать возврата денег смягчается заканчивающими письмо эмоциональными оборотами: „С нетерпением ожидаю от Вас известий. Искренне Ваш ...”

Пособия предлагают наборы синонимов для выражения повышенной охраны фасада партнёра в ходе переписки (Хавронина 1991):

Уважаемый господин...	Многоуважаемый господин...
Мы были рады получить Ваше письмо от 15. 11. 91 года. Благодарим Вас за интерес, проявленный к нашей фирме.	Мы получили Ваше письмо... Мы с интересом прочитали Ваше письмо от 15. 11. 91 года Нам приятно, что Вы Проявили интерес к нашей фирме.
Надеемся на установление деловых контактов с Вами.	Мы были бы рады иметь возможность сотрудничать с Вами.
В ответ на Ваше письмо сообщаем следующее.	Мы готовы (Наша ассоциация готова) сотрудничать с Вами. В соответствии с Вашей просьбой сообщаем интересующую Вас информацию.
Дополнительно можем сообщить Вам также, что... Заверяем Вас, что Вы можете полностью рассчитывать на нашу помощь.	Что касается Вашего запроса о (...), то ... Мы готовы оказать Вам необходимую помощь.
С уважением...	С глубоким уважением...

Для выражения градуации в венгерском языке в переводе мы показываем одной звёздочкой исходно вежливые соответствия, а двумя звёздочками – повышено вежливые соответствия:

*	Tisztelt... Úr! Érdeklődéssel olvastuk... -i levelét. Megtisztelő érdeklődése cégünk iránt. Reméljük, hogy üzleti kapcsolatba kerülhetük Önnel. Válaszolva levelére a következőket közöljük. Készek vagyunk segítségére lenni. Tisztelettel...	** Mélyen tisztelt... Úr! Örömmel fogadtuk... -i levelét. Köszönjük/hálásan köszönjük cégünk iránt megnyilvánuló érdeklődését. Örülénk/örvendenénk a lehetőségnek, ha együttműködhetnénk Önnel. Készek vagyunk az Önnel folytatandó együttműködésre. Kérésének megfelelően a következő, Önt érdeklő információkat tudjuk közölni. Biztosíthatjuk Önt, hogy tökéletesen/ maximálisan/ legmesszebbmenőkig számíthat a segítségünkre. Őszinte tisztelettel/nagyrabecsüléssel...
---	--	--

Коммуникативная эквивалентность в теории перевода

В связи с венгерскими функциональными соответствиями, в связи с представленными выше возможными переводами русских оборотов встаёт вопрос об эквивалентности. Теоретики перевода подчёркивают, что адекватность на целевом языке осуществляется только в том случае, если реализуются одновременно три отношения эквивалентности: это – *референциальное, контекстуальное и функциональное* соответствие (ср. Klaudy 1994: 68-79). *Референциальное* соответствие требует, чтобы текст в целевом и исходном языках описывал тот же самый отрезок действительности, тот же факт, событие, явление и т. д. В коммерческой переписке определённая тематика (сделка) и цель (убеждение) естественным образом выполняют это требование.

Контекстуальное соответствие требует, чтобы предложения в целевом тексте занимали то же самое место, что и в исходном варианте. Исходя из определённой формы, ясной конструкции письма, учитывая клише обращения, выражения благодарности, извинения, предложения, заключающих оборотов, прощаний, контекстуальные соответствия однозначны. *Функциональное* соответствие требует, чтобы целевой текст выполнял ту же самую функцию для читателя, что и исходный текст для носителя исходного языка. Этой функцией может быть передача информации, выражение чувств, предложение или, как в нашем примере рекламного письма, всё это одновременно осуществляет деловое *воздействие*. То, как проявляются функциональные соответствия, зависит от эпохи, общественных, социальных условий. Для показа контраста в стиле сегодняшних и бывших деловых писем, представляем письмо, написанное лет десять тому назад на русском и подобного типа письмо на венгерском языке. В них не уделяется внимание ни охране положительного „фасада”, ни повышенной вежливости как защите негативного образа пишущего (Szódi 1989):

Эмблема	Государственное внешнеторговое предприятие „ТЕХНОИМПЕКС” Будапешт, 62 П. Я. 183 Телеграфный адрес: Техноимпекс Будапешт 15. 03. 87 №23-43546 10. 03. 87 №3365-499
---------	---

В/О „Технопромимпортторг”
М о с к в а
Кузнецкий мост 22.

О поставке тракторов по контракту №344/05-344
Сообщаем, что поставленные Вами по вышеуказанному контракту, в виде пробной партии, 20 тракторов марки СК-84 вполне удовлетворили наших комитентов.
Мы полагаем, что в этом году нам будут нужны 250 тракторов этой же марки.
Просим сообщить, согласны ли Вы заключить с нами договор на это количество тракторов с отгрузкой в течение двух первых кварталов будущего года двумя партиями.
С уважением „Техноимпекс” Варро Б.

Венгерское письмо той же эпохи (Kökény1984):

Villamosági Gépgyár Budapest, 1985. december 19.
Miskolci János Elvtárs Iktatószám: B 965/1985.
igazgató Ügyintézőnk: Kertész Béla

Budapest

Táncsics u. 8. 1222

Tárgy: Munkaverseny értékelése

Kedves Igazgató Elvtárs!

A vállalatunk gyáregységei között meghirdetett munkaverseny eredményesen befejeződött. Ebből az alkalomból ezúton köszöntöm a vállalat vezetőségét, a versenyben résztvevő brigádokat és dolgozókat.

Örömmel értesültem arról, hogy a versenyből valamennyi dolgozó és brigád aktívan kivette részét. A tájékoztató jelentések beszámoltak arról, hogy a dolgozók átértékelték a verseny jelentőségét, munkájukkal bizonyították lelkesedésüket, a munkához való dicséretes viszonyukat. Különösen nagy elismerést érdemelnek a szocialista brigádok dolgozói, akik a kommunista műszakokban végzett munkájukkal nagymértékben hozzájárultak a határidős exporttervek teljesítéséhez.

A vállalatvezetőség nevében elismerésemet és kösznetemet fejezem mi mind a vezetőség, mind a dolgozók jó munkájáért.

Villamosipari Központ

Dr. Monostori Gábor vezérigazgató

Melléklet: oklevelek

Положительное укрепление связей и вежливая компенсация директивной просьбы (негативного „фасада”) не свойственны этим письмам социалистического прошлого. Отсутствуют в них такие обороты – (их считали, наверно, лишними), которые укрепляют чувство принадлежности к общей группе, к общим ценностям отправителя и адресата. Престиж партнёра повышается, даже если мы с прямой просьбой обращаемся к нему в разных формах вежливости. Подобное было чуждо стилю эпохи. Переводчик поэтому должен очень хорошо знать фоновую информацию о действительности, о привычках носителей целевого языка, чтобы адекватно, в соответствии с коммуникативной функцией, передать намерения коммерческих сторон. Это требует от него и теоретических, и технических знаний перевода.

Slavica tergestina 5 (1997)

Изучение эквивалентности важно и в том отношении, что разные языковые формы могут состоять в отношении эквивалентности на основе общей функции. Практическое значение этого вопроса очень важно: интуитивное решение переводческих задач должно дополняться теоретическими знаниями об эквивалентности. Деловая переписка как особый тип коммерческого текста требует билатерального, сопоставительного анализа, изучения поведения, коммуникации, отражающихся в языке взглядов на мир, на ценности жизни в разных культурах.

ЛИТЕРАТУРА

- Деева, Т. М. , Кичатова, Е. В. и Чхиквишвили, Н. А.
1992 *Деловая переписка*, Принди, М. 1992.
- Хавронина, С. А. и соавт.
1991 *Русский язык для деловых людей*, Дельта-ВСП, М. 1991¹.
- Brown, P. , Levinson, S.
1990 *Universáliák a nyelvhasználatban: az udvariasság jelenségei*, in: *A szóbeli befolyásolás alapjai*, szerk. : I. Síklaki, Tankönyvkiadó, Budapest 1990: II: 31-115.
- Dobiné Mónus, E.
1994 *Az eszményi titkárnő kézikönyve*, NOVORG Kiadó Kft. , Budapest 1994.
- Goffmann, E.
1990 *A homlokzatról: a rituális elemek analízise a társas interakcióban*, in: *A szóbeli befolyásolás alapjai*, szerk. : I. Síklaki, Tankönyvkiadó, Budapest 1990: II: 3-30.
- Klaudy, K.
1994 *A fordítás elmélete és gyakorlata*, Scholastica, Budapest 1994.

- Kökény, S.
1984 *Gépírás*, Tankönyvkiadó, Budapest 1984: III.
- Szódi, S.
1989 *Idegen nyelvű levelezés (orosz nyelv)*,
Tankönyvkiadó, Budapest 1989.

ABSTRACT

Business correspondence and the language of administration have become important due to their utility within the framework of training students specializing in foreign languages. Research into translation, which has traditionally studied the fields of literary and technical translation, will have to face new challenges in this regard. Business correspondence following the tactical objectives of the psychology of persuasion realized in a given language culture makes use of the devices of manipulation feasible in the given language. It is no longer a subjective literary text or a piece of writing aiming to be objective and full of professional items of information that counts but, in our view, the linguistic command of the grammar of persuasion. We think that an approach analysing the functional equivalence of translation theory may provide an answer to the problem.

K PROBLÉMU PREKLADOVOSTI V ČESKO-SLOVENSKOM LITERÁRNOM KONTEXTE

František Koli

Ak téma vedeckej konferencie Slované jazyky a preklad je orientovaná na problémy, ktoré vznikajú pri prekladoch zo slovanských, respektíve do slovanských jazykov, tak v prípade môjho príspevku je takýmto problémom samotný fakt prekladu. Tento "posun" v problematike spôsobuje tá skutočnosť, že česko-slovenský kultúrny, politický, jazykový i literárny kontext má svoje špecifiká, ktoré preklad – ak sa tento pojem vôbec pripúšťa a nenahrádza takými výrazmi ako poslovenčovanie, počesťovanie, prepis a pod. – situujú do zvláštnej pozície: S. Šmatlák, jeden z popredných slovenských literárnych historikov a znalec vzťahov česko-slovenských, ju začiatkom šesťdesiatych rokov v súvislosti s úvahou o potenciálnom preklade *Máchovo Mája* do slovenčiny prirovnal k stavu či pocitu, keď preklad, respektíve prekladateľ "pácha na sebe samom akýsi chirurgický zákrok, ktorého mu vlastne netreba", t. j. musí sa vyrovnat' "s vedomím, že za originálny tovar, ktorý je v obehu, pokúša sa ponúknuť náhradku s tou istou vignetou" (Šmatlák 1962: 13).

Napriek tomuto konštatovaniu uvedený autor v tom istom článku hneď na jeho začiatku formuluje svoje presvedčenie, svoje "osobné stanovisko" k problematike vzájomného prekladania českej a slovenskej poézie, ktoré odôvodňuje takto: "Preto ak sme dnes zásadne za prekladanie, nedáva nám to právo pozerat' sa na toto prekladanie ako na jednoduchý akt subjektívnej vôle alebo vonkajšej spoločenskej objednávky a nezbavuje nás to povinnosti uvažovať o problematike tohto prekladania práve na pozadí objektívneho literárnohistorického kontextu" (*ibid.*, 9).

Toto za a proti – formulované tu tou istou osobou – má v otázke vzájomného prekladania z češtiny do slovenčiny už svoje vyše stopäťdesiatročné dejiny. K. Rosenbaum, reflektujúc v polovici osemdesiatych rokov krátku históriu edície *Česká knižnica* vo vydavateľstve Slovenský spisovateľ, v tejto súvislosti okrem iného poznamenal, že príspevky v diskusii na túto tému "by vystačili na dobrý zväzok dokumentov", v ktorých sa odráža "nielen nedoriešenosť vzťahu českej a slovenskej literatúry, ale aj prejavy vôle pochopiť slovenskú kultúru, spoznať ju, osvojiť si ju" (Rosenbaum 1986: 1). Rozporuplnosť stanovísk a názorov

potvrďuje aj začiatok deväťdesiatych rokov, keď sa česko-slovenské literárne vzťahy vymanili spod ideologického tlaku socialistického štátu. Tak napríklad český slovakista Z. Eis v "Literárnom týždenníku" z roku 1990 v nadväznosti na svoje skoršie názory konštatuje, že český čitateľ rozumie bežnej spravodajskej a publicistickej slovenčine, pokiaľ sa do nej "nevplietajú pre neho «špecifické» slová. (...) No akonáhle ide o jazyk krásnej literatúry, potom je to iné, komplikovanejšie. A v týchto prípadoch je najmúdrejšie prekladať zo slovenčiny do češtiny, tak ako prekladáme aj z iných literatúr" (Eis 1990: 3).

Naproti tomu slovenský básnik a prekladateľ J. Štrasser, recenzujúci preklad českého básnika M. Holuba do slovenčiny, zhruba v tom istom čase zastáva iný názor: "Argumentáciu v prospech vzájomného prekladania českej a slovenskej literatúry však pokladám skôr za pragmatickú než za kultúrnu, ba myslím si, že v prípade prekladania z češtiny do slovenčiny výsledným efektom nie je kultúrny prospech, ale presne naopak – kultúrna strata" (Štrasser 1991: 135). Vzhľadom na neustále obnovované zrážky hlasov za vzájomné prekladanie i proti nemu možno len súhlasiť s J. Růžičkom, že táto, respektíve takáto diskusia, takáto výmena názorov je "bez konca": "Otázka, či prekladať alebo neprekladať naše národné literatúry, zostáva a zaiste ešte dlho zostane otvorená (ak sa ju podarí vôbec niekedy uzavrieť)" (Růžička 1989: 3).

S ohľadom na túto skutočnosť cieľom môjho príspevku nie je ani predlžovať, ani rozširovať túto diskusiu, ale skôr reflektovať to, čo sa už povedalo, čo v priebehu rokov na túto adresu odznelo, respektíve vysloviť sa k istým predpokladovým, východiskovým faktorom tejto diskusie, konkrétne k funkcii prekladu v čase, ako aj k "stabilite" originálu, t. j. k jeho "rezistencii" vo vzťahu k prekladovým "náhradkám". Hoci si nemyslím, že takýto prístup, také-to čo aj len letmé dejinné prezretie argumentácie v istých uzlových bodoch vzájomného česko-slovenského prekladania či neprekladania automaticky vyjaví "objektívnu" odpoveď, pokladám ho za najschodnejšiu cestu na posúdenie, respektíve pochopenie otázky prekladovosti v česko-slovenskom literárnom kontexte. Výhodou tohto prístupu je totiž to, že aspoň na chvíľku uvoľňuje veci zo zajatia aktuálneho dobového rámca a – usúvzťažňujúc ich diachronicky – obnažuje ich dynamiku, ich historickú premenlivosť.

J. Vilikovský, slovenský prekladateľ a teoretik prekladu, v úvode článku *O vývoji prekladu* upozorňuje na skutočnosť, že pri "synchronickom pohľade, a najmä pri sústreďení sa na bez-

prostredné požiadavky praxe, si často ani neuvedomujeme, do akej miery sa menia názory na samotné poslanie prekladu” (Vilikovský 1985: 1). Bez toho, aby autor mal na mysli česko-slovenský prekladový kontext, z hľadiska vývoja názorov na preklad uvádza aj také prípady, keď “poslaním cieľového textu nie je sprostredkovať poznanie originálu, pretože predpokladaný adresát pôvodinu pozná a zaujíma ho skôr nový, individuálny prístup k dielu, výstavba mostu medzi estetickými východiskami pôvodného autora a súčasným cítením. To je prípad gréckych prekladov v antickom Ríme na prelome letopočtov (kde bola gréčtina univerzálnym jazykom vzdelancov), alebo aj prekladov z antických jazykov v klasicistickom Anglicku 18. stor.” (*ibid.*).

Hoci Vilikovským uvedený prípad či prípady takpovediac samoúčelného prekladu (“samoúčelného” z istého aspektu, totiž práve z aspektu čitateľovho poznania východiskového a cieľového jazyka) nemožno mechanicky stotožňovať so situáciou v česko-slovenskom prekladovom kontexte, takáto “internacionalizácia” problematiky má jednu výhodu – naznačuje, že problém prekladovosti v česko-slovenskom literárnom kontexte nemusí byť nevyhnutne symptómom prekladateľskej kocúrkovčiny, čo však neznamená, že niekedy ním nie je, respektíve nemôže byť. Ináč povedané, téza, že “jazykový bilingvismus sám osebe neanuluje vnútornú potrebu prekladateľského činu” (Ďurišin 1975: 333), ktorú – tentoraz práve s ohľadom na česko-slovenský literárny kontext – teoreticky formuluje D. Ďurišin, nemusí byť nezmyselná, hoci z istého aspektu jej zmysel chýba.

Ešte problematickejšie sa javí vzájomné prekladanie z češtiny do slovenčiny a naopak – a to ako akékoľvek iné prekladanie – z hľadiska druhého predpokladového faktora, totiž spomínanej “stability”, “rezistencie” originálu v čase, ktorá je evidentne znakom jeho *pôvodnosti*, jeho *prírodnosti* a *bezprostrednosti*. Na rozdiel od originálu preklad svojou *odvodenosťou*, svojou *sekundárnosťou* a *sprostredkovanosťou* vždy asociuje – už viac či menej – *neprirodnosť*, ba v krajných prípadoch, akým je dozaista prekladanie z takých blízkych jazykov, akými sú slovenčina a čeština, až – dalo by sa povedať – *zvrátenosť*. Ved’ zrejme práve preto R. Bacon tak vehementne zdôvodňuje potrebu štúdia jazykov a čítania autorov v origináli, lebo “víno je čistejšie a zdraviejšie a výtečnejšie, pokiaľ je chované v pôvodnej nádobe než keď sa prelieva z nádoby do nádoby”. Z toho potom Baconovi vyplýva záver ohľadom textov filozofických, čo zaiste ešte vo väčšej miere platí pre texty

umelecké: “Nikdy totiž nebylo možno hodnoty filosofických textů pochopit ve vlastním výraze i podobě ani co do půvabu, který je jazyku vlastní, jestliže nebyly studovány v oněch jazycích, v nichž byly původně myšleny a sepsány” (*Překlad* 1970: 200).

Umyselne som uviedol tento citát, aby som ho vzápätí mohol konfrontovať s názorom M. Foucaulta, vysloveným v prednáške *ád diskursu*: “J. Hyppolite vynaložil své úsilí především na to, aby onen veliký, poněkud fantomatický Hegelův stín, který zde od počátku 19. století bloudil a s nímž se tajuplně zápasilo, dostal obrysy. Stalo se tak Hyppolitovým překladem Hegelovy *Fenomenologie ducha*; a že je Hegel v tomto francouzském překladu skutečně přítomen, dokazuje skutečnost, že ho konzultují sami Němci, pro něž se tak, alespoň na chvíli, stává cestou k pochopení jeho německé podoby” (Foucault 1994: 35).

Prirodzene, tým nechcem prevrátiť veci “z nohy na hlavu”, chcem len upozorniť na skutočnosť, že oná “prirodzenosť”, “pôvodnosť”, “bezprostrednosť” originálu/originálov nevyplýva vždy len z akejsi *čistej fakticity*, ale že sa za ňou – aspoň podľa môjho názoru – do určitej miery skrýva aj istá premisa, aj istý – ak tak chceme – *predsudok*. Touto premisou či predsudkom je zrejme onen prelud pôvodnosti/bezprostrednosti, ktorý v iných súvislostiach tak nemilosrdne obnažuje J. Derrida: “Bezprostřední je odvozené. Všechno počíná zprostředkováním, což právě je pro rozum nepochopitelné” (Petříček 1992: 368). Hádám sa nemýlim, keď poviem, že toto, alebo aj toto je tým momentom, ktorý nás vo vzťahu originál – preklad vedie k istej “zaslepenosti”, robí nás v istom slova zmysle “hluchými” i “slepými”, takže v našom predpoklade sa vždy jednoznačne prikláňame na stranu originálu, na stranu pôvodného, ako to postuluje R. Bacon.

Pritom – a to naozaj aspoň na onú foucaultovskú chvíľku – v skutočnosti môže platiť aj opačná relácia, t. j. preklad sa môže stať lepším, ba i najlepším “médiom” pre originál. Hoci autori pri posudzovaní tejto zmeny, tohto hodnotového “posunu” nemusia byť ani najkvalifikovanejší, ani najkompetentnejší, zaiste pôsobia najvieryhodnejšie, lebo sami sú tvorcami pôvodiny, autormi originálov. Tak napríklad J. W. Goethe sa v rozhovore s J. P. Eckermannom v roku 1830 zmieňuje okrem iného aj o francúzskom preklade svojho *Fausta*: “Die erwähnte Übersetzung von Gérard, obgleich größtenteils in Prosa, lobte Goethe als sehr gelungen. «Im Deutschen, sagte er, mag ich den *Faust* nicht mehr lesen; aber in dieser französischen Übersetzung wirkt alles wieder

durchaus frisch, neu und geistreich.» (Eckermann 1948: 305). Alebo – vzhľadom na kontext tejto konferencie – slovenský básnik J. Smrek hodnotí preklad jednej zo svojich básní do maďarčiny takto: “Ak si neskôr cudzí prekladatelia niečo z mojich veršov vybrali, zahryzli sa najčastejšie do tejto balady čerešňových kvetov [Smrek tu má na mysli rovnomennú báseň Balada čerešňových kvetov z básnickej zbierky Božské uzly, F. K.]. A dávali si záležať na tom, aby aj v preklade mala svoju hudobnosť. Istý maďarský preklad – uznával som, prevýšil v tom ohľade môj originál” (Smrek 1968: 256).

Dokonca – a to sa pohybujeme už vyslovene v polohe potenciality, nie reality – jeden zo súčasných prekladateľov (L'. Feldek), ktorý objasňuje napätie medzi bežnou rečou, bežným jazykom (tzv. jazykovým “normálom”) a esteticky orientovaným básnickým jazykom, sa domnieva, že v modernej poézii takýto “estetický posun” medzi obidvoma “jazykmi” nie je často viditeľný ani pre vlastného, domáceho príjemcu: “Napokon – na to, aby bol estetický posun neviditeľný, netreba byť ani cudzincom. Kol'ko ráz sa stane, že je moderné estetično neviditeľné i pre svojho domáceho – často i veľmi erudovaného – vnímateľa, ktorý by vlastne tiež potreboval v takej chvíli pomoc prekladateľa” (Feldek 1977: 138). To znamená, že v tomto fiktívnom prípade by už nešlo o “tradičný” vnútrojazykový či vnútro-literárny preklad (intra lingválny preklad), ktorý na ceste k čitateľovi odstraňuje prekážky diachronického charakteru, ale – paradoxne – o preklad z toho istého jazyka do toho istého jazyka v tom istom časovom momente.

S ohľadom na práve citovaného autora, ktorý sa na tom istom mieste domnieva, že “vnímať tento posun [Feldek má na mysli už spomínaný “estetický posun” medzi bežným jazykom a jazykom básnickým, F. K.] je pre cudzinca mnoho ráz nemožné” (*ibid.*), sa náš výklad dostal vlastne na opačnú stranu, na opačný breh: ak R. Bacon odporúča učiť sa jazyky, lebo texty treba študovať či konzumovať “v oných jazycích, v nichž byly původně myšleny a sepsány”, tak medzitým sa akoby ukázalo, že čitateľ dokáže text *skutočne* čítať, *skutočne* vychutnávať len vo svojom pôvodnom jazyku, vo svojej materskej reči. Tento dôvod sa prirodzene objavil a musel objaviť aj v úvahách o vzájomnom česko-slovenskom prekladaní: “Byly hlasy pro i proti překládání, v brožuře *Slováci* česky Rosenbaum vyslovil dva důvody, které ho k tomu vedly. Prvním bylo to, že literatura se vždy nejintenzivněji přijímá v rodném jazyce (i když onen druhý jazyk, z něhož se překládá, je

zcela srozumiteľný širokému publiku) (...)” (Forst 1986: 3). A tak – ako vidíme – z toho istého východiska, z toho istého predpokladu, totiž predpokladu o pôvodnosti, prirodzenosti a bezprostrednosti sa dostávame v tej istej veci – vo veci obojstranného česko-slovenského prekladania či neprekladania – k vzájomne sa popierajúcim a vylučujúcim záverom: *neprekladať i prekladať*.

Napriek tomu uvedené konštatovanie nie je až také prekvapujúce. Tak ako každá akcia má svoju reakciu, tak pôvodnosť na jednej strane nemohla vyvolať nič iné ako pôvodnosť na druhej strane: proti pôvodnosti a prirodzenosti jazyka/jazykov, v ktorom/ktorých texty “byly pôvodně myšleny a sepsány”, sa postavila pôvodnosť a prirodzenosť toho jazyka, v ktorom myslí a cíti recipient – totiž jeho *materinský jazyk*. Z hľadiska diskusií o česko-slovenskom prekladaní či neprekladaní vstúpila tak do “hry” (do výmeny názorov) tá istá karta, tá istá minca – len z opačnej strany. Nech sú totiž čeština a slovenčina už akokoľvek blízke jazyky, nie sú to jazyky totožné, čo najlepšie vyjavuje práve kategória “pôvodného”, “prirodzeného” jazyka, jazyka materinského. Zdá sa, že túto argumentáciu – s odkazom na Mukařovského teoretické východiská – najkomplexnejšie a v teoreticky najčistejšej podobe rozvinul Z. Eis: “Pro uživatele, kteří neznají jazyk literárního díla, nebo jej znají částečně, neúplně, nebo pro ty, kteří sice tento «jazyk znají, ale nikoli jako mateřštinu», je literární dílo přístupno jen nedokonale, neúplně, neboť tito uživatelé «nevládnou totiž celým bohatstvím asociací spojujících slova i formy daného jazyka navzájem i se skutečností.»” (Eis 1967: 517).

Ako vidieť, autor tu naznačuje jemný, ale zato podstatný rozdiel na osi myslieť → cítiť v jazyku, porozumieť dielu → prežívať ho, tušiť (= nejasne cítiť) umelecké hodnoty → precítiť ich a pod. Zhruba v tomto zmysle vyznievajú potom aj vyjadrenia jednotlivých prekladateľov – a to tak zo slovenskej, ako aj z českej strany. Treba však podotknúť, že ich výroky sa “pojmovovo” nemusia prekryvať, ba niekedy sa môžu smerom k naznačenému graduálnemu “posunu” používať až vyslovene inverzne. Tak napríklad J. Kostra už ako študent “pocítil” podmaňujúcu silu modernej českej poézie, moderných českých básní (Šmatlák 1962: 10), no “až pri prekladaní do rodnej reči obsiahol som ich – ako sa mi videlo – bezo zvyšku” (Zambor 1983: 45), J. Zambor z vlastnej skúsenosti potvrdzuje, že českú poéziu, ktorá ho mimoriadne zaujala, “začal prekladať pre seba, aby (...) ju pocítil a spoznal čo najplnšie” (*ibid.*), česká prekladateľka J. Kintnerová ako jeden z troch

dôvodov, prečo sa odvážila prekladať Hviezdoslavovu *Hájniovu ženu*, uvádza, že “hájnička” bola jej “veľkou literárnou láskou už ako školské čítanie, keď som ju milovala bohvie prečo, pretože som jej vlastne vôbec nerozumela” (Kintnerová 1960: 318) a pod.

Takto “vyostrený” či zabsolutizovaný atribút pôvodnosti vo intenciách recepcie umeleckého diela vo svojom rodnom jazyku, vo svojej materinskej reči možno, prirodzene, rozlične atakovať – napríklad odkazom na existenciu tzv. dvojdomých i viacdomých autorov, t. j. autorov, ktorí sa literárne realizujú v dvoch alebo vo viacerých kontextoch, dvoch alebo vo viacerých jazykoch. Veď ak ten istý autor “plnohodnotne” píše v dvoch alebo troch jazykoch, hádam aj čitateľ dokáže “plnohodnotne” recipovať umelecké dielo/diela vo viacerých jazykoch. Zhodou okolností prave Z. Eis v závere toho istého článku, v úvode ktorého sa prihovára za prekladanie zo slovenčiny do češtiny, uvažuje o tom, “čo to znamená – písať oboma jazykmi”, spomína “dvojazyčnosť niektorých spisovateľov” (Eis 1990: 3). Z hľadiska nášho uvažovania ide už len o to, či to isté dvojazyčne realizované dielo je tým istým dielom, či ten istý umelecký komunikát sa v dvoch osobitných kontextoch dá chápať ako zhodný v sebe samom.

Tak napríklad v česko-slovenskom literárnom kontexte prípadom takéhoto dvojdomého autora – aj keď nepísal dvoma jazykmi – je tvorba J. Kollára. Už tá skutočnosť, že sa v súvislosti s Kollárom hovorí o dvojdomosti (Ďurišin 1975: 334), že sa začleňuje do slovenského i českého literárneho kontextu, svedčí o jeho *rozloženej* totožnosti. Hoci J. Kollár ako autor túto dvojdomosť nezamýšľal, faktom je – ako to na základe literárnohistorických výskumov konštatuje D. Ďurišin –, že v prípade recepcie Kollárovej tvorby máme do činenia s “odlišnou funkciou diela (...) J. Kollára v slovenskej a českej literatúre” (*ibid.*). To znamená, že zdanlivo to isté dielo v tej istej materiálnej podobe nie je tým istým dielom.

Takto *rozloženú* totožnosť možno doložiť aj iným prípadom. I. Brežná, jedna z emigrantiek, ktorá po neblahých politických udalostiach v Československu roku 1968 spolu s rodičmi opustila Slovensko, si v novom prostredí (Švajčiarsko) osvojila nemčinu ako druhý jazyk do tej miery, že sa jej stala autorským nástrojom, autorským inštrumentom, ktorý v protiklade k *materinskej reči* (Muttersprache) označila ako *otcovskú reč, otcovský jazyk* (Vatersprache) (Žilka 1993: 153). S odstupom času – na začiatku deväťdesiatych rokov – sa autorka v jednej z bratislavských rozhlasových relácií v súvislosti s obidvoma jazykmi vyjadřila v tom

zmysle, že už pri predstave prekladu jedného jej diela z nemčiny ako “otcovského” jazyka do slovenčiny ako “materinského” jazyka, jazyka s hlbokou citovou väzbou jej – obrazne povedané – naskakuje husia koža. Ak tomu veríme, opäť by to znamenalo, že to isté dielo – na rozdiel od J. Kollára tentoraz dokonca vo vedomí samotnej autorky ako jeho tvorkyne v “otcovskej” reči a potenciálnej recipientky v “materinskej” reči – by nebolo tým istým, respektíve nemuselo by byť nevyhnutne tým istým dielom.

Vzhľadom na uvedenú skutočnosť dalo by sa teda povedať, že tak ako pôvodnosť v derridovskom slova zmysle – aj keď je to pre rozum nepochopiteľné – nemá svoj *počiatok*, tak preklad nemá svoj – *koniec*. Nemá svoj koniec preto, lebo svojim “dialogickým” charakterom predstavuje akýsi model ľudskej existencie, existencie “vôbec”: “Překládat znamená sloužit dvěma pánům. Tedy to nikdo nedovede. Tedy je to, jako všechno, co z teoretického hlediska nikdo nedovede, prakticky úkolem každého. Každý musí překládat a každý překládá” (*Překlad* 1970: 367). Z takéhoto širokého pohľadu je potom otázka prekladania z češtiny do slovenčiny len nepatrným ohnivkom v nekonečnej reťazi. Odpoveď na to, či prekladať, alebo neprekladať, tu závisí od toho, ktorú pôvodnosť máme primárne na mysli, ktorú pôvodnosť akcentujeme: tú “východiskovú” pôvodnosť, pôvodnosť originálu (= neprekladať), alebo “konečnú”, “ciel'ovú” pôvodnosť, pôvodnosť materinského jazyka recipienta (= prekladať). Preto diskusia o probléme prekladovosti v česko-slovenskom literárnom kontexte je skutočne “bez konca”. A to nie azda v tom zmysle, že ešte nepoznáme “správne” riešenie, “správnu” odpoveď. Ona je bez konca vo svojej najvnútornejšej podstate. Je bez konca tak, ako pôvodnosť nemá svoj počiatok a preklad svoj koniec.

To, čo sa javí ako teoreticky nemožné, je však – ako poznamenáva pred chvíľou citovaný F. Rosenzweig – naším “praktickým úkolem”, prakticky sa rieši, a to už takým či onakým spôsobom. S ohľadom na túto inštanciu, *inštanciu praxe* možno povedať, že vzájomné česko-slovenské prekladanie napriek mnohým problémovým miestam a nevyriešeným/nevyriešiteľným otázkam je už “uložené” v čase, má svoju minulosť, svoje tradície. Preto popri čítaní českých a slovenských originálov bez prekladu sa vzájomné česko-slovenské prekladanie “rozpína” aj svojou vlastnou (= vnútornou) imanentnou energiou. Tak napríklad Š. Vlašín v súvislosti s výberom poézie pri príležitosti 40. výročia Slovenského národného povstania poznamenáva, že sa tu ponúkali “dvě možnosti:

ponechat slovenské básně v původním znění – nebo je zařadit přeložené. Zvolil jsem druhou alternativu. Víím, že se hodně diskutuje o vhodnosti překládání slovenské literární tvorby. životní praxe však rozhodla pro vzájemné překlady” (“Nové knihy” 1984: 1).

Paralelne s tým – a to v protiklade k onej “kultúrnej strate”, ktorú pripomína J. Štrasser – na misky váh vzájomného prekladania či neprekladania z hľadiska literárnej praxe treba položiť aj prekladové zisky, ktoré napriek všetkým výhradám proti prekladaniu celkom negovať nemožno. Podľa J. Zambora sa dokonca “spory o tom, či českú poéziu prekladať alebo nie, (...) rozriešili hodnotnými prekladateľskými činmi, ktoré vyšli z rúk popredných slovenských básnikov a ktoré signalizujú, že okrem kultúrno-politických a iných príčin vznik prekladu motivuje aj potreba slovenského básnika takýmto spôsobom konkretizovať svoj vzťah k českému autorovi, respektíve sa s ním takto vyrovnáť” (Zambor 1982: 23). Hoci kritériá praxe podliehajú dobovým výkyvom a “večné” hodnoty sa často vyjavia ako hodnoty časové i časné (dočasné), aj tak treba evidovať, že z hľadiska historickej perspektívy prekladovosť v česko-slovenskom literárnom kontexte má celkove vzostupnú tendenciu.

V doterajších poznámkach na okraj česko-slovenskej diskusie o vzájomnom prekladaní či neprekladaní išlo primárne o to, ako sa v súvislosti s onými predpokladovými faktormi diskusie – premenami prekladu v čase a “stabilitou” originálu v čase – z toho istého východiska, z tej istej predstavy o pôvodnosti, prirodzenosti a bezprostrednosti generovali dva protikladné názory: záver neprekladať i záver prekladať. Ďalej ide o to, ako v historickom priereze toto rozporuplné stanovisko, tieto protikladné pozície plnili v podstate jednu a tú istú funkciu: zatiaľ čo odmietanie prekladu, jeho popieranie vyvolávalo, respektíve malo vyvolávať predstavu *jednoty československého literárneho kontextu* (preklad by totiž “uměle přivozoval falešný názor, jako by tu šlo o literatury dvě, když se z nich překládá, ačkoliv jest jen literatura jedna” (Eis 1964: 266), tak forsírovanie prekladu, jeho akceptovanie umeleckou kritikou i inštitucionálnou “základňou” sa zas amalgamovala s dobovo aktuálnym bojom “*za ďalšie zblíženie a tvorivú spoluprácu slovenskej a českej literatúry*”. To znamená, že proti “východiskovej” jednote na jednej strane, ktorá preklad atakovala a negovala, stála na strane druhej jednota “ciel'ová”, ktorej preklad slúžil ako jeden z nástrojov zblížovania/zjednocovania Čechov a Slovákov, českej a slovenskej literatúry.

Presne tak, ako si to vyžaduje logika vzťahu medzi pôvodnosťou a odvodenosťou, bezprostrednosťou a sprostredkovanosťou, originálom a prekladom, počiatkom (výhodiskom) a koncom (cieľom). Analýza tohto komplexu by bola už však námetom pre ďalší príspevok.

LITERATÚRA

- Ďurišin, D.
1975 *Medziliterárne aspekty výskumu českej a slovenskej biliterárnosti*, "Česká literatura" 1975: IV(23): 329-340.
- Eckermann, J. P.
1948 *Gespräche mit Goethe in den letzten Jahren seines Lebens*, F. A. Brockhaus, Leipzig 1948: 866.
- Eis, Z.
1964 *K otázce překladu ze slovenštiny do češtiny v meziválečném období*, "Slovenská literatúra" 1964: III(11): 262-270.
1967 *K dvojímu pojetí národní specifčnosti české a slovenské literatury ve třicátých letech*, "Slovenská literatúra" 1967: V(14): 517-534.
1990 *Literárne miniatúry*, "Literárny týždenník" 1990: XIV(3): 3.
- Feldek, L'.
1977 *Z reči do reči*, Slovenský spisovateľ, Bratislava 1977.
- Forst, V.
1986 *Československý literární kontext. Karol Rosenbaum*, "Nové knihy", 1986: XXIII: 3.
- Foucault, M.
1994 *Diskurs, autor, genealogie. Tři studie*, Nakladatelství Svoboda, Praha 1994.

- Kintnerová, J.
1960 *Ako som prekladala Hájnikovu ženu*, "Slovenské pohľady" 1960: IV(76): 318-323.
- "Nové knihy"
1984 "Nové knihy" 1984: XXX-XXXI: 1.
- Petříček, M.
1992 *Jacques Derrida a poststrukturalismus*, "Slovenská literatúra" 1992: V(39): 364-371.
- Překlad*
1970 *Překlad literárního díla. Sborník současných zahraničních studií*, zost: J. Čermák, B. Ilek, A. Skoumal, Odeon, Praha 1970.
- Rosenbaum, K.
1986 *Svorník literatúr. Nedel'a*, "Príloha Nového slova" 1986: XXXVII(5): 1.
- Růžička, J.
1989 *Po česky alebo po slovensky?*, "Literárny týždenník" 1989: XLII(2): 3.
- Smrek, J.
1968 *Poézia moja láska. Spomienok kniha prvá 1920-1930*, Slovenský spisovateľ, Bratislava 1968.
- Šmatlák, S.
1962 *Nová kvalita vzťahov. K problematike vzájomného prekladania českej a slovenskej poézie*, "Slovenské pohľady" 1962: III(78): 9-17.
- Štrasser, J.
1991 *Sněhurka je negr!*, "Slovenské pohľady" 1991: I(107): 135-137.
- Vilikovský, J.
1985 *O vývoji prekladu*, "Príloha Nového slova" 1985: (4): 1, 3.

- Zambor, J.
1982 *K problému pôvodnej a prekladovej poézie*, "Romboid" 1982: V(16): 21-24.
- 1983 *Od prepisu k esteticky plnohodnotnému umeleckému prekladu*, "Romboid" 1983: VII(17): 45-48.
- Žilka, T.
1993 *Homo cosmopolitanus v slovenskej literatúre*, in: *O interpretácii umeleckého textu*, "Zborník prác ÚJLK FHV VŠPg v Nitre", zost: J. Kopál, I. Sulík, Vys. škola pedagogická, Nitra 1993: XV: 149-161.

РЕЗЮМЕ

В чешско-словацком литературном контексте переводческая работа обретает специфический характер, обусловленный как близостью исходного и целевого языка перевода, так и культурными и политическими концепциями, „программирующими” отношения между чехами и словаками. В статье анализируются различные точки зрения на данную проблематику и их практическое воплощение в переводах на протяжении более 150-ти летнего развития чешско-словацкой переводческой работы.

Оказывается, что противоположные взгляды в дискуссии „переводить или не переводить” исходят из одного и того же предположения, т. е. из принципа подлинности, естественности и непосредственности. Если заключение „не переводить” исходит из того, что художественные произведения надо принимать в языке/языках, в котором/которых они „были первоначально задуманы и написаны” (Р. Бэкон), то заключение „переводить” подчёркивает, что полноценное чтение/переживание художественного произведения достигается только в „естественном” (материнском) языке реципиента.

К ВОПРОСУ О ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИХ
СООТВЕТСТВИЯХ ПРИ ПЕРЕВОДЕ НА
СЕРБОХОРВАТСКИЙ ЯЗЫК ПОЭМЫ М. Ю.
ЛЕРМОНТОВА *ПЕСНЯ ПРО... КУПЦА КАЛАШНИКОВА*
(ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Е. Головатина – Н. Клочко

Проблема адекватного перевода художественного текста сопряжена с передачей на иностранный язык особенностей его эмоционально-речевой организации, формируемой эмоционально-оценочными характеристиками языковых единиц. Это означает, что лингводидактический аспект перевода связан с необходимостью эксплицирования в языковом сознании реципиента/переводчика экспрессивного диапазона слова, одним из маркеров которого является субъективная модальность типа *de re* (*Грамматика* 1970: 615). Некоторые стороны указанной проблемы могут быть рассмотрены на языковом материале поэмы М. Ю. Лермонтова *Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова*.

Богатство жанрово-стилистических характеристик, особый синтез романтических, фольклорных и реалистических начал, яркая образность поэмы в течение уже длительного времени являются объектом пристального внимания исследователей и переводчиков. Переводы поэмы М. Ю. Лермонтова на сербохорватский язык (Т. Прпич 1939, 1944; Б. Вукичевич 1941, 1961; Д. Цесарич 1951; М. Живанчевич 1980) в настоящей статье рассматриваются с вполне определённой исследовательской позиции: с точки зрения отражения в них объективного и субъективного оценочного диапазона прилагательных, которые, как отмечают лингвисты (Вольф 1979), наиболее очевидно отражают категорию оценки.

Отправными моментами при решении поставленной задачи служили следующие положения:

1. при рассмотрении оценочной семантики адективов мы исходили из получившего распространение в лингвистике толкования понятия „оценка”, подразумевающего такой тип субъективной реакции, который связан с выражением ценностного отношения к предмету на основе критерия „хорошо-плохо”;

2. для лексико-семантических исследований релевантным является учёт коррелятивных типов значений: дескриптивных и оценочных.

Первые ориентированы на отражение элементов действительности, вторые – на выражение ценностно-оценочного отношения к элементам действительности;

3. модально-экспрессивные характеристики языковых единиц могут быть представлены объективной и субъективной оценочностью в зависимости от формы представления события и форм лексической закреплённости адъектива.

Если исходить из того, что объективная оценочная модальность предполагает некоторую абстрактность в отношении сообщаемого к действительности, то очевидным становится доминирующее положение в традиционных формах фольклорной символики объективной оценки, закреплённой в устойчивых сочетаниях массовым языковым сознанием. При этом заметим, что в большей степени фольклорные адъективы распределяются в области нейтральных в оценочном плане значений (сыра земля, ворота тесовые, заря алая, молода жена, ветер буйный) и общеоценочных прилагательных (красны девушки, добрый молодец, житьё вольное, славный конь). Фольклорные устойчивые сочетания, представленные частнооценочным типом значений, содержащих одновременное указание на признак и оценку (Арутюнова 1988: 75), по нашим наблюдениям, менее частотны (сабля острая, глаза зоркие, кости сирые).

Отметим, что факт регламентации литературного узуса повлёк за собой при переводе строгий отбор лексики, который, с одной стороны, детерминируется общей жанровой характеристикой подлинника и, с другой, – соблюдением тех норм, которые существуют для данного жанра в языке перевода. В рассматриваемых литературных переводах сохраняется равная семантическая наполненность народно-поэтической символики, не противоречащая системе фольклорных ценностей оригинала: сиви голуб, очи сузне, еарко сунашце, румена зора, крвна родбина.

В противоположность стихии фольклорных форм, поэтический мир, воссозданный по законам романтизма, характеризуется ярко выраженной субъективной оценочностью, отражающей отношение говорящего к тому, что он сообщает (*Грамматика* 1970: 615). К зоне субъективной оценки

относятся, таким образом, слова, коннотативно-оценочный компонент которых не входит в денотативное ядро и соотносится не с самими предметами, а с типизированными эмоциями, эмоционально-оценочным отношением, приведём примеры: дума крепкая, грешная, головушка бесталанная, горемычный прах – душа грешна, глава еадна, зема_ски прах, слово грозное. Отметим, что при сличении смысловых значений слова „грозный” и сербохорватского „грозан” (страшный, противный, плохой) очевидным становится тот факт, что на сербохорватском языке эпитет отягощается иными социально-психологическими коннотациями, уводящими смысл прилагательного в иную эмотивно-оценочную плоскость (ср. перевод Вукиевича: „грозна реч”). Последний пример с очевидностью иллюстрирует положение о том, что при переводе языковых единиц художественного текста чрезвычайно важен учёт „функционирующих в том или ином социуме стереотипов восприятия” (Сорокин-Марковина 1988: 10), их чёткая полюсная отнесённость. Следует заметить, что каждому из полюсов субъективно-объективных связей присущи своя система антитез и сопоставлений, своя смысловая направленность. Романтическая символика демонстрирует своеобразную всеобщую модель романтической концепции соотношения идеала и действительности героя и антигероя. Так, например, перспектива смысла символа романтического злодея безусловно направлена к эксплицированию разрушения нравственного идеала. Сравн.: „промолвил [царь, Е. Г. – Н. К.] слово грозное” – „страшну ријеч прозбори” (Цесарич), „слово злокорбно” (Сибин.); „затаил [Кирибеевич, Е. Г. – Н. К.] думу нечестивую” – „тешка га мори мисао” (Цесарич), „црна мисао га оборила” (Вукиевич). Традиционные и индивидуализированные воплощения поэтического символа романтического героя формируются на основе представлений о его нравственной вознесённости. Приведём примеры его положительных характеристик: „сердце жаркое” – „срце врело” (Вукиевич), „ватрено” (Сибин.), „жарко”, „јуначко” (Прпич); „очи соколиные, тёмные” – „очи смеоне, ватрене” (Прпич), „живе” (Вукиевич); „имя честное” – „име честито” (Цесарич), „[Калашиников, Е. Г. – Н. К.] потомак оца чести тога” (Вукиевич); „живёт герой по закону господнему” – „по закому божијему” (Цесарич), „хришчанскому” (Вукиевич). Принципиальная и

содержательная функция лермонтовских символов героя-антигероя покоится на чувственно наглядных изображениях природных явлений, которые становятся для воспринимающих их субъектов откровением судьбы, предельно пространственно вознесённой областью равнодушного и безличного идеала. Высший накал душевных сил вдохновенно влюблённого Кирибеевича гаснет при соприкосновении с действительностью, предстающей в облике тревожного, движущегося снега, метели. Символика снежного простора, сыпучих снегов становится специфической формой реализации романтической субъективности. Индивидуализированные формы субъективной оценки, принципиальная содержательная функция авторского символа открывает Лермонтову возможность воссоздать самые неожиданные аналогии, построенные на антитезе „космос-человек”, строить новую систему соответствий между природными явлениями и внутренним миром человека: „побледнел [Кирибеевич, Е. Г. – Н. К.], как осенний снег” – „побледню ко ледан снег” (Вукичевич), „очи као муње секу перјаника” (Вукчевич), „рујна зора весело се буди” (Цесарич). Рассмотренные примеры, иллюстрирующие особую маркированность ассоциативных полей адъективов, индивидуализированные формы их реализации позволяют сделать заключение об особой роли коннотативно-оценочных компонентов значения рассматриваемых единиц в формировании всего арсенала символических средств романтической поэмы, их органической связи с принципами субъективной оценочности.

Романтическое видение событий на Москве-реке в эпоху Ивана Грозного и реалистическая хроника этих событий помогают осознать причудливые формы вторжения оценки событий, явлений мира в поэтический контекст. Понятно, что социально-психологическая маркированность оценки детерминируется теми стереотипами восприятия, которые сложились в рамках этноса и отражают мировоззренческую парадигму эпохи. Исследования коннотативно-оценочных характеристик в рамках контекста языка оригинала и перевода позволяет сопоставить эти межэтнические мировоззренческие парадигмы. В этой связи рассмотрим коннотативные ряды „святая Русь – народ православный – церковь божия – святые иконы” на полюсе положительной оценки и „копъё бусурманское – злы татаровья – бусур-

манский сын” – на полюсе негативной оценки. Возникает необходимость разобраться в причинах, оправдывающих соположение эпитетов в коррелирующих коннотативных рядах. Общие вершинные семы сопоставляемых социально-психологических детерминантов актуализируют дихотомию „своё (что хорошо) – чужое (что плохо)”.

Сформировавшиеся задолго до принятия христианства представления о мире инородцев являются следствием как осознанного, так и бессознательного отношения этноса к иному типу культуры, и потому могут быть интерпретированы как оценочные реликты. Семантическим обобщением второго члена оппозиции может служить первоначально нейтрально-оценочное прилагательное „поганый”, имевшее в древнерусском языке дескриптивное, нейтральнооценочное значение – „языческий”, „нехристианский”. Сравн.:

ОНА ЖЕ [ОЛЬГА, Е. Г. – Н. К.]... РЕЦЕ КО ЦРЮ: АЗЪ ПОГАНА ЕСМИ; АЩЕ МЯ ХОЩЕШЬ КРСТИТИ КРСТИ МЯ САМЪ (Сл. XI-XVII: 15,181).

В связи с распространением в славянских землях христианства как официальной религии к язычеству складывается отрицательное отношение. Со значением „поганый” начинают связываться устойчивые отрицательные ассоциативные связи членов языкового коллектива. Закрепление устойчивых отрицательных ассоциаций в виде коннотаций обнаруживается в следующих значениях:

1. „еретик”:

МАРКОСЪ ОТ РИМА ВЪ ГРАДЪ БЪРНЕ, ИДЕЖЕ БЪ ЖИЛЬ ПОГАНЫИ ЗЛЫИ ДЕСД-РИКЪ (Срезн. II: 1011).

2. „запрещённый верованием, нечистый с религиозной точки зрения, осквернённый”: поганая пища, поганое место, поганое зелье. Ощущение принадлежности к тому или иному миру со временем становится компонентом этнического самосознания славян, в особенности в условиях татаро-ордынского или турецко-османского ига. Именно новая мировоззренческая парадигма детерминирует отношение к православной вере как к своей, национальной. Ср., напр., у сербов „српска вера” в отличие от „турска вера”. Истоки общности

славянской символики правомерно, по-видимому, искать в схожести древнейших представлений славян, которые прошли через идентичные ступени развития религиозных представлений, поэтому представляется логичным восприятие живущим „по закону христианскому” Калашниковым „бусурманского сына” Кирибеевича: „неверно, проклето колено”, „неверничко копье” (Вукичевич, Прпич), „син орјатски”, „клети душманин” (Сибин.), „некресте” (Цесарич). Приведённые межъязыковые сопоставления усиливают эффект противопоставления русского и нерусского, подтверждая мысль о необходимости соотнесения „идентифицируемой словоформы с некоторой совокупностью продуктов переработки рационального и чувственного, социального и индивидуального предшествующего опыта человека” (Залевская 1981: 31). Процесс окончательного формирования в языковом сознании реципиента/переводчика определённых оценочных суждений по отношению к субъекту действия, явлению завершается, таким образом, осознанием дополнительных семантических оттенков, приобретаемых прилагательными в результате индивидуально-авторской установки. При этом существенным является тот факт, что выделяемый эмотивно-оценочный компонент не является периферийным, напротив, оценочная коннотативная сема занимает ведущее положение в структуре значения, демонстрируя в онтогенезе слитность познавательного и аффективного момента, единство *ratio* и *emotio*.

В целях обучения переводу представляется целесообразным эксплицировать в учебной аудитории механизм приобретения субъективной оценки на базе первоначально нейтральных в оценочном плане прилагательных (напр., зелёный и красный).

Интересно отметить, что в сербских эпических песнях часто подчёркнут зелёный цвет одежды и шатров „неверных” – турок, эту национально-специфическую особенность цветообозначения использует в своём переводе Б. Вукичевич: Кирибеевич на поединке сбрасывает с плеч „зелену доламу” (сравн. у М. Лермонтова: Кирибеевич „скидает с могучих плеч шубу бархатную”). Таким образом, в результате индивидуально-авторской установки переводчика исконно нейтральное в оценочном отношении прилага-

тельное приобретает в художественном контексте аутентичную номинацию.

Путь развития оценочной семантики у каждого прилагательного, изначально не имеющего оценочного значения, индивидуален. Однако общий момент в механизме присвоения адъективом оценочной маркированности связан с подключением к семантическим характеристикам языковой единицы системы ценностных представлений носителей языка и возникновением у последних положительных/отрицательных ассоциаций. Ср.: зелёная шуба – зелёные шатры турок → негативные ассоциации, связанные с представлениями о порабощении, жестокости, или: „По высокому месту лобному во рубахе красной с яркой запанкой (...) палач весело похаживает” – прямые ассоциации с цветом крови, насильственной смерти.

Приведенные примеры иллюстрируют возникновение на базе дескриптивного признака оценочных коннотаций, которые, в силу ассоциаций, связывающих дескриптивный признак с наличием/отсутствием определённых качеств в явлении, предмете, лице, ведут к окказиональным образованиям. При этом оценочная сема занимает ведущее место в структуре лексического значения, ограничивая роль дескриптивного компонента указанием на мотив, основание оценки.

Рассмотрев некоторые коррелирующие лексико-семантические особенности оригинала и переводов лермонтовской поэмы, необходимо отметить, что семантическая наполненность оценочного диапазона прилагательных, особая роль субъективной оценки, неограниченный комплекс ассоциаций, актуализируемых оценочными адъективами, свидетельствуют о невозможности в процессе перевода остаться в рамках лингвистической теории, без учёта психологического момента сопереживания. Игнорирование коннотативных характеристик сопоставляемых единиц ограничивает глубину понимания, вызывает деформацию восприятия стихии авторского мироощущения, эстетической ценности языка оригинала и перевода.

ЛИТЕРАТУРА

- Арутюнова, М. Д.
1988 *Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт*, М. 1988.
- Вольф, Е. М.
1979 *Варьирование в оценочных структурах, в: Семантическое и формальное варьирование*, М. 1979.
- Грамматика*
1970 *Грамматика современного русского литературного языка*, ред.: Н. Ю. Шведова, М. 1970.
- Залевская, А. А.
1981 *О комплексном подходе к исследованию закономерностей функционирования языкового механизма человека, в: Психологические исследования в области лексики и фонетики*, Калинин 1981.
- Сорокин, Ю. А. и Марковина, И. Ю.
1988 *Понятие „чужой” в языковом и культурном контексте, в: Язык: этнокультурный и прагматический аспекты*, Днепропетровск 1988.

ABSTRACT

The article is devoted to the linguistic detection of adjective diaposition. They form the figurative system of Lermontov's poem *The song about czar Ivan Vasiljevich ...* and its translation into the Serb language. It suggests the definition of assessment and it's criteria (good-bad). On this basis adjective connotations, which form original and transferred oppositions, are investigated.

ОКАМЕНЕВШИЕ МЕТАФОРЫ В РУССКОЙ И ИТАЛЬЯНСКОЙ ТЕХНИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ: СОВПАДЕНИЯ И АНАЛОГИИ

Andrea Ottogalli

Прежде всего разделим их на три группы:

1. Метафоры, образованные с помощью слов из языка анатомии. Напр.: язык *колокола*; стрела *подъёмного крана*, по-итальянски *braccio della gru* (букв.: рука подъёмного крана).

2. Метафоры „зоологические”. Напр.: лебёдка (грузо-подъёмная машина); конь (гимнастический снаряд); собачка *ружья*, *cape del fucile*.

3. Метафоры, заимствованные из обычной лексики. Напр.: трактор *для дуговой сварки*; щётки *электродвигателя*; стрелка *компас* и стрелка *весов*, *ago della bussola* и *ago della bilancia* (букв.: игла компаса и игла весов).

Специальная терминология как русская, так и итальянская, где в изобилии представлены все три типа метафор, относится к области механики. Особенно многочисленны термины первой группы и зачастую переводческий бином состоит их двух метафор, по одной на каждый язык.

Термины „головка” и “*testa/testata*” как правило обозначают боковую или верхнюю конечную часть станка, механизма, устройства и т.д. Таким образом мы имеем биномы: головка *шпинделя*, *testa del mandrino*; *буровая* головка, *testa di trivellazione*; головка *блока цилиндров*, *testata del motore* или *testa cilindri*; головка *пресса*, *testata della pressa*.

Тем не менее, в электронике термин „головка” соответствует итальянскому термину “*testina*” и обозначает считывающее, записывающее или стирающее устройство. Напр.: головка *считывания*, *testina di lettura*; головка *записи*, *testina di registrazione*.

Однако слово „голова” можно встретить и в другой специальной терминологии. Напр.: голова *кометы*, *testa della cometa*; голова *мола*, *testa del molo* и т.д.

Опорная часть вала называется „шейка”, на итальянском языке “*collo*” (букв.: шея) или “*perno*”, а сам вал может быть коленчатый, а по-итальянски *a gomiti* (от слова *gomito*, „локоть”).

Итальянский термин “braccio” (букв.: рука от кисти до плеча), удлинённый, выступающий компонент машины или устройства, переводится на русский язык по-разному. Если это подвижная опора подъёмного крана или экскаватора, то в переводе будет „стрела”. Напр.: braccio *telescopico*, *телескопическая* стрела. Если его назначение передавать движение, то это „плечо”. Напр.: braccio *della leva*, плечо *рычага*; braccio *della manovella*, плечо *кривошипа*. Если это неподвижная часть, предназначенная для опоры чего-нибудь, то в переводе – кронштейн. Напр.: braccio *portabobina*, кронштейн *бобины*.

Стержень или выступ, обеспечивающий соосное движение двух частей, по-русски называется „палец”, по-итальянски “perno” или “spinotto” (букв.: стержень), лишь в редких случаях “dito” (букв.: палец). Напр.: *контактный* палец, spinotto *di contatto*; палец *шарнира*, perno *di articolazione*; *стопорный* палец, dito *di arresto*.

Теперь рассмотрим „зоологическую” терминологию. В отличие от терминов, упомянутых выше, обозначающих детали или части различных машин, значение этих терминов ограничено. Итальянский термин “gru”, „журавль”, обозначающий машину для поднятия и перемещения груза в относительно узком радиусе, в переводе на русский язык *подъёмный* кран. Напр.: gru *a ponte*, *мостовой* кран; gru *girevole*, *поворотный* кран. Заметим в скобках, что *колодезный* журавль или просто журавль это устройство, с помощью которого черпают воду из колодца.

Гайка с двумя ушками, позволяющими завинчивать её вручную, называется по-итальянски “galletto” (букв.: петушок), а по-русски „барашек”.

Винтовой конвейер по-русски тоже называется „шнек”, от немецкого *schnecke*, „улитка”. Соответствующий итальянский термин “coclea”, от латинского *cochlea*, „улитка”.

Метафоры третьей группы. Есть термины, обозначающие средства передвижения, которые в обоих языках используются для обозначения подвижных частей машин. Так „каретка” это подвижная часть токарного станка, по-итальянски “carrello”, уменьшительное от слова *carro*, „телега”. Напр.: *резцовая* каретка, carrello *portautensili*. Бывает, что подобное устройство, но меньшего размера, носит название „салазки”, по-итальянски “carrello” или “slitta” (букв.: сани).

Напр.: салазки *пилы*, *carrello della sega*; салазки *фрезерной оправки*, *slitta portafresa*. А „тележка” это устройство на колёсах, позволяющее машине или транспортному рельсовому средству передвигаться. Напр.: *крановая тележка*, *carrello della gru*; *локомотивная тележка*, *carrello della locomotiva*.

В ткацком станке, так же как в швейной машине, рабочий орган для подачи нити по-русски называется „челнок”, а по-итальянски „navetta”, уменьшительное от слова *nave*, „корабль”. Во многих машинах имеется цилиндрическая деталь, выполняющая различные функции, „барабан” по-итальянски „tamburo”. Он может служить рабочим органом. В таком случае рабочий процесс протекает или с внешней стороны (*ножевой барабан*, *tamburo a lame*; *дробильный барабан*, *tamburo frantumatore*), или внутри его (*барабан бетономесителя*, *tamburo della betoniera*; *сушильный барабан*, *tamburo essiccatore*). Кроме того, „барабан” может составлять внешнюю часть колодочного тормоза: *тормозной барабан*, *tamburo del freno*.

Обратимся к морской терминологии. Проанализируем такой „концентрат” метафор, как якорь. Центральное тело носит в обоих языках название, которое прошло один и тот же путь: „веретено”, „fuso”. Перпендикулярная переключина называется по-русски „шток”, от немецкого *stock*, „пень”, а по-итальянски „cervo” (букв.: пень). Треугольный наконечник рога называется по-русски „лапа”, а по-итальянски „patta”, от французского *patte*, „лапа”. Остальные термины, почти все метафорического характера, не аналогичны в обоих языках: *рог*, *braccio* (букв.: рука от кисти до плеча); *носок*, *unghia* или *becco* (букв. соответственно: ноготь, клюв); *пятка*, *diamante* (букв.: алмаз) и т.д.

Рассмотрим ещё одну область технического языка, тоже богатую метафорами: „анатомическую” терминологию. Большая часть этих метафор принадлежит к третьей группе и употребляется при описании органов. Продолговатое углубление, наблюдаемое на поверхности органа, обычно называется „борозда”, по-итальянски „solco”. Отсюда *аортальная борозда*, *solco aortico*, на лёгком; *венечная борозда*, *solco coronarico*, и *межпредсердная борозда*, *solco interatriale*, на сердце и т.д.

Если углубление расширяющееся, его называют „ямка”, по-итальянски “fossa” (букв.: ямка, канава): *овальная ямка, fossa ovale*, на сердце; *ямка жёлчного пузыря, fossa cystica*, на печени.

Термином „канал”, по-итальянски “canale”, обозначается трубка для прохода жидкостей. Напр.: *носо слёзный канал, canale lacrimonasale*, соединяющий слёзный мешок с нижним носовым ходом.

При описании органов с разветвлённой структурой, таких, как бронхи, встречаются термины „дерево”, „ствол” и „ветвь”, по-итальянски соответственно “albero”, “tronco” и “ramo”. В лёгких имеются *правое и левое бронхиальные деревья, alberi bronchiali destro e sinistro*, а также ветви *лёгочной артерии, rami dell'arteria polmonare*, которые идут от сердца через *лёгочный ствол, tronco dell'arteria polmonare*.

Имеются термины не столь часто употребляемые, поскольку они обозначают отдельные элементы одного органа. Возьмём для примера терминологию, касающуюся уха. В средней его части, а именно в барабанной полости, есть три косточки, „молоточек”, „наковальня” и „стремя”, по-итальянски соответственно “martello”, “incudine” и “staffa”. Во внутреннем ухе расположены *костный лабиринт, labirinto osseo*, и *перепончатый лабиринт, labirinto membranoso*; преддверие, vestibolo; улитка, coclea; лестница *преддверия, scala vestibolare*, и *барабанная лестница, scala timpanica*.

В языке собственно анатомии имеются термины, тоже представляющие собой метафору. Удлинённая часть какого-либо органа называется „шейка”, по-итальянски “collo”. Отсюда *шейка жёлчного пузыря, collo della cistifellea*; *шейка матки, collo dell'utero* и т.д. Термин „губы”, по-итальянски “labbra”, указывает на наличие двух, как правило симметричных складок кожи. Имеются например *большие и малые половые губы, piccole e grandi labbra*, женского органа. Небольшая полость называется „желудочек”, по-итальянски “ventricolo” (от латинского слова *ventriculus*, „желудок” и „желудочек”). Напр.: *желудочек сердца, ventricolo del cuore*; *желудочки головного мозга, ventricoli cerebrali*.

ABSTRACT

Russian and Italian for special purposes present many cases of catachreses formed by zoonyms (e.g.: in Russian *lebed'*, capstan, lit. swan; in Italian *galletto*, wing nut, lit. cocklet) and by anatomic terms (the Italian word *albero a gomiti* corresponds to the Russian *kolenčatyj val*, crankshaft, lit. respectively elbow-shaft and knee-shaft).

In the article particular attention is paid to some catachreses of mechanical language (in particular catachreses existing within the terminology of the anchor) and of medical language, where an anatomic term, referring to a part of the human body, e.g. *collo*, neck, can indicate a part of an other organ: *collo della vescica*, cervix of the bladder.

ПОИСКИ ПРИЧИН ВЫНУЖДЕННОГО
ПАРАФРАЗИРУЮЩЕГО ПЕРЕВОДА С РУССКОГО НА
НЕМЕЦКИЙ ЯЗЫК (НА ПРИМЕРЕ НАЧИНАТЕЛЬНОЙ
ПРИСТАВКИ „ЗА-“)

Dieter Wirt

0. Лингвистика призвана описать перевод любых видов текста как переход (трансфер) с одного языка на другой, пытаюсь выявить закономерности языковых соответствий. Задача лингвиста – заложить тот самый фундамент теории перевода, над которым „в выси” могут воздвигаться такие строения, создание которых кажется слабо связанным с языковыми субстратами или в своей уникальности трудно поддаётся обобщениям. Начиная с мало отмеченного по стилю языкового материала, реконструктивная работа лингвиста должна исходить из достижений опытных, творческих переводчиков – с целью поместить разобранное переводческое знание в новых грамматиках, словарях, пособиях.

1.1. В основу нужного разложения наличного материала автор предлагает положить модифицированный вариант разработанной Мельчуком, Апресяном и др. модели „Смысл ↔ Текст” (ср. Мельчук 1974, Апресян 1974). Такая модель анализа и синтеза текстов (высказываний) разбивается на несколько уровней со специфическими структурами описания: на самой поверхности общеизвестные графические и звуковые изображения; потом вообразимые ещё без специальных знаний поверхностно-морфологическая (с согласованием окончаний) и позиционная (или: глубинно-морфологическая) структуры (с установлением порядка слов); затем особые для модели средства записи: поверхностно-синтаксическая структура (дерево зависимостей, уже со всеми реальными словами), а в центре модели – глубинно-синтаксическая или „глубинная” структура (тоже дерево зависимостей, но ещё с абстрагированными словами-символами, т.н. лексическими функциями); наконец семантическая структура (в её самой глубокой глубине с расщеплением всех слов, кроме неразложимых семанти-

Slavica tergestina 5 (1997)

ческих примитивов). При синтезе (речь и письмо) такая многоуровневая модель способна обеспечить любое выражение сходным или равным ему по смыслу выражением (т.е. парафразой). Несмотря на смысловые различия эквивалентность может быть достигнута а) нейтрализацией различий прежде всего путём вычёркивания избыточного значения, б) добавлением имплицитного содержания и в) опущением/добавлением незначимых смыслов. Подчёркивая выразительную гибкость естественных языков, модель „Смысл ↔ Текст” представляет собой и желательную модель перевода.

1.2. При переводе редко сохраняется языковая структура. В терминах глубинной структуры это означает, что изменяются типы выражений (части речи), синтаксические отношения и значащие морфологические категории. Чаще всего перевод, напр. с русского на немецкий язык, сводится к неприемлемой попытке простой подстановки и последующей удачной парафразе в пределах языка перевода, в данном случае – немецкого как родного языка переводчика. Имеет место парафразирующий перевод.

1.3. Глубинно-синтаксическая (глубинная) структура модели должна быть оборудована как центр управления большинством переводческих решений. Первым делом рекомендуется переписать („перевести”) исходный русский текст на символическую глубинную структуру, отображающую всё его содержание (в первую очередь значение, но также и все стилистические свойства). Потом в пределах этой пригодной для описания многих языков структуры-посредника делается попытка перевести текст без изменения языковой структуры. Но, разумеется, в большинстве случаев такая операция, по тем или иным причинам, обречена на провал и заставляет переводчика сначала запустить систему парафразирования – внутрь глубинной структуры. Для немецкого и русского языков автором разработано около 700 элементарных (одношаговых) типов глубинных парафраз – в общей сложности около 1500 элементарных типов парафраз. Описание в символах глубинно-синтаксической структуры даёт возможность установить контроль за содержанием исходного текста („что дано?”), выявить

предполагаемый процесс перехода к наличному продукту перевода („каким путём?“) и осмыслить направление этого процесса („почему?“).

2.1. Подход ретроспективен. Сначала подыскиваются локальные и непосредственные причины изменения языковой структуры, действующие и вне более широкого контекста. Среди таких мотиваций можно различить парадигматические формальные (напр. отсутствие глагола в соответствующем значении), парадигматические содержательные (напр. отсутствие стилистически нейтральной лексики), синтагматические формальные (напр. запрет на любое заполнение какой-либо валентности), синтагматические содержательные (напр. запрет на заполнение определённой лексемой какой-либо валентности). В дальнейшем степень опосредованности будет расти до тех пор, пока не появятся самые сложные соображения, которые из-за взаимодействия трудно объективируемых факторов покажутся не стоящими кропотливого анализа.

2.2. Перспектива, т.е. возможность дать рекомендации будущим переводчикам для решения той или иной переводческой проблемы, пока остаётся на последнем плане исследования. Но глобальные предварительные решения, принимаемые опытными переводчиками в самом начале работы над текстом, не окажутся вне поля зрения лингвиста-реконструктора: они будут проявляться именно в разных конкретных местах.

3.1. С целью иллюстрации выберем уже обсуждавшийся тип русской исходной единицы. Воспользуемся материалом статьи о немецких соответствиях русских приставочных глаголов начинательного способа действия (Раевский 1994), ограничиваясь сочетаниями с самой употребительной приставкой *за-*. Исследуются такие приставочные глаголы, как (1) *заговорить* (действие), (2) *зацветать* (процесс) или (3) *заболеть* (состояние). В глубинной структуре эти словообразовательные модели глаголов изображаются в виде двух узлов – аффикса (Af) и глагола (V), причём

подстрочная характеристика вида должна быть закреплена за всем сочетанием: ниже пишем $\bar{\quad} \rightarrow \{Af \xrightarrow{-2} V\}_{\text{Pf/Ipf}}$. Не рассматриваются такие примеры как: (4) *заснуть/засыпать*, так как нет глагола **снуть*, (5) дважды аффиксированный глагол *загореться*, так как нет напр. выражения **факел горелся*; (6) *задуматься/задумываться*, так как нет глагола **думаться* (как и **думать*) в соответствующем значении.

3.2. Раевский предлагает классификацию русско-немецких соответствий на основе примеров из художественной литературы, допуская тем самым и стилистически отмеченные контексты. Он стремится обосновать полноценность и обдуманность найденных переводческих решений, скорее отказываясь от обсуждения других (менее удачных) вариантов. Прежде чем попытаться подыскать мотивации для переводческих решений, мы в разделе 4 постараемся упорядочить наличный инвентарь в формализованном виде согласно модифицированной модели „Смысл $\leftrightarrow$ Текст”. При этом установленные типы иллюстрируются как можно более короткими контекстами. Цель формализации – определить место языковых единиц в глубинной структуре и связанном с ней *Толково-комбинаторном словаре* (ср. Мельчук-Жолковский 1984; Вирт 1991). Именно комбинаторная зона словаря даст лексические кирпичи для построения глубинных парафраз.

3.3. Сначала следует объяснить условные символы описания. При изображении древесных структур автор предпочитает линейную подачу символов.

*	неприемлемый пример
~	шероховатый пример (по стилю)
$\bar{\quad} \rightarrow$ [стрелка]	глубинное отношение:
$\xrightarrow{-1} \xrightarrow{-2} \dots$	1-ое, 2-ое... предикативное (= валентность)
$\xrightarrow{-at}$	атрибутивное („асемантическое”)
$\xrightarrow{-co}$	координативное

X [как узел]	тип глубинного выражения, такого как:
V	глагол
S	существительное
A	прилагательное
Adv	наречие
Conj	союз
IdConj	союз-идиома
Af	аффикс (здесь: префикс)
1X...2X	1-ый...2-ой встречающийся однородный тип X
#X	модель слова (с внутренней структурой)
#S° (V)	ниже: субстантивация инфинитива (нем.)
X(Y), X ^X (Y)	изображаемое посредством лексического партнёра Y выражение X: т.н. лексическая функция, со смыслом 'x' часто в идиоматическом оформлении
X ^X (Y)	то же, но с приклеиванием значения партнёра
S° (V)	отглагольное существительное, с той же позицией актантов (<i>nomen actionis</i>)
A ¹ (V)	отглагольное прилагательное с включённым 1-ым актантом глагола ('такой, кто')
X [надстрочно]	значение 'x'
+X	содержащий значение 'x' помимо прочего
¬X	уже, чем значение 'x'
¬X	шире, чем значение 'x'
v = vel	'или' (включительно-дизъюнктивный)
co	'и' [координативный]
copul	связка [„копулятивный” глагол]
incep	'начинать' [инцептивный]
INCEP	имплицитный смысл 'начинать'
ingress	'моментально начинать' [ингрессивный]
magn	'очень' (без степеней) [лат. „magnus”]

oper1	глагол-связка	с	отглагольным существительным в роли 2-ого актанта и с тем же 1-ым актантом, что и исходный глагол
red	избыточный [редундантный]		
sing	в одном кванте [ср. сингулятив]		
sing	то же, но ещё с избыточным (относительно значения партнёра) значением (= ^{red sing})		
stat	в континууме [статальный]		
X X X	сочетание	смыслов	посредством (ненаписанных) глубинных отношений, как напр.:
incep copul	'начинать' $\xrightarrow{-2}$	'быть' (для: 'становиться')	
ingress $\cap$ oper1 magn	ingress 'x' $\xleftarrow{-at}$	oper1 magn $\xleftarrow{-at}$	
	----- $\xrightarrow{-2}$	----- $\xrightarrow{-2}$	
X ^X # (X)	в неидиоматичном выражении, как напр.:		
V ^{copul#} (A)	русск.: <i>быть</i> ; нем.: <i>sein</i>		
<X>	стиль как:		
<разг>	разговорный		
X [подстрочно]	морфология в глубинной структуре как:		
Pf	русск. совершенный [перфективный] вид		
IpF	русск. несовершенный [имперфективный] вид		
Praet	русск. прошедшее время [претерит]		
Imperf	нем. имперфект		
Praes	настоящее время [презенс]		
Pl	множественное число [pluralis]		

4.1. Сохраняющий структуру (типы глубинных выражений и их отношения, за исключением специфической русской категории видов) перевод („дословный” транслят T 0) иллюстрируется следующими примерами:

$$T 0 \quad \xrightarrow{-} \{Af^{incep}(V) \xrightarrow{-2} V\}_{Pl/IpF} = \xrightarrow{-} Af^{incep}(V) \xrightarrow{-2} V$$

(7) *Стакан задрожал* – *Das glas erzitterte* [Af^{ingress}]

- (8) *Ира зарыдала – Ira schluchzte auf* [Af^{ingress sing}]
 (9) *Володя заорал – Volodja brüllte los*
 [Af^{insep <разг>}: ↑ указывает на дополнительный элемент определённого продолжения начатого действия].

4.2. Первые типы парафразирующего перевода (Т 1-5) складываются из глубинных кирпичей лексических функций. По логике системы парафразирования можно различить:

4.2.1. Одношаговый (элементарный):

- Т 1 $\rightarrow \{Af^{insep}(V) \xrightarrow{-2} V\}_{Pf} = \rightarrow V^{insep}(V)$
 (10) *Иван замолчал – Ivan verstummte* [нет глагола *stommen] [ср. напр. *заснуть/засыпать*]
 Т 2 $\rightarrow \{Af^{insep}(V) \xrightarrow{-2} V\}_{Pf} = \rightarrow V^{insep} \# (V) \xrightarrow{-2} V$
 (11) *Борис заплакал – Boris begann zu weinen*
 [/*fing zu weinen an*] [ср. *начать/начинать, стать*]

4.2.2. Собственно многошаговый (сцепляемый через Т 2 и др.), но уже замкнутый накоротко в один шаг:¹

- Т 3 $\rightarrow \{Af^{insep}(V) \xrightarrow{-2} V\}_{Pf} = \rightarrow V^{insep\ oper1}(S^{\circ}(V)) \xrightarrow{-2} S^{\circ}(V)$
 (12) *Борис заплакал – Boris brach in Weinen aus*
 [V^{ingress oper1 magn}, #S^o] [ср. *разразиться/разражаться плачем*]
 (13) *Лена заволновалась – Lena geriet in Aufregung*
 [V^{insep (=red) oper1}; ↑ указывает на дополнительный, избыточный элемент некоей бесконтролируемости] [ср. *прийти/приходить в волнение*]
 Т 4 $\rightarrow \{Af^{insep}(V) \xrightarrow{-2} V\}_{Pf} = \rightarrow V^{insep\ copul} \# (A^1(V)) \xrightarrow{-2} A^1(V)$
 (14) *Зина заболела – Zina wurde krank*
 [ср. *стать/становиться*]
 Т 6 $\rightarrow \{Af^{insep}(V) \xrightarrow{-2} V\}_{Pf\ Praet} = V^{Praes/Imperf}$ <ИМПЛИКАЦИЯ>
 (15) *Иван замолчал – Ivan schweigt* [ср. *молчит*]
 (16) *Иван замолчал – Ivan schwieg* [ср. *молчал*]

1 В материале статьи отсутствуют транспозиции типа „Af = Adv (Af)“ как напр.: *Он зажил в деревне – Er lebte von nun an* [русс. *отныне*] *auf dem Lande* (причём наречие-фразама выражает к тому же неограниченный срок). За этим типом будет забронирован „Т 5“.

4.2.3. Система глубинного парафразирования предлагает дальнейшие возможности продолжения цепи как напр.:

$$\text{T 3.1} \quad \longrightarrow \{A \overset{\text{incept}}{V} \overset{-2 \rightarrow}{V}\}_{\text{pr}} = \longrightarrow V^{\text{incept oper1}} (\dots) \overset{-2 \rightarrow}{S^{\text{sing pr}} (V)}$$

(17) *Борис заплакал – Boris brach in Tränen aus*
 $[V^{\text{ingress oper1 magn}}]$ [ср. удариться/ударяться в слёзы]

4.3. Другие типы парафразирующего перевода не складываются из лексических функций, а образуются на основе информации о толкованиях лексем. При этом начинательный смысл опущенной приставки частично выражается словами контекста и/или подразумевается на фоне знания о данной ситуации.

По степени эксплицитности „акционально значимых” слов-сигналов и по смысловой структуре немецких бесприставочных глаголов производим две дифференциации:

а) Акционально значимые слова-сигналы можно разбить на три типа. Примеры как (18) *тут, тотчас же; вдруг* и (19) *вновь; потом; из-за* в неявном, но эксплицитном виде содержат значение начинательности, устанавливая какую-то временную упорядоченность. Выражения же типа (20) *тогда*, в это время такого смысла не содержат, но (вместе с другими средствами) могут повысить вероятность соответствующего имплицитного осмысления. Названные примеры (18) в русском языке не сочетаются со стательным значением: (21a) *Вдруг у него на глазах *были слёзы* vs. (21б) *Вдруг у него на глазах выступили слёзы*. В немецком языке соответствующие лексемы не имеют такого ограничения, т.е. они не в состоянии выполнить роль однозначных индикаторов. Ср. (22a) *Plötzlich standen ihm Tränen in den Augen* vs. (22б): *Plötzlich waren ihm Tränen in die Augen*; по значению предложение (22a) близко парафразе (22в): *Plötzlich waren ihm Tränen in die Augen getreten* (плюсквамперфект).

б) За исключением немногих примеров (как чисто стательный глагол *leben* „жить”: см. ниже пометку „!”) приведённые немецкие глаголы содержат смысл начинательности во включительно-дизъюнктивном (диффузном) виде: $V^{\text{+ incept v stat}}$. Предложение (23) *Plötzlich $\leftarrow^{at}$ weinte er* двузначно (ср. выше).

Ниже для обозначения синтаксических рамок дополнительно ставятся следующие надстрочные цифры: 1) главное предложение (в сложноподчинённом предложении); 2) при-

даточное предложение (в сложноподчинённом предложении); 3) слитное предложение; 4) сложносочинённое предложение; 5) сочинённые предложения внутри одного абзаца; 6) сочинённые предложения на стыке двух абзацев.

4.3.1. В трансляте Т 7 добавленное в немецком языке слово-сигнал должно компенсировать опущенную приставку.

- Т 7 $\rightarrow \{Af^{insep}(V) \xrightarrow{-2} V\}_{pf} = \rightarrow V^{+insep} v \text{ stat} \xrightarrow{-at} X^{+insep}$
 | если смысл выражения X считается приемлемым
 (24) *Борис заплакал – Boris weinte plötzlich*
 [если $V^{+insep} v \text{ stat}$ в начинательном осмыслении]
- Т 7! То же с глаголом в статальном значении (см. и далее)
 (25) *Борис заплакал – Boris weinte plötzlich*
 [если $V^{+insep} v \text{ stat}$ в статальном осмыслении]
- Т 7', Т 7! Как выше, но X с имплицитным смыслом „INCEP”
 (26) *Борис заплакал – Da weinte Boris*

4.3.2. В транслятах 8 и 9 соответствующий показательный контекст дан уже в русском языке. В Т 8 встречаются те же выражения, как и в Т 7.

- Т 8 $X^X = +insep \leftarrow -at \{Af^{insep}(V) \xrightarrow{-2} V\}_{pf} = V \xrightarrow{-at} X^X = +insep$
 (27) *Борис вдруг заплакал – Boris weinte plötzlich* (если нестатально)

4.3.3. В транслятах 9 при союзной или бессоюзной координативной связи и в условиях временной ограниченности предшествующего глагола ('+ результат') возникает некая вероятность начинательного осмысления немецкого глагола.

- Т 9а³ $1V^{+X} \xrightarrow{-at} Conj^{co} \xrightarrow{-2} \{Af^{insep}(2V) \xrightarrow{-2} 2V\}_{pf}$
 $= 1V^{+X} \xrightarrow{-at} Conj^{co} \xrightarrow{-2} 2V$
 | если x = 'результат' (и т.п.)
 (28) *Борис проснулся и заплакал. – Boris wachte auf und weinte.* [= нестатально из-за энциклопедического знания, что „во сне не плачут”]
- Т 9б³ $1V^{+X} \xrightarrow{-co} \{Af^{insep}(2V) \xrightarrow{-2} 2V\}_{pf} = 1V^{+X} \xrightarrow{-co} 2V$
 | если x = 'результат'
 (29) *Борис проснулся, заплакал. – Boris wachte auf, weinte.* [стиль отрывист]

- Т 9в³ русск.: без союза; нем.: с союзом
 (30) *Boris проснулся, заплакал. – Boris wachte auf und weinte.*
- Т 9б⁴ $1S \xleftarrow{-1} 1V \xrightarrow{2S} \xleftarrow{-1} \{Af^{incip}(2V) \xrightarrow{-2} 2V\}_{pf}$
 $\xrightarrow{-co}$
 $= 1S \xleftarrow{-1} 1V \xrightarrow{2S} \xleftarrow{-1} 2V$
 $\xrightarrow{-co}$
- (31) *Mutter вышла, Boris заплакал. – Die Mutter ging hinaus, Boris weinte.*
- Т9б⁴
 +7 (32) *Mutter вышла, Boris заплакал. – Die Mutter ging hinaus, schon weinte Boris.*

4.3.4. Благодаря временному уравниванию (напр. не плюсквамперфект и перфект) в сложноподчинённых предложениях Т 10 получается даже однозначное начинательное осмысление.

- Т 10¹ $Conj^X \xrightarrow{-2} 1V^y \{Af^{incip}(2V) \xrightarrow{-2} 2V\}_{pf} = Conj^X \xrightarrow{-2} 1V 2V$
 $\xleftarrow{-at}$ $\xleftarrow{-at}$
- | если x='причина'; y='результат', в т.ж. времени
 (33) *Так как Борис упал, он заплакал. [IdConj] – Weil Boris hinfiel, weinte er. [= нестатально]*
 [Conj $\xleftarrow{-2}$ 2V: ибо 2-ой актант]
- Т 10² $1V^y \xrightarrow{-at} Conj^X \xrightarrow{-2} \{Af^{incip}(2V) \xrightarrow{-2} 2V\}_{pf}$
 $= 1V \xrightarrow{-at} Conj^X \xrightarrow{-2} 2V$
- | если x='следствие'; y='результат', в т.ж. времени
 (34) *Борис упал, так что он заплакал. [IdConj] – Boris fiel hin, sodaß er weinte. [= нестат.]*

5. Рассмотрим некоторые примеры из упомянутой статьи, пытаясь подыскать по одной, по возможности главной, причине переводческих прёмов. При обсуждении альтернатив ($\Rightarrow$) часто наблюдаемый факт лексических лакун (отсутствие приставки и т.п.) специально не упоминается. Скобки [ ] указывают на опущенные ради краткости несущественные части контекста (при этом немецкий субъект может неестественно оказаться за глаголом); многоточия обозначают опущения Раевского. Не во всех случаях некороткие в общем примеры представляют надёжную основу для оценки, вследствие чего в большей степени должна использоваться догадка.

- (35) „... он попробовал голос и *запел* какой-то романс... (А. Чехов)
 – er versuchte etwas zu singen und *stimmte* eine Romanze an...”
 (Раевский 1994: 19). [= T 1, но: V^{ingress}, ибо 2-ой актанта обозначает вообще музыку]
 ⇒ не T 2 (в сохранённом контексте): *er erprobte [die/] seine Stimme und begann eine Romanze zu singen*; так как дано менее обычное, краткое выражение (с необходимостью изменения прекоконтекста).
- (36) „[ ] я *заболел* малярией (В. Астафьев).
 – [ ] *erkrankte* ich an Malaria” (*там же*). [= T 1]
 ⇒ не T 4: *wurde... *an Malaria krank*; так как это прилагательное не управляет 2-ым актанта.
- (37) „...потом девочка *задышала* и стала реветь. (М. Булгаков)
 – ...das Mädchen *begann zu atmen und weinte* los” (*там же*, 20). [= T 3]
 ⇒ не T 7: *das Mädchen atmete wieder und begann zu weinen*; так как эксплицитное однозначное выражение начинательности существенно.
- (38) „Екатерина Ивановна [ ] *захохотала*. (А. Чехов)
 – [ ] *brach* Jekaterina Iwanowna in Gelächter aus” (*там же*, 21). [= T 3: V^{+magn}, V^{ingress operl magn}, S^{o magn}]
 ⇒ не T 2 плюс расщепление глагола: *begann... laut zu lachen*; так как выбор слов слишком обычен.
- (39) „[ ] *заволновалась* Надя... (А. Чехов)
 – [ ] Nadja wurde [ ] *aufgeregt*” (*там же*, 22)². [= T 4]
 ⇒ не T 2: *begann sich aufzuregen*; так как значение неоднозначно (также разг. 'слегка возмущаться').

2 Полный пример подлежит более сложному анализу; получается следующая цепь парафраз: (0) – *Ах, Боже мой, – заволновалась Надя...* (1) – *Ах, Боже мой, – сказала Надя, ~заволновавшись...* (2) – *Ах, Боже мой, – сказала Надя ~и [при этом] заволновалась...* (3) – *Ах, Боже мой, – сказала Надя *и стала [совсем] взволнованной.* (4) „*Ах, Боже мой.*” *Надя *стала совсем взволнованной.* = (4) “*Ach, mein Gott!*” *Nadja wurde ganz aufgeregt.*

- (40) „...он успокоился *и зажил* по-прежнему (А.Чехов)
 – ...da beruhigte er sich *und lebte wieder* wie früher” (*там же*, 30).
 [= T 9a³! +7: X⁺ insep = Adv^{red} (*wie früher*)]
 ⇒ не T 2: [*Er*] *begann wie früher zu leben*; так как вставка глагола *beginnen* чересчур обстоятельна.
- (41) „Роженица открыла глаза, заломила руки *и вновь застонала* жалобно и тяжело” (М. Булгаков)
 – Die Kreißende öffnete die Augen, rang die Hände *und stöhnte wieder* kläglich und langgezogen” (*там же*).
 [= T 9a³ + 8]
 ⇒ не T 2: *begann wieder kläglich und [bedrückt//] langgezogen zu stöhnen*; так как эксплицитное выражение с помощью фазового глагола излишне.
- (42) „...потом на глазах *заблестели* слёзы, она заволновалась (А.Чехов)
 –...und dann *funkelten plötzlich* Tränen in ihren Augen, sie war erregt” (*там же*, 31). [= T 9b⁴! +8 +7] (ср. статическую передачу последующего приставочного глагола)
 ⇒ не T 2: *dann begannen... zu [glänzen/] funkeln*; так как глагол *beginnen* вызывает представление какой-то длительности процесса.
- (43) „...лавка вздрогнула, с полок повалились жестянки карамели, *зазвенели* выбитые стёкла, забарабанило по полу (М.Горький)
 –...der ganze Laden bebte, die Blechdosen mit Bonbons fielen von den Brettern, zerbrochene Fensterscheiben *klirrten*, und alles polterte auf den Fußboden” (*там же*, 33) [= T 9b⁴]
 ⇒ не T 2: *begannen zu klirren*; так как выделение начинательности коммуникативно излишне (и стилистически нарушает параллельность выражений).
- (44) „Он ласково поманил к себе спица и, когда тот подошёл, погрозил ему пальцем. Спиц *заворчал*. Гуров опять погрозил (А.Чехов)
 – Freundlich lockte er den Spitz zu sich heran, und als dieser kam, drohte er ihm mit dem Finger. Der Spitz *knurrte*. Gurow drohte ihm wieder” (*там же*, 35). [= T 9b³]

⇒ не Т 0: *knurrte auf*; (не столько из-за нежелаемого значения однократности, сколько) из-за неудобной стычки фразовых ударений (*auf/Gurōw*).

⇒ не Т 2: *begann zu knurren*; чтобы уменьшить употребительность этого фразового глагола.

- (45) „[ ] *zastōnal* человек, когда я начал растирать его руки (М.Горький)
– [ ] *stōhnte* der Mann, als ich anfing, ihm die Hände zu reiben” (*там же*, 34)³. [= Т 10¹, после имплицитного осмысления временного союза как каузательного]
⇒ не Т 2: *der Mann begann zu stöhnen, als ich anfing...*; так как предшествование коммуникативно неважного синонима некрасиво.

6. В рамках настоящей статьи мы воздерживаемся от замысла набросать алгоритм перевода рассмотренных русских приставочных глаголов и ограничиваемся указанием на то, что в случае коммуникативной неважности предпочитается неявная передача значения начинательности – значения, которым в системе русского языка нагружено немало глаголов, выражающих требуемый в тексте совершенный вид.

ЛИТЕРАТУРА

- Апресян, Ю.Д.
1974 *Лексическая семантика. Синонимические средства языка*, М. 1974.
- Вирт, Д.
1991 *Попытка модификации лексических функций в Толково-комбинаторном*

3 В полном контексте приставочный глагол употребляется в регулярном метонимическом смысле 'сказать {стоная}': „– Чёрт побери – тише! – застонал человек, когда я начал растирать его руки.” Такой контекст сам по себе исключает статальное осмысление глагола *stöhnen*: “«Zum Teufel noch mal – vorsichtig!» stöhnte der Mann [ ].”

- словаре русского языка, „Русский язык за рубежом”, 1991: II: 68-73.
- Мельчук, И.А.
1974 *Опыт теории лингвистических моделей „Смысл ↔ Текст”. Семантика, синтаксис, М. 1974.*
- Мельчук, И.А. и Жолковский, А.К.
1984 *Толково-комбинаторный словарь современного русского языка. Опыты семантико-синтаксического описания русской лексики, Вена 1984.*
- Раевский, М.В.
1994 *Глаголы начинательного способа действия в русском языке и соответствующие им средства выражения начинательности в немецком языке, в: Сопоставительное изучение немецкого и русского языков. Грамматико-лексические аспекты, ред.: В.Гладров, М.В.Раевский М. 1994: 17-38.*

ABSTRACT

Based on a modified concept of the “Meaning ↔ Text” – model (see Mel’čuk, Apresjan et al.), the author tries to plead for a linguistic foundation to translation theory. In most cases translation can be thought of as an unsuccessful effort of structure-saving substitution and a following successful effort of structure-changing paraphrasing – already in the realm of the mother-language. For illustration the author uses Russian-German material, presented in an article by M.V.Raevskij: Russian verbs with the prefix “za-”, expressing the meaning of beginning, and various types of German translation. In order to determine the position of the units in the interlingual Deep Syntactic Structure, especially in the interlying combinatory dictionary, a formal description of the Russian-German inventory is given. Finally the probable reasons for the given cases of paraphrasing translation are looked for – beginning with the local and immediate reasons.

MAGYAR LEXIKAI EGYSÉGEK FORDÍTÁSA LENGYEL NYELVRE ÉS A BILINGVIZMUS KÉRDÉSE

Wiesław Tomasz Stefańczyk

A címben említett kétnyelvű magyar-lengyel jelenség azokat a Magyarországon élő lengyeleket illetve lengyel származású személyeket illeti, akik a mindennapi életben felváltva használják a két nyelvet.

A magyarországi lengyelek kétnyelvűsége generációs különbségeket mutat: a Lengyelországban születettek és nevelkedettek esetében a lengyel nyelv megmarad anyanyelvnek, míg a magyart csak második nyelvként használják. Magyarországon született és nevelkedett utódaik nagy részének viszont kommunikációs eszköze és anyanyelve a magyar, a lengyel nyelv csak másodrendű szerepet tölt be életükben. Ebből következően a lengyelnyelvű személyekre csak kis mértékben hat ki a magyar nyelv, kizárólag a személyes idiolektusban mutatható ki. Ugyanakkor a magyar anyanyelvű generáció lengyel nyelvének minden nyelvrendszeri szintjére kihat; jól megmutatkozik ez a jelenség a szókincsben is, a továbbiakban erről kívánok megjegyezni egy pár gondolatot.

A Magyarországon élő lengyelek beszédében az alapszókincsüket alkotó lengyel szavakon kívül jelentős szerepet tölt be a magyar szókészlet.

A magyarországi lengyelek nyelvében viszonylag kevés eredeti magyar szó és kifejezés szerepel (pl.: bácsi, néni, gazember stb.). Ezzel ellenben számos "rejtett" hungarizmus van használatban. A "rejtett" hungarizmus meghatározás alatt olyan új lengyel szavakat és kifejezéseket értek, melyek vagy tükörfordítás útján keletkeztek, vagy a magyar minta hatására többjelentésű szavakká váltak.

A "rejtett" hungarizmusokon belül két csoportot különböztethetünk meg: aszemantikus tükörszavakat és szemantikus tükörszerkezeteket.

A következő példák illusztrálják ezt a jelenséget:

1. Szemantikus tükörszavak:

chłopiec – fiú (l. syn): chłopiec poszedł do szkoły; mam dwóch chłopców;

<i>dziewczyna</i> –	vkinek a lány (l. córka): ta pani ma jedną dziewczynę; ona ma dwie dziewczyny, jedna prawo studiuje;
<i>dziewczynka</i> –	kislány (l. dziewczyna): dziewczynka strona daje połowę i Laci daje połowę; ona była bardzo ładna dziewczynka;
<i>kwadrans</i> –	negyed (l. ćwiartka, ćwierć kilo); trzeba dodać kwadrans pomidorów; można też wkroić kwadrans jabłka;
<i>oryginalnie</i> –	eredetileg (l. pierwotnie, uprzednio, poprzednio); oryginalnie ten kwiatek tam stał; oryginalnie byliśmy w tamtym budynku;
<i>oryginalny</i> –	eredeti (l. pierwotny, uprzedni, poprzedni): oryginalne znaczenie tego słowa było “w oku”;
<i>prosić</i> –	kér (l. zamawiać, życzyć sobie, żądać): tyle tysięcy za pogrzeb proszą; teraz bardzo dużo za robotę proszą: co prosisz?;
<i>program</i> –	program (l. plan, zamiar): nie wiem, jaki mama ma program na jutro; nie wiem, że jaki ma pan program na dzisiaj;
<i>przychodzić</i> –	jön (l. przyjechać, przybyć): przychodzili z Niemiec; teraz będą przychodzić z Krakowa;
<i>punktualnie</i> –	pontosan (l. dokładnie); tak punktualnie nie wiem powiedzieć; punktualnie nie pisze, że gdzie mieszkają; tak punktualnie nie zrozumiałam cały list;
<i>punktualny</i> –	pontos (l. dokładny): tam nie jest punktualny adres, ale zawsze można coś o nich wiedzieć; tam nie ma punktualnego znaczenia;
<i>sobie</i> –	maga, itt: magának (l. panu): życzę sobie wszystkiego dobrego; sobie kupiłam, ja mam;
<i>wiedzieć</i> –	tud (l. umieć, potrafić): tak punktualnie nie wiem powiedzieć; nie wiem tak przetłumaczyć;

2. Szemantikus tükörszerkezetek:

<i>kolonia polska</i> –	lengyel kolónia (l. Polonia): kolonia polska na Węgrzech jest bardzo mała; jest taki ksią-
-------------------------	--

	zek o koloniach polskich w świecie; tu nie, ale Budapeszcie kolonia polska ma stowarzyszenie;
<i>lustro jajko</i> –	tükörtojás (l. jajko sadzone): zawsze robię mu na śniadanie lustro jajko; on nie zje lustra jajka;
<i>mieć prawdę</i> –	vkinek igaza van (l. mieć rację): mama, masz prawdę; on lubi zawsze mieć prawdę; ona też z tych, co zawsze mają prawdę;
<i>polska kobieta</i> –	lengyel nő, lengyel asszony (l. Polka): była tam też jedna polska kobieta; ona jest polska kobieta;
<i>polski kraj</i> –	Lengyelország (l. Polska): my poznali polski kraj; oni były w polskim kraju;
<i>polski mężczyzna</i> –	lengyel férfi (l. Polak): był u nas jeden polski mężczyzna; polskie mężczyźni śpiewali;
<i>porządek słów</i> –	szórend (l. szyk, porządek linearny): od porządku słów zależy nastrój zdania; on stosuje dobry porządek słów;
<i>węgierski kraj</i> –	Magyarország (l. Węgry): węgierski kraj jest mniejszy;
<i>włoski kraj</i> –	Olaszország (l. Włochy): cały miesiąc zwiedzaliśmy włoski kraj; ona do włoskiego kraju chce pojechać;
<i>włoski mężczyzna</i> –	olasz férfi (l. Włoch): ona poznała tam jakiegoś włoskiego mężczyznę.

A fentebb említett példák alapján megállapíthatjuk, hogy a magyarországi lengyelek szókincse folyamatosan bővül magyar szóképzési minta segítségével alkotott lengyel eredetű szavakkal.

Érdemes megjegyezni, hogy a más nyelvkörnyezetben alakuló lengyel kolóniák nyelvében fordított fejlődést figyelhetünk meg: sokkal nagyobb számú a befogadó ország szókészletéből való kölcsönzés.

Fel kell tennünk a kérdést: Mi okozza Magyarországon ezt az egyedülálló jelenséget? Elképzelhető oka lehet az a tény, hogy az itt élő lengyelek és utódaik már elválaszthatatlanul kötődnek a magyar kultúrához és mentalitáshoz, így a hermetikusan zárt magyar nyelvhez is, melyben a nyelv tisztasága különösen fontos és e tisztaság őrzésének hagyománya egészen a Nyelvújítás koráig nyúlik vissza.

IRODALOM

Akadémiai kislexikon

1990 *Akadémiai kislexikon, 2. kötet*, Budapest 1990.

Bihari, G.

1995 *Lengyel-magyar lexikai ekvivalenciák az idegen szavak terén (elemzési kísérlet)*, in: "Polono-Hungarica", szerk.: J.Bańcerowski, Budapest 1995: 66-75.

Gedeon, M.

1995 *Lengyel-magyar interferencia*, in: "Polono-Hungarica", szerk.: J.Bańcerowski, Budapest 1995: 85-88.

Lengyel-magyar szótár

1985 *Lengyel-magyar szótár*, szerk.: T.Csorba, Budapest 1985.

Magyar-lengyel szótár

1968 *Magyar-lengyel szótár*, szerk.: J.Reychman, Budapest 1968.

Sękowska, E., Dubisz, S.

1990 *Typy jednostek leksykalnych w socjolektach polonijnych (próba klasyfikacji i definicji)*, in: *Język polski w świecie*, szerk.: W.Miodunka, Warszawa-Kraków 1990: 217-233.

Słownik wyrazów polonijnych

1988 *Słownik wyrazów polonijnych. Zeszyt próbny*, szerk.: S.Dubiasz, Warszawa 1988.

Szydłowska-Ceglowa, B.

1992 *Przemiany języka polskiego na emigracji. Mechanizmy i tendencje*, in: *Polonia w Europie*, szerk.: B.Szydłowska-Ceglowa, Poznań 1992: 177-208.

ABSTRACT

The vocabulary of the Hungarian Polonia Community is characterized by a relatively small number of words borrowed directly from Hungarian (ex.: bácsi uncle, mister, néni aunt, madam, lady etc.) and also by a large number of so called “hidden Hungarianisms”: that is to say Hungarian words, expressions, and word formations that are translated directly into Polish. In the lexical system of the Hungarian Polonia Community it is possible to distinguish two groups of “hidden Hungarianisms”:

1. Semantically borrowed words:
punktualny – exact, precise, Hung.: pontos, Pol.: dokładny: to nie jest punktualna informacja;
2. Semantically borrowed word formations;
mieć prawdę – to be right, Hung.. vkinek igazá van, Pol.: mieć rację: mama, masz prawdę.

Thus the vocabulary system of the Hungarian Polish Community is expanding through this process of borrowing Hungarian words and word formations.

This characteristic distinguishes the language of the Hungarian Polonia Community from the Polish language spoken in other Polonia communities, where the influence of the host country's language produces a large number of directly borrowed words.

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ПЕРЕВОДА
ПАРНЫХ СЛОВ В ПРОИЗВЕДЕНИИ
В. РАСПУТИНА

Imre Pacsai

При сравнительном и сопоставительном исследовании парных слов, обнаружилась их типичность для великорусской народной речи, что подтвердилось как в плане лексикологии, так и при трактовке стилистики великорусской народной речи.

Изучение парных слов в русском языке может обогатить наши знания об этой специфической категории, являющейся малоразработанной в области славистики из-за её неславянских свойств. Объективный анализ изученной категории способствует исследованию ареальных и стилистических вопросов, связанных с ней, а также касается и отрасли прикладной лингвистики.

Сравнительное изучение парных слов потребовало подхода индуктивного характера за недостатком трудов, трактующих данную категорию, поэтому было необходимо собрать материал, соответствующий требованиям научного исследования.

Великорусский фольклор, для которого преимущественно характерно применение парных слов, оказался неисчерпаемым источником при исследовании.

При анализе текстов по стилистическому аспекту фольклорных произведений наблюдались общие признаки языка фольклора и русской народной (разговорной) речи, что подтверждается трудами Е.А. Земской (1973), И.Б. Голуба (1976) и Д.Э. Розенталя (1974).

Изученные нами парные слова употребляются не только в русских народных песнях и сказках, но и выступают в роли стилистического средства народной речи и в литературных произведениях совместно с другими признаками „сниженного стиля”.

Повесть В. Распутина *Прощание с Матёрой* верно изображает жизнь-бытьё русской деревни в сибирской глуши, в ней звучит речь простолюдинов маленькой деревни, сохранившей избы, традиции и говор отцов-дедов, жителей острова Матёра.

Сергей Залыгин, знаменитый писатель, коренной сибиряк, с восхищением отзывается о реализме Распутина, которого считает одарённым продолжателем традиций русского повествовательного жанра – повести.

Залыгин, говоря о языке В. Распутина, называет его исконно народным и русским. Автору удаётся создать *colour local* деревни на Ангаре, без которого невозможно представить себе героев повести и который образует органическое единство с сюжетом.

В языке повести есть все признаки русской народной речи, установленные Д.Э. Розенталем:

1. *Фонетика* (произношение):

А *ишо* этот (...) телехон займей... (1983: 17)¹, поговорело; и опеть на боковую (*там же*), Это я *щас* запустила (1983: 38), Она *щас* куды-то убежала (1983: 81), Дак оно, конечно бы, лутче некуды (1983: 144), Про твою грамоту *ништо* не *говарю* (1983: 90), Пустите *севодни* к себе” (1983: 108), *Назадь* поедешь нет? У тебя *должон* быть (1983: 59), Матька не *седни-завтри*. Ты *отсель* так не уйдёшь (1983: 21), Это *откуль* такая божья коровка (1983: 75), Прости, *осподи!* (1983: 19).

2. *Морфология*:

а) нестандартные глагольные формы:

Не *хочете* уходить, *хочете* гореть (1983: 41), И *хоронют* оне нас, плачут (1983: 70), *Седни* думаю: а ить оне с меня *спросют* (1983: 29), А ежели воду *пустют* (1983: 39), А без нас оне скорей *старются* (1983: 70), Поверх земли не *бросют* (1983: 117);

б) постпозиционные артикли:

Ты *приплылы-то* (1983: 144), Когда *назад-то* ждать (1983: 100), Как *быть-то* мне (1983: 120), *Поди-ка* жили (1983: 95), *Егор-то!* (1983: 139), Кем *поехала-то?* (1983: 141), Да *сюды-то* поехала? (*там же*), *Твою-то* из твоева огорода (1983: 143), Ты *самовар-то* увезла? (*там же*), *Свою-то* нельзя (1983: 39);

в) энклитические формы личных местоимений:

Я *те* щас закурю. [*тебе*, I.P.] я *те* щас головешкой в рожу закурю (1983: 59), А ну утешайся *отсель*, *покупь* я за *тя* не

1 *Здесь и ниже курсив мой*, I.P. Цит. по: Распутин 1980, 1983.

взялась. [*тебя*, И.П.] Чё натворили?! [*что*, I.P.] (1983: 21), Я *тя* зажигателя, шас поверу (1983: 59);

г) отсутствие начального „н” в косвенных падежах у личных местоимений:

С *им* грешно, а без *его* тоскливо (1983: 19), *Над ей* звёздочка покрашенная была (1983: 31), Хошь испечался *об ём* (1983: 69);

д) нестандартные формы сравнительной степени:

Он тебе камень *поболе* привязал на шею. А ишо *чудней*, как у нехристей (1983: 17), Нет, пора помирать, *дале* ходу нету (1983: 117), А *хужей* того – зиится стала (*там же*), Я *раньше* навроде не злая была (*там же*);

е) окончание на „у” в родительном падеже у существительных мужского рода:

Без чаю-то худо (1983: 30), На будет тебе никакого *самовару* (*там же*), её без *догляду* потеряли (*там же*), Сын с *городу* железную тумбочку привёз (1983: 31), А откуль-то брал по кусочку *сахару* (*там же*), Никакого *скусу* (1983: 18), У какого человека *духу* хватит (1983: 21), Хошь топись от *позору* (1983: 23);

ж) другие нестандартные формы:

Радиу разведёт, *радиа* у нас там своя, и слушат, слушат (1983: 17), Помнишь у нас *ребяты* были (1983: 51), Всё *какую-то* сладовсть в ей роте (1983: 87), Золотые руки у *твоево* Петрухи (1983: 68), Всех нас, девка, пересаживают, не *однуге* тебя (1983: 17), Вам не тут жалеть, *об чём* плакать (1983: 87).

3. *Лексика*:

Дак а мы без *картофки-то* как будем? (1983: 52), Всю *жисть* ты так (1983: 66), Недолго *суседки*. *Надоть* трогаться (1983: 53), *Пуццай* тепло останется (1983: 49), Ой какой *страм* (1983: 112), *Кажин* день буду смотреть (1983: 54), Косить то *нонче* будете, нет (1983: 39), На что *жалобились* (1983: 73), Он же не *немтырь* а молчит (1983: 15), Ты *супротив* меня совсем молоденькая. Евои чё *творят* (1983: 39), *Попеда* не сидит (1983: 87).

4. *Деривация* :

а) словообразование (экспрессивные суффиксы);

б) словосложение – парные слова.

В состав стилистических признаков входят и парные слова, которым присущи исконный русский характер и которые считаются в трудах В.П. Фелицыной и В.М. Мокиенко (1990) типичными как для фольклора, так и для народной речи.

При дефиниции парных слов (сочинительных сложений) А.Л. Семенов (1985) пользуется терминами, известными в грамматиках уральских и алтайских языков, подчёркивая независимость и разноправие компонентов конструкции.

В повести В. Распутина наблюдаются все типы и подтипы изученной категории:

1. *Повторы:*

а) тождественные полные:

долго-долго (1983: 133), вот-вот (1983: 3), пытко-пытко (1983: 142), долгие-долгие (1983: 86);

б) тождественные неполные:

мать-перемать (1983: 50), мало-помалу (1983: 86), мало-мальску (1983: 121), шель-шевель (1983: 49), запил-пиликал (1983: 75), давным-давно (1983: 58).

2. *Сложения, состоящие из компонентов с самостоятельным значением:*

а) синонимического типа:

худо-бедно (1983: 13), в целостности-сохранности (1983: 35), любо-дорого (1983: 31), не всякого-каждого, в ночь-полночь, житьё-бытьё (1983: 41), небывалое-неживалое;

б) суммарного типа:

два-три, девица-молодица, голодом-холодом, кормилась-поилась, извини-подвинься, туда-сюда, взад-вперёд, туда-обратно, отцову-дедову, отца-матери, через пень-колоду, о руках-ногах, сегодня-завтра, седины-завтри, родом-племенем, цветочках-лепесточках, море-океане, три-четыре.

Стилистическая и семантическая функция парных слов

Основная функция парных слов – семантическая, т.е. обозначение новых понятий сложением частных значений компонентов. При помощи парных слов выражается повторяемость или длительность действия, усиление, мера, обобщение, суммирование.

А.А. Потебня (1899), Г.Х. Ахатов (1981), А.Л. Семенов (1985) подчёркивают их древний характер и способность выполнения различных семантико-синтаксических функций.

Специфическая функция парного слова сочетается с сжатостью, с лаконическим выражением сложного понятия, либо сложной ситуации, изображаемой в речевом плане, что лежит в основе трудности их перевода.

Словами Залыгина, оправдывающего применение стилистических приёмов, используемых в повести В. Распутина, объясняется степень трудности перевода. „Само собою разумеется, что не будь у Распутина своего языка, не было бы и его, нынешнего писателя. Да, язык у него свой, неповторимый, а в то же время – глубоко национальный, русский”.

Вышепредставленные стилистические средства, применяемые в языке повести, создавшие *colour local* русской деревни, крестьянской речи, создаёт немало трудностей при переводе.

Ева Харшани старается избегать нарушения литературных норм, поэтому меньше пользуется при переводе средствами „просторечия”. Она не подражает творческим приёмам Жигмонда Морица, который не раз нарушает правила орфографии и орфоэпии, лишь бы изобразить венгерский крестьянский говор.

Переводчик избегает профанизации. На Ангаре не может звучать ни говор Сегеда, ни северных краёв Венгрии. Применений так называемых „народных мотивов” сравнительно мало.

Я замуж-то выходила, ты *кто* была – оглянись-ка! Ты *ишо* без рубашонки бегала (1983: 14).

Настроение текста, нагруженного стилистическими средствами „сниженного стиля”, передаётся одним словом, акцентирующим венгерский крестьянский говор.

Én már férjhez mentem, te meg, gondolj csak vissza, pendelyben szaladgáltál (1980: 9).

Слово “pendely” придаёт речи *colour local* деревни.

Ишь, усталился, *немтырь*, как гвоздь (1983: 15).

Nézzétek csak, hogy ráammeredt ez a *kuka* majd átszúr a szeme

При эквиваленции лексики в стилистическом плане устанавливается равновесие стиля в цитируемом предложении. Синонимы слов „немой” “néma”, относящихся к сниженному стилю „немтырь” “kuka”, содействуют эффективности перевода.

Стилистические свойства, относящиеся к отрасли фонетики и морфологии, передаются в лексическом плане сдержанно и с успехом.

И весь кровью изошёл. Целый таз *кровушки* (1983: 16). Csak úgy omlott a vére. Egész tál *csurig* tele lett vérrel (1980: 12).

А Егор в это время *ковылял* по другой стороне улицы... (1983:

16). Jegor meg eközben ott *baktatott* az utca túoldalán ... (1980: 13).

Будешь на своей городской *фукалке* в кострольке греть (1983:

18). Lábasban teszed föl a teát a városi *parhelten* (1980: 17).

– Чё-то Богодул седни не идёт. – Уж, поди-ка, на подходе где (1983: 19). – *Hogyhogy* Bogodul nem jön ma? – Bizonyára *bóklászik* valamerre (1980: 17).

Немало затруднений возникает при переводе парных слов, сжато обозначающих понятия и ситуации в повести. Несмотря на трудности перевода, парные слова содействуют эффективному переводу, сохранению стилистических свойств произведения. В чём заключается это на первый взгляд непримиримое противоречие?

При трактовке стилистических признаков сниженного стиля, применяемого в повести, нам стала ясна насыщенность текста этими конструкциями, типичными для народной речи.

Парные слова выступают в качестве канала уравнивания экспрессивности речи. При переводе наблюдается стремление к сохранению формы сложения, что в большинстве случаев не представляет особых трудностей для переводчика. В составе парных слов русского языка имеется сравнительно большое количество параллельных с венгерским языком конструкций: жил-был (él-van [D. Fokos]), грусть-тоска (búbánat), пить-есть (eszik-iszik), трудно-тяжело (kínnal-keservvel), крест-накрест (keresztül-kasul, össze-vissza), полным-полно (telis-teli), давным-давно (régés-régen), так-сяк (így-úgy), там-сям (itt-ott), такой-сякой (ilyen-olyan), руки-ноги (keze-lába).

Эквиваленция конструкций (парных слов)

Слабые и тонкие, дальние в *пятом-шестом* колене, сучки отвалились и упали (1983: 129). A gyenge, vékony, ötödik-hatodik nemzedéki ágak letördeltek, lehulltak.

Что велась в Матёре *долгие-долгие* годы (1983: 85). Amely hosszú-hosszú éve folyt Matyorán (1980: 125).

Будьто это было *давным-давно* (1983: 58). Mindez mintha már réges-régen így lett volna (1980: 81).

Взадь-вперёд! Взад-вперёд! (...) Прямо непроворот (1983:95). *Ide-oda. Előre-hátra!* Moccanni sem lehet (1980: 142).

Избу нашу, тятка, не *седни-завтри* тоже (...) тоже гуды (1983: 125). A házunkat, édesapám, *maholnap* szintén (...) szintén oda ... (1980: 193).

В случае перевода следующего предложения наблюдается более совершенная форма сжатости, выраженной венгерским сложением, где префиксы выступают в роли компонентов конструкции:

Андрей без терпения, пока бабушка собирала на стол, шил *туда-обратно* из избы во двор и со двора в избу (1983: 76).

Andrej türelmetlenül járkált *ki s be*, amíg a nagyanyja ebédhez terített (1980: 110).

Здесь переводчик мог бы использовать сложение вместо словосочетания *ki-be*, не нарушая правила венгерского правописания. Применением сложения, состоящего из приставок, в венгерском языке полностью обозначается конкретное направление движения. Это подтверждается более короткой формой венгерского предложения. Венгерская конструкция более лаконично передаёт смысл т.е. направление и характер действия. В этом сложении в роли компонентов выступают префиксы *ki+be*. Русская конструкция *туда-обратно* шил (шёл) не сообщает конкретного направления движения, а даёт лишь абстрактную информацию.

Стремление переводчика к сохранению и применению данных конструкций подтверждается и созданием индивидуальных словоформ, что не является нарушением закономерностей венгерского языка. Принцип аналогии допускает индивидуальное словотворчество, о чём свидетельствуют труды Й. Келемена (1939), Д. Паиша (1951), Д. Семере (1977).

- *Извини-подвинься*, – возмутился Петруха (1983: 75).
- *Elnézést-felnézést* – haragudott meg Petruha (1980: 109).

Применение близкого по смыслу эквивалента и структуры сложения при переводе:

Вот так *худо-бедно* жила деревня (1983: 13). *Így élt hát a falu jól-rosszul.*

Сейчас эти сны бледно вспыхивали за окнами, как *дальние-предальные* зарницы (1983: 46). *Most halványan fel-felvillantak az álmok az ablakok mögött a messzi-messzi távolban* (1980: 62).

Использование парных слов в венгерском переводе без параллельного сложения служит повышению экспрессивности перевода:

Только обдерёшься и надсадишься без пути (1983: 78). *Összetöröd-zúzod magad oktanul* (1980: 112).

... под ноги себе никогда глануть ... будто кто гонится (1983: 83). *A lábuk alá nézni sincs idejük ... mintha űznék-hajtanák őket* (1980: 68).

Ты сри говори, да не заговаривайся (1983: 71). *Beszéj és ne csűrd-csavard* (1980: 101).

Ни соринки, ни хмуринки в огромном ярком-сухом небе, солнце звонкое, жаркое (1983: 49). *Makulátlanul, derűlten tündöklött-ragyogott a hatalmas, felhőtlen és* (1980: 66).

Обогащением текста-перевода парными словами без русского эквивалента выражается стремление к равновесию количества данных конструкций, ведь имеются в тексте повести русские сложения без венгерского эквивалента: „любо-дорого” (1983: 31), „житьё-бытьё”, „всякий-каждый” (1983: 41), „небывалое-неживалое” (1983: 56), „шиворот-навыворот” (1983: 40), „шить-крыть” (1983: 86), „целости-сохранности” (1983: 35), „родом-племенем” (1983: 127).

Анализируя один из признаков русской народной речи, мы столкнулись со сложными вопросами художественного перевода, ареальной и сопоставительной лингвистики. Стилистические вопросы повести В. Распутина трудно решать без глубокого анализа социолингвистики, без изучения признаков русской народной речи, служащих ориентиром при передаче семантических и стилистических оттенков текста литературного произведения.

ЛИТЕРАТУРА

- Ахатов, Г.Х.
1981 *Об основных принципах парных слов, „СРУ”*,
1981: II: 81-86.
- Голуб, И.Б.
1976 *Стилистика современного русского языка*, М.
1976.
- Земская, Е.А.
1973 *Русская разговорная речь*, М. 1973.
- Потебня, А.А.
1899 *Из записок по русской грамматике*, М. 1899: I-III.
- Распутин, В.
1980 *Isten veled, Matyora*, ford.: É. Harsányi, Európa
Könyvkiadó, Budapest 1980.
1983 *Прощание с Матёрой*, в: *Повести*, Беларусь,
Минск 1983.
- Розенталь, Д.Э.
1974 *Практическая стилистика русского языка*, М.
1974.
- Семенас, А.Л.
1985 *Некоторые особенности семантики сложения в
изолирующих языках*, М. 1985.
- Фелицына, В.А., Мокиенко, В.М.
1990 *Русские фразеологизмы*, М. 1990.
- Kelemen, J.
1939 *Szemponatok az ikerszók vizsgálatához*, M.-Ny.
XXXV (1939): 236-247.
- Pais, D.
1951 *Kérdések és szempontok a szóösszetételek
vizsgálatához*, 1951.

Szemere, G.
1977

Az ikerszó alakulása a szakirodalmakban, M.-Ny.
LXXIV (1977): 27-37.

ABSTRACT

Die nebengeordneten (copulative) Komposita, die ein typischer Stilzug der russischen Volkssprache sind, bekommen eine wichtige Rolle im Kurzroman von V. Rasputin. Die Ausdrucksweise dieses Werks schätzt Sergej Zalygin (1976) sehr hoch, da sie sich lebendig und wirklich volkhaft, national zeigt.

Im Kurzroman von V. Rasputin *Прощание с Матёрой* (1983) können alle von D.E. Rosental festgestellten Stilzüge aufgefunden werden, die russische Volkssprache charakterisieren. Im Laufe der Übersetzung des obengeschriebenen Werks hat eine bedeutende Rolle die Beachtung der volkssprachlichen Stilzügen zum Wiedergeben der grundlegenden Eigentümlichkeiten. Das Übersetzte ins Ungarische hat der Übersetzer einigermaßen schwer, da das Werk den Dialekt eines eigenartigen russischen Sprachgebiets, die Sprache des sibirischen Bauerntums formt. Die Anwendung von Copulativen Komposita, die sich als eine typische Eigenart auch in der ungarischen Sprache erweist, leistet eine Hilfe zur Gestaltung von *colour locale* des russischen Werks. Der Übersetzer bemüht sich während der Übersetzung die ungarischen Entsprechungen von russischen Komposita zu verwenden. Er will die Anzahl der aus der ungarischen Sprache fehlenden Strukturen aufbewahren. Aus diesem Zweck erreicht er so die passende Wirkung, daß die aus dem Russisch fehlenden Strukturen – nach dem Kontext – an anderen Stellen adaptieren.

Durch die Anwendung von Strukturen, die der stilistischen Funktion dienen, kann der Autor die Gefahr der Profanation vermeiden. Mit der Hilfe von einigennicht dialektischen Elementen und den Copulativen Komposita schuf er die ländliche Atmosphäre, ohne daß die russischen Figuren nach dem Dialekt in Süd-Ungarn, in Transdanubien oder in Nord-Ungarn sprechen.

Diese Funktion von Copulativen Komposita konnte sich dadurch durchgesetzt werden, daß sie in beiden Sprachen zu der volkssprachlichen Stilschicht gehören und so ermöglichen sie die Gestaltung dasselber Stimmung.

РУССКАЯ ПОСЛОВИЦА В ТЕКСТЕ И ПЕРЕВОДЕ

Endre Lendvai

1. Лингвистический статус пословицы

Пословица обладает противоречивым характером: поскольку её можно отнести к словарному составу (см. устойчивость, воспроизводимость), т.е. к языковой системе, будучи предложением, она является единицей речи и, наконец, она как мудрое народное изречение выступает в качестве прецедентного текста (ср. Костомаров и соавт. 1994: 73-76).

Пословица как единица словарного состава обладает, как правило, двумя ярусами семантического содержания: *прямым* и *переносным значениями*. Одновременное проявление двух семантических компонентов (что происходит благодаря структурной прозрачности или высокой степени лексической мотивированности) порождает как бы третий семантический ярус пословицы – *образность*. Иными словами, образностью называется активное взаимодействие прямого и переносного значений пословицы. Яркую образность могут придать пословицам языковые реалии типа (1) *самовар, пирог, блин, Тула, Москва* и т.д. (см. „В Тулу со своим самоваром не ездят.” „Не красна изба углами, а красна пирогами.” „Москва не сразу строилась.”).

Трёхкомпонентный характер семантики пословиц приводит к тому, что весьма трудно найти случаи полной эквивалентности пословиц в межъязыковом сопоставлении: (2) „Не всё то золото, что блестит” – англ.: “All is not gold that glitters”¹ (букв. Всё есть не золото, что блестит) – венг.: “Nem mind arany, ami fénylik” (букв. Не всё золото, что блестит).

Пословицы представляют чрезвычайную сложность в силу *семантических механизмов* (метафоризации), порождающих переносный смысл, и *формальных показателей* (ритмика, рифма), которые тесно взаимодействуют между собой. В русской пословице (3) „Не красна изба углами, а красна пирогами” наблюдается ритмо-интонационная кон-

---

1 Иллюстративный материал даётся по: Кузьмин 1989.

струкция, состоящая из двух параллельных частей с рифмой, служащая формальной оболочкой противительной синтаксической структуры. Это обстоятельство указывает на то, что фонетические, грамматические и семантические признаки пословицы образуют единое целое.

Порождение абстрактного значения пословицы удобно показать в двух этапах. В результате семантических трансформаций *красна* → „украшать”, *изба* → „крестьянский дом” достигается перефразировка исходной пословицы: „Крестьянский дом украшают не его углы, а пироги, находящиеся в нём”. За счёт перефразирования утрачена образность, имевшая место в словах-реалиях *красна* и *изба*. Данное преобразование примечательно с точки зрения переводческой тактики: подобный *внутрилингвистический перевод* может непосредственно подготовить акт межъязыкового перевода.

В результате процедуры второго этапа переносный смысл пословицы приобретает такой вид: „В семье важна не богатая обстановка, а гостеприимство хозяев”. Второй этап абстрагирования реализуется с помощью следующих семантических трансформаций: *крестьянский дом* → „семья” (метонимия), *украшать* → „важна” (метафора), *углы* → „богатая обстановка” (синекдоха), *пироги* → „гостеприимство хозяев” (метонимия). При этом нельзя не отметить специфику национального мышления в реализации лингвистических процессов. *Угол* (см. *красный угол*) символизирует „красочное внутреннее убранство крестьянского дома”. Синекдохический перенос приводит к семантической конденсации. *Пироги* как „элементы продуктов питания” метонимически указывают на „традиционное угощение в крестьянском быту”, более абстрактно – на „угощение вообще”, на „гостеприимство”.

Объём и многообразие лингвистической и энциклопедической информации, содержащейся в пословицах, будут показаны на примере пословицы (4) „Москва от копеечной свечки сгорела”. Вышеуказанные типы информации позволяют проинвестировать семантическую трансформацию „Столица России была разрушена пожаром, возникшем от дешёвой свечи”. Перефразировка основана на *экзистенциальных пресуппозициях*, фрагментах русского национального менталитета а) существование „Москвы как значительного”, б) существование „копеечной свечки как незначительного”.

„Гибель значительного от незначительного” в глубинной структуре пословицы приобретает форму назидательная мысль „Незначительная причина может привести к значительному бедствию”.

Лингвистическая информация, данная выше, дополняется энциклопедическими знаниями, которые усугубляют адекватное использование/восприятие пословицы: а) *В старину (в Москве) пользовались (копеечными) свечами.* б) *В Москве часто возникали разрушительные пожары.*

2. Пословица в тексте

В потоке (письменной) речи выделяются *катафорические* и *анафорические* элементы, синтаксически и семантически связанные с пословицей.

Статус прецедентного текста обнаруживается в конструкциях со значением *народного происхождения/характера*: (5) „Народ справедливо говорит: На Бедного Макара все шишки валяются. Все эти события могли действительно одно за другим навалиться на Шошина” (М. Бубенов, *Белая берёза; здесь и ниже курсив мой*, Е.Л.). Вводные конструкции указанного типа предвещают читателю/слушателю приближение *пословицы-цитаты*. Для показа аналогии пословицы с цитатой приводится текст, который демонстрирует паремиологическую единицу *in statu nascendi*: (6) „Театр есть театр. А детский он или взрослый – это не имеет значения. По Станиславскому, он «начинается с вешалки». Станиславский имел в виду, что даже вешалка в театре должна быть не такой как везде” (А. Алексин, *Действующие лица и исполнители*). Ссылка на крылатое выражение Станиславского снабжена в тексте как катафорическими, так и анафорическими элементами. Прецедентный характер пословицы усиливает позиции переводческого принципа *пословицу переводить пословицей*.

Существуют дополнительные дейктические средства, слова-индикаторы типа „(старая) (наша) (русская) пословица”, подтверждающие вышесказанное: (7а) „Прощай, Пётр. Служи верно, кому присягнёшь (...) и помни *пословицу*: береги платье снову, а честь смолоду” (А. Пушкин, *Капитанская дочка*). (7б) „Вот и я тоже, куда ни поеду, в театр ли, в клуб ли, всегда домой возвращаюсь. По *русской по-*

словице: в гостях хорошо, но дома лучше” (А. Островский, *Не от мира сего*).

Нередко встречается, что какие-то ключевые элементы пословицы повторно (анафорически) выступают в тексте: (8) „– Как говорится, на бога надейся, а сам не *плошай*. – А разве *плошаем*? – спросил Яворский (...) Что мы, *сложив руки сидим всё это время*?” В цитате выступают *анафора формальная* (плошаем) и *анафора семантическая* (сложив руки сидим). Последняя является толкованием контекстуального значения лексемы *плошаем*. Подобную расстановку номинативных и дефинитивных компонентов пословицы по праву можно назвать *микрконтекстом в ткани контекста*. Данный микрконтекст поддается определённым переводческим трансформациям. В виду того, что он содержит в себе *семантическую дубликацию*, „проблематичную” половину (чаще всего саму пословицу), в случае необходимости, можно и опустить в ходе перевода. Такой акт, разумеется, имеет свои последствия, с которыми переводчик, идущий на такую жертву, должен считаться.

Факты доказывают, что семантические дубликации, как правило, не приводят к избыточности текста, т.к. они выполняют важную коммуникативную роль. (9) „(а) Не сразу, сынок, Москва строилась. (б) И мы тоже не с того начинали, а все в мастера вышли. (в) Ты подожди, подожди” (Б. Горбатов, *Моё поколение*). Компоненты микро-текста (9) не равноценны в плане семантики. В (а) говорящий ссылается на авторитетную народную мудрость, чтобы подчеркнуть важность своей точки зрения, (б) является толкованием актуального значения пословицы, служащей веским аргументом. Наконец, (в) содержит в себе прагматическое значение (а) и (б), т.е. открытую попытку воздействовать на собеседника. Всё это убеждает нас в том, что опущения, указанные выше, приводят к существенной утрате информации.

3. Пословица в переводе

В поисках переводческой эквивалентности мы исходим из иерархии семантических компонентов пословиц (Лендвай 1988: 120), в которой в убывающем порядке учитываются её абстрактное, конкретное, образное и синтаксическое значе-

ния. В классификации способов и возможностей перевода пословиц мы рассматриваем следующие основные случаи:

3.1. Перевод с помощью эквивалента

(10) „Говорят, что *аппетит приходит во время еды*. Так случилось и с Матлахом: подсчитав осенью первые доходы и вкусив первые плоды от своего успеха, всё чаще и чаще стал произносить слово «мало»” (М. Тевелёв, *Свет ты наш, Верховина*).

They say *the appetite comes with eating*, and Matlakh certainly bore out the saying. As he reckoned up his profits in the autumn and tasted the first fruits of success, the word “more” was constantly on his lips.

Перевод с помощью эквивалента возможен при наличии пословицы переводящего языка, совпадающей с исходной пословицей в полном объёме своих семантических компонентов. Такова ситуация в случае пословиц, возникших в результате перевода-заимствования из общего языка-источника (чаще всего из латинского).

Практика показывает, что при наличии эквивалента в переводящем тексте могут быть отклонения в области слов-индикаторов, см. лексему *saying* в (10).

3.2. Перевод с помощью аналога

(11) „Батюшка сказал мне: «Прощай, Пётр. Служи верно, кому присягнёшь; слушайся начальников; за их лаской не гоняйся; на службу не напрашивайся; от службы не отговаривайся; и помни пословицу: *береги платье снову, а честь смолоду*»” (А. Пушкин, *Капитанская дочка*).

My father said to me: “Goodbye, Pyotr. Serve faithfully whom you have sworn to serve: obey your superiors, don't seek their favours: don't trust yourself forward for service, but don't shirk your duty; and remember the proverb: *Look after your clothes when they're spick and span, and after your honour when you're a young man.*”

Аналог подобного рода является *переводческой инновацией*, т.к. в паремиологической системе английского языка такой пословицы не существует. *Создание аналога* в переводящем языке всё же принимается за адекватный перевод,

потому что „квази-пословица” наделена рядом существенных признаков пословичного характера, см. семантическое тождество с исходной пословицей, назидательный смысл, рифма. Калькированные пословицы со временем могут занять своё прочное место среди афоризмов заимствующего языка. Калькирование удобно тем, что оно служит репродукцией оригинала, позволяющей воссоздать все необходимые элементы микроконтекста источника.

В случае наличия в переводящем языке пословиц-аналогов переводчик должен работать с учётом *синонимических блоков пословиц* обоих языков, напр. (12) рус. (а) „Первый блин комом”, (б) „Лиха беда начало”, (в) „Хорошее начало полдела откачало”, (г) „Всякое начало трудно” – англ. (д) “The first step is always the hardest/troublesome”, (е) “A good beginning is half a battle”, (ж) “Well begun is half done”, (з) “A good beginning makes a good ending”. Заметно, что *степень семантической близости* данных пословиц расходится как в межъязыковом, так и во внутрilingвистическом сопоставлении. Так, упор сделан на „*трудное начало*” в (а), (б), (г) и (д). Определённая близость наблюдается между (в) и (ж), а (з) стоит особняком, прогнозируя и „*положительный исход после положительного начала*”. Кроме коммуникативной близости рассматривается и лексемный состав (прямое значение) сопоставляемых единиц. Примечательно в этом плане, что данные синонимические блоки сравнительно бедны метафорическими средствами. Иначе говоря, большинство этих пословиц сформулировано на высокой степени абстракции, что влечёт за собой низкую степень их образности. Своей метафоричностью/образностью выделяется в первую очередь (а), см. *блин* → „*начало*”, *ком* → „*трудности*”. По степени метафоричности за ним следуют (б), (в), (д) и (е). Пословицы (г), (ж) и (з) практически лишены образности, ибо их прямое и переносное значения совпадают.

В отсутствии в микроконтексте слов-индикаторов возможности переводчика достаточно широки, потому что исключительным, решающим фактором является смысловая близость:

(13) „Казалось – стоит только построить клуб, украсить его – и всё переменится ... А всё осталось по прежнему ... (...) – Не обижайся. *Первый блин всегда комом*” (С. Антонов, *Дело было в Пенькове*).

I had seemed to her that once the club was built and decorated, everything must change. But alas, everything was as it had been. (...) "Don't take it to heart. *The first step is always troublesome.*"

Применение квази-пословицы (семантическая калька) нередко мотивируется намерением *создать национальный колорит* в рамках микроконтекста:

(14) „Меня Лев, посылая сюда, предупреждал: делай знатные дела, от бездельных же стерегись! А я, с первого же шага, чижей взглотать вздумал! Ну, да ничего! *Первый блин всегда комом!*” (М. Салтыков-Щедрин, *Медведь на воеводстве*).

The Lion warned me strictly before setting out: do noble deeds, but keep clear of trifles. And the first thing I do is swallow siskin! On, well, all right. *The first pancakes are always lumpy*, as the saying goes.

Анафора *as the saying goes*, добавленная переводчиком, заставляет читателя воспринять семантическую кальку фигуративно.

3.3. *Описательный перевод пословиц*

Описательный перевод пословиц является, как правило, вынужденным решением, которое чревато *утратой афористичности микроконтекста*. Он применяется, когда исходная пословица не находит ни эквивалентов, ни аналогов в паремиологической системе переводящего языка. В (11) мы уже видели подобное решение.

Однако, описание и толкование не препятствуют созданию чего-то вроде некоей семантической кальки, которой можно придать типичную внешность, а также и окружение, свойственное микроконтексту пословицы:

(14) „Были бы мы счастливые, как некоторые, у нас не то, что рояли-люстры бы в каждой комнате висели из хрусталя. А мы этого шику-блеску не любим (...) *Не красна изба углами...*” (В. Кочетов, *Журбины*).

If we were show-offs like some are, we'd have cut-glass chandeliers in every room, let alone a grand piano. But we don't like all that show... *It's not its futurnishing that graces the house, you know...*

(15) „Затеять строиться у него [Захара, Е.Л.] не хватало времени, (...) старая хата у него была чуть ли не хуже всех

(...) Анисимов... всякий раз напоминал, что пора бы начать жить по-человечески, ...Захар слушал Анисимова и посмеивался, отговаривался, что *не красна изба углами*" (П. Проскурин, *Судьба*).

Zakhar had no time to start on a house, (...) for his old one was just about the worst in the village. Anisimov reminded him each time they met, that [*he, E.L.*] ...ought to begin living a new life as befitted a human being... As Zakhar listened to Anisimov he would laugh and dismiss it all by quoting the saying that *a cottage should not be judged by it looks*.

(16) „Над дверями столовой было вырезано неизменной славянской вязью: «*Не красна изба углами, а красна пирогами*»" (Д. Мамин-Сибиряк, *Приваловские миллионы*).

Above the door to the dining room it said in the same slavonic lettering: *A house is not known for how it looks but for the things it cooks*.

(14) является истинным описанием, передавая лишь смысловое содержание исходной поговорки. В остальных двух микроконтекстах имеются косвенные сигналы, см. (15): *quoting the saying*, (16): рифма *looks – cooks*, указывающие на пословичный характер высказываний.

ЛИТЕРАТУРА

- Буковская, М.В. и соавт.
1990 *Словарь употребительных английских пословиц, Русский язык, М. 1990.*
- Костомаров, В.Г. и соавт.
1994 *Как тексты становятся прецедентными, „Русский язык за рубежом”, 1994: I.*
- Кузьмин, С.С. и соавт.
1989 *Русско-английский словарь пословиц и поговорок, Русский язык, М. 1989.*

- Лендваи, Э.
1988 *Проблема г., эквивалентности русских и венгерских пословиц*, в: "Acta Universitatis Szegediensis de Attila József nominatae. Dissertationes slavicae", Szeged 1988: 113-123.
- Фелицына, В.П. и соавт.
1988 *Русские пословицы, поговорки и крылатые выражения*, Русский язык, М. 1988.
- A Dictionary of American Idioms*
1987 *A Dictionary of American Idioms*, ed.: A. Makkai, Barron's, New York 1987.

ABSTRACT

A proverb is not just one ordinary sentence in context. Its semantic and syntactic properties, as well as lexical components are widely used or alluded to anaphorically or cataphorically in literary publications. Proverbs are typically used in context as quotations that allude to known utterances from the system of folk wisdom. It comes from similarity to quotations proper that proverbs occur in microcontexts containing lexical, syntactic and semantic indications of proverbial features. The paper researches of typical proverbial usage in Russian discourse from the viewpoint of linguistic analysis and translation rules. The possibilities and the limitations of equivalent, analogue and descriptive translators are overviewed and characterized, adequate solutions are suggested.

АДЕКВАТНЫЙ ПЕРЕВОД РУССКИХ ИМПЛИЦИТНЫХ
СРЕДСТВ ВЫРАЖЕНИЯ ОТРИЦАНИЯ
(МОДАЛЬНЫЙ АСПЕКТ)

Л. Григорьева

Существует весьма распространённое мнение, что человек, в достаточной степени владеющий каким-либо иностранным языком, автоматически является и хорошим переводчиком. Всё возрастающие потребности современного общества в переводчиках, специалистах в той или иной области, вынуждают привлекать к переводческой деятельности лиц, которые не обучались переводу как специальности и не владеют в полной мере как основами теории перевода и лингвистики, так и навыками переводческих трансформаций, что приводит порой к серьёзным погрешностям в переводе, вплоть до курьёзов.

К разрешению данной проблемы уже давно ищут подходы как специалисты в области преподавания иностранных языков, так и специалисты в области обучения переводу как особому виду речевой деятельности. Предлагаются различные пути подготовки к будущей переводческой деятельности так называемых непрофессиональных переводчиков:

- спецкурс перевода для студентов-нефилологов;
- обучение переводу как второй специальности (сюда входят и филологи);
- вводный, продвинутый и завершающий курсы по переводу для выпускников университетов и других учебных заведений.

Все предлагаемые курсы основной целью определяют формирование переводческой компетенции, подразумевающей умение переводчика обеспечить реализацию акта межъязыковой коммуникации путём замены текста на исходном языке адекватным (эквивалентным) текстом на языке перевода, и включают в себя лекции и практические занятия по теоретическим основам переводческой деятельности, по лингвистическим особенностям определённых стилей языка в сопоставительном плане, освещают способы и приёмы перевода и даже протокол поведения переводчика (Нечаева 1986: 123; Franklin 1991: 2).

Программы спецкурсов по переводу для подготовки обучаемых к будущей переводческой деятельности отражают комплексные методические задачи и строятся на различных концептуальных основах, однако, следует отметить, что несмотря на существующие споры вокруг самого понятия перевода и связанных с ним понятий адекватности, эквивалентности, переводимости, всё больших сторонников приобретает концепция, следуя которой, авторы рассматривают проблематику переводческой эквивалентности с коммуникативных и прагматических позиций и признают одним из главнейших требований, предъявляемых к переводу, – требование коммуникативно-прагматической эквивалентности, которое предусматривает передачу коммуникативного эффекта исходного текста и обязательный учёт параметров участников межъязыковой коммуникации (Мархвинский 1990: 49).

Принимая за основу требование коммуникативно-прагматической эквивалентности, в процесс обучения переводу наряду с формированием умений осуществлять лексические и грамматические трансформации необходимо также включить и формирование умений в прагматическом переводе и сообщении хотя бы начальных сведений о средствах выражения субъективной модальности, без которых невозможно достижение адекватного прагматического эффекта переводимого текста.

Известно, что к сфере субъективной модальности относятся разные аспекты интеллектуальных квалификаций и оценок, а также значения, связанные с выражением эмоциональных и волевых реакций участников коммуникации, знание которых особенно важно будущим синхронистам, потребность в которых сейчас особенно велика.

Устный последовательный или синхронный перевод представляет особую сложность, и даже профессиональные синхронисты допускают расхождения между исходным текстом и текстом перевода, и как показал сопоставительный анализ записей текстов синхронного перевода, осуществляемого профессиональными переводчиками, наибольшие расхождения между двумя текстами встречаются при передаче средств выражения субъективной модальности (Зайцева 1994: 178).

Довольно часто эти погрешности в переводе порождаются тем фактом, что смысл высказывания не всегда эксплицируется в соответствующих, известных переводчику, языковых категориях и не имеет специального категориального признака (маркера), а может создаваться подтекстом или экспрессивно-эмотивной коннотацией текста. Установка же на передачу основной прагматической функции требует от переводчика соизмерения исходного и конечного текстов и учёта того, что внешне однотипные средства языка подлинника и языка перевода отличаются по степени отражения субъективной модальности (Швейцер 1988: 147).

Как уже было сказано выше, субъективная модальность достаточно широка по своему семантическому объёму, и её смысловую основу образует понятие оценки в самом широком смысле слова, включая не только логическую (интеллектуальную, рациональную) квалификацию сообщаемого, но и разные виды эмоциональной (иррациональной) реакции, в том числе и отрицательной.

Для выражения субъективно-модальных значений в русском языке используются различные средства, многие из которых встречаются и при выражении отрицательной речевой реакции. Это могут быть специальные синтаксические конструкции (синтаксические фразеологизмы, соединения словоформ, повторы); построения с модальными частицами и их аналогами; междометия, а также порядок слов, интонация и др.

Как показывает практика, одним из трудных случаев передачи средств выражения субъективной модальности в русском языке и является такое сложное явление как имплицитные средства выражения отрицания, хотя, как считают исследователи, им отводится основная роль в передаче модальных отношений со значением или оттенками отрицания (Немец 1989: 51).

Отрицание во всех языках, в том числе и славянских, проявляется на различных языковых уровнях. Известные в грамматике эксплицитные средства выражения отрицания (отрицательные частицы, местоимения, наречия и т.д.) являются достаточно устойчивыми по своим оттенкам значений модальными средствами выражения отношения отрицания и требуют от переводчика учёта фактора полинегативности или множественного отрицания и моно-

негативности. Так, для многих языков, в частности восточнославянских, характерно множественное отрицание; при сказуемом иногда даже требуется „избыточное” отрицание. Например, русское предложение: „Никто никогда его не видел” по нормам английской грамматики может быть только монологическим: “Nobody ever saw him” (буквально: Никто когда-либо его видел) (*ЛЭС* 1990: 355).

Учебные пособия по переводу обращают внимание обучаемых на один из приёмов переводческой трансформации – антонимический перевод, который также имеет отношение к отрицанию, хотя антонимия здесь чисто условная и возникает за счёт различных утвердившихся в языке/языках способов выражения того или иного действия. Например, если сравнить русские и английские предложения: „Не кладите трубку!” – “Hang on, please!” и „По газонам не ходить!” – “Keep off the grass!”, то можно говорить о комплексной трансформации, включающей замену утвердительной конструкции отрицательной. Необходимость в антонимическом переводе чаще всего возникает при переводе фразеологизмов и синтаксических штампов, приведённых выше, и требует от переводчика знания соответствующих эквивалентов и твёрдого навыка их безошибочной адекватной замены.

Практические вопросы обучения переводу делают необходимым и обсуждение особенностей окказионального, обусловленного специфическим контекстом, использования средств выражения отрицания, особенно часто встречающегося в диалогической речи, в полемической ораторской речи и публицистике. Это относится, в первую очередь, к так называемым интонационно-отрицательным конструкциям, в которых модальная сущность может быть обусловлена констатирующе, а отрицательная семантика может передаваться только интонационными средствами, иногда в сочетании с инверсией. Это – утвердительные по своему лексическому составу предложения, но произнесённые со специфической интонацией, и при их переводе часто требуется использование лексически выраженного отрицания. Например, ответная реплика на вопрос: „Это вы сделали?” или на утверждение: „Это вы сделали!”, произнесённая с особой интонацией: „Да, конечно!”, может означать два

противоположных по смыслу ответа: „Да, я.” или „Нет, конечно!” (с оттенком возмущения даже).

В русском языке исследователи выделяют определённые регулярные синтаксические схемы без лексических элементов отрицания, которые, вследствие интонационного своеобразия, по смыслу являются отрицательными, более того, выражают решительное отрицание. Например:

СТАТЬ+инфинитив

„Стану/стала бы я выезжать по такой погоде!”

ОЧЕНЬ НУЖНО+инфинитив

„Очень нужно это делать!”

ЕСТЬ+кто/что в косвенных падежах+инфинитив

„Есть о чём/о ком сокрушаться!”.

Чтобы утвердительное по форме предложение стало носителем отрицательного значения, необходимо произнести его с особой, специфической интонацией, а переводчику необходимо дифференцировать эту интонацию и дать перевод в соответствии с нормами языка перевода, используя при этом, если требуется, лексически выраженное отрицание.

В ряд перечисленных выше средств входит также и риторический вопрос, так как, отрицательный по форме, он является утвердительным по смыслу и наоборот (Озерова 1978: 84).

Итак, зная, что отрицательная речевая реакция в русском языке, особенно в устном общении, может выражаться различными способами, желательно акцентировать внимание будущих переводчиков на тех лингвистических особенностях целого ряда средств выражения отрицания, усвоение которых целесообразно с точки зрения достижения эквивалентности перевода на прагматическом уровне. Перечень лингвистических средств выражения отрицания, модальная сущность которых может быть обусловлена только констатирующе, представлен в разного рода справочниках и пособиях и может быть дополнен каждым переводчиком индивидуально, а переводческие упражнения должны включать специальное изучение и отработку навыков подбора „недословных”, а смысловых эквивалентов выражения отрицания, несогласия, сомнения, недоумения, возмущения и т.п., то есть всё то, что входит в отрицательную речевую реакцию и не всегда эксплицируется обычными, зафиксированными в грамматике, средствами.

ЛИТЕРАТУРА

- Зайцева, В.
1994 *Передача модальных значений при синхронном переводе в комбинации языков русский-болгарский*, в: VIII Международный конгресс МАПРЯЛ. Русский язык и литература в современном диалоге культур. Тезисы докладов, Регенсбург 1994: 178.
- ЛЭС
1990 *Лингвистический энциклопедический словарь*, Советская энциклопедия, М. 1990; *Русская грамматика*, М. 1990.
- Мархвинский, А.
1990 *Перевод в обучении иностранным языкам и обучение переводу*, „Русский язык за рубежом”, 1990: V: 48-50.
- Немец, Г.П.
1989 *Семантико-синтаксические средства выражения модальности в русском языке*, Ростов на Дону 1989.
- Нечаева, В.М.
1986 *Методический аспект обучения переводу как второй специальности*, в: *Перевод и проблемы сопоставительного изучения языков*, М. 1986: 123-133.
- Озерова, Н.Г.
1978 *Средства выражения отрицания в русском и украинском языках*, К. 1978.
- Швейцер, А.Д.
1988 *Теория перевода. Статус, проблемы, аспекты*, Наука, М. 1988.

Franklin, P. Klein, Braley, C.
1991 *Can translation be taught?*, "The Linguist", 1991:
I(30): 2-4.

ABSTRACT

Errors in translation are sometimes due to the translator's incompetence in some aspects of linguistics. The purpose of this article is to emphasise the importance of developing such competence by teaching translation as a skill in producing an equivalent pragmatic effect in translation of Russian implicit means of expression of negation and to demonstrate some particularities of modality in Russian negation.

Slavica tergestina 5 (1997)

ПЕРЕВОД РУССКИХ НЕОЛОГИЗМОВ ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ
НА ВЕНГЕРСКИЙ ЯЗЫК
(НА МАТЕРИАЛЕ РОССИЙСКОЙ ПРЕССЫ)

Andrea Laki

1. Политическое, общественное и экономическое обновление и переворот в России и Венгрии привели к изменению лексической структуры обоих языков, в результате чего появилась новая волна неологизмов. Эти слова-неологизмы, отражающие изменения в общественно-политической и экономической жизни, пополняют словарный состав обоих языков, ведь язык был вынужден освоить новые понятия, слова-реалии, так как возникла потребность номинации новых понятий. Эти наименования образовались следующими способами:

- заимствованием иноязычных слов;
- словообразованием от существующих уже в русском языке слов;
- сложными, составными наименованиями;
- и появлением таких значений, которые видоизменяют свою семантику (Шмелёв 1977).

2.

2.1. В 90-ые годы в восточно-европейских странах определяющим стало влияние американского варианта английского языка. Итак, наиболее распространённым является в последнее время заимствование иноязычных, точнее английских слов.

(...) США в сознании россиян, особенно молодёжи, всё более укореняются в качестве центра, изучающего если не законодательно, то привлекательно технические новшества, образцы общественного порядка и экономического процветания, стандарты жизненного уровня, эстетические представления, эталоны культуры, вкусы, манеры поведения и общения (Костомаров 1994: 81).

Аналогичные заимствования мы находим и в венгерском, и в русском языках:

Slavica tergestina 5 (1997)

приватизация – *privatizáció*, холдинг – *holding*, демпинг – *dömping*, брокер – *bróker* и т.д.

Относительно русского и венгерского языков можно отметить, что английские слова заимствуются даже тогда, когда имеются в языке не менее точные эквиваленты. Напр.:

консенсус (согласие, соглашение) – *konszenzus* (*megállapodás*), *имидж* (образ) – *image* (*kép, megjelenés*), *сленг* (жаргон) – *szleng* (*zsargon*), *шоу* (спектакль) – *show* (*műsor, előadás*), *спонсор* (мecenат) – *szponzor* (*mecénás, támogató*).

Можно заметить, что венгерский язык в большей мере сопротивляется англицизмам и старается найти эквиваленты иноязычных слов в своём словарном составе. Напр.:

наркобизнес – *kábítószerüzlet*, *ваучер* – *kárpótlási jegy, értékpapír*, *бизнесмен* (*бизнесменка*) – *üzletember, üzletasszony*, *брифинг* – *sajtótájékoztató*, *прессинг* (*прессинговать*) – *nyomás* (*nyomást gyakorolni*), *ксерокс* (*ксероксировать*) – *fénymásoló* (*fénymásolni*), *PC* (*компьютер*) – *PC* (*számítógép*) и т.д.

2.2. Интересно, что венгерский язык образует эти новые слова с помощью композитных способов словообразования, способы, которые широко употребляются и в образовании новейших слов в современном русском языке. Например, способом словосложения образованы слова: *наркомафия*, *наркоделец*, *видео-игры*, *порно-видеопроизводство*, *рок-хит*, *сумка-визитка*, *зонт-автомат*, *трусики-„джаз”*, *бланк-заказ*, *рок-магазин* и т.п.

В венгерском языке их эквиваленты звучат так: *kábítószer-maffia*, *kábítószer kereskedő*, *videójáték*, *pornófilm-készítés*, *slágerlista*, *autóstáska*, *automata esernyő*, *“tangabugyi”*, *megrendelőlap*, *zenebolt*.

Здесь опять надо отметить, что венгерский язык отстраняется от иноязычных слов, он использует при образовании неологизмов уже существующие заимствованные слова.

К композитным способам относятся и сокращения словосочетаний или с суффиксацией или без суффиксации, напр.:

госпереворот – *rendszerváltás*, *персоналка* – *személyi számítógép*, *сидишка* – *CD-lemez*.

Венгерский язык даёт эквиваленты этих слов с помощью слов, образованных словосложением (*rendszerváltás*, *CD-lemez*) или с помощью словосочетаний (*személyi számítógép*).

В обоих языках мы находим и аббревиатуры. Заимствованные аббревиатуры в русском языке легко „переводить” на венгерский язык, потому что сам венгерский язык также заимствовал эти аббревиатуры:

ФАО – *FAO*, ГАТТ – *GATT*, КОКОМ – *COCOM* и т.д.

Русские варианты данных аббревиатур переписаны транскрипцией, а венгерские эквиваленты – транслитерацией.

Полными эквивалентами являются и следующие аббревиатуры:

СНГ – *FÁK*, МВФ – *IMF*, НДС – *ÁFA*.

Трудно найти полный венгерский эквивалент русской аббревиатуры БОМЖ (Без определенного местожительства). Но когда отмечается переход данной аббревиатуры в имя нарицательное „бомж”, мы уже находим его полный эквивалент в венгерском языке – *hajléktalan/csöves*.

И наоборот, слова – аббревиатуры и образованные от них дериваты типа ГКЧП, ГКЧПист, ГКЧПистский можно передать только описательным способом, например: “a rendkívüli állapot miatt létrehozott Állami Bizottság”, “az ahhoz tartozó személy”, “az ahhoz tartozó, arra jellemző”.

2.3. При образовании неологизмов в русском языке важное место имеют т.н. „сдвиги в семантике слов”. Здесь речь идёт о многозначности слова или о появлении дополнительного оценочного значения у уже существующего в языке слова.

Например: слово *эвакуатор* имело значение „должностное лицо, управляющее эвакуацией”. Его эквивалентом в венгерском языке является слово *evakuátor, a kitelepítésért felelős személy*. Неологизм *эвакуатор* имеет лексическое значение: „машина, которая увозит автомашины, стоящие на запрещённом месте”, а слово во множественном числе *эвакуаторы* имеет значение: „люди, которые совершают удаление автомашины”. Эквивалент слова *эвакуатор* в венгерском языке можно дать следующим образом: *autólopó*, а эквивалент слова *эвакуаторы*: *az autó eltávolítását végző személy*.

Слова *номенклатурищик* или *теневик* получили дополнительную отрицательную оценку, которая не чувствуется в их венгерском эквиваленте, венгерский язык может дать их эквиваленты только с помощью описания: “a volt egypárti nomenklaturához tartozó személy”, “az árnyékgazdaságban résztvevő személy”.

2.4. Совсем новое и в русском, и в венгерском языках – это языковая игра, из-за которой образованные слова не имеют эквивалентов в другом языке, вернее, не могут иметь эквивалентов, потому что сами слова являются результатом этой игры. Например: „прихватизация”, „сникеризация”, „нашизм”, „нашисты”, „дерьмократы”, „КПССовец” и т.д. (Баранов 1993). Эти слова нужно считать реалиями, поскольку они существуют только в сознании россиян, и понятны только для них. Мы не можем найти их эквиваленты в венгерском языке, в таких случаях переводчику нужна или находчивость или же он вынужден прибегать к объяснению, описанию.

3. Можно ли сказать, что этот процесс, то есть пополнение словарного состава венгерского и русского языков с появлением неологизмов, шёл параллельно? Из вышеприведённых примеров мы можем заключить, что в сознании говорящих на данных языках появились те же самые понятия, которые языки были вынуждены наименовать. Русский язык в большей степени поддаётся американизации, в то время как венгерский язык старается использовать свои внутренние, самостоятельные ресурсы словотворчества. Венгерский язык в большинстве случаев может отражать значения неологизмов в современном русском языке, даже и в таких случаях, когда он должен находить эквиваленты слов-реалий русского языка.

ЛИТЕРАТУРА

- Баранов, А.Н.
1993 *Языковые игры времён перестройки. (Феномен политического лозунга)*, „Руссистика”, 1993: II: 63-75.
- Костомаров, В.Г.
1994 *Языковый вкус эпохи*, Педагогика-Пресс, М. 1994.
- Лаки, А.
1995 *Словообразовательный анализ неологизмов в современном русском языке*, “Slavica Quinqueecclesiensia”, Pécs 1995: I: 175-182.
- Немченко, В.Н.
1984 *Современный русский язык – Слово-образование*, Высшая школа, М. 1984.
- Словарь делового человека*
1992 *Словарь делового человека*, Экономика, М. 1992.
- Словарь перестройки*
1992 *Словарь перестройки*, Златоуст, СПб. 1992.
- Толковый словарь*
1993 *Толковый словарь экономических внешнеторговых терминов и понятий*, АО ВНИИТЭМП, М. 1993.
- Шмелёв, Д.Н.
1977 *Современный русский язык – Лексика*, Просвещение, М. 1977.

ABSTRACT

The author gives an overview of Russian neologisms that have occurred after the recent political changes. An analysis of the types of word formation is presented and particular attention is paid to the problems of word formation to create Hungarian counterparts of the lexical items within the given lexicon. The influence of American English, as well as the reaction of the Russian and Hungarian languages are monitored in the paper.

ЭКСПАНСИЯ „РАЗГОВОРНОСТИ” В ИНФОРМАТИВНО-
ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ И НЕКОТОРЫЕ
ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА
(НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ПРЕССЫ)

Г. Орлов

Появление и полномасштабное функционирование литературно-разговорной речи (ЛРР) в сфере повседневного устного (и своеобразного, письменного) общения, характеризующееся некоторыми лингвистами как „языковая революция” (Coulmas 1981: VII), как „признак высокого уровня развития национального языка” (Баранникова 1985: 55), как „наиболее широко используемая форма повседневного общения” (Crystal-Davy 1981: 95) и др. – поставила перед современной лингвистикой новую кардинальную проблему, теоретическая значимость и практическая актуальность которой не вызывает сомнений, а комплексная природа этого явления стимулировала нарастание исследовательского интереса не только лингвистов, но и социологов, социо и психолингвистов, специалистов теории речевой коммуникации, информатики и др. наук. Некоторые языковеды полагают, что изучение проблем ЛРР „(...) может быть без преувеличения названа передним краем фронта лингвистических исследований” (Скребнев 1987: 44). Наименее исследованной, при этом, является проблема функционирования ЛРР в языке средств массовой коммуникации (СМК).

Конечно, более обширный и очевидный материал для уяснения проблемы, в силу „устности” ЛРР дают звучащие СМК (радио и телевидение), где ЛРР завоёвывает всё более прочные позиции, а активное использование разговорных элементов, „разговорной тональности” (включая богатейшие средства паралингвистики), повидимому, не рассматриваются более как „деформация норм” Standard English (см.: Brown 1984: 2, 3; Quirk 1982: 11; Burchfield 1980: 2; Орлов 1991: 148-150). По утверждению Р.Куэрка – “If prewar BBC English approximated «the Times» the current speech is more like the «Daily Mirror»” (Quirk 1982: 11).

Совершенно неисследованным аспектом – *terra incognita* – является проблема использования элементов ЛРР, „разговорной тональности” в печатных СМК, хотя даже для

рядового читателя-лингвиста очевидна истина, что язык газет и журналов стал повсеместно более раскрепощённым, читабельным, гибким и „неформальным”. Лингво-коммуникативный анализ прессы это подтверждает.

Попробуем хотя бы схематически очертить эту проблему, для чего следовало бы рассмотреть прежде всего следующие вопросы:

1. *Объективные факторы языковой ситуации* в Великобритании и США, предопределяющие и стимулирующие тенденции к использованию ЛРР (по-английски: Standard Educated Colloquial/Informal English, SECE), такие, как универсальный процесс демократизации общения (resp. языка), повышение образовательного уровня людей и роли СМК в формировании речевых норм в повседневном общении, известная трансформация языковых вкусов и привычек в направлении *chatty style*, усиление роли *descriptive element* в дихотомии *descriptive/prescriptive* в языковой политике и кодификационном процессе и т.д.

2. *Усиление внешней* (со стороны радио, телевидения, видеоиндустрии) *и внутренней конкуренции* (между газетами и журналами) *в завоевании читательской аудитории*, побуждающей к непрерывному совершенствованию канонов подачи материалов, которые, по мнению некоторых специалистов СМК, сводятся ныне к „трём китам” – *simplicity, clarity and force* и получившим воплощение в известной „формуле читабельности” Р.Флеша (Riwers 1975). Подтверждением сказанному может служить неоднократно высказываемая характеристика языка основных информационных еженедельников США (“Time”, “Newsweek”, “US News & World Report”), преобладающая стилевая черта которых называется *informal writing*.

3. *Ориентация прессы на определённые категории читателей* и связанные с этим достаточно плавные переходы от книжно-письменной речи к разговорным и даже просторечно-сленговым речевым формам.

„Смягчение” речи (*softening of discourse*) прослеживается в двух плоскостях: вертикальной, по мере „смягчения” жанра (*a news brief item* → *features* → *gossip columns, people, jokes*), и горизонтальной, проявляющейся в изданиях, нацеленных

на различные группы читателей. Последнее иллюстрируется следующими примерами:

(О высылке дипломата за шпионскую деятельность из бывшего СССР.)

Горизонтальная градация языка прослеживается на материале жёсткого жанра краткого информационного сообщения (КИС). Например:

а) “The Financial Times” (13.9.1983)

Заголовок: *US Vice-Consul Expelled from USSR*

Текст: The US Vice-Consul in Leningrad Lon Augusteborg was declared persona non grata after he and his wife had been caught in the act of spying.

б) “The Times”

Заголовок: *Kremlin Expels US Diplomat and Wife “Caught Spying”*

Текст: The Kremlin yesterday dealt a further blow to the already fragile state of East-West relations by announcing the expulsion of an American diplomat from the Soviet Union.

в) “The Daily Mail”

Заголовок: *Russia Expels US Pair*

Текст: Russia accused a US diplomat and his wife of spying and ordered their expulsion.

г) “The Sun”

Заголовок: *Reds Give US “Spy” the Boot*

Текст: A top American diplomat is being kicked out of Russia for spying, the Kremlin said yesterday. Vice-Consul and his wife were caught “red-handed” in Leningrad, they claimed.

Если в а) язык строго официален (приводятся принятые названия страны, географического пункта, полностью даются должность и фамилия лица, используется официальный термин *persona non grata*), то, начиная с б), заметно стилистическое снижение языка (*The Kremlin*, a diplomat вместо официальных наименований *the Government of the USSR*, *Vice-Consul*). Используются газетные клише (*to hit a blow* вместо более официального *to aggravate*, *to worsen*; *East-West* вместо *between the capitalist and socialist countries*). Смягчение языка в в) ещё более заметно (*Russia*, *US Pair*). В г) используются приёмы разговорно-просторечной подачи материала (*Reds – the USSR*; *to give the boot – to expel*; *top diplomat – Vice-Cosul*; *is being kicked out – expelled*; *the Kremlin – the*

Government of the USSR; were caught “red-handed” – caught in the act).

4. *Манифестация элементов „разговорности” и их экспансия на основных уровнях языка прессы, попытка их типологизации.* К вопросу о соотношении ЛРР и публично-ориентированной речи в газете.

Проиллюстрируем наши рассуждения примерами, взятыми из разных изданий, в рамках одного жанра „проблемно-тематической статьи” (feature story).

№ 1 (о ресторане быстрого обслуживания)

Текст: *Inside, the red-necked, blue-collar clientele pop tiny, bitesize burgers by the pungent half-dozen. Known with good reason as “belly bombers” to the fast food gourmets who consume them, these culinary dept charges cost 39 cents each and give your digestive system an experience it will never forget, no matter how hard it tries.* (“The New Yorker”, Aug., 1987; *здесь и ниже курсив мой, Г.О.*)

Как видно, разговорные слова, приёмы „языковой игры” (типичной для ЛРР), сниженная ироническая окрашенность, прозрачный синтаксис фрагмента не оставляют сомнений относительно манеры подачи, близкой к разговорной.

№ 2 (об успехах в учёбе школьниц по сравнению со школьниками)

Заголовок: *John Authers on why the female of the species is top of the class in the UK.*

Подзаголовок: *Girls just wanna be number one.*

Текст: *N. London Collegiate, the girls' school whose pupils this year scored better in GCSE exams than any other independent schools' was once proud of its cookery and needdlework lessons. Not any more* (“The Financial Times”, 3/4. Sept. 1994.).

Стилистическое задание – установка на экспрессию – реализуется в этой статье (в наиболее жёсткой по языку британской газете) не только просторечной единицей *wanna* эллипсисом “schools”/pupils did, on why, нарочитым ироническим контрастом сугубо книжного *the female of the species* и обыденного *top of the class*, но и более типичным для ЛРР приёмом незамещённой синтаксической (и смысловой) позицией *Not any more*.

№ 3. Текст: Just because you can make out this sentence isn't proof that you're literate. And just because you correctly counted the money to buy this issue of Newsweek doesn't mean you've got satisfactory arithmetic skills.

(Далее, после относительно нейтрального по языку абзаца.)

Sure, Johnny can read simple prose. And Mary can add a couple of integers all right. The problem is their inability to make practical use of those skills in everyday life (...).

К тексту предпослан заголовок *Dumber Than We Thought* (“Newsweek”, 20. 9. 1993).

Упрощённый синтаксис (полипредикативные разговорные предложения) ритмо-динамические структуры, как бы ориентированные на проговаривание, а не чтение текста наряду с „приземлением” серьёзных рассуждений и использованием будничных примеров, реализуемых повседневными словами (just, Johnny, Mary, a couple of, all right), плюс разговорные компрессивы isn't, you're, you've и эллиптический заголовок придают изложению разговорную тональность, в особенности в пределах „зон сгущения” разговорных элементов. Последние достигают максимальной концентрации в текстах так наз. tabloids, например:

Blond *bombshell* Sami Greaves is a *telly* addict (...) The 22-year-old Lincoln *lass* with the 36-24-35 *curves* says: “From Monday the DS is expanding its TV pages. *It's* going to be the hottest (...) guide in the Britain. Plus TV editor's Pick of the Day – and *he'll keep a special eye* on *horny progs* and films.”.

Тяготеют к „разговорности” и тексты нового жанра, так называемая „анонсная реклама” (в рубрике *Products*).

Cooling It

Can't wait for your car's air conditioning to kick in? Overheated from a game of tennis? Dubbed Magicool, the spray, can instantly cool off sunbaked vehicles, small spaces and even people. (“Newsweek”, 20. 9. 1993).

К сожалению, рамки сообщения ограничивают рассуждения относительно типологии элементов разговорности в прессе. Они изложены в исследовании автора (см.: Г.Орлов,

Лекция 10, 1991). Аналогичные выводы относительно фактора разговорности, опирающиеся на статистически корректные выборки приводятся в недавно опубликованном капитальном труде (Finegan 1989: 438-455).

По-мнению авторов типологическими характеристиками „разговорности” (involved dimension), в частности, являются: личные местоимения (I, you, your), опущение связки that (most... said they were able to read...), личные глаголы (think, assume), указательные местоимения (this, those), экспрессивы (really, absolutely), маркеры приблизительности (kind of, maybe) и др. Сказанное свидетельствует о том, что категоричные утверждения некоторых лингвистов относительно „нетипичности” структур ЛРР, их „инкрустаций” в публично-ориентированном дискурсе ныне вряд ли корректны и требуют пересмотра. Очевидно прав В.Барнет, когда говорит, что „«Официальность-неофициальность» следует рассматривать, как и фактор «публичность-непубличность», в виде двух полюсов с градуированным проявлением одного фактора (...)”. И далее: „(...) высокая степень проявления фактора публичности может сопровождаться низкой степенью проявления фактора официальности (...) В области массовой коммуникации без непосредственного контакта с адресатом, особенно на телевидении, также можно встретиться со стилизацией отношения «адресант-адресат» под неофициальный тон” (Барнет 1985: 93, 94). Ещё более определённую оценку высказывает Лаптева – „Гипотеза о безраздельном применении в публичном общении кодифицированного типа литературного языка оказывается мифом” (Лаптева 1985: 31). Это, однако, не означает, что язык СМК не испытывает давления противоположных тенденций (эвфемизации, бюрократизма, штампа), но это тема отдельного исследования.

Среди источников трудностей при переводе описываемых материалов с английского на русский просматриваются:

– Отсутствие значительной части разговорных элементов в кодификационных изданиях (лексики, особенно лексических инноваций – в словарях; грамматических явлений ЛРР – в учебниках).

– Недостаточное знакомство с национально-культурным аспектом значений разговорных слов и словосочетаний (фоновые значения переводчика, их динамика). См., на-

пример, “soft money”, “souvenir kids”, “smellovision”, “the joy of streaking”, “uptalk” (Ameriacn English), или “Quick-heel bar”, “wets”, “to MOT somebody” (“MOT'D for Health”), “yob culture” (British English).

– Бóльшая семантическая ёмкость разговорных слов и трудности в установлении нюансов их значений, что иногда провоцирует к актуализации „разговорных” сем вместо терминологических (см. ошибки профессиональных переводчиков на телевидении: I'll *throw the book* at you → „Брошу в вас книгу” (вместо „накажу”); He entered the room, *knew her* (...) but he didn't murder her → „Узнал её” (вместо „изнасиловал”); Start chasing him! *Over. – Roger, Out* → „Начинай преследовать его, давай!” – „Да, Роджер” (вместо „Перехожу на приём”, „Вас понял, конец связи”).

– Методологически неадекватный подход к декодированию текста с позиций традиционного структурно-семантического анализа. Представляется, что недостатки последнего в значительной степени преодолевает современная теория анализа дискурса (см.: Dijk van 1988). Иллюстрацией этому могут служить примеры использования неологизма *zap*, предлагаемые Вашему вниманию. Как бы Вы перевели с английского следующее:

1. Getting zapped by tecnology (о микроволновой печи).
2. We zappers are in charge of programming now (о телезрителях).
3. ASAT is the state of the art in satellite zapping (о противоракетной системе).
4. Zap! (об электрошоковой дубинке).
5. ...pursuing a non-PC policy of zapping his employees (о кадровой политике).
6. What if I get zapped more than my meals? (см. № 1) и т.д.

Очевидно, что поднимаемая проблема придаёт новый импульс поиску путей адекватного перевода материалов современных СМК, отражающих не только процессы демократизации литературного языка, но и воздействие двух противоположных тенденций в речи: к её огрублению и эвфемизации (Крысин 1994), а также ставшего модным (особенно среди молодёжи) процесса „минимализации” вербального общения (см. Ricks-Michaels 1990: 374) и такого явления как *uptalk* в США (Anthony 1993).

ЛИТЕРАТУРА

- Баранникова, Л.
1985 *О месте разговорной речи в функциональной парадигме русского языка*, в: *Функциональная стратификация языка*, ред.: М.М. Гухман, М. 1985.
- Барнет, В.
1985 *Проблемы изучения жанров устной народной речи*, в: *Сб. Современная русская устная научная речь*, ред.: О.А. Лаптева, Красноярск 1985: I.
- Крысин, Л.
1994 *Эвфемизмы в современной русской речи*, „Русистика”, Берлин 1994: I-II.
- Лаптева, О.
1985 *Общие особенности устной публичной (научной) речи*, в: *Сб. Современная русская устная научная речь*, Красноярск 1985: I.
- Орлов, Г.
1991 *Современная английская речь*, М. 1991.
- Скребнев, Ю.
1987 *Исследования русской разговорной речи*, „Вопросы языкознания”, 1987: I.
- Brown, G.
1984 *Listening to Spoken English*, М. 1984.
- Burchfield, R.
1980 *The Spoken Word*, The BBC London 1980.
- Coulmas, F.
1981 *Conversational Routine*, ed.: F. Coulmas, The Hague 1981.

- Crystal, D., Davy, D.
1981 *Advanced Conversational English*, Essex 1981.
- Dijk van, T.
1988 *News as Discourse*, New Jersey 1988.
- Finegan, E., Besnier, N.
1989 *Language. Its Structure and Use*, Florida 1989.
- Quirk, R.
1982 *Style and Communication in the English Language*,
London 1982.
- Ricks, C., Michaels, L.
1990 *The State of Language*, ed.: C. Ricks, L. Michaels,
Los Angeles 1990.
- Rivers, W.
1975 *The Mass Media*, New York 1975.

ABSTRACT

The emergence and ever-growing use of SECE in contemporary communication, its expansion in MEDIA language, absolutely unparalleled with ample in-depth research, presents a formidable task for any translator. The theses probe into some manifestations of informal language in the US-UK print media determined by a complex of extra – and intralinguistic and give some chunk – analysis of features. The methodology is based on research by both prominent “colloquialists” and the author's own investigation.

УПОТРЕБЛЕНИЕ КОНСТРУКЦИЙ С ПОСТПОЗИТИВНЫМ НЕСОГЛАСОВАННЫМ ОПРЕДЕЛЕНИЕМ В РУССКОМ И ВЕНГЕРСКОМ ЯЗЫКАХ

Mária Jankovics

Перевод (как процесс пересоздания речевого произведения на переводящем языке, так и сам результат этого процесса), его теория и практика, а также проблемы, затрудняющие деятельность переводчика, заинтересовали автора этой работы уже несколько лет тому назад. Нами были тщательно просмотрены и проанализированы такие вопросы, как: перевод притяжательных конструкций, состоящих из нескольких членов, перевод субстантивных (образованных от глагола), безличных и страдательных конструкций, причастных и деепричастных оборотов, а также перевод конструкций с постпозитивным несогласованным определением с русского на венгерский язык.

Самой интересной из вышеуказанных переводческих проблем для нас до сих пор является именно проблема перевода конструкций с постпозитивным определением. Интереснее всех остальных она тем, что вследствие различия в структуре двух языков в использовании подобных конструкций наблюдаются огромные расхождения.

Хотя речь идёт об общеизвестной конструкции, важно выяснить её суть и возможности её перевода.

Конструкция с постпозитивным несогласованным определением обычно состоит из основного члена (чаще всего существительного) и дополнения (чаще всего существительного в косвенном падеже с предлогом) или нескольких дополнений. Расхождения в использовании подобных конструкций наблюдаются в результате того, что в венгерском языке все определения, как правило, должны стоять перед основным членом конструкции. Исключением являются, т.е. могут сохранить своё постпозитивное положение, названия произведений разного рода (заглавия), а в некоторых случаях и определения, стоящие в конце предложения. Следовательно в венгерском языке намного реже встречаются подобные конструкции, чем в русском, для которого их присутствие более характерно и естественно.

Всё это приводит к тому, что переводчику с русского на венгерский язык нередко приходится серьёзно задумываться о возможности перевода подобных конструкций, о решении данной проблемы. Благодаря богатству языковых форм венгерского языка по указанию К.Клауди (Klaudy 1980: 38-40), он может воспользоваться одной из следующих трансформаций:

- преобразованием в притяжательную конструкцию;
- сокращением;
- добавлением;
- переводом при помощи другого словосочетания;
- преобразованием в качественное прилагательное (определение);
- предикативизацией, или же:
- переводом постпозитивным несогласованным определением.

Этой теме в прошлом был посвящён целый ряд исследований, проведённых с разной целью и на основе разных произведений. Были поставлены такие вопросы:

1. Как часто применяет переводчик-профессионал (Мария Сабо) отдельные трансформации при переводе романа Трифонова *Старик*? (Jankovics 1991);
2. Есть ли какая-то закономерность в применении Марией Сабо данных трансформаций при переводе разных произведений Трифонова (одного и того же писателя)? (*там же*);
3. Похожа ли манера разных переводчиков-профессионалов при переводе данных конструкций на венгерский язык на материале разных произведений одного и того же писателя – Трифонова? (Jankovics 1992);
4. Какие это можно подвести, если сопоставить употребление трансформаций при переводе одного подлинника (гоголевской *Шинели*) разными переводчиками? (Jankovics 1995).

Полученные ответы на заданные выше вопросы суммированы в указанной литературе.

До настоящего момента в данной переводческой проблеме для автора оставалось всего одно белое пятно : когда и как часто употребляются данные конструкции в переводящем языке (ПЯ) при переводе с венгерского языка на русский? Зависит ли их применение от того, какой из двух

языков – русский или венгерский – является исходным, а какой переводящим, т.е. от того, с какого языка и на какой делается перевод?

С этой целью был проведён анализ первых двух частей (более 200 предложений) романа венгерского писателя Гезы Гардони *Звёзды Эгера* в переводе Агнессы Кун.

Интересен, прежде всего, сам процесс работы, так как наблюдения проводились не как ранее, а в обратном порядке, т.е. сначала изучался перевод или же отобранные примеры, предложения, содержащие подобные конструкции на ПЯ, и к ним подыскивались подходящие предложения в оригинале, на ИЯ. По-другому рассматривалось то, что стояло в исходном языке на месте конструкции с постпозитивным определением переводящего языка.

Весьма поучительным и как бы доказательством всего сказанного выше было то, что почти в половине отобранных примеров (в 60 предложениях) данная конструкция стояла лишь в переводе, была придумана и употреблена только переводчиком, а в оригинале и речи о ней не было. (Конечно, это не оценка или критика перевода.) Это может объясняться и тем, что переводчик отлично знал, что в силу грамматических различий и вообще лингвистической разносистемности двух языков, переводя на русский язык, спокойно может прибегать к этой возможности чаще, чем это потребовалось бы в венгерском языке.

В 126 отобранных примерах в исходном тексте в данной конструкции перед главным членом 17 раз стоит качественное прилагательное, а качественное определение с разными суффиксами – 109 раз.

Между представленными предложениями с качественным прилагательным наблюдаются весьма интересные различия. В одних из них перед главным членом стояло качественное прилагательное, семантика которого имела страноведческий компонент. (Оно могло указывать, с одной стороны, на национальную принадлежность, а с другой стороны, на объект, о котором говорят сказки, с которым ведутся усобицы. Переводчик выбрал второй вариант.)

...meg a hajmeresztő török meséket (1987: 8) ...и разные страшные сказки о турках (1989: 10).¹

1 Цит. по: Gárdonyi 1987 и Gárdonyi 1989; курсив мой, М.Л.

A családomat még a *német viaskodás* előtt elküldtem Sopronba... (1987: 101) Семейю свою я ещё перед *усобицей с немцами* отправил в Шопрон... (1989: 111).

В других качественное прилагательное, указывающее на цвет одежды данного героя, при переводе на русский язык было уточнено добавлением названия этой одежды:

A sok *cifra úr* meg körülötte *jaja-basi* (1987: 88) А люди в *пёстрых одеждах* вокруг него... (1989: 96).
...*egy fekete pap* – *bizonyosan az udvari káplán* (1987: 141) ...*non* в *чёрной сутане* – видимо, священник дворцовой церкви... (1989: 152).

В некоторых предложениях на исходном языке встречается суффикс *-tlen*, образующий лишительное прилагательное, которое, например, в следующем отрывке говорит только о том, что у башни по какой-то причине нет крыши, но по какой именно – не ясно. Тут же в русском варианте вместо конструкции „колокольня без крыши” употребляется выражение „колокольня с сорванной крышей”, разъясняющее и причину потери крыши:

...*a kormos, tetőtlen torony*... (1987: 57) ...почерневшая от копоти *колокольня с сорванной крышей*... (1989: 62).

Кроме перечисленных встречаются также и такие венгерские конструкции, в которых в роли качественных прилагательных стоят слова, указывающие на размер:

...*ötujjnyi házagnak* kell *körös-körül maradnia*. (1987: 108)
...повсюду должен быть *просвет в пять пальцев*. (1989: 118).

В подавляющем большинстве конструкций с постпозитивным несогласованным определением в исходном языке перед главным членом стоят качественные определения с разными суффиксами, чаще всего с суффиксом *-s* (67 раз):

...*vadbőrök, gabonás zsákok* *rendetlen összevisszaságban*.
...звериные шкуры и *мешки с зерном*. (1989: 12).
...*egy strucc tollas fehér török süveg*... (1987: 7) ...*белый турецкий колпак со страусовым пером*. (1989: 9).

Гораздо реже (41 раз) к качественному определению в подлиннике прибавлены суффиксы *-ű, -ű*:

...a török csontos arcú, barna ember...(1987: 7) Смуглый человек с костлявым лицом... (1989: 9).

...hosszú süvegű janicsár igyekszik feléje (1987: 116) ...навстречу ему идёт янычар в высоком тюрбане. (1989: 126).

или же:

Egy bikafejű, vállas és erős, vén pap fordult be a kapun (1987: 14) Пришёл священник, плечистый седобородый старик с львиной головой. (1989: 16).

Анализируя последний пример, можно поставить вопрос: По какой причине переводчик прилагательное “bikafejű” перевёл как „с львиной головой”, а не, к примеру, „с бычьей головой”, что по своему значению во всяком случае намного ближе к понятию на исходном языке.

Всего 1 раз в исходных конструкциях первых двух глав романа встречается качественное определение с суффиксом *-i*:

A pécsi út jó messze van oda... (1987: 5) Дорога на Печ проходила поодаль... (1989: 7).

В незначительной части отобранных примеров на исходном языке первоначально стояли притяжательные конструкции (6):

...látja, hogy a Mecsek útján fölfelé szekerező török nép tarkállik (1987: 9) ...видел, как вверх по дороге через Мечек тянутся обозы... (1989: 12).

...az ő kis feleségének elröppenése... (1987: 128) ...разлука с „маленькой женой”... (1989: 138).

В первом же примере в исходной конструкции существительное (Mecsek) стоит без личного окончания, а во втором существительное “feleségének” с притяжательным суффиксом (личным окончанием): *-nek*. Это объясняется тем, что в венгерском языке допускается и то, и другое. Порядок слов и в этом случае, как и при переводе качественным определением, изменяется соответственно требованиям грамматичес-

кого строя двух языков (в венгерском обладаемое, т.е. главный член стоит за обладателем, т.е. дополнением).

Также лишь в некоторых случаях в конструкцию с постпозитивным несогласованным определением были переведены такие венгерские конструкции, в которых между главным членом и его дополнением стоит добавленное слово, а именно – адъективное определение (причастие) несовершенного или совершенного видов. При их переводе также наблюдается изменение порядка двух членов.

Térdig éró ingben lépett ki, mezítláb (1987: 112) Он вышел босой и в рубахе до колен (1989: 122).

...fehér selyembe öltözött, termetes ember (1987: 141) ...дородный мужчина в белом шёлковом одеянии (1989: 152).

Всего в одном из более чем 200 примеров встречается в исходной конструкции в качестве постпозитивного дополнения обстоятельство места. Оно было переведено следующим образом:

Azzal vádolják, hogy azt a robbanást a Mecseken ő követte el. (1987: 97) Его обвиняют во взрыве на мечекской дороге (1989: 106).

Как было сказано выше, относительно конструкции с постпозитивным несогласованным определением, для довольно большого количества переведённых предложений характерно в первую очередь то, что в венгерских примерах подлинника подобных конструкций нет. Они были придуманы и поставлены в русский вариант переводчиком. Возникает вопрос: а что стояло на их месте, какая часть предложения была переведена при помощи данной конструкции?

В исходном тексте чаще всего (10 раз) первоначально стояло сложное слово, которое потом переводчиком, после изменения порядка главного члена и дополнения, а также вставки между ними какого-нибудь предлога, было переведено с помощью несогласованного определения:

...ott ül egy barna parasztember (1987: 74) ...сидел смуглый человек в крестьянской одежде. (1989: 82).

Lent a sátor fala mellett meg vastag ülvánkosok hevernek. (1987: 154) Внизу, возле стенки шатра, разложены большие подушки для сидения. (1989: 166).

Конечно, в русском варианте члены конструкции, разделённые предлогом, пишутся уже не слитно.

Встречались при анализе и такие венгерские конструкции, в которых у существительного вообще никаких определений не было, они опускались и появились лишь в переводе, и даже в постпозитивном положении:

Még a ház is mintha lejjebb csúszott volna a patron (1987:16) ...и даже *дом на холме* со страху соскользнул куда-то ниже. (1989:18).

При таком переводе как бы уточняется тот факт, что соскользнуть ниже можно только с какого-то холма, следовательно дом-то и должен стоять на таком холме.

В некоторых примерах ИЯ стояли глаголы с придаточным предложением или без него:

Balra az *ablak*, amelynek *ónkarikás*, kerek üvegein besüt a nap... (1987) Слева – *окно с частым свинцовым переплётom* (1989: 116).

Gergely *délnek fogta az irányát*... (1987: 116) Гергей избрал *путь на юг*. (1989: 126).

А в других первоначально данное выражение находилось в двух отдельных предложениях:

Legalább ötszáz *teve* jön hátul. *Tömlő van rajtuk* (1987: 85) Позади них плетутся пятьсот верблюдов с бурдюками на спине (1989: 93).

На основе этих двух предложений переводчик придумал одну новую конструкцию, содержащую важнейшую информацию обоих предложений.

В некоторых из отобранных примеров в исходном языке выражалось отрицание при помощи отрицательного слова “-se”:

Széles arcú, magas ember. *Se szakálla, se bajusza*, de még szemöldöke sincsen. (1987: 21) Это высокий человек с тонкими чертами лица, *без усов, без бороды* и даже *без бровей*. (1989: 24).

или же стояло приложение (оппозиция):

...ismerie az *öreg Csecsyt, a fakezűt?* (1987: 121) ...вы не знаете *старика Цецеи с деревянной рукой?* (1989: 132).

При анализе полученных данных очень резко выделяется то, что на русский язык с помощью описанных конструкций преимущественно переводятся венгерские прилагательные или качественные определения, стоящие с одним из перечисленных выше суффиксов, а сложные слова, притяжательные конструкции, конструкции с добавленным словом и т.д. – гораздо реже.

Если взять, к примеру, уже ранее проанализированные нами переводы с русского языка на венгерский таких переводчиков как Арань, Сабо и Макай, то можно прийти к очень интересному выводу. В этом большую помощь оказывают следующие таблицы.

Таблица №1

Тип трансформаций	Место данного типа трансформаций в переводах	
	Арань, Сабо, Макай	Сабо, Макай
Качественное определение	1	1
Предикативизация	2	2
Добавление	3	4
Несогласованное определение	4	3
Сокращение	5	5
Притяжательная конструкция	6	6
Другое словосочетание	7	7
Опущение	8	8

Таблица №2

При переводе на русский язык	
в оригинале	в переводе
Качественное определение (126)	Конструкция с постпозит. опр.
Вместо этих конструкций лишь: существит., придаточное предл., 2 предл., отрицание и т.д. (60)	Конструкция с постпозит. опр. Конструкция с постпозит. опр.
Сложное слово (10)	Конструкция с постпозит. опр.
Притяжательная конструкция (6)	Конструкция с постпозит. опр.
Добавление (6)	Конструкция с постпозит. опр.
Несогласованное определение (1)	Конструкция с постпозит. опр.

Сопоставляя данные двух столбцов таблицы, представляющей порядок трансформаций по их употребляемости, стоит отметить, что между ними нет значительной разницы. (Так как Арань жил и работал в прошлом столетии, когда в литературном языке наблюдались иные тенденции, нам казалось интересным посмотреть этот порядок и без него, на основе переводов лишь переводчиков нашего века.) Выявленная незначительная разница объясняется особенностями языка той эпохи.

Если взять для сопоставления данные и второй таблицы, можно отметить, что качественное определение – независимо от того, с какого языка и на какой язык переводится – стоит в обеих таблицах на первом месте. Это означает, с одной стороны, что при переводе конструкций с постпозитивным определением с русского на венгерский язык переводчики чаще всего применяют именно эту трансформацию. А с другой стороны, что в случае перевода с венгерского на русский на месте подобных русских конструкций в оригинале чаще всего стоит качественное определение. Это можно принять как факт, подтверждаемый огромным количеством проанализированных примеров исходного языка и языка перевода.

Заслуживает особого внимания то, что переводчик довольно часто прибегал к переводу несогласованным определением и в таких случаях, когда в венгерских параллельных предложениях оригинала определения при существительном полностью отсутствовали, т.е. по собственной инициативе. По какой причине? Ответ на этот вопрос требует дальнейших наблюдений, сопоставлений и исследований.

ЛИТЕРАТУРА

- Gárdonyi, G.
1987 *Egri csillagok*, Móra Kiadó-Kárpáti Kiadó, Budapest-Uzsgorod 1987.
- 1989 *Звёзды Эгера*, перев.: А.Кун, Художественная литература, М. 1989.

- Jankovics, M.
1991 *Трансформации при переводе с русского языка на венгерский*, в: "Nemzetközi Szlavisztikai Napok", Szombathely 1991: IV: 411-421.
- 1992 *A határozói jelzős szerkezetek magyarra fordítása*, Bölcsészdoktori disszertáció, Pécs 1992.
- 1995 *Сопоставительный анализ нескольких переводов одного и того же произведения*, в: "Nemzetközi Szlavisztikai Napok", Szombathely 1995: V (Megjelenés alatt).
- Klaudy, K.
1980 *Orosz-magyar fordítástechnika*, Tankönyvkiadó, Budapest 1980.

ABSTRACT

In the introductory section it is the author's intention to review the research done in the field with special interest paid to that which she finds most relevant.

Next, she describes the modifying participle structures and ways of translating them into Hungarian, pointing out the transformation methods available to the translator. This is where she presents all the questions she has attempted to find an answer to during her research work, supplying points of reference for the reader as well.

Furthermore she examines those Hungarian structures which are translated into a modifying participle structure in the Russian language, trying to identify the principles lying behind the translation transformation. To support her point she analyses 200 samples from *Egri csillagok* by Géza Gárdonyi and its Russian translation by Ágnes Kun respectively.

In the closing chapter the author summarizes what she has found when doing research in this field, attempting to identify the underlying principles.

ОПЫТ ТОЛКОВОГО СЛОВАРЯ
РУССКОЙ ЛАГЕРНОЙ ЛЕКСИКИ
(В ПОМОЩЬ ПЕРЕВОДЧИКАМ)

Csaba Tiszóczy

Составляемый автором краткий толковый словарь русской лагерной лексики преследует чисто прагматическую цель: дать надёжную лексикографическую опору (в первую очередь для венгерских преподавателей и студентов-русистов, переводчиков русскоязычной литературы), помочь разобраться в мире слов своеобразной периферии русского языка: в лагерной лексике и органически примыкающей к ней ненормативной лексике.

В качестве необходимого ориентира в первых разделах работы даётся лексикографический обзор этого специального пласта русской лексики, в сопровождении лексикологического анализа познавательного характера.

„Новум” этих разделов заключается в том, что – по сведениям автора – впервые делается попытка тематической лексико-семантической группировки тюремно-лагерной лексики.

Словарный раздел, насчитывающий около 650 слов и словосочетаний, отличается от известных автору лексико-графических трудов тем, что словарные статьи, кроме традиционного толкования, содержат и лингвистические и страноведческие сведения, а в качестве коннотативного комментария – цитаты из художественных, публицистических и мемуарных произведений, в результате чего словарь получает и некоторый энциклопедический, хрестоматийный характер.

Так как словарь рассчитан на венгерских русистов, в нём даются (там, где это возможно, поскольку в словарь входит преимущественно безэквивалентная лексика) и венгерские эквиваленты.

Итак, эта, в основном, лексикографическая работа входит в ряд тех – пока ещё немногочисленных – трудов отечественной (венгерской) прикладной русистики, которые ставят своей задачей устранить некоторые „белые пятна”, восполнить пробелы русской-советской лексикографии, игнорировавшей до самого последнего времени (по полити-

ческим, идеологическим причинам) этот, как бы и „несуществующий”, пласт русской лексики.

Советские лексикографы и лексикологи примерно до середины 30-х годов старались объективно регистрировать изменения в словарном составе русского языка. Одним из фундаментальных трудов в этой области вправе можно считать исследования А. М. Селищева, вышедшие в печати в Москве в 1928-м году под заглавием *Язык революционной эпохи*, охватывающие языковые изменения (лексические, лексикосемантические) первых десяти лет советской власти.

К этому периоду можно отнести и научный курьёз – первую научную работу Дм. Лихачёва, опубликованную в лагерной газете СЛОНа, Соловецких лагерей особого назначения. Учёного арестовали в 1928-м году и первые три года заключения он провёл на „Соловках” и ещё полтора – на стройке Беломорканала. В лагере Дм. Лихачёв изучал словоупотребление и поведение заключённых уголовников, картёжников и свои наблюдения обобщил в вышеупомянутой статье (по интервью в “Le Nouvel Observateur”, 14 мая 1987 г. , в книге Акоша Силади *Незаконченная революция*).

В дальнейшем, несмотря на все усилия советских лексикологов, особенно в 60-70-е гг. (Панов 1968), эта работа по сбору новых слов и значений из-за цензурных органичений становится идеологически односторонней, в результате чего имеет существенные пробелы. (Примером этих усилий может служить словарь *Новые слова и значения*, 1971, однако его главным недостатком является то, что в нём не отражена живая разговорная речь как важнейший фактор формирования словарного состава современного русского языка.)

С введением официальной советской цензуры (в 1922-м году – Главлит, Главное управление по делам литературы и издательства) некоторые темы исследования новой лексики попадают под запрет, не допускаются к печати. „В сталинский период существовала практика регулярной *чистки словарных карточек* и уничтожения лексикографического материала. Так фольклорист А. Горелов сообщает об уничтожении части фонда Пушкинского дома в этот период, в особенности частушек, сочинённых кулаками и деревенской буржуазией” (Власова-Горелов 1965: 389; *курсив мой*, Cs. Т.).

Есть и частные, „любительские” попытки составления словарей тюремно-лагерного жаргона. В числе таких попыток стоит упомянуть *Большой словарь лагерной и блатной фени* поэта А. Жигулина, который, по его же свидетельству, был изъят лагерным начальством (Жигулин 1988: 12).

П. Н. Денисов, сообщая о судьбе *Словаря* Я. К. Грота, который был начат в 1886-м году и оставлен в 1937-м году на букве „О”, замечает, что „в 1937 году картотека была освобождена от идеологически чуждых материалов” (Денисов 1974: 211).

Из вышесказанного следует, что наш предмет изучения, т. е. лексика заключённых советских тюрем и лагерей, встречается (до самого последнего времени) главным образом на страницах „самиздатов” и так называемых „тамиздатов” (изданий, появившихся на Западе на русском языке), за редким исключением советских (ныне уже российских) изданий последних лет. Ведь цензура не допускала к печати эту тематику ни в период „брежневского застоя”, ни — „андроповского сквозняка”. В этот круг изданий входят художественные, мемуарные и документальные произведения (многие публикации журналов „Новый мир”, „Знамя”, „Октябрь”, „Юность”, „Дружба народов”, „Огонёк”, „Спутник” и др., произведения А. И. Солженицына, В. Т. Шаламова, Е. Гинзбург, В. П. Гроссмана, А. Н. Рыбакова, Л. Разгона, А. Жигулина и др.).

Из „тамиздатовских” лексикографических трудов стоит отметить словарь М. Галлера и Х. Маркесса *Язык советских лагерей*, работу М. М. и Б. П. Крестинских *Краткий словарь современного русского жаргона*, а также словарь А. Флегона *За пределами русских словарей*.

Однако эти лексикографические и лексикологические наблюдения не восполняют уже упомянутых пробелов в этой области лексики. С появлением советской (русской) неподцензурной литературы, переводчики оказались без надёжных словарей, толкующих эту, главным образом, безэквивалентную русскую лексику. Читая и переводя, например, произведения А. Солженицына *Один день Ивана Денисовича*, *Архипелаг ГУЛАГ*, *В круге первом* и т. д., преодолев трудности архаизирующего стиля, мы должны справиться ещё и с отдельным пластом русского языка — лагерной лексикой.

Трудности перевода наглядно описывает Дьёрдь Сёке (György Szőke), рассказывая об истории венгерского перевода произведения А. Солженицына *Один день Ивана Денисовича*. Ныне покойный редактор литературного ежемесячника „Надьвилаг” („Nagyvilág”), Янош Эльберт (János Elbert), прочитав в ноябрьском номере „Нового мира” (1962 г.) повесть Солженицына, решил опубликовать его в своём журнале. Работу перевода поручил одному из лучших переводчиков художественной литературы, Кларе Сёлёши (Klára Szőlősi). Она, конечно, взялась за перевод, но русский лагерный язык оказался для неё „белым пятном”. Редактор пригласил другого переводчика, Ласло Вессели (László Wesszely), с тем расчётом, что уж он-то безусловно компетентен, ведь он провёл на ГУЛАГе несколько лет. Вессели знал русские лагерные слова, но не знал их венгерских эквивалентов. Пришлось обратиться за помощью к Дьёрдю Секерешу (György Szekeres), который, в свою очередь, в 50-е годы „отсидел” несколько лет в венгерских тюрьмах. В результате их совместного труда вышел в свет достоверный и удачный перевод повести Солженицына (Szőke 1991).

Именно вышеописанные трудности перевода вызывают потребность в составлении хотя бы краткого толкового словаря лагерного языка (особенно касается это молодого поколения переводчиков).

Наш опыт изучения лагерной лексики показывает, что она охватывает, с одной стороны, слова и словосочетания, входящие в состав так называемой *ненормативной лексики* (городское просторечие, элементы арго и групповых жаргонов), с другой стороны – неологизмы-советизмы, политические и военные термины. В то же время, органической составной частью лагерного языка является и обценная лексика (бранные, неприличные, нецензурные слова и выражения).

Под *ненормативной лексикой* мы понимаем все лексические пласты, лежащие „ниже” разговорного языка образованных слоёв общества и включающие просторечия (в особенности городское просторечие) и все разновидности арго и групповых жаргонов (социальных диалектов) (Косцинский 1980: 364).

Подробный анализ лексических единиц лагерного языка с точки зрения русской лингвистической терминологии приводит в каждом конкретном случае к использованию таких различных терминов, как: разговорно-просторечная лексика (*баланда, затируха*), жаргонизмы (*чёрный ворон, воронок, параши*), арготизмы (*пахан, урка, шестёрка*), профессионализмы (*штрафлаг, особлаг, шизо*), вульгаризмы (*падло, „раскладушка“, „мохнатая кража“*), неологизмы-советизмы (*тройка ОСО, спецконтингент, вохровец*), проникшие в общее употребление из более или менее узких сфер и отличающиеся специфической *стилистической и экспрессивной окраской*.

Однако вышеназванные термины не покрывают полностью лексико-семантическую разнообразность лагерного языка, если мы хотим обратить внимание и на особую коннотацию слов, входящих в его словарный состав. Это и вызвало необходимость введения таких новых терминологических понятий, как:

– табуированные „советизмы” (напр. : *спецпоселение, спецпоселенец, „сталинский крестник“, „ящик“*), для отличия их от советизмов, в понятии В. Костомарова и Е. Верещагина (Верещагин – Костомаров 1971: 26-27);

– „жарго-кримонимы” – жаргонные кримонимы как отдельная группа лагерных жаргонизмов и арготизмов, выступающих как варианты криминологических и судебных терминов (напр. : высшая мера наказания – „*вышка*”, „*вышак*”; лишение гражданских прав – „*намордник*”).

Выше мы уже говорили о трудностях перевода и о необходимости составления специального словаря русского лагерного языка, который мог бы служить практическим подспорьем для переводчиков русской-„советской” (неподцензурной) и зарубежной русскоязычной „лагерной” литературы.

Принципы и методология создания такого словаря – за исключением уже упомянутых попыток советских и зарубежных лексикографов – еще не разработаны.

Нам кажется, что такой словарь, охватывающий разные пласты лагерного разговорно-просторечного языка (арготизмы, жаргонизмы, табуированные „советизмы”, профессионализмы, вульгаризмы, обценизмы – одним словом, ненормативную лексику), должен быть, в первую очередь,

толковым словарём, комбинирующим лингвистические и страноведческие сведения о рассматриваемой языковой подсистеме данной субкультуры бывшего советского общества. Поскольку речь идёт главным образом о безэквивалентной лексике, толкование слова следовательно не может быть лишь его чисто филологическим определением, а должно быть и кратким описанием знаний, связанных с содержанием слова, т.е. толкование должно носить и энциклопедический характер.

Эмоциональная нагруженность лагерной лексики при составлении словаря выдвигает и проблему выявления лексической коннотации. Это означает, что из описания значения слова в словарной статье пользующийся словарём должен отметить и осмыслить „эмоционально-стилевое семантическое содержание слова” (определение даётся по: Филиппов 1978: 57), т. е. с помощью филологического и энциклопедического толкования сумеет провести границу между интеллектуальным и эмоциональным содержанием слова, отделить денотацию от коннотации.

В размышлениях о принципах составления словаря безэквивалентной лексики В. Заславский и М. Фабрис тоже приходят к мысли, что „автономность коннотации требует включения её в словарь на равных правах с денотацией” (Заславский – Фабрис 1982: 398).

По мнению Е. Верещагина и В. Костомарова, словарь безэквивалентной лексики обязательно должен включать в себя пространный коннотативный лингвострановедческий комментарий (Верещагин – Костомаров, 1973: 83-85). С этим требованием в нашем случае нельзя не согласиться, ведь составляемый нами словарь предназначен для венгерских преподавателей русского языка, студентов-русистов и уже упомянутых переводчиков.

Из упрощённого определения лексической коннотации А. Филиппова (коннотация – это „эмоционально-стилевое семантическое содержание”) следует, что при выявлении коннотации слов важно учитывать не только их эмоциональное содержание, но и их стилевое значение как ту часть семантики слова, которая определяет социальную принадлежность и возможности использования данной лексики. Значит, в словаре должна быть учтена и стилевая окраска слов.

При выявлении коннотации слов в словарной статье мы применяем комплексный подход: помимо толкования слова, которое даёт лингвистические и страноведческие сведения, приведем в качестве коннотативного комментария цитаты из художественных, публицистических и мемуарных произведений.

Несмотря на то, что речь идёт об одноязычном толковом словаре, его предназначение требует давать и венгерские эквиваленты слов и словосочетаний словника, в который, в основном, входит безэквивалентная лексика. Что касается решения этого, на первый взгляд, противоречия, мы избрали два возможных пути: дать

- а) прямой венгерский эквивалент (а это в некоторых случаях возможно, ведь основные реалии советского и венгерского тюремного режима и быта во многом схожи, особенно до конца 50-х гг.), например: *шмон* (обыск) – *hippis*; *наседка* (подсаженный в камеру провокатор-осведомитель) – *vamzer*; *вертухай* (надзиратель, охранник) – *smasszer*;
- б) „косвенный” венгерский эквивалент, под которым мы понимаем такие „понятные кальки”, как, например: *лагнаселение* – *lágertlakosság* (но почему *население*, из кого оно состоит?); *лагпоселение* – *lágertelepülés* (в чём оно отличается от *лагпункта*?); *особлаг* – *különleges lágert* (относительно чего он *особый*?). Однако без коннотативного русскоязычного комментария, раскрывающего культурный или идеологический компонент лексического значения данных слов, для иностранца они в полном лексикосемантическом диапазоне непонятны.

Возможен и третий путь: венгерское, объяснительно-описательное раскрытие значения, но оно, относительно нашего словаря, не имеет смысла, так как словарная статья содержит комплексное толкование на русском языке с оправдательными примерами (а дальше, как говорится, дело переводчика. . .).

Слова в словаре расположены в алфавитном порядке ввиду того, что в ходе лексикологического анализа тематические группы слов уже были выделены (по крайней мере самые характерные). Кроме того, алфавитный порядок

расположения слов даёт возможность легче и быстрее найти нужное слово.

Словарные статьи состоят из словника (после слов в скобках даются стилистические пометки), комплексного толкования значения слова и оправдательных примеров (цитат, с указанием на источники).

В словник входят не только отдельные слова, но и словосочетания как единые смысловые лексические единицы (по возможности с учётом алфавитного порядка слов при выделении на первое место доминанты).

В толковой части словарной статьи часто даётся и оригинальное значение слова, если речь идёт о переосмыслении изначального значения.

В отношении составления словника надо сделать ещё одну оговорку: слова, включённые в него, могут показаться произвольно подобранными, так как среди них есть и такие, которые не относятся в узком понимании к лагерной лексике, как, например, некоторые профессионализмы из лексикона карательных органов (ЧК, НКВД, МВД, КГБ), табуированные „советизмы”, слова арго разных мафий (рэкетиров, картёжников, нарко-бизнеса), но мы основывались на том, что определённая часть этой лексики пересекается, совпадает со словоупотреблением заключённых (язык уголовников влияет на разговорную речь сотрудников карательных органов и наоборот; некоторые словари-справочники по арготизмам как раз поэтому и предназначены для внутреннего пользования сотрудников МВД, прокуратуры, суда и т. д.).

ЛИТЕРАТУРА

- Верещагин, Е. М. и Костомаров, В. Г.
1971 *Лингвистическая проблематика страноведения в преподавании русского языка иностранцам*, М. 1971.
- 1973 *Язык и культура. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного*, М. 1973.

- Власова, З. И. и Горелов, А. А.
1965 *Частушки в записях советского времени*, М. -Л.
1965.
- Денисов, П. Н.
1974 *Очерки по русской лексикологии и учебной лексикографии*, М. 1974.
- Жигулин, А.
1988 *Чёрные камни*, „Знамя”, 1988: СП.
- Заславский, В. и Фабрис, М.
1982 *Лексика не равенство. К проблеме развития русского языка в советский период*, “Revue des Etudes slaves”, LIV/3, Paris 1982.
- Косцинский, К.
1980 *Ненормативная лексика и словари (к постановке вопроса)*, “Russian Linguistics”, 1980: IV(4).
- Крестинский, М. М. и Крестинский, Б. П.
1965 *Краткий словарь современного русского жаргона*, Посев, Франкфурт на Майне, 1965.
- Новые слова и значения*
1971 *Новые слова и значения*, ред. : Н. З. Котелова, Ю. С. Сорокина, М. 1971.
- Панов, М. В.
1968 *Русский язык и советское общество*, М. 1968.
- Селищев, А. М.
1928 *Язык революционной эпохи. Из наблюдений над русским языком последних лет (1917-1926)*, Работник просвещения, М. 1928.
- Филиппов, А. В.
1978 *К проблеме лексической коннотации*, „Вопросы языкознания”, 1978: I: 57.

- Galler, M. , Marquess, H. E.
1972 *Soviet Prison Camp Speech*, Madison, Wis. 1972.
- Szóke, G.
1991 *Szolzsényicin és a magyarok*, "Magyar Hírlap", 17. 8. 1991.
- Tiszóczy, C.
1986 *Военная лексика в советской художественной литературе и публицистике*, "Nemzetközi Szlavisztikai Napok", szerk. : K. Gadányi, Szombathely 1986.
- 1991 *О словарном составе лагерного языка*, "Nemzetközi Szlavisztikai Napok", szerk. : K. Gadányi, Szombathely 1991.
- 1992 *Общественные элементы лагерной лексики*, "Studia Slavica Savariensia", Szombathely 1992: II.
- 1995 *Фразеологические элементы лагерного языка*, "Slavica Quinqueecclesiensia", szerk. : E. Lendvai, Pécs 1995: I.

ABSTRACT

The author deals with the importance of a collection type of dictionary containing the so called "lager"-vocabulary in the first part (introduction) of his article, containing especially the works of the younger generation of translators.

In the following parts he gives a broad view of the achieved (or "not achieved") results of Soviet-Russian lexicography. He puts a strong emphasis on the works of Russist-lexicographers living in the Western world.

The last part of the article introduces the structure of the dictionary, first of all from a methodological point of view . He calls special attention to the importance of the introduction of connotative and denotative semantics of nonequivalent lexis within his article.

О ПОЛЬЗЕ ЗНАНИЯ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ ПРИ ПЕРЕВОДЕ ТЕКСТОВ С ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИХ ЯЗЫКОВ НА АНГЛИЙСКИЙ

John Jemison

Как известно, англичане – чудаки. Они ведь ездят по левой стороне дороги, в цифрах пишут точку вместо запятой, слова в их языке не имеют окончаний и так далее, и так далее. Но у них (значит, у нас) есть и другие чудачества, на чисто лингвистическом уровне, создающие немалые трудности при переводе с разных западноевропейских языков на английский. Сегодня я хочу остановиться на некоторых из этих трудностей и объяснить, как знание славянских языков может помочь переводчику решить эти проблемы.

Буду говорить, во-первых, об отглагольных существительных. Английский язык, как и другие европейские языки, заимствовал огромное количество отглагольных существительных в форме абстрактных существительных из латинского языка, через французский. Такие слова, как „информация”, „организация”, „коммуникация” стали „международными словами”, сразу же понятными всем носителям английского, французского, немецкого и русского языков – не правда ли? Мой многолетний опыт переводческой деятельности убедительно показывает: совсем не обязательно.

Оказывается, что во многих западноевропейских языках такие слова могут иметь разный характер: глагольный или существительный. Например, французское слово “information” имеет разные значения, относящиеся то к процессу сообщения информации, то к результату такого действия. Его эквивалентом на русском языке, согласно контексту, будет „сообщение” в смысле „информирование” (то есть глагольное значение слова), или „данные”, „справки” (то есть существительное значение). Такова же ситуация и в других языках, например, итальянском и немецком.

Но английский язык немножко отличается от этой модели. Английское слово “information”, хотя и имеет глагольное и существительное значение, чаще всего тяготеет к су-

ществительному. Например, если перевести французское выражение “*agence d'information*” на английский язык как “*information agency*”, смысл будет неточным, потому что английский читатель поймёт „справочное бюро” вместо „информационного агенства”. Вся суть в том, что в данном словосочетании французское слово “*information*” имеет глагольное значение, относящееся к процессу действия, “*agence d'information*” – это агенство, которое „сообщает” людям о текущих событиях, а в якобы идентичном выражении на английском языке “*information agency*” слово “*information*” относится к „тому, что сообщено”, то есть имеет существительное значение, и это создаёт впечатление, что речь идёт о „справочном бюро”. В этом случае перевести надо как “*news agency*”.

Проблема в том, что переводчику, носителю английского языка, очень трудно избавиться от влияния внешней идентичности французского слова “*information*” и английского слова “*information*”, что создаёт впечатление их идентичности по значению.

Но человек, изучающий тот или иной славянский язык, до определённой степени застрахован от опасности совершить такие ошибки. Он уже знаком с разницей между процессом действия и его результатом на основе видов глагола. Он знает, например, что слово „решение” относится то к глаголу „решать” (*он всю ночь решал проблему*), то к „решить” (*и решил её в пять часов утра*). В первом случае он понимает, что имеется в виду глагольное значение (или что-то в этом роде), и переведёт на английский как “*work done on solving the problem*”, тогда как во втором случае точным эквивалентом будет просто “*solution*”. Более того, эта проблема перевода, рассматриваемая в плане образования видов глагола и отглагольных существительных в русском языке, имеет „отчуждающий эффект”: это выводит переводчика из заблуждения, благодаря сходству этих слов по внешней форме во французском и английском языках. Например, если он переведёт, в уме, на русский слово „сообщение”, станет очевидно, что имеются и другие возможности – “*information*” можно перевести по-другому, нежели как “*information*”.

Сложности перевода отглагольных существительных с языка на язык, возникающие из-за глагольного значения слова в одном языке и существительного смысла в другом, становятся ещё более заметными, когда источником глагольного значения существительного на языке-оригинале является глагол не действительного, а страдательного залога. Например, один мой коллега по работе однажды споткнулся на слове “Informationsmöglichkeiten” в статье на немецком языке на социологическую тему. Он попробовал перевести его на английский язык как “information possibilities”, то есть „информационные возможности”. Он понял, что это словосочетание на английском языке звучит бессмысленно, даже смешно, но не мог видеть дальше эквивалента, внушаемого внешним обликом слова. На самом деле, по контексту ясно было, что смысл этого выражения – „возможности проинформироваться, стать проинформированным”. В этом случае анализ на основе принципов словообразования в славянских языках оказался полезным, особенно если иметь в виду, например, что на польском языке отглагольное существительное может дополняться возвратным местоимением “się”, так что эквивалентом на польском языке могло бы быть “możliwości informowania się”, что подчеркнуло бы глагольное значение и страдательный залог. В данном случае такой анализ был полезнее, чем многолетний опыт работы с немецким языком – коллега жил более десяти лет в Германии и даже работал преподавателем перевода.

Разумеется, нельзя утверждать, что понятие глагольного вида в английском языке тождественно этому понятию в русском. Дело скорее в том, что каждое из этих „международных слов” рассматриваемого типа занимает определённую часть своеобразного континуума, простирающегося от общего описания какого-то процесса действия до очень специфического результата этого процесса, и в том, что англоязычный переводчик, который знаком с системой глагольного вида в славянских языках, имеет полезную и практичную модель этого континуума. Он сможет употребить эту модель в поисках подходящего эквивалента на английском для этих слов на других западноевропейских языках, имея в виду тот факт, что занимаемая ими часть континуума не совпадает с ситуацией на английском языке.

Таким образом, мы уже видели, что слово “information” в английском языке имеет скорее существительный, чем глагольный характер, обозначает результат сообщения, так что можно отнести его к словам, производным от глаголов совершенного вида. Каково будет соответствующее слово, производное от глагола несовершенного вида? Наиболее вероятный ответ – “communication”, которое точно так же имеет более узкий диапазон значений, нежели подобное ему слово во французском. В английском “communication” имеет, в основном, глагольный характер, а также несколько „неопределённое” существительное значение, например, когда говорят об “a communication”, английский слушатель хочет знать что это за сообщение – письмо, коммюнике и т.д., тогда как во французском слово “communication” простирается по вышеуказанному континууму до очень специфических существительных значений, например: „доклад на симпозиуме”, „телефонный разговор”. Таким образом, наш переводчик запишет “communication-information” как своеобразную, условную „видовую пару” отглагольных существительных. Когда он встретится с французским словом “information”, если он решит, что в данном случае слово имеет глагольную силу (действительного залога), он переведёт или осмыслит французское выражение через английское слово “communication”.

Перейдём теперь к другой области, где знакомство с глагольным видом может служить полезным инструментом для перевода с разных западноевропейских языков на английский.

Как известно, каждое действие начинается, продолжается некоторое время и кончается. Все европейские языки передают такие нюансы через сложную систему приставок, суффиксов и разных преобразований глагола. Типичной чертой славянских языков является система видов глагола, позволяющая определить эти оттенки человеческих и других действий.

Но проблемы для переводчика возникают, когда какое-то действие описано как целое, без точного отношения к его началу, продолжению или завершению. В таких случаях употребляются слова, которые вроде бы относятся к разным этапам такого действия, но на самом деле описывают действие в общем.

Начнём с довольно известного примера: французское выражение “la lutte contre une maladie”, как и его эквивалент в русском „борьба с болезнью (эпидемией)”, переводится на английский как “control of a disease” (буквально „одоление болезни”). Все переводчики с французского на английский обязаны выучивать списки таких расхождений между двумя языками. Однако редко говорят об их внутренней логике. А эту логику можно понять из модели видов глагола в славянских языках. В этом случае ясно, что французское выражение относится к процессу действия, тогда как английский эквивалент имеет в виду желаемый результат этого процесса. Очевидно, что семантическое содержание обоих словосочетаний одинаково – расхождение в подборе слов не означает, что англичане борются более эффективным образом, чем французы.

Употребление модели системы видов глагола становится ещё полезнее при переводе самых обыкновенных слов, которые не имеют статуса терминов. Возьмём несколько примеров. Когда говорится по-французски о симпозиуме, “organisé à Paris en 1994” – буквально „организованном в Париже в 1994-ом году”, подразумевается, что симпозиум не только был устроен, но и имел место. Если перевести это выражение на английский как “a symposium organised at Paris in 1994”, то факт проведения симпозиума подвергнут сомнению, тогда как во французском языке такого оттенка нет. Самым естественным эквивалентом в английском языке будет “a symposium held at Paris in 1994”. Дело просто в том, что описание события на французском языке относится к начальному этапу, а на английском – к самому процессу действия. Разница только в подборе слов. Переводчику очень полезно знать, что действия можно разбить по разным этапам и что, когда речь идёт о действии в целом, то часто бывает, что разные языки употребляют слова, относящиеся к разным этапам действия. Человек, изучающий один из славянских языков, привык к употреблению видов и подвидов одного глагола, чтобы передать разные оттенки и этапы действия. Возьмём, например, однократные, многократные и номинальные формы глагола. Если для многих англоязычных переводчиков “organise” и “hold” просто два понятия, без какого-либо взаимного отношения, то их собратья по профессии, знающие славянские языки,

имеют возможность смотреть на эти слова как на два этапа одного действия и таким образом составить пару или ряд глаголов по видам и подвидам. Когда перевод выходит неестественным, они смогут подыскать другой глагол того же семантического содержания, но другого „вида” или „подвида”.

Разрешите привести ещё два примера. Однажды я читал в статье на шведском языке, что журналисты “hämtade” (получили) ответы на некоторые вопросы. Речь шла о самой обыкновенной встрече с прессой, но буквальный английский эквивалент этого выражения – “received answers to some questions” – был не совсем ясен. Эти слова на английском производят впечатление того, что вопросы задали заранее, и письменные ответы были вручены в готовом виде после доклада. Более естественным эквивалентом было бы “journalists were given the opportunity to ask some questions” (значит, они имели случай задать некоторые вопросы). На этот раз английский язык предпочитает употребление глагола, относящегося к начальному этапу действия, а шведский язык – слово, характеризующее завершающий этап.

И последний пример, из мира ЭВМ. В руководстве по употреблению компьютерной программы, написанном на французском языке, говорилось, что одну часть программы надо “lancer” (пустить в действие) прежде, чем выполнить какой-то другой приём. Ещё раз буквальный эквивалент на английском языке (“launch”, или “start up”) звучал неестественным в данном контексте, более подходящим оказался перевод “run” (исполнить). На практике, надо было нажать на кнопку и подождать, пока машина исполняет данную часть программы. На французском языке авторы руководства охарактеризовали это действие через описание его начального этапа, тогда как английский язык предпочитает описание самого процесса действия.

Такие трудности перевода гораздо легче преодолеть, если переводчик привык составлять, в уме или даже на бумаге, списки глаголов по схеме системы видов глагола в славянских языках. Такой список выглядит примерно так:

communication (процесс)	→ information (результат);
struggle, fight (процесс)	→ control (результат);
organise (начальный этап)	→ hold (процесс действия);
ask questions (начальный этап)	→ receive answers (завершающий этап);
launch, initiate (начальный этап)	→ run (процесс действия).

Если переводчик понял, что это – не отдельные слова, а взаимосвязанные понятия, то он способен на бóльшую гибкость, естественность и точность в работе. И именно в этой области я вижу, что для англоязычного переводчика полезно знание славянских языков.

ABSTRACT

The meaning of some abstract nouns, particularly in the case of “international” words like *information* and *communication*, in Western European languages is not always transparent for the translator working into English. In the source language these words may refer to a process or a result. A knowledge of the verbal aspects in Slavonic languages can be helpful to the English speaking translator in these and other cases.

PREKLAD AKO METODICKÝ POSTUP V POROVNANÍ S PROFESIONÁLNYM PREKLADOM

Daniela Müglová

Preklad zohrával v dejinách didaktiky prioritnú alebo posteriornú úlohu. Spôsob a rozsah jeho aplikácie v cudzojazyčnej výučbe patrí dodnes k najspornejším metodickým problémom. Jednou z príčin kontrapozičnosti názorov bola aj absencia striktnej diferenciacie medzi prekladom ako metodickým postupom a prekladom ako špecifickou bilingválnou rečovou činnosťou (profesionálnym prekladom). V metodickej literatúre chýba aj exaktné vyčlenenie a špecifikácia jednotlivých funkcií, ktoré preklad plní v cudzojazyčnej výučbe.

Profesionálny preklad sa odohráva v reálnej komunikácii a jeho úspešnú realizáciu podmieňuje celý rad subjektívnych i objektívnych faktorov. Preklad ako metodický postup sa uplatňuje výlučne v rámci pedagogickej komunikácie, ktorú tvorí komplex korelujúcich faktorov (učivo, učebný plán, učebné osnovy, učebnica, vyučovacia metóda, vyučovací cieľ, učiteľ a žiak).

V preklade ako metodickom postupe vystupuje učiteľ v úlohe vysielateľa východiskového komunikátu a žiak v úlohe realizátora cieľového komunikátu. Pragmatickému komponentu, ktorým je v reálnej bilingválnej komunikácii autorský zámer vysielateľa prototextu, zodpovedá v pedagogickej komunikácii učiteľova intencia dosiahnuť istý učebný cieľ. Prostriedkom sú translačné postupy v ich rôznych funkciách. Učiteľ je zároveň prvým príjemcom komunikátu realizovanom prostriedkami cieľového jazyka i jeho korektorom. Žiak neprekladá text s ohľadom na neznámeho príjemcu, ktorý neovláda východiskový jazyk, ale s ohľadom na známeho príjemcu, ktorý ovláda východiskový i cieľový jazyk lepšie ako žiak. Identifikácia pragmatického komponentu nie je v preklade ako metodickom postupe – na rozdiel od profesionálneho prekladu – podmienkou pre úspešnú realizáciu metatextu (ak abstrahujeme od faktu, že sa žiak spravidla usiluje odhadnúť intenciu učiteľa, aby vyhovel jeho nárokom a vyhol sa tak prípadným didaktickým sankciám). Zatiaľ čo v rovine komunikačného kontextu sa obidva druhy translácie zásadne líšia, v rovine vlastného procesu prekladu ich spája rovnaká úloha: reprodukovať text materializovaný prostriedkami východiskového jazyka prostriedkami cieľového jazyka. Diferencie medzi nimi

spočívajú len v simplifikácii analytickej a syntetickej fázy translačného procesu. Obidve fázy sa redukujú len na identifikáciu a reprodukciu jazykových významov. Ďalším diferenciačným kritériom je rozsah prekladovej jednotky. Kým v profesionálnom preklade je prekladovou jednotkou súvislý text, v preklade ako metodickom postupe sú to spravidla nižšie textové roviny (slovo, syntagma, veta, resp. krátky text, ktorý má prioritne didaktickú funkciu). Z realizačného aspektu sa preklad ako metodický postup líši polyfunkčnosťou svojho využitia. V metodickej literatúre sú tieto funkcie len všeobecne formulované a vyžadujú si terminologické a obsahové upresnenie. Pokúsili sme sa navrhnúť terminológiu jednotlivých funkcií (a subfunkcií) prekladu ako metodického postupu a bližšie špecifikovať ich obsah.

1. Inštrumentálna funkcia prekladu

V tejto funkcii nevystupuje preklad ako učebný postup, ale len ako prostriedok. Rozlišujeme explikatívnu (vysvetľujúcu) inštrumentálnu funkciu, ktorá sa aplikuje pri: a) prezentácii významu cudzojazyčných, spravidla lexikálnych, ale aj gramatických javov, b) identifikácii významu cudzojazyčných lexikálnych, ale aj gramatických javov. Inštrumentálnu funkciu plní preklad ako sémantizačný prostriedok. V podstate existujú dva prekladové sémantizačné postupy: a) substitučná prekladová sémantizácia, b) kontextuálna prekladová sémantizácia. Substitučná sémantizácia sa uplatňuje vtedy, ak sú lexikálne jednotky východiskového a cieľového jazyka kongruentné vo všetkých svojich jazykových významoch. Preklad sa realizuje jednoduchou substitúciou: cudzojazyčná jednotka – ekvivalent v materinskom jazyku, resp. opačne. Pod kontextuálnou prekladovou sémantizáciou rozumieme aktualizáciu cudzojazyčnej jednotky prostredníctvom jednotky materinského jazyka na základe jazykového kontextu.

Inštrumentálna funkcia evalvačná (kontrolná). Preklad tu figuruje ako kontrolný prostriedok na: a) kontrolu osvojenia jazykových prostriedkov, b) kontrolu osvojenia aktívnych rečových zručností, c) kontrolu osvojenia pasívnych rečových zručností, d) prostriedok kontroly globálneho porozumenia cudzojazyčného textu.

2. Kompetenčná funkcia prekladu

V tejto funkcii vystupuje preklad ako metodický postup na dosiahnutie jazykovej kompetencie (nácvik jazykových prostriedkov), resp. rečovej kompetencie (nácvik rečových zručností). Osvojovaním si obidvoch kompetencií bol motivovaný aj výber tohto termínu. Vychádzali sme z terminológie N. Chomského (Chomsky 1966: 127), ktorý nácvik cudzojazyčnej komunikácie delí na vypracovanie návyku (habit) a rozvíjanie zručností (performance). Preto kompetenčnú funkciu ďalej členíme na: a) habituálnu (vypracovanie návyku), b) performančnú (nácvik rečových zručností). Habituálnu funkciu plní preklad pri nácviku cudzojazyčných prostriedkov v rámci jednotlivých jazykových rovín (gramatická, lexikálna, syntaktická, štylistická). Performančnú funkciu plní translácia pri nácviku receptívnych a produktívnych rečových zručností.

3. Konfrontačná funkcia prekladu

Konfrontačnú funkciu plní preklad pri prezentácii systémových rozdielov medzi východiskovým a cieľovým jazykom. Konfrontáciu chápeme ako strešný pojem na porovnávanie jazykových prostriedkov na konfrontačnom základe (spoločné črty), ako aj na kontrastívnom základe (rozdielne črty).

4. Metalingvistická funkcia prekladu

V tejto funkcii vystupuje preklad vtedy, ak je cieľom výučby nielen získavanie jazykovej a rečovej kompetencie, ale aj rozvíjanie tzv. filologického myslenia na báze konfrontačnej a kontrastívnej lingvistiky. Prostredníctvom tejto funkcie získava žiak vedomosti o jazyku, konkrétne o systémových a štruktúrnych diferenciaciách medzi východiskovým a cieľovým jazykom.

5. Vedecko-propedeutická funkcia

V tejto funkcii sa preklad uplatňuje pri nácviku pracovných postupov s odbornou literatúrou (práca s dvojazyčnými slovníkmi, výkladovými slovníkmi a inými translačnými pomôckami).

Práve polyfunkčnosť využitia prekladu ako metodického postupu je jedným z kritérií, ktorými sa líši od profesionálneho prekladu. K ďalším diferenciacným parametrom patrí: 1. polarita vzťahov “prostriedok” a “cieľ”. Pre profesionálny preklad je ovládanie východiskového a cieľového jazyka základným predpokladom (prostriedkom na realizáciu cieľa – adekvátneho prekladu). Rečová kompetencia je v tomto prípade prostriedkom a preklad cieľom. Pre preklad ako metodický postup sú translačné cvičenia prostriedkom a cieľom je dosiahnutie rečovej kompetencie; 2. úloha materinského jazyka. Na rozdiel od profesionálneho prekladu, ktorý sa v učebnej fáze zameriava na vypracovanie návyku (priamych asociatívnych spojov CJ-MJ/MJ-CJ), úlohou prekladu ako metodického postupu je eliminácia vnútorných podvedomých asociatívnych spojov medzi materinským a cudzím jazykom. Úloha prekladu ako metodického postupu je z tohto aspektu paradoxná. Translačné postupy napomáhajú bezprekladovému ovládaniu cudzieho jazyka.

Aplikácia jednotlivých funkcií prekladu ako metodického postupu by sa vo vyučovacom procese mala realizovať v hierarchickej postupnosti, a to v závislosti od štádia cudzojazyčnej výučby a fáz vyučovacieho procesu. Hierarchický progres jednotlivých funkcií by sa mal aplikovať nasledovne: 1. z aspektu expozičnej fázy (prezentácia učiva): inštrumentálna funkcia (substitučná sémantizácia) – (kontextuálna sémantizácia), 2. z aspektu fixačnej fázy: konfrontačná (kontrastívna) – kompetenčná (habituálna) – kompetenčná (performančná) – metajazyková, 3. z aspektu kontrolnej fázy: inštrumentálna evalvačná kontrola jazykových prostriedkov, kontrola globálneho porozumenia, kontrola pasívnych a aktívnych rečových zručností.

Myslíme si, že exaktná klasifikácia jednotlivých funkcií prekladu a ich obsahová špecifikácia prispeje k efektívnemu využitiu prekladu ako metodického postupu v praxi cudzojazyčnej výučby.

LITERATÚRA

- Chomsky, N.
1966 *Syntaktické štruktúry*, Praha 1966.
- Ptáček, J.
1969 *Audiovizuální pomůcky, prostředky a některé směry v metodice vyučování ruskému jazyku – překlad*, SPN, Praha 1969.
- Vannikov, J.B.
1980 *Obučenijsje perevodu i perevodnyj metod obučenijsja*, “Russkij jazyk za rubežom”, 1980: I: 47-54.
- Vaseva, I.
1972 *Teorija i praktika perevoda*, Sofia 1972.

РЕЗЮМЕ

Место и роль учебного перевода в процессе обучения иностранным языкам были предметом методических споров, затянувшихся на многие десятилетия. Причиной противоположных суждений о дидактической ценности этого методического приёма являлось прежде всего отсутствие строгого разграничения профессионального и учебного переводов.

В основе нашей статьи лежит попытка точной дифференциации профессионального и учебного переводов. Мы предлагаем также новую терминологию для наименования отдельных функций учебного перевода и специфицируем их содержание.

ТРАНСФЕРТЫ, ОФЕРТЫ, ДИВИДЕНДЫ И ПРОЧЕЕ
(ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ НАД УСТНЫМ И ПИСЬМЕННЫМ
ПЕРЕВОДОМ С ИТАЛЬЯНСКИМИ СТУДЕНТАМИ-
СТАЖЁРАМИ В БЭУ, ГОРОД БУДАПЕШТ)

Lj. Zecchini – T. Mihalik

В Будапештском Университете экономических наук вот уже пятый год в сентябре месяце проводятся интенсивные курсы русского языка для студентов школы переводчиков из г.Триест. Материал и тематическое содержание этих курсов с течением времени претерпели своеобразное изменение. Если раньше темами наших занятий являлись в лучшем случае страноведческие материалы, а студенты-выпускники этой школы выбирали в качестве дипломной работы переводы произведений Булгакова или в крайнем случае В.Маканина, то сейчас всё чаще они обращаются к словарям или монографиям, занимающимся языком рыночной экономики. Естественно, изменился и профиль наших занятий. Сейчас в центре наших занятий – экономические тексты, экономическая терминология и переводы статей экономического характера. Интерес студентов к экономической терминологии объясняется тем, что в последнее время в Италии появилось много итало-русских совместных фирм и предприятий, которым нужны переводчики, хорошо знающие русский язык. Если раньше большого труда не составляло чтение и перевод русско-советских статей по экономике, то сейчас обучение языку экономики связано с определёнными трудностями, так как на практике будущие переводчики будут сталкиваться с материалами договоров, соглашений о поставках товаров, документами банковского, биржевого и коммерческого характера. К тому же для обучения новой терминологии нужны, естественно, соответствующие учебники и пособия, которых у нас практически нет. Пришлось искать другие источники и другие пути.

Естественно, что прежде всего мы обратились к газетам в надежде найти самую свежую информацию и современную терминологию, и вот что мы нашли. Возьмём отнюдь не сугубо профессиональную газету „Московские

новости”. В пятом номере за январь 1995 года в рубрике *Бизнес-ритм*, что само по себе звучит не по-русски, есть такие фразы: „Упали курсы практически всех бумаг, входящих в рейтинг популярности. Снижение сводного индекса АК&М и индекса акций промышленных предприятий произошло главным образом из-за снижения котировок акций НК «Лукойл», РАО «ЕЭС России» и «Юганскнефтегаза»”. При желании можно, конечно, проведя „расследование”, перевести на понятный для студентов язык все эти сокращения и термины, которые встречаются в приведённом отрывке, но вряд ли стоит это делать, ведь говоря экономическим спец. языком, „сводный коэффициент полезности при этом сильно падает”.

Итак, наша первая попытка прямой замены устаревших учебников экономическими статьями из газет и журналов окончилась безуспешно. Каким же образом можно обучить студентов новой терминологической лексике в изменившихся условиях? Попробуем обратиться к словарям-справочникам, которых в последнее время появилось великое множество. Возьмём, например, *Словарь банковско-биржевой лексики на шести языках* (Бобылёв 1992). Такой словарь был издан в России впервые, говорить о важности подобных изданий, мне кажется, не стоит. Посмотрим, что может взять из него преподаватель русского языка для своих практических целей. Во-первых, открыв словарь, мы сразу же обнаруживаем огромное количество заимствований. Это кальки в основном с английского, немецкого и итальянского языков. Например, на стр. 224 фигурируют следующие термины *тезаврация, тикер, тайминг, тираж, трассат, трассант, титулы, ценные бумаги, бланковый документ, титул номинальный*. Пожалуй, только *ценные бумаги* звучат по-русски. Итак, большая часть терминов экономической лексики – это заимствования, кальки из английского, немецкого и итальянского языков. Классифицируя эти заимствования из других языков, можно выделить среди них несколько групп. Первую группу составляют такие термины, как *аваль, аванс, авизо*, давно ставшие экономическими терминами в русском языке, утратившими нередко уже своё „иноземное” обличье и ведущие себя, как коренные слова, т.е. имеющие глагольную форму и/или форму прилагательного от этих слов (см. *авансировать*,

авансовый платёж и т.д.). Другая группа – это слова-термины, которые всё ещё пишут в кавычках и нередко объясняют их значение в скобках. Например: „бай-бэк” (сделка на условиях компенсации); „шоуинг” (показ); „суич” (обмен) и т.д. Между двумя этими группами располагается большое количество подгрупп, в которых наблюдается переосмысление уже имеющихся терминов и общеупотребительных слов. Так, переосмысливается термин *долг*: даётся два варианта: *деbt* и *долг* и поясняется, что здесь *долг* понимается как *результат предоставленного кредита* (Бобылёв 1992: 96). Или другой пример. Термин *трассант* уже давно вошёл в русскую терминологию и в данном случае имеет следующее объяснение: „лицо, выставившее тратту и подписавшее чек”. Но в другом контексте при значении: „лицо, давшее обязательство выкупить определённое число акций либо облигаций в момент их эмиссии” – даётся двойной термин *подписчик, трассант*.

С другой стороны, наряду с тенденцией заимствования иностранных терминов, в первую очередь из английского, немецкого и итальянского языков, хотя есть случаи заимствований из испанского (например, *сальдар*, что значит: *ликвидировать, оплатить, закрыть счёт, долг* и т.д.), наблюдается и возрождение давно забытых старых терминов. Так, один из банков России предлагает называть „свидетельство о депонировании” – „купчей”, так как это и короче, и точнее, по их мнению. Такой термин в последние 70 лет не употреблялся за неимением предмета, который он называл.

Возвращаясь к заимствованиям из других языков, в частности из итальянского, следует отметить, что больше всего терминов, пришедших из итальянского языка, встречается в банковской сфере. Возьмём, например, такой термин, как *делькредере*. К нему в указанном словаре имеются следующие объяснения:

1. Риск, связанный с предоставлением кредита;
2. Гарантия против некредитоспособности должника;
3. Резервный фонд, существующий в банках для покрытия возможных потерь в связи с невозвращением предоставленных кредитов;
4. Поручительство комиссионера за выполнение покупателем финансовых обязательств.

Нетрудно заметить, что значения данного термина в русском языке весьма противоречивы, если не прямо противоположны, например 1-е и 2-е значения. Интересно, что английское и испанское соответствия в указанном словаре отсутствуют.

Непосредственными заимствованиями из итальянского языка являются другие два термина: *счёт „лоро”* и *счёт „ностро”*, к которым присоединился термин *счёт „востро”*, употребляемый в настоящее время в качестве синонима к термину *счёт „лоро”*.

Говоря об изменениях в терминах, заимствованных из других языков, интересно проследить, как изменяется написание термина в процессе пользования им. Так, термин *трансфер(т)*, употребляемый в разных значениях, основное из которых: *перевод денег из банка в банк*, имел раньше букву „т” в конце слова, а впоследствии, возможно, под влиянием немецкого или английского эквивалентов, а также для удобства при пользовании формой прилагательного в таких сочетаниях как *трансфер(т)ный риск*, термин всё чаще стал употребляться без буквы „т” в конце слова и теперь в разных справочниках имеет разное написание, но тенденция к окончательной потере буквы „т” ясно прослеживается. Подобная трансформация произошла и с термином *оф(ф)ерта*, который в настоящее время тоже имеет двойное написание – с одним или с двумя „ф”.

Итак, не только в употреблении, но и в написании терминов всё ещё имеются серьёзные расхождения, которые будут нормированы, по всей вероятности, с течением времени вместе с установлением нормативности вообще в экономической терминологии в русском языке. А пока мы вынуждены удовлетворяться набором в большинстве своём заимствованных из других языков, часто смешиваемых и синонимичных, нередко неточно употребляемых терминов. Наглядным примером подобного смешения и неточного употребления терминов могут служить термины *брокер – дилер – джоббер*. В упомянутом выше словаре термин *брокер* встречается четыре раза и в объяснениях к нему имеются отклонения в значениях, но общее в этих значениях это определение *брокера* как *биржевого агента*. Другой термин, *дилер*, относят к англосаксонским терминам и дают следующее объяснение: „Биржевой агент, работающий

не только на своих клиентов, но и проводящий биржевые операции за свой счёт” (*там же*, 86). Обратившись же к *джерберу*, находим, что это „Брокер, действующий на Лондонской бирже не только как посредник, но и как заинтересованное лицо”. Итак, круг замкнулся. На основании этих дефиниций вряд ли можно определить разницу в значениях этих терминов. И всё же, несмотря на разноречивость и противоречивость в употреблении и описании терминов, подобные словари являются наиболее приемлемыми и надёжными источниками получения новой информации в отношении экономической терминологии, и трудно переоценить помощь, которую они оказывают преподавателям и студентам в усвоении языка рыночной экономики.

Наряду с заимствованием терминов и возрождением старых понятий и дефиниций особенностью экономической лексики последних лет является так называемое „размывание” и отклонение в значениях общепринятых терминов, замена их другими, синонимичными, нередко заимствованными. Так, вместо *показателя* дохода (текущего потребления) в газетах пишут об *индикаторах*, характеризующих уровень жизни, хотя в *Словаре иностранных слов* такого значения у термина *индикатор* нет. Подобное разграничение уже имевших хождение терминов от употребляемых в настоящее время вызвано, по всей вероятности, потребностью отделить термины языка рыночной эпохи от терминов предыдущей эпохи, то есть другими словами, назвать новое явление или новый предмет новым термином. Таким образом сейчас вместо *бюро* говорят и пишут *офис*, вместо *представление фирмы* – *презентация фирмы*; вместо *предпринимательство, дело* – *бизнес*; вместо *директор объединения* – *президент ассоциации*; вместо *обслуживание* – *сервис*; вместо *страховое обеспечение* – *страховой полис* и т.д. Наряду с этим появляются, естественно, и новые понятия, а с ними и новые термины, которые нередко сразу же начинают употреблять в сокращении. Так, наряду с термином *прожиточный минимум* (ПМ) директор Всероссийского центра уровня жизни при Минтруда РФ употребляет термин *минимальный потребительский бюджет* (МПБ), который означает совокупность так называемых разумных потребностей человека в отличие от элементарных (ПМ),

поддерживающих работоспособность и здоровье людей. Итак, обратившись при работе с итальянскими студентами к экономическим текстам и экономической терминологии, мы ясно представляли себе, с какими трудностями нам придётся встретиться на этом пути. С другой стороны, нам естественно, нужно было учитывать специфику аудитории, то есть тот факт, что наши студенты в данном случае – носители итальянского языка, поэтому работу с ними мы строим на основе сопоставительного анализа родного и обучаемого языка, на основе контрастивности, тем более, что речь идёт о будущих переводчиках, для которых очень важно усвоить навыки правильного выбора эквивалентов. Ставя в центр внимания сравнительно-сопоставительный анализ итальянского и русского языков, мы вслед за Смирницким считаем, что *разница* между любыми двумя языками заключается *не в их способности* выражать те или иные значения (ибо любой язык может выразить любое значение), а в том, *какими средствами выражаются* значения в каждом конкретном языке.

В том случае, если в каком-либо языке отсутствует та или иная грамматическая категория, язык выражает её другими средствами. Так, например, *русские видовые глагольные значения* передаются на итальянский язык по-разному, с помощью выбора разных лексических форм. Например, такое предложение: *Tanto era commosso che cominciò a piangere* имеет русское соответствие: *Он был настолько расстроен, что заплакал*, где значению русского глагола совершенного вида соответствует лексическая конструкция *cominciò a piangere*. Или другой пример. Видовая пара русского глагола *знать-узнать* имеет итальянское соответствие *sapere – venire a sapere*.

Отсутствие в одном языке и наличие в другом той или иной категории не исключает возможности передачи значений её с помощью иной конструкции. Так, несмотря на то, что в русском языке нет артиклей, категория определённости-неопределённости может быть выражена с помощью других языковых средств, например, с помощью порядка слов. Так следующие два итальянских предложения, в которых категория определённости-неопределённости выражена с помощью артиклей, на русский язык передаются с изменённым порядком слов: *Una donna entrò nella camera; la*

donna entrò nella camera. Русские соответствия этих предложений: *В комнату вошла женщина*. И второе: *Женщина вошла в комнату*. Как правило, актуальное членение предложения в русском языке передаётся чаще всего порядком слов или интонационными средствами, а в итальянском наряду с порядком слов используется и *местоимённая реприза*. Например, такое предложение как: *Франческо я знаю хорошо* – имеет итальянское соответствие: *Francesco lo conosco bene*. Возвращаясь к контрастивности русских и итальянских глагольных конструкций, следует отметить, что хотя в русском языке отсутствует такая разветвлённая система глагольных времён (например, в прошедшем времени) и нет необходимости в согласовании временных глагольных форм в рамках сложного предложения, всё же у итальянских студентов есть свои трудности при изучении русских глаголов. Так, довольно много сложностей возникает у них при изучении русских глаголов движения, так как в них часто выражается способ передвижения, что нередко отсутствует в итальянских глаголах, таких как *andare, camminare*. В формах будущего времени у русского глагола нет модального значения, в отличие от форм итальянских глаголов в Futuro semplice, поэтому при передаче на русский язык предложений типа: *Lei ricorderà quanto abbiamo fatto per lei* требуется введение дополнительного модального члена и переводится такое предложение как: *Вы, вероятно, не забыли, сколько мы сделали для вас*.

Как правило, у неличных форм глагола в итальянском языке (инфинитива, *participio*, например) может быть свой субъект, не совпадающий с субъектом глагола в личной форме. В русском же языке субъект неличных форм (инфинитива, причастия и деепричастия) всегда должен совпадать с субъектом глагола в личной форме, поэтому пословице *”L'appetito vien mangiando”* соответствует русская *„Аппетит приходит во время еды”*, где одна из двух глагольных форм итальянского предложения должна была быть заменена на форму отглагольного существительного *еда*.

Сопоставляя модели русских и итальянских предложений, следует обратить внимание учащихся на то, что в русском языке нормативно употребление личных местоимений в функции подлежащего, а в итальянском нормативно опущение местоимений, и появляются в предложении

они только тогда, когда это необходимо для различения лиц (например, в *Congiuntivo*). Особое место в сопоставлении русских и итальянских конструкций занимает причастие. Хотя в отношении как употребления причастий, так и согласования его с другими частями речи есть много общего в итальянских и русских причастных конструкциях, всё же значительны и различия между ними. Так, если причастия и причастные обороты в русском языке являются принадлежностью научного стиля речи, а разговорному стилю они не свойственны, то в итальянском разговорном языке они встречаются намного чаще, чем в русском. С другой стороны, итальянское причастие участвует при образовании сложных перфектных форм глагола, а также является частью так называемой абсолютной конструкции, чего нет в русском языке. Русские действительные причастия настоящего времени употребляются чаще, чем итальянские *participi presenti* и чаще выступают в составе причастных оборотов. Русские же страдательные причастия настоящего времени не находят себе соответствия в итальянском языке и могут быть переведены с помощью *frase relativa* (*che* + страдательный глагол), например, *создаваемый* = *che è creato*.

Русские страдательные причастия настоящего времени, в отличие от итальянских *participi*, не могут образовывать оборотов, аналогичных итальянской абсолютной конструкции. Значения, передаваемые этой конструкцией, в русском языке выражаются деепричастным оборотом или придаточным предложением: *Написав письмо, я пошёл опустить его* = *Scritta la lettera sono andato a imbucarla*.

Проводя сопоставительный анализ различных языков, следует иметь в виду, что разница между языками заключается также в том, что те или иные значения в одном языке могут отсутствовать или быть неразличимыми, тогда как в другом они обязательны и различимы. Например, в русском языке *рука* – это верхняя конечность человека от плеча до пальцев, а также от запястья до пальцев (Ожегов 1973: 632), поэтому итальянское *la mano* и *il braccio* в русском языке имеют один эквивалент. Такое же положение со словами *la gamba* и *il piede*. Хотя в русском языке есть такие эквиваленты, как *бедро*, *голень* или *ступня*, но они, как правило, употребляются в анатомии, в общепотребитель-

ном же языке эти понятия передаются в большинстве случаев недифференциально, как *нога*.

В заключение следует отметить, что нередко несовпадения ИЯ-а и РЯ-а наблюдаются на уровне узуса. Несовпадение сигнификативных значений особенно ощутимо в тех случаях, когда речь идёт о метафорах, пословицах и поговорках, т.к. различия культурно-социального, этнического и исторического характера не могут не сказаться на образных ассоциациях. Так, если поговорка "Andare a letto con i polli" легко передаётся на русский язык выражением *Ложиться спать с курами*, то такая поговорка, как "Essere un buon pollo" уже никакого отношения к курам не имеет в русском языке, так как такого человека называют обычно *простаком* или *простофилей*.

Итак, обучение переводу – это обучение определённым переводческим трансформациям. Необходимость же в определённых переводческих преобразованиях вызвана несовпадением ИЯ-а и РЯ-а на уровне системы, нормы и узуса, т.е. тем, что в ИЯ-е и РЯ-е не совпадают средства выражения эквивалентных значений или средства описания аналогичных ситуаций. И задача преподавателей-практиков заключается как раз в том, чтобы привить студентам навыки ориентации и научить их выбирать правильный путь при переводе с одного языка на другой. Как говорил Корней Чуковский: „Не букву буквой нужно воспроизводить в переводе, а улыбку – улыбкой, музыку – музыкой, душевную тональность – душевной тональностью”.

ЛИТЕРАТУРА

- Бобылёв, Ю.А.
1992   *Словарь банковско-биржевой лексики на шести языках*, МаксОР, М. 1992.
- Гак, В.Г.
1977   *Сопоставительная лексикология*, М. 1977.
- Гак, В.Г. и Львин, Ю.И.
1970   *Курс перевода. Французский язык*, М. 1970.

- Гак, В.Г. и Ройзенблит, Е.Б.
1965 *Очерки по сопоставительному изучению французского и русского языков*, М. 1965.
- Грамматика и семантика романских языков*
1978 *Грамматика и семантика романских языков*, М. 1978.
- Грамматика современного русского языка*
1970 *Грамматика современного русского языка*, М. 1970.
- Латышев, Л.К.
1981 *Курс перевода*, М. 1981.
1988 *Перевод: проблемы теории, практики и методики преподавания*, М. 1988.
- Львовская, З.Д.
1985 *Теоретические проблемы перевода*, М. 1985.
- Ожегов, С.И.
1973 *Словарь русского языка*, М. 1973.
- Словарь иностранных слов*
1980 *Словарь иностранных слов*, М. 1980.
- Смирницкий, А.И.
1957 *Синтаксис английского языка*, М. 1957.
- Petuhova, T.
1994 *Magyar-ország közgazdasági szótár*, Aula Kiadó, Budapest 1994.

ABSTRACT

Transfers, Offers, Dividends and Other: the Experience of Teaching Translation and Interpretation to Postgraduate Italian Students at the University of Economic Science in Budapest.

This paper examines present transformations in Russian economic terminology. The authors compare a series of Russian and Italian phraseological models which have no equivalence in the other language, illustrating possible translation transformations.

ПЕРЕВОД КАК МЕТОД СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ
ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ И КОММУНИКАТИВНОЙ
КОМПЕТЕНЦИЙ УЧАЩИХСЯ НА СРЕДНЕМ И
ПРОДВИНУТОМ ЭТАПЕ ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ
КАК ИНОСТРАННОМУ

А. Димитрова – В. Илиева

В связи с глубокими культурными, историческими и экономическими узами между Болгарией и Россией у нас сложилась определённая традиция в преподавании и изучении русского языка как иностранного. Изучение русского языка и русской культуры в большинстве случаев осуществляется на основе перевода русскоязычных публикаций. Как специфический вид речевой деятельности перевод находит всё более широкое применение в учебном процессе как средство повышения эффективности овладения русским языком.

В современной методике обучения иностранным языкам учёт родного языка признаётся одним из ведущих лингводидактических принципов. Потребность сравнивать родной язык с изучаемым изначально существует в сознании человека. Это положение касается прежде всего обучения близкородственным языкам.

Генетическая близость русского и болгарского языков увеличивает возможность появления интерференций при обучении болгар русскому языку. Под интерференцией мы понимаем механическое перенесение навыков родного языка в речевую деятельность на неродном языке, приводящее к отрицательным результатам в процессе обучения. Одним из дидактических способов предупреждения интерференции является учебный перевод.

Опираясь на труды известного в Болгарии методиста К.Бабова, мы используем в своей работе его книгу *Проблемы интерференции в процессе обучения русскому языку в болгарской школе* (Бабов 1974б).

Уроки по переводу сталкивают учеников с интерференцией на лексическом уровне. Наблюдая несовпадение семантического объёма русских и болгарских слов, ученики испытывают затруднения при правильном выборе нужного слова при переводе.

Например: *жена* – *жена*, *женицина*; *ябълка* – *яблоко*, *яблоня*; *пазя* – *беречь*, *стеречь*, *хранить*.

А практика показывает, что русские слова этого типа, недостаточно дифференцированные учащимися по значению и употреблению, превращаются в синонимы для них. И это делает перевод неточным и семантически неверным.

Интерференция может проявляться в плане содержания. В таких случаях учащиеся буквально переводят с болгарского на русский предложения: *Миша дълго се вози с велосипед* – *Миша долго возился с велосипедом*, вместо: *Миша долго катался на велосипеде*.

На лексическом уровне особую трудность представляет собой межъязыковая омонимия. Одинаковые (или почти одинаковые) звучание и написание в обоих языках – факторы, лежащие в основе отрицательного переноса. Каждый такой случай полного или относительного совпадения при расхождении содержания – уязвимая, трудная ситуация для переводчика. Примеров тому много. Таковы лексемы *линейка* со значением в болгарском языке „машина скорой помощи“; *ягода* – только „клубника“, „земляника“, а не в качестве общего понятия для плодов кустарников и трав зернистой структуры.

Должное внимание отводится также внутризвуковым омографам: *зámok* – *замóк*; *прóвод* – *провóд*; *úже* – *ужé*; *Сóфия* – *Софíя*.

Лучше всего, на наш взгляд, проводить работу по предупреждению интерференции слов этого типа в предтекстовых задачах и всегда на примерах параллельных предложений с прозрачным контекстом.

Существенное место в семантико-семиотической модели занимает проблема единицы перевода. Под единицей перевода Л.С.Бархударов понимает „такую единицу в исходном тексте, которой может быть подыскано соответствие в тексте превода“ (Бархударов 1975). Таким образом оказывается, что единицей перевода может быть единица не только лексического (как было подчёркнуто выше), а любого языкового уровня (фонетического, морфологического, синтаксического).

В зависимости от того, к какому уровню относится единица перевода, мы различаем перевод на уровне морфем,

на уровне слов, словосочетаний; на уровне предложений и на уровне всего текста.

Именно в классах начального языкового обучения этой части переводческой деятельности уделяется особое внимание.

Уже с первого знакомства с русским словом или словосочетанием из конкретного предложения или текста ученики работают по переводу с русского на болгарский на уровне морфем, которые наблюдаются при калькировании:

пыле/сос → прахо/смукачка;

снего/пад → снего/валеж.

Усложняя и совершенствуя эту модель, в 6-8 классах используется перевод на более высоком уровне – уровне слов, т.е. работа ведётся по дословному переводу на примере микротекста. Этот уровень используется на уроках грамматики при изучении отдельных частей речи.

Реката се покрити с лед.

↓

↓

↓

Река покрылась льдом.

Този Коля е ужасна закачалка.

↓

↓

↓

↓

Этот Коля ужасный задира.

Коммуникативные упражнения, тексты, предлагаемые учебной программой, совершенствуют умение и навыки учащихся на среднем этапе и плавно переходят в свои последующие стадии – перевод на уровне словосочетаний и перевод на уровне предложений. Данные формы базируются на конкретном тексте, законченном по смыслу. Используются следующие виды перевода:

1. Письменный перевод, который осуществляется коллективно и с использованием словаря. Как обязательный этап в этой работе – проверка и исправление ошибок, совместное редактирование;
2. Конкурс на самый удачный перевод конкретного текста;
3. Пересказ речевого материала на болгарском и русском языках.

В подобных упражнениях умение аудирования модифицируется в переводческий аспект, акцентируя его коммуникативно-смысловую направленность.

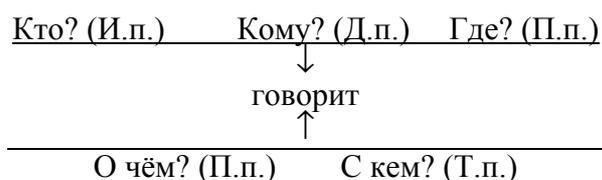
Русский язык является языком синтетическим, он отличается от болгарского прежде всего наличием падежной системы. На всех этапах обучения болгар русскому языку усвоение беспредложного и предложного употребления падежей вызывает большие затруднения из-за несовпадения грамматического строя двух языков. Переводческая практика показывает это наглядно. Наиболее часто учащиеся забывают о значении конкретного падежа, не могут правильно употребить соответствующее слово в его падежной форме.

Благодарю вам вместо *Благодарю вас*;
Напиться водой (с водой) вместо *Напиться воды*;
Достичь до берега вместо *Достичь берега*;
Советовать товарища вместо *Советовать товарищу*;
Резать с ножом вместо *Резать ножом*.

Из приведённых примеров видно, что основные ошибки связаны с неправильным управлением глаголов, так как они совпадают по своему лексическому значению с болгарскими глаголами, но отличаются управлением. Такие ошибки, порождённые влиянием родного языка, удерживаются долго в речи учащихся даже и после окончания 11 класса.

Чтобы предупредить грамматические ошибки как следствие интерференции в своей ежедневной практике мы стараемся:

1. полнее сближать речевые и грамматические упражнения с естественной коммуникативной речью, включая упражнения типа „От ситуации к падежу” – составление так называемых „падежных букетов” (Гочева 1992: 7):

На следующем этапе составляются словосочетания и предложения с этими существительными. Например:

Мария говорит (И.п.); говорит о фильме (П.п.); говорит в комнате (П.п.); говорит с подружкой (Т.п.).

Мария (И.п.) говорит о фильме (П.п.) с подружкой (Т.п.) в своей комнате (П.п.).

Этот тип коммуникативных предложений имеет не только обучающее, но и развивающее значение;

2. использовать на каждом уроке коммуникативные ситуации, близкие к интересам учащихся и предполагающие использование определённых конструкций:

- а) заблудился в незнакомом городе – как найти выход из положения?
- б) класс собрался в лыжный поход, один ученик не пришёл – какое принять решение?
- в) где и как можно использовать деревянную лаковую ложку, и другие;

3. включать глаголы, отличающиеся управлением от болгарских, в отдельные предложения (на начальном этапе обучения). В данном случае мы ищем разные модели достижения автоматизма как, например, диалоговые упражнения с частотным употреблением этих конструкций (т.к. связные тексты не дают такой частотности; они могут быть использованы скорее всего для проверки усвоения материала, а не в качестве обучающей единицы).

В новую программу двух последних лет нашей школы включены практические занятия по русскому языку. Цель их – совершенствование коммуникативных компетенций учащихся на конкретном страноведческом материале, отдельных художественных текстах.

Такие темы как *Моя школа, У врача, В магазине, Я и моя семья, На вокзале, В аэропорту, Письмо русскому другу*, работа со статьёй газеты – дают возможность учащимся расширить свой лексический запас и использовать его в быту, в обмене информацией на широкий круг тем, касающихся их повседневной жизни. Учащиеся составляют минидиалоги и даже инсценируют отдельные темы в классной аудитории – ролевые и деловые игры с нарастающей трудностью (Илиева-Илиева 1989).

Значительно сложнее задача экскурсовода, в роли которого выступают учащиеся на этих уроках. Получив представления о жизни русского народа, его культуре, им приходится сочетать принципы страноведения с осуществлением языковых задач. Темы самые разнообразные: *Мой город Русе, София – древняя и молодая, Московский Кремль, Санкт-Петербург* и другие.

Занятия по практической стилистике являются более продвинутым этапом работы по учебному переводу, создают благоприятную для преодоления интерференции почву и связаны с вопросами культуры речи и лингвострановедческим комментарием.

Не одно и то же – говорить правильно и говорить хорошо. Уроки по развитию речи, чтение текстов таких русских авторов как Н.Н.Носов, В.Ю.Драгунский, Ю.Я.Яковлев, Л.А.Сергеев и другие (*Русские писатели о детях и для детей*, 1993) учат культуре речи, обязывают следить за погрешностями стиля учащихся.

Перевод, как одна из форм работы, помогает решать вышеуказанные проблемы в нашей школе на среднем этапе (6-7 классы) и усовершенствовать их в старших классах в рамках самостоятельной дисциплины *Теория перевода* в 9-11 классах.

Итак, при переводе конкретного текста совершенствуются лингвистическая, коммуникативная и страноведческая компетенция учащихся, формируется и развивается новая для них возможность – проявить себя в роли переводчика. И обучая языку на всех его этапах, мы обучаем его трудностям. Владеть русским – значит овладеть его трудностями и оторваться от центростремительных сил родного языка.

Разумеется, количество аспектов использования перевода в целях совершенствования лингвистических и коммуникативных способностей учащихся не ограничивается вышеперечисленным. Но мы сочли целесообразным остановиться на том, что имеет существенное значение для определения методической специфики работы. Для более эффективного решения переводческих задач, на наш взгляд, необходимо:

1. уже с раннего возраста прививать учащимся навык работы с двуязычным словарём;
2. подумать над созданием учебных словарей со страноведческой информацией, сборника текстов и тем по переводу для учащихся среднего курса в рамках раннего языкового обучения;
3. однословный перевод, преобладающий во всех учебниках, заменить толкованием или переводом минитекстов, отражающих богатство лексической и стилиевой дифференциации некоторых частей речи.

ЛИТЕРАТУРА

- Бабов, К.Г.
1974а *Методика русского языка в болгарской средней школе*, София 1974.
1974б *Проблемы интерференции в процессе обучения русскому языку в болгарской школе*, София 1974.
- Бархударов, Л.С.
1975 *Язык и перевод*, М. 1975.
- Васева, И.С.
1978 *Специфические трудности при переводе с русского на болгарский язык в области грамматики и стилистики*, в Сб.: „Искусство перевода”, 1978: III.
- Вишнякова, Л.Г.
1989 *Использование деловых игр в преподавании русского языка как иностранного*, М. 1989.
- Влахов, С.
1978 *Безэквивалентная лексика в переводоведении*, „Болгарская русистика”, 1978: II.
1992 *Тринадцать бесед о переводе*, „Русский язык и литература”, София 1992.
- Вопросы теории перевода*
1978 *Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. Сборник статей*, М. 1978.
- Гочева, Э.
1992 *Учебник для XI-XII классов в системе обучения русскому языку в общеобразовательной школе*, „Русский язык и литература”, 1992: II.

- Илиева, Д. и Илиева, И.
1989 *Деловая ига на занятиях русского языка во втузе,*
Научна сесия на ВТУ „А.Кънчев”, Русе 1989.
- Методика преподавания*
1990 *Методика преподавания русского языка как*
иностранного, Русский язык, М. 1990.
- Попов, К.Г.
1992 *Типичные для болгар трудности в русском языке,*
Искусство, Русский язык, М. 1992.
- Туровер, Г.Э.
1973 *Сравнительно-сопоставительное изучение*
языков и перевод, в: Тетради переводчика, М.
1973.

ABSTRACT

The Use of Translation to Improve the Linguistic and Communicative Levels of Intermediate and Advanced Russian Language Students.

This paper is the result teaching experience in Bulgaria focussing on two languages with the same root: Russian and Bulgarian.

The authors describe a series of teaching exercises at both beginner and advanced level designed to eliminate language interference.

КОММУНИКАТИВНО-ИНФОРМАТИВНАЯ СПЕЦИФИКА ТЕКСТА И ПРОБЛЕМАТИКА ПЕРЕВОДА

Т.Г. Герасимова

Условия межъязыковой эквивалентности между интенцией исходного текста и коммуникативным эффектом соответствующего ему перевода обеспечиваются за счёт учёта функциональных параметров параллельных текстов. Коммуникативно-интенциональное содержание исходного текста выявляется на основе его функциональных доминант (цели и мотива речепорождения, экспрессивности и эмоциональности продукта речевой деятельности, фактора адресата и т.д.).

Межъязыковые трансформации содержания текста предусматривают сохранение всех этих основных доминант.

На этапе создания конечного текста важно учитывать практическую установку, которая связана с особенностями восприятия носителей разных культур.

В лингвистической литературе прагматический аспект перевода рассматривается с трёх различных точек зрения:

1. передача прагматических значений слов оригинала;
2. прагматика перевода трактуется как прагматическая задача конкретного переводческого акта;
3. выдвигается требование о прагматической адаптации перевода с целью обеспечить равенство коммуникативного эффекта в оригинале и переводе.

Термин „прагматическое значение” используется в современном языкознании далеко не однозначно. Из философских концепций семиотики языкознание прежде всего заимствовало идею о трёх типах отношений, которые свойственны любому знаку, в том числе и знакам естественных языков:

– семантических, отражающих связь знака с обозначением предметов;

– синтаксических, связывающих данный знак с другими знаками этой же системы;

– прагматических, определяющих связь между знаком и лицами, которые используют его в процессе общения (Комиссаров 1980:49; Егер 1975:113).

При этом наиболее часто под языковым знаком понимается слово, хотя некоторые авторы говорят о тех же значениях в содержании высказывания или „языкового выражения” (Mounin 1968:9). План выражения языковых знаков всегда коммуникативен. В нём содержится информация, которая предназначена для осуществления процесса общения и которая может быть „извлечена” из знака коммуникантами, принадлежащими к данному языковому коллективу. Поэтому любое значение языкового знака так или иначе ориентировано на Реципиента и существует постольку, поскольку он способен его извлечь.

Прагматические элементы значения извлекаются Реципиентом как часть общего значения. В русском языке слово „бизнесмен” означает не просто деловой человек, а человек, занимающийся „бизнесом”, то есть не вполне честным и достойным делом, связанным с эксплуатацией или обманом других людей. Именно такую информацию и получает русский Реципиент, встречая это слово в русском языке. Поэтому слово „бизнесмен” будет коммуникативно равноценно английскому “buisnessmen” только в тех случаях, когда отрицательное отношение не будет противоречить содержанию оригинала. Например, *American buisnessmen waxed rich on the arms sales*. Хотя английское “buisnessmen” само по себе не содержит негативной оценки, в данном случае действия подобных лиц явно осуждаются, что позволяет использовать в переводе слово „бизнесмен”. Американские бизнесмены наживались на торговле оружием. Отсутствие в оригинале отрицательной характеристики сделало бы подобный перевод неэквивалентным. Сравните: *A delegetion of Americam buisnessmen arrived in Moscow yesterday for talks with Russian trade organizations* – Вчера в Москву для переговоров с Российскими торговыми организациями прибыла делегация представителей Американских деловых кругов.

Таким образом, независимо от того, выделяются ли прагматические аспекты в особый тип значения языкового знака или рассматриваются в составе других компонентов его плана содержания, эта часть информации, закрепляемая за знаком, играет важную роль, и её сохранение обеспечивает коммуникативную равноценность перевода оригиналу. Иными словами, прагматические факторы

являются составными элементами эквивалентности на любом уровне.

Нередко в связи с осуществлением межъязыковой коммуникации возникают прагматические проблемы. Эти проблемы носят экстралингвистический характер, поскольку здесь речь идёт уже не о каких-то особенностях семантики языковых знаков, а о прагматике самого переводческого акта. Сам термин „прагматика” получает в данном случае иное значение, а именно: „практическая цель” или „практическая задача” какой-либо деятельности. Основанием для рассмотрения перевода в подобном плане является своеобразный двоякий характер перевода как вида речевой деятельности. Процесс перевода обнаруживает двойную прагматическую ориентированность. С одной стороны, он осуществляется в рамках межъязыковой коммуникации и поэтому ориентирован на оригинал. В этом плане его прагматическая задача заключается в том, чтобы обеспечить максимальную близость между оригиналом и переводом. С другой стороны, он представляет собой конкретный акт речи, который прагматически ориентирован на конкретного Реципиента и определённые условия и обстановку.

Дж.Касагранде отмечает, что наличие каждой из этих целей даёт иной перевод одного и того же текста, но любой перевод будет валидным, если он соответствует своей цели. Таким образом, реальная прагматика перевода включает в себя и проблему отношения переводчика к своей деятельности, его намерения, которые он пытается осуществить в процессе перевода.

Наибольшее число проблем связано с другим подходом к прагматическому аспекту перевода. В этом случае выдвигается концепция, согласно которой под прагматикой текста следует понимать его коммуникативный эффект, то есть воздействие текста на Реципиента или реакция Реципиента на содержание текста. Поскольку перевод предназначен для иного Реципиента, чем оригинал, возникает необходимость прагматической адаптации перевода, чтобы он обладал тем же воздействием на Реципиента, что и оригинал.

Наряду с другими, доминантой коммуникативно-информативного содержания научно-технических текстов является интенция выражения запрета и разрешения, которая реализуется, в основном, в текстах-инструкциях. Способы выра-

жения пермессивной информации в разных языках имеют свои характерные особенности. Очень часто при передаче указанной информации необходима антонимичная трансформация, например, употребление в русском варианте глагола-перформатива, эксплицитно называющего действие (в данном случае запрет), вместо отрицательного высказывания, имеющего в своём составе отрицание в английском языке. Например, в инструкции по эксплуатации телевизионного приёмника английский оригинал гласит: Do not use cleaning liquids, что соответствует русскому предложению „Запрещается использовать какие-либо моющие средства”. Английскому Never push objects of any kind into the TVset through openings соответствует русское „Запрещается проталкивать какие-либо предметы в телевизионный приёмник сквозь отверстия”.

Рассмотрим несколько примеров выражения запрета из фармакологии. В аннотации к немецкому препарату Эссаве Гель (препарат венотерапевтического действия) представляется необоснованным употребление следующей формы запрета: „Следует избегать его попадания на слизистые оболочки во избежания ощущения жжения”, поскольку в аннотации на английском языке даётся форма: Don't use, что должно соответствовать максимальной форме запрета на русском языке.

Австрийский препарат Оспен (аналог пенициллина для орального применения) снабжён аннотацией, где в разделе Противопоказания используется следующая форма запрета на русском языке: „Могут наблюдаться перекрёстные аллергические реакции”. Однако в английской инструкции даётся форма: Don't use it if you have any form of allergy. Поэтому вышеприведённый вариант перевода на русский язык вряд ли можно считать адекватным, поскольку в нём не находит отражение явный запрет, выраженный в английском тексте.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что на этапе создания конечного текста важно учитывать прагматическую установку, которая связана с особенностями восприятия носителей разных культур, а также социально-культурный контекст первичного и вторичного порождения текста.

ЛИТЕРАТУРА

- Егер, Г.
1975 *К вопросу определения предмета науки о переводе и её места среди других лингвистических дисциплин, в: Теория перевода и научные основы подготовки переводчиков. Материалы Всесоюзной научной конференции, МГПИИЯ им. М.Тореза, М. 1975.*
- Комиссаров, В.Н.
1980 *Лингвистика перевода, М. 1980.*
- Пумпянский, А.Л.
1965 *Введение в практику перевода научной и технической литературы на английский язык, М. 1965.*
- Casagrande, J.B.
1954 *The Ends of Translation, IJAL, XX (4), 1954.*
- Georgi, H.
1971 *Zur Sprachmittlungsprognos, "Fremdschprachen", 1971: I.*
- Mounin, G.
1968 *La traduction an theatre Bakel, 1968: XIV(1).*

ABSTRACT

The report deals with pragmatic plane of an utterance taking into account communicative and informative peculiarities of the text. It considers different ways how to express prohibition both in English and Russian, and there is an effort to show their correlation, different versions of translation being analyzed.

ОБ УЧЁТЕ КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЙ
ОБУСЛОВЛЕННОСТИ ПРАГМАТИЧЕСКОГО ПЛАНА
ВЫСКАЗЫВАНИЯ ПРИ ВЫБОРЕ АДЕКВАТНОГО
ВАРИАНТА ПЕРЕВОДА

Н.С. Малова

Переводы реалий и фразеологизмов представляют собой не только лингвистический акт, но и явления культурологического плана, поскольку в процессе перевода происходит соприкосновение различных культур. Под термином „культура” обозначается широкий круг явлений этнографического, исторического, географического и т.п. характера (Комиссаров 1980: 112). Некоторые авторы включают в понятие „культура” и своеобразие языковой культуры мира (Weisgerber 1955: 71), другие особо подчёркивают необходимость учёта явлений „локальной культуры” для понимания значения языковых знаков (Nida 1945: 207).

Воздействие этого фактора нередко считается определяющим для всей переводческой деятельности: „В конечном итоге, мы переводим не ЯЗЫКИ, а КУЛЬТУРЫ” (Casagrande 1954: 338). В доказательство такого постулата приводятся, главным образом, факты семантической неравноценности одинаковых высказываний для представителей разных культур и цивилизаций. Например, сообщение о „потеплении международной обстановки” может быть понято в Индии как „обострение обстановки”, поскольку для жителей этой страны приятно не потепление, а охлаждение – a welcome cooling (Муравьёв 1971: 33).

Совокупность этнолингвистических и социоллингвистических фактов, несомненно, играет важную роль в переводе. Различия в этой области могут делать неэквивалентными единицы исходного языка и языка перевода, остальные компоненты содержания которых достаточно близки. Установление эквивалентности при переводе предполагает учёт подобных различий. Однако выделение важности такого учёта объясняется, скорее, требованиями, которые он предъявляет к познаниям переводчика, чем теоретической значимостью проблемы.

Можно определить „культуру” как „все те исторически создаваемые планы жизнепрживания, эксплицитные и

имплицитные, рациональные, иррациональные и нерациональные, которые существуют в каждый данный период времени как потенциальные ориентиры человеческого поведения. Свойства, элементы или, лучше сказать, модели культуры в этом определении организованы, или структурированы, в систему или множество систем, которые, будучи исторически создаваемой, является поэтому открытой и подверженной постоянному изменению” (Hoijer 1953: 554). Если навыки родной культуры подвергаются переносу при изучении чужой культуры, то очевидно, что через сопоставление двух культурных систем мы сможем предсказать, какие моменты составят затруднения. Может также оказаться, что форма в одной культуре идентифицируется носителями другой культуры как тождественная форме их культуры, но фактически имеет иное значение. Приведём следующий пример. В меню ресторана Интурист на английском языке блюдо под названием *Русский борщ* было переведено как “second-day cabbage soup”. Здесь затруднение возникает в силу того, что идентичные формы имеют разные значения в двух культурах. Иностранец воспринимает данное блюдо, как приготовленное в предыдущий день и которое сегодня стоит дешевле, причём основным ингредиентом данного блюда является капуста. Для русского совершенно очевидно, что борщ обладает более тонким вкусом на следующий день после его приготовления и капуста является основным компонентом.

Следует подчеркнуть, что при создании конечного текста необходимо руководствоваться при переводе прагматической установкой, связанной с расхождениями в восприятии одного и того же явления носителями разных культур, этнокультурным аспектом коммуникативной ситуации. Прежде всего это обусловлено отражением в тексте предметной ситуации – реалиями материальной и духовной культуры того или иного народа. Если какое-либо явление чужеродно для данной культуры, то чаще всего используется калькирование, как наиболее удобный способ перевода. Примеры тому весьма многочисленны: *perestrojka*, *glasnost*, *refuznik*, *collective farm*, *Old Believer*, *samovar*. Их употребительность в английском языке зависит от степени знакомства с русской культурой, что, в свою очередь, обусловлено такими экстралингвистическими факторами,

как популярность данной тематики, развитие межкультурных связей и т.д.

Однако зачастую калькированные выражения носят окказиональный характер и отличаются необычной формой выражения, так как они могут нарушать языковую норму и узус английской речи. Например, *to have eaten forty pounds of salt together* (русск.: „съесть пуд соли”), *Potjomkin village* (русск.: „потёмкинская деревня”). Употребление таких выражений ограничено и требует соответствующих пояснений, необходимых для экспликации их объёма информации в самом контексте или пояснениях. В противном случае они становятся буквализмами в переводе, непонятными носителям другой культуры. Следовательно, в данном случае калька представляет собой не только языковое явление, но и культурный факт, обусловленный социальной и культурной значимостью денотата.

Следует отметить, что наряду с такой внешней связью существует ещё глубокая внутренняя связь калькирования с культурой, культурная обусловленность семантического плана кальки. В процессе калькирования воспроизводится основное значение слова или первоначальная функция слова. Сущность же калькирования состоит в том, что созданному таким путём слову или словосочетанию придаётся вторичное, переносное значение или „вторичная семантическая функция” (Курилович 1955: 73), свойственная калькируемому иноязычию. При этом должна соблюдаться известная пропорция между основными и производными значениями иноязычия и основными производными значениями кальки. Но стройность этой пропорции может нарушаться различными семантическими напластованиями у слова-кальки (иными переносными значениями, ассоциациями, являющимися результатами языковой практики) (Микулина 1978: 61).

В этом случае, если подобные напластования, уже имеющиеся в слове-калке, не соответствуют вторичной семантической функции иноязычия, калькирование нельзя назвать удачным. Например, перевод русск. „орёл” в значении „гордый, храбрый человек”, слова с положительной окраской, при помощи английской кальки *eagle* едва ли можно назвать удачным, тем более, если контекст семантически не поясняет это значение, ибо англ. *eagle* не имеет

сходных переносных значений, соответствующих русскому оригиналу. Английскую кальку *to work like donkeys* (русск.: „работать как ишак”) тоже вряд ли можно назвать удачной, так как англ. *donkey* (как и его синоним *ass*) чаще всего обладает отрицательными коннотациями, означающими „глупый, упрямый” (о человеке).

Наряду с передачей переносных значений, при калькировании можно ещё говорить и о воспроизведении того объёма информации, который стоит за калькированным выражением, особенно в случаях, когда речь идёт о незнакомых или малознакомых денотатах.

Так, например, англ. *People's Court* (русск.: „Народный суд”) и англ. *People's Theatre* (русск.: „Народный театр”) имеют общий элемент (*People's*), который у английских калек может создать ошибочное впечатление о наличии у них одинаковых „вторичных” значений, одинакового объёма информации. Однако в русском языке они будут различаться хотя бы по отсутствию/наличию семы „профессиональный/любительский”. Очевидно, что при подобном однотипном калькировании без поясняющего контекста или комментария, раскрывающих объём информации слов, нельзя достигнуть правильного воспроизведения этих калек носителем английского языка.

Вопрос о переносе „вторичной семантической функции” очень сложный; он теснейшим образом связан с культурой соответствующих языков, что налагает на переводчика ещё и дополнительные требования по знанию культурных особенностей.

Особую опасность представляет наличие в языке слов и словосочетаний, совпадающих с кальками. При отсутствии соответствующих пояснений кальке будет предписываться иная семантическая функция и иной объём информации, не свойственный русскому оригиналу. Например, русск.: *общественная жизнь*, переведенная как *social life* представляется английским информантам, как всякое общение с людьми, включая посещение платных курсов, театров и ресторанов.

Совершенно очевидно, что переводчик не может не учитывать подобных расхождений как в объёме информации, так и в семантических ассоциациях, сопровождающих слова и выражения и обусловленных в первую очередь

различиями двух культур. При наличии насыщенного контекста „вторичная семантическая функция слова” и частично объём информации калькируемого объекта могут вскрываться и поясняться самим контекстом. Семантически бедный контекст, отсутствие необходимой информации у носителей английского языка, а также значительная функциональная нагруженность слова-кальки в тексте требуют дополнительных пояснений, что далеко не всегда осуществляется в русско-английских переводах.

ЛИТЕРАТУРА

- Комиссаров, В.Н.
1980 *Лингвистика перевода*, М. 1980.
- Ладо, Р.
1989 *Лингвистика поверх границ культур*, „Новое в зарубежной лингвистике”, М. 1989: XXV.
- Микулина, Л.Т.
1978 *Заметки о калькировании с русского языка на английский*, „Тетради переводчика”, М. 1978: XV.
- Муравьёв, В.Л.
1971 *О языковых лакунах*, „Иностранные языки в высшей школе”, 1971: I.
- Casagrande, J.V.
1954 *The Ends of Translation*, IJAL, 1954: XX(4).
- Hoijer, H.
1953 *The relation of language to culture*, in: *Anthropology today*, ed.: A.L.Kroeber, Chicago Univ. Press, Chicago 1953.

Nida, E.
1945

Linguistics and Ethnology in Translation Problems,
“Word”, 1945: I (2).

Weisgerber, L.
1955

*Das Dolmetschen und die sprachliche Verwandlung
der Welt*, “Babel”, 1955: I (1).

ABSTRACT

The report deals with the problem of the translation of realia and phraseological units taking into account the dependence of the pragmatic aspect of the utterance on the culture. It considers the possibilities of finding an adequate version of the translation that may be supplied with comments in order to make the original text understandable to English readers.

АВТОРСКАЯ ПЕСНЯ КАК МОТИВ ОБУЧЕНИЯ
РУССКОМУ ЯЗЫКУ В ВЕНГРИИ
(НА МАТЕРИАЛЕ ПЕСЕН В.ВЫСОЦКОГО)

Peter Vizai

В нашей статье рассматривается одна из возможностей обновления процесса обучения русскому языку в Венгрии. Попытка обновления традиционносложившегося содержания обучения мотивирована тем, что в Венгрии статус русского языка как учебного предмета изменился, из-за чего сократилось число студентов, изучающих русский язык. Но так как венграм необходимо владеть самыми распространёнными языками в мире, тем более русским языком как языком одного из близких соседей, необходимо обеспечение и повышение конкурентоспособности русского языка среди других иностранных языков. Конкурентоспособность, на наш взгляд, можно обеспечить при помощи обновления учебного процесса, методов обучения русскому языку в Венгрии, а так же новых учебных методических материалов, содержание которых может служить сильным мотивирующим фактором, в том числе и для самостоятельных занятий языком (Вицаи 1994а: 112).

Одним из вариантов обновления учебного процесса может быть включение в процесс обучения нового текстового материала – авторской песни, насыщенной типичными разговорными речевыми конструкциями, которые всегда привлекательны и интересны для учащихся, благодаря своей экспрессивности. Подобная ориентация на обучение устной речи в её разговорной разновидности, на наш взгляд, привлечёт к изучению русского языка большее количество студентов. Это справедливо отметили О.Д.Митрофанова и В.Г.Костомаров, заметив, что коммуникативность повышает интерес иностранных учащихся к предмету „русский язык” (Митрофанова-Костомаров 1990: 80). К тому же новый текстовый материал – авторская песня – в отличие от эстрадных песен, поп и рок-музыки, как отметил немецкий учёный К.Берндт, обладает целым рядом преимуществ. (См. его работы об авторской песне: Берндт 1990: II: 116.) Хочется добавить слова венгерского методиста доктора Золтана Бажо, преподающего сейчас на Филологическом

факультете Московского университета, о том, что разнообразность, сложность, необычность и неординарность применения материала – это всегда эффективный и продуктивный метод (Бажо 1980: 234). Была выдвинута следующая гипотеза: обучение разговорной речи можно осуществлять на материале авторской песни, и это усилит мотивацию выбора студентом именно русского языка.

О том, что студенты хотят изучать именно разговорный стиль русского языка, свидетельствуют тестирования, проведённые со студентами-филологами 5 октября 1993 года и 14 февраля 1994 года. Тестирования проводились под эгидой журнала „Русский язык за рубежом” в Институте русского языка им. А.С.Пушкина. Студенты-филологи, отвечая на вопрос о форме занятий, предложили спецкурс.

Изучая реальную живую разговорную речь, учащиеся, в случае коммуникации с носителем русского языка, быстрее включатся в активное понимание, особенно если речь идёт о коммуникативных контактах с русскими сверстниками (путешествия, знакомства, встречи). Поэтому мы полностью согласны с В.В.Молчановским, который пишет, что „одной из наиболее специфических профессиональных обязанностей преподавателя иностранного [русского, P.V.] языка является формирование мотивации, стимулирование деятельности учащихся по изучению ими нового для них языка” (Молчановский 1994: 8).

В Венгрии уже экспериментируют, вводя обучение реальной разговорной речи.

Мы не хотим сказать, что следует перестать изучать литературный язык – ни в коей мере! Подобный языковой пласт в обучении, как материал для наблюдения и активного использования, прекрасно сочетался бы с существующими курсами грамматики, русской литературы и функциональной стилистики. На наш взгляд, в качестве нового текстового материала больше всего подходят авторские песни Владимира Высоцкого (Вицаи 1994б: 118).

Почему наш выбор пал на Владимира Высоцкого? Этот выбор прежде всего объясняется популярностью творчества В. Высоцкого, актуальностью затрагиваемых в его песнях проблем, интересом, который испытывает именно студенческая сфера к творчеству барда, наличием опыта изучения творчества Владимира Высоцкого в венгерской аудитории в

процессе овладения русским языком, и содержательной ценностью его песен (Вицаи 1993а: 101). Содержательная ценность песен В.Высоцкого заключается в том, что его песни можно использовать для обучения устной речи.

Чем способствуют песни Владимира Высоцкого в обучении устной речи?

- Во-первых, речевой и языковой материал, содержащийся в его песнях и способствующий становлению языковой личности;
- во-вторых, типичные русские разговорные конструкции;
- в-третьих, крылатые слова и фразеологизмы;
- в-четвёртых, полезные лингвострановедческие данные, так как его песни – это энциклопедия русской жизни XX века;
- в-пятых, ситуативность и диалогичность его песен.

Здесь мы приведём два примера из песен Владимира Высоцкого, которые включают в себя вышеперечисленные моменты. Например: „Плевать – партнёр по покеру дал дуба...” и „Лежал он и думал, что жизнь хороша: / Кому хороша, а кому – ни шиша”.

Эти выражения „дать дуба” и „ни шиша” встречаются не только у Владимира Высоцкого, они бытуют и в современном русском языке и встречаются в произведениях русской литературы нашего времени, например, у Леонида Филатова в сказке *Про Федота-стрельца, удалого молодца*. Например:

Только не на Магадан –
Энто мне не по годам:
Я пока туды доеду –
Опасаюсь, дуба дам!

или

Только стать твоим супругом
Мне не светит ни шиша.

Возвращаясь к вопросу о спецкурсе, надо сказать, что главной целью предложенного нами спецкурса является:

1. разнообразие процесса обучения русскому языку и поддержание интереса у учащихся к его более серьёзному и интенсивному изучению;

2. обучение навыкам устной речи, т.е. аудирование плюс говорение;
3. расширение лексического запаса учащихся в области обиходно-бытовой лексики.

А что способствует достижению вышеупомянутых целей?

1. интерес молодёжи к авторской песне, интересный творческий путь Владимира Высоцкого;
2. коммуникативные упражнения;
3. разговорная лексика, часто встречающаяся в песнях В.Высоцкого, совпадающая с языковым вкусом современного русского общества (Вицаи 1995: 21).

И здесь мы полностью согласны с Л.В.Фарисенковой в том, что „все материалы спецкурса должны отвечать как потребностям и интересам студентов, выявленным опытным путём [*в нашем случае с помощью анкетирования*, Р.У.], так и коммуникативным, образовательным и воспитательным целям и задачам обучения” (Фарисенкова 1986: 77). Как уже говорили, наш курс рассчитан на венгерских филологов-русистов, изучающих русский язык в ВУЗах Венгрии.

Предлагаемая продолжительность спецкурса – 2 семестра, а каждого занятия – 90 минут. В течение недели проводится одно занятие. Каждые два занятия образуют цикл. При отборе материала особое внимание уделяется разговорной лексике песен, интересному лингвострановедческому материалу, учитывая интересы и пожелания учащихся.

Первое занятие цикла (90 минут).

Здесь происходит подача материала после предварительного изучения лексико-грамматического материала, т.е. студенты дома уже изучали песню, познакомились с новыми словами и выражениями. На этом занятии начинается процесс обработки материала, выполняются тренировочные упражнения.

Второе занятие цикла (90 минут) делится на две части. В первые 45 минут происходит закрепление новых слов, фраз и идёт тренировочный процесс. Во вторые 45 минут выученный материал ставится в разные ситуации, т.е. имеет место выход в речь. Конечно, эти две части второго занятия каждого цикла не отделены резко друг от друга, а органично сочетаются. Получается, что один и тот же материал прорабатывается в течении двух занятий, т.е. 180 минут. Таким образом, память учащихся не загромождается и, благодаря

повторению, более эффективно усваивается речевой материал. К тому же, если студенты хотят, после каждой пятой, шестой песни можно делать повторительный урок. Кроме того, предварительное изучение каждого материала тоже способствует более прочному усвоению лексики и разговорных единиц. Так как один семестр состоит обычно из 12 недель, а на каждой неделе проводится одно занятие, то в течение семестра получается 6 циклов занятий. На каждом занятии 15 минут предлагается посвящать жизни и творчеству В.Высоцкого. В зависимости от объёма и трудности песен в одном цикле может быть проработано несколько песен.

В каждом цикле презентация и организация материала проводятся следующим образом:

предтекстовая работа:

1. читать и слушать дома песни;
2. поставить ударения по исполнению автора в тексте песен;
3. учить неизвестные слова и выражения;
4. перевести на родной язык индивидуально заданную часть песни;

притекстовая работа:

1. языковой и лингвострановедческий анализ текста;
2. тренировочные упражнения для закрепления новых слов и выражений и для активного употребления материала, т.е. коммуникативные упражнения;

послетекстовая работа:

1. повторять слова и выражения;
2. слушать песни дома;
3. перевести песню целиком на родной язык.

На этом разговор о занятиях на спецкурсе из-за недостатка места мы вынуждены закончить.

И здесь мне хотелось бы Вам сказать, что этот спецкурс по творчеству Владимира Высоцкого был мною проведен в Москве в Институте русского языка им. А.С.Пушкина среди стажёров венгров-филологов. Надо сказать, что занятия проходили с неизменным успехом и большой заинтересованностью студентов.

Поэтому мне хотелось бы в заключении показать Вам три песни Владимира Высоцкого: *Подумаешь, с женой не очень ладно...*, *Песня о друге* и *Письмо из Парижа*. И параллельно с этими же песнями три диалога, созданные по

языковому материалу данных песен. Насколько было интересно студентам слушать эти песни и работать с ними, свидетельствуют созданные ими на наших занятиях диалоги.

В текстах диалогов имеются ошибки, так как они были написаны моими студентами.

Выделенные слова и выражения в песнях были использованы в диалогах.

Конечно, к одной и той же песне создавались обычно 2-3 диалога, но из-за недостатка места мы приведём только по одному диалогу к каждой песне.

I.

ПОДУМАЕШЬ – С ЖЕНОЙ НЕ ОЧЕНЬ ЛАДНО, ...

Подумаешь – с женой не очень ладно, ...
 Подумаешь – неважно с головой,
 Подумаешь – *ограбили в парадном*, –
 Скажи ещё спасибо, что – живой!

Ну что ж такого – мучает саркома,
 Ну что ж такого – начался запой,
 Ну что ж такого – выгнали из дома, –
 Скажи ещё спасибо, что – живой!

Плевать – партнёр по покеру дал дуба,
 Плевать, что снится ночью домовой,
 Плевать – в „Софии” *выбили два зуба*, –
 Скажи ещё спасибо, что – живой!

Да ладно – ну уснул вчера в опилках,
 Да ладно – в челюсть *врезали ногой*,
 Да ладно – потащили на носилках, –
 Скажи ещё спасибо, что – живой!

Да, правда – тот, кто хочет, тот и может,
 Да, правда – сам виновен, бог со мной,
 Да, правда – но одно меня тревожит:
 Кому сказать спасибо, что живой!
 (1969)

II.

ПЕСНЯ О ДРУГЕ

Если друг
    оказался вдруг
И не друг, и не враг,
    а так;
Если сразу не разберёшь,
Плох он или *хорош*, –
Парня в горы тяни –
    рискни! –
Не бросай одного
    его:
Пусть он в связке в одной
    с тобой –
Там поймёшь, кто такой.

Если парень в горах –
    не ах,
Если сразу раскис
    и вниз,
Шаг ступил на ледник –
    и сник,
Оступился – и в крик, –
Значит, *рядом с тобой* –
    чужой,
Ты его не брани –
    гони:
Вверх таких не берут
    и тут
Про таких на поют.

Если ж он не скулил,
    не ныл,
Пусть он хмур был и зол,
    но шёл,
А когда ты упал
    со скал,
Он стонал,
    но держал;
Если шёл он с тобой
    как в бой,
На вершине стоял – хмельной, –
Значит, как на себя самого
Положись на него!
(1966)

III.

ПИСЬМО К ДРУГУ,
ИЛИ ЗАРИСОВКА О ПАРИЖЕ

Ах, милый Ваня! Я гуляю по Парижу –
И то, что слышу, и то, что вижу,
Пишу в блокнотик, впечатлениям вдогонку:
Когда состарюсь – издам книжонку

Про то, что, Ваня, мы с тобой в Париже
Нужны – как в бане пассатижи.

Все эмигранты тут – второго поколения –
От них сплошные недоразуменья:
Они всё путают – и имя, и названья, –
И ты бы, Ваня, у них был – „Ванья”.

А в общем, Ваня, мы с тобой в Париже
Нужны как в русской бане лыжи!

Я сам завёл с французенкою шаши,
Мои друзья теперь – и Пьер, и Жан.
Уже плевал я с Эйфелевой башни
На головы беспечных парижан!

Проникновенье наше по планете
Особенно заметно вдалеке:
В общественном парижском туалете
Есть надписи на русском языке!
(1975, 1978)

ДИАЛОГИ

I.

- Представь себе, вчера меня ограбили в трамвае.
- Как случилось?
- У меня не было билета, и злодеи это заметили и сказали мне заплатить 20 тысяч рублей. И, кажется, это были не контролёры.
- И что ты сделала?
- Я хотела выбить два зуба и врезать ногой, но они были сильнее меня.
- Ну и чем кончилось?
- У меня не было другого выхода, я заплатила сумму.
- Скажи ещё спасибо, что живой(ая)!

II.

- Представь себе, я познакомилась с парнем.
- Когда?
- Вчера, на вечеринке.
- И каким он оказался?
- Не знаю ещё. Сначала было так: не разберёшь, плох он или хорош. Я почему-то подумала, что он злой.
- А что случилось дальше?
- Когда он был рядом со мной, я поняла, что можно на него положиться, как на себя. Но окончательно всё-таки не знаю – мы так мало знакомы.
- У меня есть хорошая идея. Тяни его в горы и если он стонет, тогда бросай его, а если идёт с тобой как в бой, тогда не бросай!

III.

- Привет, Сузанна! Сколько лет, сколько зим.
- Привет! Я никогда не думала, что мы встретимся (на Эйфелевой башне).
- Как ты сюда попала? Что здесь делаешь?
- Знаешь, я завела с французом шашни. Вышла замуж за него и живу здесь.
- А тут что ты делаешь?
- Я люблюсь головами беспечных парижан.
- И что ты ещё видела в Париже?
- Надписи на русском языке.
- В газете?
- Ну что ты! В общественном парижском туалете!

Итак, исходя из вышесказанного, можно сказать, что материал данного спецкурса хорошо включается в общий учебный процесс. Такой спецкурс без всяких трудностей можно предложить студентам-филологам в университете, так как он вызывает интерес учащихся и „органично сочетается с изучением основных обязательных курсов и создаёт такие предпосылки, которые в итоге подготавливают студентов воспринимать речь носителей языка и вступать в реальную коммуникацию” (Вицаи 1993б: 28).

ЛИТЕРАТУРА

- Бажо, З.
1980 *Мотивация в обучении русским техническим специальным текстам с помощью лингафонного кабинета*, „Журнал Министерства образования и культуры Венгрии”, Обзорение высшего образования, Будапешт 1980: IV: 234.
- Берндт, К.
1990 *Жанровая специфика советской авторской песни и её использование на занятиях со студентами-русистами*, в: VII Международный конгресс МАПРЯЛ. Тезисы докладов и сообщений, Русский язык, М. 1990: II: 116.
- Вицаи, П.
1993 а *Песни В.Высоцкого на уроках русского языка. Спецкурс как средство мотивации*, „Русский язык за рубежом”, 1993: IV: 101.
- 1993 б *Обучение аудированию и говорению студентов-филологов в венгерских педвузах*, в: Тезисы докладов и сообщений к Международной конференции МАПРЯЛ, Проблемный автономный институт международного сотрудничества, М. 1993: 28.
- 1994 а *Авторская песня как стимул к овладению спецификой русской речи (на материале песен В.Высоцкого)*, в: VIII Международный конгресс МАПРЯЛ. Тезисы докладов и сообщений, Регенсбург 1994: 112.
- 1994 б *Спецкурс как один из компонентов гибкой модели обучения РКИ (песенное творчество В.Высоцкого)*, в: Международная конференция по русскому языку. Материалы конференции, МГУ – Филологический факультет, М. 1994: 118.

- 1995 *Вы говорите по-русски? Просторечие в современном литературно-песенном творчестве*, „Вагант”, 1995: II-III: 21.
- Митрофанова О.Д. и Костомаров, В.Г.
1990 *Методика преподавания русского языка как иностранного*, Русский язык, М. 1990: 80.
- Молчановский, В.В.
1994 *Проблемы мотивации при изучении иностранного (русского) языка: роль преподавателя*, “Mitteilungen für Lehrer slawisch fremdsprachen”, декабрь 1994: LXVIII: 8.
- Фарисенкова, Л.В.
1986 *Усиление мотивации речевой деятельности студентов-нефилологов на завершающем этапе обучения в языковом страноведческом спецкурсе*, Диссертация на соискание учёной степени кандидата педагогических наук, ИРЯП, М. 1986: 77.

ABSTRACT

The Use of Songs to Stimulate the Study of Russian in Hungary: the Songs of Vysockij.

This paper outlines the prospects for changes in the teaching methodology in Hungary towards the acceptance of songwriter texts.

Slavica tergestina 5 (1997)

ПЕРЕДАЧА РУССКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ ПРИ ПОМОЩИ ПЕРЕВОДА НА ВЕНГЕРСКИЙ ЯЗЫК

György Misky

По *Словарю-справочнику лингвистических терминов*: „фразеологизм то же, что фразеологическая единица. Лексически неделимое, устойчивое в своём составе и структуре, целостное по значению словосочетание, воспроизводимое в виде готовой речевой единицы” (Розенталь-Теленкова 1976: 514-516, *курсив мой*, G.M.).

С точки зрения семантической слитности различаются:

фразеологические	– сращения
	– единства
	– сочетания
	– выражения.

а) Фразеологические сращения.

Их целостное значение не выводится из значений составляющих их слов. Напр.: *Бить баклуши* – henyél, lopja a parot; *собаку съест в чём-л., начём-л.* – nagy mester vmiben; *остаться с носом* – hoppon marad, kudarcot vall, felsül; *точить балясы* – trécsel, tereferél и др. (Appresszjan-Páll 1982).

б) Фразеологические единства,

целостное значение которых в той или иной степени мотивировано отдельными значениями составляющих их слов. Напр.: *Довести до белого каления* – felzaklat, kihoz a sodrából; *закинуть удочку* – tapogatózik, kivetí a horgot; *положить зубы на полку* – felkopik az álla, koplal, összébbhúzza a nadrágszíjat; *уйти в свою скорлупу* – visszahúzódik, begubózik и др.

в) Фразеологические сочетания:

такие обороты, в состав которых входят слова со свободным и фразеологически связанным значением, причём целостное выражение вытекает из значения отдельных слов. Напр.: *затронуть чувство чести* – becsületében sért meg vkit; *налепить нос кому-л.* – lóvá tesz, behúz vkit, bolondot csinál vkiből; *держат язык за зубами* – befogja a száját и др.

г) Фразеологические выражения.

Устойчивые обороты, семантически делимые и состоящие полностью из слов со свободными значениями, но в процессе общения воспроизводимые как готовые речевые единицы. Сюда относятся пословицы, поговорки, разного рода изречения, крылатые выражения, а также устойчивые сочетания, выполняющие номинативную функцию, как например: *трудовые успехи, сторонники мира* и др. (*Russzicizmusok* 1961; Жуков, В.В. 1978; *Крылатые слова* 1979; Békés 1968; O.Nagy 1982; Верещагин-Костомаров 1983: 79-87).

На основе вышеприведённых примеров можно сделать вывод, что фразеологизмы в сопоставлении с их венгерскими значениями, в строгом смысле, *непереводимы*, т.е. *безэквивалентны*. Их ни в коем случае нельзя выразить с помощью однословного перевода. В этом случае лексическое понятие приходится описывать, примерно так, как это делается в толковых словарях СУ, СО и в других. Целесообразно находить и венгерский эквивалент, конечно, не в дословном переводе. Поэтому в учебном процессе является важной задачей, особенно в иностранной аудитории, углублённое изучение безэквивалентной лексики, в первую очередь, фразеологизмов (Misky 1978, 1986; Rapp 1979).

По мнению академика Л.В.Щербы: „Поскольку системы понятий в разных языках не совпадают (...) постольку при изучении иностранного языка приходится усваивать себе не только новую звуковую форму слов, но и новую систему понятий, лежащую в их основе” (Щерба 1947: 67).

Если признавать фразеологизмом семантическую единицу более сложного порядка, чем слово, то при наблюдении за функционированием в речи подобных единиц нетрудно заметить, что они обладают известными отличительными чертами. Прежде всего это сочетания слов, обладающие смысловой *целостностью*, развившейся за счёт известной ослабленности лексического значения слов-компонентов. Помимо этого фразеологизмам обычно присуща подчёркнутая *экспрессивность*. Это свойство придаёт им большую стилистическую *выразительность* и делает их особо убедительными в речевых жанрах, питающихся разговорно-просторечной струёй языка. Ослабленность лексического значения слов в составе фразеологической единицы развивается в связи с утратой ими номинативной функции. Сама же природа фразеологизма обыкновенно или коренится в

употреблении того или иного сочетания слов в переносном значении, или же сочетается с подобным употреблением.

Сочетание слов – *идти в ногу* (*lépést tart*), обладающее терминологическим оттенком, употреблённое в прямом значении (солдаты шли в ногу), для слова *нога* сохраняет его прямое значение, что обнаруживается и при толковании этого сочетания в *Словаре русского языка*: „идти (или шагать) в ногу – одновременно, в такт с другими ступать той ногой, которой ступают другие” (*Словарь русского языка* 1983: II: 506; III: 23; *Фразеологический словарь* 1978: 139, 180; Ожегов 1975; *Советский энциклопедический словарь* 1981; Даль 1978; *Дипломатический словарь* 1979). Употреблённое же в переносном значении, это сочетание слов становится фразеологизмом, при этом оно приобретает целостное значение: „двигаться, развиваться вместе, согласованно”, а лексическое значение слова *нога* ослабевает. В роли фразеологизма это сочетание слов приобретает исключительно широкий характер употребления, причём иногда безотносительно к субъекту действия, как например: „Спорт шагает в ногу с растущими требованиями общества...” („Известия”, 29.10.93; *курсив мой*, G.M.). Ослабленное лексическое значение одного из компонентов в составе фразеологизма *идти в ногу* ставит его в синонимическое отношение к другому фразеологизму – *идти рука об руку* – *kéz a kézben, karöltve, közös erővel, együtt* – развившему сходное целостное значение, которое обнаруживается, например, в таком контексте: „Искусство идёт рука об руку с общественным прогрессом” (*Толковый словарь русского языка* 1981; *Краткий политический словарь* 1983; Молотков 1979; Татар 1992: 141).

Живая непринуждённая речь нередко допускает выражение *не играет значения* вместо *не играет роли*. Эта ошибка довольно въедлива. И хотя в порядке борьбы за культуру речи выражение *не играет значения* справедливо рассматривается как неправильность, подлежащая осуждению масс-медиа, тем не менее эта неправильность лингвистически закономерна. Выражение *играть роль*, употребляемое переносно, равняется по смыслу – *иметь значение*. Во фразеологизме *играть роль*, *не играет роли* у слова *роль* лексическое значение совершенно ослаблено, а целостное значение у выражений *не играть роли*, *не иметь значения*

совпадают. И то, и другое употребляется при характеристике чего-л. неважного. Отсюда так легко и возникает подмена слова *роль* словом *значение*, употребление одного на месте другого. Напр.: „Играешь, играешь роль, ну и доиграешься” (Островский, *Лес*). „В воспитании и жизни детей домашние животные *играют* плодотворную *роль*” (А.Чехов; *здесь и ниже курсив мой*, G.M.). „Ему как-то нравилось *играть* роль страдальца” (И.Гончаров).

Устойчивость лексического состава во фразеологизмах русского языка, постоянство их компонентов носит относительный характер. Те компоненты фразеологизмов, лексическое значение которых наиболее ослабевает или вещественный смысл которых по тем или иным причинам забывается, наиболее легко выпадают или подвергаются замене другими.

а) Интересна с точки зрения преобразования лексического состава судьба фразеологизма *дешевле пареной репы* – fillérekért, potom pénzért (bagóért, szarg). Это выражение (наряду с другими сходными: *на вес золота* – aranyat érő, aranyértékű; *цены нет* – méregdrága, felbecsülhetetlen; *дешевле грибов* – nagyon olcsó, fillérekért kapható, szinte ingyen van...) возникло на основе привычных бытовых представлений и житейских отношений. Пареная репа в крестьянском быту долгое время была распространённой пищей: по причине её доступности и дешевизны. Это отражается в русских пословицах: „Репой да брюквой люди не хвалятся” (Жуков, В.П. 1980; *Словарь-справочник* 1981; Быстрова-Окунева-Шанский 1992: 95-96).

Дешевизна этого овоща нередко мелькает в типичных уподоблениях на страницах русской художественной литературы, например: „Право у вас душа человеческая всё равно, что пареная репа” (Н.Гоголь, *Мёртвые души*). „Продай всё своё имущество квартирное по ценам пареной репы” (М.Горький, *Проходимец*).

б) Особенно широко употребителен фразеологизм в форме *сравнительного оборота*, в значении *очень дешево*. Напр.: „По копейке за книгу, да ещё помене жалуете! Дешевле пареной репы купить желаете!” (М.Печерский, *На горах*). „Товар-то какой, не изюм, а уступаю за полцены,

дешевле пареной репы, остаток” (Кокарев, *Фомин понедельник*).

Предельная степень дешевизны соответствует понятию *ничего не стоит*, а поэтому то, что дешевле пареной репы, *доступно* каждому, просто *осуществимо*, легко *достижимо*. С этим значением выражение *дешевле пареной репы* употребляет и В.Г.Белинский: „В Петербурге литературная известность дешевле пареной репы: стоит только поработать посходнее в какой-нибудь газете или потрудиться безвозмездно в каком-нибудь журнале...” (Белинский 1955: VIII: 560-561).

в) Для русского литературного языка его классического периода характерно употребление выражения *дешевле пареной репы* с полным ощущением его внутренней формы. В XX веке наряду с этим начинает употребляться выражение *проще пареной репы*, т.е. на месте слова *дешевле* появляется слово *проще*, употребление которого оставляет впечатление *немотивированности*. Но тем не менее фразеологическое новообразование не только укореняется, но и вытесняет своего предшественника, переводя его в пассивный запас языка. Полезно знать, что *проще пареной репы* впервые зарегистрировано *Словарём современного русского литературного языка* (*Словарь современного русского литературного языка* 1950-1969: IX: 185). Этот фразеологизм употребляется в значении *очень просто*. Напр.: „...он может сделать большие неприятности (...) А между тем всё просто, проще пареной репы” (Мамин-Сибиряк, *Горное гнездо*). „И хотя дело его было проще пареной репы, оно не сдвинулось с мёртвой точки” („Ленинградская правда”, 1.9.1961).

Обновление лексического состава во фразеологизме *дешевле (проще) пареной репы* наглядно иллюстрирует общую закономерность развития идиоматичности. По мнению академика В.В.Виноградова, „это возникновение типа словосочетаний – абсолютно неделимых, неразложимых, значение которых совершенно независимо от их лексического состава, от значений их компонентов и так же условно и произвольно, как значение немотивированного слова-знака” (Виноградов 1947: 345; *Толковый словарь русского языка* 1968: IV: 64; *Словарь современного русского литературного языка* 1950-1962).

г) Во фразеологизме *проще пареной репы* в результате развития целостного значения (очень просто) совершенно ослаблено лексическое значение слова-компонента (репа), но возможность такого лексико-семантического преобразования была предопределена предшествующими употреблениями выражения *дешевле пареной репы* в значении *ничего не стоит*, а потому *просто, легко, достижимо*, как в выше рассмотренном примере из *Петербургской литературы* Белинского (Долгих 1983; Пете 1989: 155-160).

д) В монологе Кречинского уподобление *пареной репе* как чему-то *пустячному, не способному вызвать затруднение, послужить препятствием при достижении цели* осмысливается довольно отчётливо: „– Лидочку мне надо будет прибрать покрепче в руки. Ведь эта Лидочка – чёрт знает, что такое! Какая-то пареная репа, нуль какой-то!” (Сухово-Кобылин, *Свадьба Кречинского*, II: 4).

Подобное же осмысление обнаруживается и в текстах позднейшего времени. Напр.: „Само дело-то для крупного института пустячное как пареная репа. И если бы подойти просто, по-человечески, то проблему можно было бы решить с помощью одного телефонного звонка. Ну, пусть двух” („Известия”, 20.10.1993).

В цитате из *Свадьбы Кречинского*, бесспорно, есть намёк и на другое свойство *паренной репы*, также дающее повод к типическим сравнениям и уподоблениям – это *мягкость*, а если имеется в виду какое-либо лицо, то подразумевается его *податливость, сговорчивость, бесхарактерность*. Напр.: „А у кочегаров и машинистов – сущий ад. Часто замертво вытаскивают их на палубу, размякших, как пареная репа” (Новиков-Прибой, *Рассказ боцмана*). „Вы не бойтесь, я его не трону (...) Я мягкий, как пареная репа” (М.Горький).

е) Ослабление вещественного значения у слов-компонентов фразеологизма открывает широкий доступ лексическим заменам особенно в тех случаях, когда стоящие за словами предметы уходят из быта, заменяются в своём осмыслении или вовсе забываются, что в свою очередь заметно влияет на ослабление лексического значения у слова вообще. В современном русском языке употребляются выражения: *сбросить/скинуть со счёта* – *semmibe vesz, figyelmen kívül hagy vmit, vagy vkit*; *не сбросить/не скинуть со*

счёта – nem lehet figyelmen kívül hagyni, nem figyelembe venni vmit, vagy vkit. Напр.: „Он не заметил в ней того, чем она больше всего в себе дорожила, попросту сбросил со счёта её лучшие дни, её гордость и радость” (Г. Николаева, *Жатва*). „Авторы этих оперетт были первоклассными композиторами. Этого не скинешь со счёта” (Днепров, *Пятьдесят лет в оперетте*).

Словоупотребление хронологически ранней поры знало с этим значением только выражения:

сбрасывать/сбросить со счетов –	nem vesz figyelembe, töröl vkit vagy vmit a számításból,
скидывать/скинуть	levon a számadásból.
не сбросить со счетов –	nem lehet figyelmen
не скинуть	kívül hagyni.

Напр.: „*Джейн*: Я оскорблена. *Анастаси*: Милочка, Джейн, повторяю, на папу глупо рассчитывать. *Джейн*: Сбросил папу со счётов” (А.Н. Толстой, *Махатма*).

Появление в рассматриваемых фразеологизмах слова *счёта* на месте слова *счетов* (род. pluralia tantum – счёты) явилось следствием грамматической контаминации (szóalak-keveredés) на почве ослабления в этих фразеологизмах вещественного значения у слова *счёты* – названия специального прибора для считания (golyós számológép).

Но у слова *счёты* имеется и устарело-просторечный синоним *кости*, который встречается в сходных по смыслу выражениях, удостоверяя этимологическую достоверность первоначальных форм: *сбросить/скинуть с костей, с костей долой*. Напр.: „...должны получиться деньги с мельницы и с сена, но он кинул их на кости” (Л.Н. Толстой, *Детство*, III). „...И я вдруг помолодел, точно несколько лет с костей долой” (Герцен, *Письма из Франции и Италии*, I).

Лексические преобразования фразеологизмов типа *проще пареной репы* (вместо *дешевле пареной репы*), *не играет значения* (вместо *не играет роли*), *скинуть/сбросить со счёта* (вместо *скинуть/сбросить со счетов*) и другие подобные лексические преобразования фразеологизмов свидетельствуют о *своеобразной* жизни, а не омертвлённой окаменелости их. Всё это выдвигает задачу упорной работы над фразеологизмами русского языка не только в плане семантико-

стилистическом, но и в аспекте исторической разработки фразеологических материалов (Райштейн 1981: IV: 8-14; Шанский 1969; Максимов 1955: 235).

На основе вышесказанного, толкование и правильная интерпретация безэквивалентной лексики, в первую очередь, фразеологизмов, на наш взгляд, является первостепенной задачей для каждого русиста, и особенно – в иностранной аудитории.

ЛИТЕРАТУРА

- Белинский, В.Г.
1955 *Петербургская литература, в: Собрание сочинений, Л. 1955.*
- Быстрова, Е.А., Окунева, А. П. и Шанский, Н.М.
1992 *Краткий фразеологический словарь русского языка, Просвещение, СПб 1992.*
- Верещагин, Е.М. и Костомаров, В.Г.
1983 *Язык культуры, Русский язык, М. 1983.*
- Виноградов, В.В.
1947 *Об основных типах фразеологических единиц в русском языке, Сб. А.А.Шахматов, 1947.*
- Даль, В.
1978 *Толковый словарь живого великорусского языка в четырёх томах, Русский язык, М. 1978.*
- Дипломатический словарь*
1979 *Дипломатический словарь в трёх томах, Наука, М. 1979.*
- Долгих, И.А.
1983 *Современный русский язык (лексика и фразеология), МГУ, М. 1983.*
- Жуков, В.В.
1978 *Словарь русских пословиц и поговорок, Худож. литература, М. 1978.*

- Жуков, В.П.
1980 *Школьный фразеологический словарь русского языка*, Просвещение, М. 1980.
- Краткий политический словарь*
1983 *Краткий политический словарь*, Политиздат, М. 1983.
- Крылатые слова*
1979 *Крылатые слова*, Детская литература, М. 1979.
- Максимов, С.
1955 *Крылатые слова*, М. 1955.
- Молотков, А.И.
1979 *Основы фразеологии русского языка*, Наука, Л. 1979.
- Ожегов, С.И.
1975 *Словарь русского языка*, Русский язык, М. 1975.
- Пете, И.
1989 *Лексикология русского языка*, Танкёньвкиадо, Будапешт 1989.
- Райштейн, А.Д.
1981 *О сопоставлении фразеологических систем*, ИЯШ, 1981.
- Розенталь, Д.Э. и Теленкова, М.А.
1976 *Словарь-справочник лингвистических терминов*, Просвещение, М. 1976.
- Словарь русского языка*
1983 *Словарь русского языка*, Русский язык, М. 1983.
- Словарь современного русского литературного языка*
1950-1962 *Словарь современного русского литературного языка в семнадцати томах*, Академия наук, М.-Л. 1950-1962.

- Словарь-справочник*
1981 *Словарь-справочник по русской фразеологии,*
Русский язык, М. 1981.
- Советский энциклопедический словарь*
1981 *Советский энциклопедический словарь,* М. 1981.
- Татар, Б.
1992 *Фразеология современного русского языка,*
Танкёньвкиадо, Будапешт 1992.
- Толковый словарь русского языка*
1981 *Толковый словарь русского языка,* Просвещение,
Л. 1981.
- Толковый словарь*
1968 *Толковый словарь русского языка,* ред.:
Д.Н.Ушаков, М. 1968.
- Фразеологический словарь*
1978 *Фразеологический словарь русского языка,*
Русский язык, М. 1978.
- Шанский, Н.М.
1969 *Фразеология современного русского языка,* Наука,
М. 1969.
- Щерба, Л.В.
1947 *Преподавание иностранных языков в средней*
школе. Общие вопросы методики, М.-Л. 1947.
- Apresszjan, Páll
1982 *Orosz ige – magyar ige. Vonzatok és kapcsolódások,*
Tankönyvkiadó, Budapest 1982.
- Békés, I.
1968 *Napjaink szállóigéi,* Kossuth, Budapest 1968.
- Misky, G.
1978 *Országismeret. Oktatóanyag. Utmutató*
orosz v szakos levelező hallgatók szá-

- mára*, Felsőoktatási Pedagógiai Kutatóközpont, Budapest 1978.
- 1986 *Nyelvi országismeret az idegennyelv-oktatásban*, in: *Az idegen nyelvi nevelés-oktatás néhány iránya és lehetősége c. tanulmánykötetben*, szerk.: K.Kinga, Budapest 1986.
- O.Nagy, G.
1982 *Magyar szólások és közmondások*, Gondolat, Budapest 1982.
- Papp, F.
1979 *Кönyв az orosz nyelvről*, Gondolat, Budapest 1979.
- Russzicizmusok*
1961 *Russzicizmusok. 5000 orosz szó és kifejezés*, szerk.: E.Keszthelyi, Budapest 1961.

ABSTRACT

In a strict approach, there is no adequate reference between Russian idioms and their Hungarian counterparts. For this reason, in the teaching process these kinds of lexical items require descriptions instead of providing their Hungarian “equivalents”.

Variations of Russian idioms like „проще/дешевле пареной репы” reveal that their semantic and stylistic features are not completely idiomatized. The author's teaching experience persuades us to deal with the problem non only in synchronic but diachronic aspect, too.

СООТВЕТСТВИЯ В ЗНАЧЕНИИ ГЛАВНЫХ ТЕРМИНОВ РУССКОГО И ВЕНГЕРСКОГО НАРОДНОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

V.A. Fedoszov

Языкознание это наука о языке. Однако о языке могут рассуждать не только лингвисты-профессионалы, но и простые люди. Как известно, существует много пословиц и поговорок о языке и речи: поскольку их принято называть народными, то и заключённые в них знания о языке тоже можно назвать народным языкознанием.

В общенародном употреблении встречаются такие слова, как *язык, речь, говорить, слушать* и т.д. (*nyelv, beszéd, beszél, hallgat* и др.), с которыми у говорящих связываются определённые представления о языке. Поскольку эти представления – народные, то почему бы их тоже не назвать народным языкознанием?

Народное языкознание – это наиболее общие понятия о языке. Научная лингвистика идёт от народного языкознания, „восходя” от абстрактного к конкретному – и доходя до понятий, которые различаются в разных конкретных языках.

Главный термин народного языкознания – *слово* (*szó*). Ниже рассматриваются в сравнительном ключе значения этого термина в русском и венгерском народном языкознании. В качестве материала используются поговорки и пословицы, содержащие этот термин. Русский материал даётся по: Даль 1984 и Даль 1978, венгерский – по: Nagy 1994 и Margalits 1993. В качестве исходного материала используются данные толковых словарей: русского – (Ожегов 1987) и венгерского (*Magyar értelmező kéziszótár* 1972). Примеры приводятся в следующем порядке: сначала называются выражения, эквивалентные в русском и венгерском языках (об эквивалентности см.: Лендваи 1988), затем – выражения неэквивалентные (венгерские выражения переводятся на русский язык).

1. В обоих названных толковых словарях в качестве первого значения слова *слово* формулируется значение, которое используется в научной лингвистике. Научная линг-

вистика, взяв термин из народного языкознания, как бы возвращает его назад, конкретизировав его содержание (то же самое происходит, например, и с термином *предложение* – *mondat*).

В русском толковом словаре *слово* определяется так: „Единица языка, служащая для называния отдельного понятия”. В венгерском словаре: “A nyelvnek meghatározott hangalakú és jelentésű viszonylag önálló egysége” (Относительно самостоятельная единица языка определённого звучания и значения). Слово в таком значении не что иное, как *слово-знак*. Примеры: *Словом* – *Szóval*, *От слова до слова*, *От слова к слову* – *Szóról szóra*, *От первого слова до последнего* – *Első szavától az utolsó szaváig*, *Вытягивать (вытянуть) слово* – *Kihúz egy szót*, *Ни одного правдивого слова* – *Egy szava sem igaz*, *Сzó szerint* (В соответствии со словом), *Egy szó mint száz* (Одно слово как сто слов).

В качестве отдельного значения слова в венгерском словаре формулируется значение “*kifejezés, szóhasználat*” (выражение, использование слова), которое в русском словаре отмечается в связи с упомянутым значением. В данном случае обращается специальное внимание на использование слова-знака в речи при её построении и распознавании. Применительно к русскому языку этот случай описан в (Федосов 1994). В венгерском языке дело обстоит почти так же.

При порождении речи говорящий сначала „ищет” слово в памяти (может и „недоискаться”): *Слов недоискался* – *Keresetlen szavak*, *Не то слово* – *Nem jó szó*, *На это нет слов* – *Eggye nincs szó*.

Затем говорящий артикулирует слово, работая органами во рту: *Разжёвывает слова* – *Megrágja a szót*, *Прожуй слово, да и молви* – *Rágd meg a szót, mielőtt kimondod*; *Előbb rágd meg, aztán köpd ki a szót* (Сначала разжуй, а потом выплюнь слово).

Произнесённые слова, вступая друг с другом в „лад”, создают „склад”, и из „складов” образуется „речь”: *Слово за словом (следует)* – *Szó szót követ*, *Не может двух слов связать* – *Nem tud két szót összekapcsolni*, *Из слова лад, из складов речь*, *Szóból szó kerekedik* (Из слова слово катится), *Szó szót húz* (Слово слово тянет), *Szóból szó jön* (Из слова слово исходит), *A szónak párját kell adni* (Слову надо дать пару).

Осознанное отношение к слову-знаку обнаруживается у говорящих не только при говорении, но и при восприятии речи (речь распознаётся посредством распознавания в ней слов): *Поймать на слове* – Szaván (szavánál) fog vkit, *Цепляться за слово* – A szavakba (vkinek a szavaiba) kapaszkodik.

2. Второе значение слова в русском и венгерском толковых словарях определяется следующим образом: „Сама речь, способность говорить”, “Beszéd, beszédés” (речь, говорение). Слово в этом значении – это *слово-речь*. В некоторых русских поговорках *слово* в этом значении заменяется на слово *речь*: *Владеть словом (речью), Твои бы речи (слова) да Богу в уши, Не находить слов (речи)*, ср. венгерск.: Se szó, se beszéd (Ни слово, ни речь).

Слово-речь – это процесс. И как всякий процесс, слово-речь – начинается, продолжается и завершается: *Затевают речь* – Szóba elegendik, *Текут слова (из него)* – Folyik a szó vkiből, *Слова кончаются* – Kifogy a szóból, *Tele van szóval, mint a duda széllel* (Из него слова, как из дудки ветер), *Hajtja a szót* (Подгонять слова), *Se vége, se hossza csoportos szavának* (Конец-краю нет его словам), *Útnal, szónál nincs vége* (У пути и у слова нет конца).

Слово-речь – это „живое” слово, противопоставленное „мёртвой букве”: *Живое слово дороже мёртвой буквы*, Szóban és írásban (Устно и письменно), *A szó elrepül, az írás megmarad* (Слово улетает, написанное остаётся). Применительно к данному случаю слово обозначает также и способность человека говорить (*Дар слова*), благодаря чему человек отличается от животного: *Человеку слово дано, скоту немота*.

В обоих словарях обращается внимание на формальную сторону речи. Так, в венгерском словаре говорится о том, что слову-речи свойственно звучание : “beszéd- v. énekhang” (звучание речи или песни). С этой точки зрения слово-речь может быть приравнена к голосам птиц и животных: “Állat, kül madár hangja” (голос животных, в особенности птиц) и даже к звукам, издаваемым некоторыми предметами и природными явлениями (“Tárgy, eszköz v. természeti jelenség”): *Az ágyú szava* (Слова пушки), ср. русск.: *Пушки говорят (заговорили)*.

В русском толковом словаре обращается внимание на другую сторону речи, которая прямо противоположна звучанию: „Текст к музыкальному произведению”: *Музыка на слова...*, *Слова песни...* Явно, что здесь имеется в виду „текст” как словесная (вербальная) форма речи, а не как содержание.

3. Третье значение в русском и венгерском толковых словарях определяется так: „Разговор, беседа”, “Beszélgetés, vita, tárgyalás” (разговор, спор, обсуждение): *Перекинуться (переброситься) словом* – *Szót vált valakivel*, *На пару слов* – *Egykét szóra*, *О чём слово* – *Szó van vmiről*, *Чужих слов не перебивай* – *Szavába vág valakinek*.

В данном случае слово есть не что иное, как *слово-диалог*. В отличие от научного понятия диалога, предполагающего расчленяемость его на части (реплики), в данном случае диалог представляется как целостное образование.

4. Во время разговора один из его участников начинает выделяться – говорить больше, чем другие, в итоге: один говорит, другие слушают. Из слова-диалога таким образом появляется слово-монолог. Если в диалоге тема разговора может изменяться от одного собеседника к другому (хотя и в диалоге собеседники стремятся держаться одной темы), то в монологе тема остаётся неизменной (изменение темы означает начало нового монолога). Это значит, что слово-монолог может иметь разновидности – в зависимости от темы, формы монолога и др.

Так, в обоих словарях формулируется значение „устное публичное выступление”, “felszólalás, hozzászólás” (выступление, высказывание). Примеры, относящиеся к этому случаю, можно подразделить на две части. Первые примеры говорят о том, кто данное слово произносит: *Чьё слово* – *Szava van vkinek*, *Взять слово* – *Magához veszi a szót*, *Выступить со словом* – *Szóvá tesz vmit*. Во вторых примерах говорится о том, какое место занимает данное слово в контексте других таких же слов: *Вводное слово* – *Előszó*, *Вступительное слово* – *Köszöntő szavak*, *Заключительное слово* – *Utószó*, *Последнее слово* – *Zárszó*.

В обоих словарях выделяется, далее, значение „право, позволение говорить публично”, “A felszólaláshoz való jog”

(право на высказывание): *Просить слова* – Szót kér, *Дать (предоставить) слово* – Ad vkinek a szavára, *Получить слово* – Szót kap, *Лишить слова* – Kifogatja a szavát. Здесь слово-монолог классифицируется в зависимости от желания кого-то а) сказать слово или б) слушать это слово.

В обоих словарях формулируется значение „обещание”, “ígéret”: *Сдержат (держат) слово* – Megtartja a szavát, *Давши слово, держи* – Ha szavadat adtad, tartad is meg, *Дать слово* (т.е. обещать) – Szavát adja, Magyar ember megtartja a szavát (Венгр держит своё слово). Этот случай свидетельствует, что слово-монолог может характеризоваться с точки зрения вполне определённых намерений говорящего.

В русском толковом словаре формулируется значение „речь на какую-нибудь тему, повествование, рассказ”: *Слово о полку Игореве, Слово о пользе стекла, Слово о словах*. По-видимому, сюда же можно отнести примеры: *Слово похвальное, Слово поучительное, О чём слово* – Szó van vmiben. Слово-монолог здесь может подразделяться в зависимости от темы, от содержания информации, которая в слове передаётся. В русском толковом словаре формулируется и ещё одно значение, которое конкретизирует только что отмеченное: информация может быть новой, последней и т.д.: *Новое слово* (в науке, технике), *По последнему слову*.

Существует много как русских, так и венгерских пословиц, в которых значение слова можно определить так: „Средство выражения качеств, свойств человека”. По словам можно судить о человеке: *Слово выдаёт (продаёт) человека* – Szavát adja el az ember, *Птицу по перьям, человека по словам* – Madarat tolláról, embert szaváról, Szóból ért a magyar (Венгр понимает из слова). В данном случае слово-монолог может подразделяться на „умное” и „глупое”, „доброе” и „злое” и т.д., т.е. с точки зрения оценки, выносимой слушателем: *У глупого и слова глупые* – Bolondnak a szava is bolond, *От дурака умного слова не дождёшься* – Bolondtól ritkán várhatsz okos szót, *Добрый (человек) добрые слова говорит* – Elég szép, ki szép szót ad. Заметим, что данное значение слова в толковых словарях не формулируется.

5. В некоторых русских и венгерских поговорках у слова обнаруживается значение, которое в обоих толковых

словарях не формулируется. По всей вероятности, в этом случае слово обозначает то, что в научной лингвистике называется „предложением”: *Достаточно одно слово сказать* – (Csak) egy szavába kerül vkinek vmi, *Сказать два-три слова, В двух словах, Сказать пару (тёплых) слов, То же слово, да иначе (не так бы) молвить, Замолвить слово.*

В приведённых примерах слово не обязательно должно обозначать отдельное слово или развёрнутый монолог. В количественном отношении это, по-видимому, нечто среднее между словом-знаком и словом-монологом. В качественном отношении слово-высказывание (назовём так эту единицу), по-видимому, имеет более конкретное содержание, чем слово-монолог. Если слово-монолог предполагает, в основном, всего лишь тему речи, то слово-высказывание предполагает предмет речи в определённой ситуации. В отличие же от слова-знака, слово-высказывание не закрепляется на данном предмете речи, оно свободно относительно его. Если вспомнить, что слова-знаки, соединяясь друг с другом, дают „склад”, то, по-видимому, можно утверждать, что минимальное в области „склада” – это слово-высказывание. Выше говорилось, что из „складов” образуется „речь”; это значит, что из слов-высказываний образуется слово-монолог.

6. Есть ещё одно значение слова, которое в толковых словарях не формулируется, хотя в обоих языках существует большое количество пословиц и поговорок, выражающих это значение. В данном случае слово сопоставляется с делом, в результате чего само слово становится делом, правда, специфическим, называемым в научной лингвистике „речевой деятельностью”. Это слово-дело, например: *В слове сила* – *Egő van a szóban*, *Победил словом* – *Győzni szóval*, *Слово горы ворочает, Слово народы поднимает, От палки не так больно, как от слова, Хорошее слово в мороз согревает, Бездушное слово сердце заморозит, Többre megy szóval mint karddal*, *(Словом больше достигнешь, чем мечом), Szép szó vasajtót nyit*, *(Доброе слово открывает железные ворота). A jó szó az ellenséget is kibékíti*, *(Доброе слово примиряет и врагов).*

Почему данное значение слова не регистрируется в толковых словарях? Надо полагать – потому, что данное

значение уже не является собственно лингвистическим, оно выходит за рамки внутренней лингвистики и становится понятием внешней лингвистики (макролингвистики).

На основе сравнения слова-дела с другими видами человеческой деятельности (и с предметами, вовлечёнными в эту деятельность) можно узнать о назначении слова-дела: *Слову – вера, хлебу – мера, деньгам – счёт, Слово к ответу, а хлеб к обеду*. Можно узнать о том, чем отличается слово-дело от другого дела и др.: *Бритва скребёт, а слово режет, A szavak oktatnak, a példák kényszerítenek*, (Слова учат, примеры привлекают). Тема *Слово и дело* может быть предметом специального описания.

Итак, у слова *слово*, по данным русского и венгерского материала, имеются следующие значения:

1. слово-дело	szó-tett
2. слово-речь	szó-beszéd
3. слово-диалог	szó-dialógus
4. слово-монолог	szó-monológ
5. слово-высказывание	szó-nyilatkozat
6. слово-знак	szó-jel

Значения термина *слово* помещены в списке, начиная с самого общего значения (слово-дело) и кончая самым конкретным значением (слово-знак). Перечисленные единицы, несомненно, разные, но одновременно – это одна и та же единица, для которой в народном языкознании, как видим, имеется специальный термин – *слово*. Названные единицы соотносятся друг с другом: каждая последующая единица является конкретизацией предшествующих единиц. Говорящий осознанно имеет дело, надо полагать, только с самой конкретной единицей – словом-знаком. Однако, оперируя этой единицей, он одновременно оперирует и всеми остальными единицами.

Процесс порождения и распознавания речи представляется носителям венгерского языка, по-видимому, в более целостном виде, чем носителям русского языка, так как в венгерском языке, кроме слова *szó*, есть ещё и слово *szól* (говорить), которое так же активно употребляется в языке, как и слово *szó*. В русском языке аналогичного слова нет, если не считать слова *словесить*, являющегося устаревшим и очень узким по значению. В русском языке венгерского

пространства szó – szól не образуется (*говорить* – это другой термин, соответствующий венгерскому beszél).

Проведённый анализ показывает, что у термина *слово* – szó в русском и венгерском языках имеются, по существу, одинаковые значения. Можно сделать вывод, что такие понятия, как слово-дело, слово-речь, слово-диалог, слово-монолог, слово-высказывание, слово-знак, а также и слово, являются понятиями как русского, так и венгерского народного языкознания, а возможно, и любого другого народного языкознания (см. Fedoszov-Varga 1993).

В заключение автор благодарит венгерских студентов, которые, работая на его семинаре, обсуждали с ним эти проблемы. Автор благодарен также своим венгерским коллегам Э.Еве и И.Балогу, которые консультировали его по некоторым вопросам венгерского языкового материала.

ЛИТЕРАТУРА

- Даль, В.И.
1978 *Толковый словарь живого великорусского языка. В четырёх томах*, М. 1978⁸.
- 1984 *Пословицы русского народа. В двух томах*, М. 1984.
- Лендваи, Э.
1988 *Проблема эквивалентности русских и венгерских пословиц*, в: “Dissertationes slavicae”, Szeged 1988: XX.
- Ожегов, С.И.
1987 *Словарь русского языка*, М. 1987¹⁸.
- Федосов, В.А.
1994 *Русское народное языкознание: представление говорящих о порождении и распознавании речи*, “Studia Savariensia”, 1994: I.
- Fedoszov, V., Varga, M.
1993 *Некоторые вопросы русского и венгерского народного языкознания*,

Harmadik magyar alkalmazott nyelvészeti konferencia, Miskolc 1993.

Magyar értelmező kéziszótár

1972

Magyar értelmező kéziszótár, Budapest 1972.

Margalits, E.

1993

Magyar közmondások és közmondásszerű szólások, Budapest 1993².

Nagy, O.G.

1994

Magyar szólások és közmondások, Budapest 1994⁵.

ABSTRACT

Folk linguistics is the knowledge people have of their language expressed in the linguistic terminology of public language and also in proverbs and stock phrases devoted to the language and its use (how to speak, listen etc.). Russian-Hungarian agreements (and disagreements) in the meaning of the main terminology of folk linguistics: слово – szó are examined in the article. Monolingual-dictionaries of both languages and also Russian and Hungarian proverbs and stock phrases containing this technical term are used as materials.

Slavica tergestina 5 (1997)

ОБ УПОТРЕБЛЕНИИ ИНФИНИТИВА ПРИ ПЕРЕВОДЕ

Ilona Erdei

Многими переводчиками замечено, что при переводе с индоевропейских языков, в том числе и с русского, на венгерский язык основной переводческой трансформацией является замена производных глагольных форм (причастия, деепричастия, инфинитива, пассивной формы глагола, а также девербатива) первичными, активными, спрягаемыми формами глагола. Ёмким, сжатым причастным оборотам или инфинитивным конструкциям русского языка в венгерском языке чаще всего соответствуют сложноподчинённые предложения. А о переводе с венгерского языка на русский нечего и говорить! Использование вышеуказанных форм является „камнем преткновения” практически для всех русистов-переводчиков, так как, даже при грамматически правильном их употреблении, наблюдается квази-правильность полученного результата.

В настоящей статье рассматриваются некоторые проблемы, связанные с переводом инфинитивных конструкций.

„В синтаксисе инфинитив – по словам Г.А.Золотовой – представляет вторичную, производную форму и стоит в ряду конструктивных форм периферической сферы: модальная и экспрессивная окрашенность инфинитивных предложений выводит их за пределы основных моделей синтаксического «центра»” (Золотова 1982: 272). „Инфинитив не центр глагольной системы, а его окраина”, – писал В.В.Виноградов (Виноградов 1947: 652). Вместе с тем синтаксическая окраина инфинитивных конструкций сама по себе довольно обширна и непросто устроена в русском языке. Кроме того, инфинитив – одна из самых употребительных форм глагола. Об этом свидетельствуют и статистические данные частотных словарей. Возьмём, к примеру, данные частотного словаря Э.А.Штейнфельдта, где употребительность времён и наклонений глагола распределяется следующим образом:

1. Изъявительное наклонение	78,7%
2. Сослагательное наклонение	1,5%
3. Повелительное наклонение	4,6%
4. Инфинитив	15,2%

Сопоставление грамматических категорий глагола показывает, что после изъявительного наклонения наиболее употребителен инфинитив. (Если учесть, что книга была составлена с учебной целью для преподавателей средних школ по материалам, доступным для детей, – художественная литература, радиопередачи, публицистические статьи – мы вправе предположить, что на самом деле доля инфинитива в языке шире вышеуказанного процента.)

В разных функциональных стилях различна роль инфинитива:

- в *официально-деловой речи* самый высокий, среди всех функциональных стилей, процент инфинитива от других глагольных форм, а именно 5:1;

- в *научной речи* это соотношение равно 1:5;

- в *газетно-публицистическом стиле речи* предложения с инфинитивной конструкцией, а также так называемые инфинитивные предложения без указания лица-деятеля, часто используются в заглавиях статей, носящих характер призыва, в лозунгах и т.д.: *Ельцин курс менять не намерен*; *Россия может покинуть „космический клуб“*; *Егоров есть, осталось найти Кантария*; *Нормальную жизнь в Кобе обещают восстановить за месяц* („Известия”, 19.1.1995). *Придётся умереть*; *Друг, оставь покурить* („Московский комсомолец”, 18.1.1995). *Ждать и верить* („Вечерний Мурманск”, 31.12.1994). *Отдыхать некогда*; *Чем „кормить” кислую почву* („Аргументы и факты”, 6.2.1995);

- а в *разговорной речи* особенно активны инфинитивные конструкции среди фразеологизмов: *ни дать ни взять*; *что и говорить*; *конца-краю не видать*; *ни вздохнуть, ни охнуть*; *работать так работать*; *Девушка – глаз не отвести*; *На улице – собак морозить*, в вопросительных предложениях: *Куда тебе ехать?*, и в их интонационных вариантах: *Куда тебе ехать!* (= Не надо тебе никуда ехать!); *Почему не сделать?* (= Можно сделать. Я сделаю). В современной речи появляются даже такие „сомнительные” грамматические явления как номинативное употребление инфинитива с предлогом: „За выпить дядя всё сделает” („Новый мир”, 1985: II). „Я не против встречи и побеседовать” („Известия”, 31.1.1984). Эти явления свидетельствуют об активности инфинитива в разговорной речи, и, так как в современном языке происходит бурная „перестройка”, нивелировка проти-

воположности письменной и устной форм речи, периферийные явления языка проникают в центр и с помощью масс-медиа очень быстро становятся модой, а потом даже нормой.

Совсем по-другому обстоит дело с инфинитивом в венгерском языке. „Инфинитив в венгерском языке употребляется гораздо реже, чем в русском, так как многим русским простым предложениям с инфинитивными оборотами в венгерском соответствуют сложноподчинённые предложения с повелительным наклонением глагола в придаточном” – пишет К.Е.Майтинская (Майтинская 1955: 246). „А повелительное наклонение в ВЯ-е, в отличие от русского языка, может употребляться во всех лицах. Форма повелительного наклонения обладает большими возможностями выражать разные модальные оттенки, а иногда является просто формой выражения глагольного сказуемого в определённых разрядах придаточных предложений” (*там же*, 232).

Вот что написано о синтаксической функции инфинитива в *Нормативном справочнике венгерского языка*:

Независимый инфинитив:

1. В безличных и обобщённо-личных предложениях рядом с глаголами, обозначающими восприятие, познание, в роли сказуемого инфинитив считается типично венгерским оборотом: *jól látni innen, nem tudni, honnan jött, látni rajtuk, nem látni a fáktól a házat*. Правда, во всех этих оборотах мысленно присутствует безличный глагол “*lehet*”, который может опускаться только в настоящем времени изъявительного наклонения.

(Интересно, что как раз в этих предложениях, где в ВЯ-е допускается инфинитив, РЯ предпочитает либо краткие формы прилагательных: *из-за деревьев не виден дом*; либо категорию состояния: *отсюда хорошо видно; неизвестно, откуда он приехал; видно по ним*. Однако в РЯ-е тоже возможен инфинитив: *из-за деревьев нельзя было увидеть дом*.)

2. Для выражения приказания:

а) *Megállni!* (правильнее: *Állj meg! Álljon meg!*);

б) *Gyerekek, (gyertek) ebédelni!* В таких предложениях глагол *gyertek* опущен.

См. в РЯ-е:

- а) *Стой! Остановиться!*
- б) *Дети! Давайте обедать!*

Несмотря на кажущиеся параллели этих конструкций, в справочнике написано, что такие предложения чужды венгерскому языку, „режут ухо” и воспринимаются как германизмы.

А теперь обратимся к инфинитивным оборотам. Обороты, заменяющие придаточные, по словам *Справочника*, многими лингвистами воспринимаются априори не как „невенгерские” конструкции, а как латинизмы или германизмы. Тем не менее перечисляются некоторые случаи употребления инфинитивных оборотов в синтаксисе – чаще всего с ограничениями.

а) Не возражают венгерские лингвисты против употребления инфинитива после глаголов *tud, akar, szeret, kíván, bír, mer, szokott, kezd* и т.п.: *szeretek énekelni* – при условии, что модальные и инфинитивные глаголы относятся к одному и тому же лицу.

В РЯ-е: *люблю петь*. Однако достаточно в ВЯ-е добавить приставку к глаголу *любить* (*megszerette az éneklést*) и сочетание данного приставочного глагола с инфинитивом станет уже невозможно. В то же время в РЯ-е: *Он полюбил петь в хоре*; а также с синонимичным глаголом: *Ему понравилось петь в хоре*. В переводе на ВЯ инфинитив исключён. Не говоря уж о глаголах *разлюбить* и *избегать*: *Раньше она любила ходить на танцы, а теперь совсем разлюбила танцевать* (*elment a kedve a táncról*). *У него болит нога, поэтому он избегает ходить пешком* (*lehetőleg nem gyalogol*).

С фазисными глаголами дело тоже не просто, ведь в *Справочнике* указывается только глагол *kezd*. Но с глаголом *кончить, перестать, бросить, прекратить* инфинитив в ВЯ-е уже не сочетается: *Он кончил петь; Он перестал учиться; Он бросил курить; Она прекратила работать*. См. венгерские эквиваленты: *Befejezte az éneklést. Abbahagyta a tanulást, a dohányzást. Félbeszakította a munkát*. Кажется, в преподавании РЯ-а достаточное внимание уделяется употреблению фазисных глаголов, однако у студентов-русистов эта трансформация получается далеко не автоматически – есть над чем поработать.

б) Другой тип предложений ВЯ-а с глаголами *lát, hall, tud, érez, hagy, enged*, когда при этих глаголах мыслится прямое дополнение: *Láttam őt elmenni. Ne engedd így elmenni a gyereket!* Такие предложения допустимы в ВЯ-е, однако многие лингвисты предпочитают их заменять придаточными предложениями с союзом *hogy, amint, amikor*: *Láttam, hogy v. amint v. amikor elment.*

Интересно, что русские эквивалентные предложения строятся тоже чаще всего без инфинитива: *Я видел, как он уходит; Не отпускай так ребёнка! (Не давай ему так уйти!).*

в) С модальными глаголами *ajánl, javasol, buzdít, elhatároz, föltesz, hisz, képzél, remél, kér, kéretik, megenged, megtanul, parancsol, megtilt, szeret, szeretne, tervez, érdemesnek, helyesnek, jónak, kívánatosnak, szükségesnek gondol, tart, vél, tekint* и т.д., по рекомендации *Справочника* желательно избегать употребления инфинитива в ВЯ-е. Итак, вместо *Ajánlom megtekinteni* правильнее сказать: *Ajánlom, tekintse meg v. tekintsék meg*. Тогда как в РЯ-е модальность и оценка являются основным содержанием конструкций, формирующихся с участием инфинитива. При этом модальные глаголы, выражающие положительное отношение, ведут себя совсем иначе, чем модальные глаголы со значением опасения, негативного отношения. Инфинитивные конструкции с положительными модально-волевыми глаголами могут быть переведены на ВЯ по-разному: *Он привык гулять перед сном; Она мечтает выйти замуж за миллионера; Он решил полететь на самолёте*. См. венгерские эквиваленты: *Hozzászokott, hogy lefekvés előtt sétál v. sétáljon v. hozzászokott a lefekvés előtti sétához. Arról álmodozik, hogy egy milliomoshoz megy férjhez. Elszánta magát a repülőútra*. Сочетания инфинитива с отрицательными модально-волевыми глаголами переводятся на ВЯ практически девербативами: *Он устал работать; Ему надоело молчать; Он боится простудиться*. См. венгерские эквиваленты: *Elfáradt a munkában. Elege van a hallgatásból. v. Megelégelte a hallgatást. Félt, hogy megfázik. Félt a megfázástól*.

г) Если вспомогательное слово с модальным значением выступает в именной форме, то в РЯ-е название действия сохраняет форму инфинитива (при именной форме фазисных глаголов – нет!): *может прийти – возможность прийти; привыкнуть учиться – привычка учиться*. Перевод

таких сочетаний на ВЯ из-за их ёмкости весьма затруднён и во многом зависит от контекста, но одно точно можно сказать: перевод инфинитивом исключён. См. возможные эквиваленты: *az a lehetőség, hogy eljön, az a szokása, hogy tanul*. Справочник и в этом случае советует „развёртывать” свёрнутые инфинитивные обороты: *Szándékunk a nyelvi műveltséget növelni*. Вместо этого: *hogy növeljük*, или *a nyelvi műveltség növelése*. Тогда как в русском варианте инфинитив естественно звучит: *Наше намерение развивать культуру языка*; или *Мы намерены развивать языковую культуру*. Для венгерской интуиции предложения типа *Szándékunk a nyelvi műveltséget növelni* слишком расплывчаты, безличны.

д) Кроме девербатива со значением модальности, в роли вспомогательного слова могут выступать и другие существительные с модальным значением: *szabadság* *выбирать*, *szerelem* *страсть жить*, *szükséglet* *потребность работать*. Такие русские сочетания переводятся на ВЯ либо сложным словом, либо существительным с согласованным определением, либо притяжательной конструкцией, либо описательным переводом: *választási szabadság, életkedv, életigenlés, táncolni való kedve van v. kedve van a tánchoz, a munka iránti szükséglet*. Сочетания с несогласованными определениями, а тем более с инфинитивом в роли определения, всегда ставят в затруднение переводчиков венгерского языка.

Употребление инфинитивного оборота вместо придаточного определения воспринимается венграми плохо, „не по-венгерски”. Такие предложения как: *Nőtt benne az elhatározás vidéken letelepedni* воспринимаются как чужие, и заменяются: *hogy vidéken telepedjen le*. В то время как в РЯ-е подобные сочетания инфинитива очень активны.

е) Ещё одно существенное расхождение в употреблении инфинитива наблюдается с краткими прилагательными, выражающими модальное отношение субъекта к действию: *szívesen* *готов помочь*, *szívesen* *рада сплетничать*, *laza* *ленив спорить*. Такие сочетания только частично переводятся на ВЯ инфинитивом: *segítőkész, pletykaéhes, örül, ha pletykálhat, lusta vitatkozni*. На самом деле проблемы возникают не при переводе на ВЯ, а наоборот, на РЯ. Студенты при переводе на РЯ вышеуказанных венгерских вариантов редко находили нужные конструкции.

ж) От вышеуказанных прилагательных могут образоваться существительные, сохраняющие при себе инфинитив: *готовность бороться, склонность преувеличивать, способность рисовать*. В таких случаях перевод на ВЯ инфинитивом невозможен: *harckészség, túlzásra való hajlam, rajzkészség*. В обратном направлении, по аналогии с венгерским вариантом, студенты дают эквиваленты, где вместо инфинитива стоит девербатив.

з) С глаголами движения, по свидетельству *Нормативного справочника*, возможно употребление инфинитива, однако возможны и развёрнутые придаточные предложения с повелительным наклонением глагола: *Téged jöttem üdvözölni, engedj ki sétálni! – Eljöttem, hogy üdvözöljelek, Engedj ki, hogy sétáljak egyet!* В русских придаточных предложениях цели союз *чтобы* часто опускается: *Он пришёл попросить книгу почитать; Он поехал на вокзал встретить друзей*. См. венгерские эквиваленты: *Azért jött, hogy kölcsönkérjen egy könyvet olvasni. Kiment az állomásra a barátai elé*. Скопление двух инфинитивов в одном предложении нежелательно – советует нам *Нормативный справочник венгерского языка*. *Megyek ásni segíteni neki* звучит лучше так: *megyek, segítek neki ásni*. В то же время в РЯ-е запросто встречаются предложения даже с тремя инфинитивами: *Надо пойти в магазин купить что-нибудь поесть*.

В настоящем докладе мы затронули проблемы перевода только тех инфинитивных конструкций, которые приводятся в *Нормативном справочнике венгерского языка*. Анализ студенческих переводов показывает, что начинающие переводчики испытывают значительные трудности в употреблении русских инфинитивных конструкций, а в имеющихся учебных пособиях по переводу эта тема освещается недостаточно, поэтому необходимо уделять ей больше внимания.

ЛИТЕРАТУРА

- Бабайцева, В.В. и Максимов, Л.Ю.
1981 *Современный русский язык*, М. 1981: III.
- Васильева, А.Н.
1976 *Курс лекций по стилистике русского языка*, М. 1976.
1982 *Газетно-публицистический стиль речи*, М. 1982.
- Виноградов, В.В.
1947 *Русский язык*, М.-Л. 1947.
- Золотова, Г.А.
1982 *Коммуникативные аспекты русского синтаксиса*, М. 1982.
- Кожин, А.Н., Крылова, О.А. и Одинцов, В.В.
1982 *Функциональные типы русской речи*, М. 1982.
- Костомаров, В.Г.
1994 *Языковой вкус эпохи*, М. 1994.
- Майтинская, К.Е.
1955 *Венгерский язык*, М. 1955.
- Русская грамматика*
1982 *Русская грамматика*, М. 1982: II.
- Штейнфельдт, Э.А.
1963 *Частотный словарь современного русского литературного языка*, Таллин 1963.
- Klaudy, K.
1994 *A fordítás elmélete és gyakorlata*, Budapest 1994.
- Nyelvművelő kézikönyv*
1983 *Nyelvművelő kézikönyv*, Budapest 1983: I.

Papp, F.
1972

Окончательная редакция текстовых единиц, длинных предложений или квази-правильность речи лиц, освоивших иностранный язык, "Annales Inst. Phil. Slavicae Univ. Debreceniensis", 1972: XII.

ABSTRACT

The infinitive is a category showing special syntactic behaviour with its functions and constructive possibilities defined by its semantic specifications.

Hungarian translators often have difficulties with translating Russian Infinitive constructions. The theme of this lecture is the syntactic behaviour of the Infinitive in the Russian language in collation with Hungarian translations.

Slavica tergestina 5 (1997)

TRADUZIONE SCRITTA E TRADUZIONE ORALE: UN APPROCCIO PRAGMATICO

Francesco Straniero Sergio

In questo contributo, mi propongo di analizzare le differenze tra traduzione scritta (TS) e traduzione orale, più in particolare prenderò in considerazione una delle forme di tale attività traduttiva: l'interpretazione simultanea (IS).

Il punto di partenza, che a prima vista può sembrare ovvio e banale, riguarda proprio l'appartenenza di IS al dominio dell'*oralità*. Uso questo termine non nella sua accezione antropologica, come "complesso di abitudini comunicative, non solo verbali, ma più generalmente culturali di una comunità, o gruppo sociale, che non conosca la diffusione della scrittura" (Voghera 1992: 15), ma come modalità fisica di trasmissione. Scritto e parlato, infatti, si differenziano proprio in base al mezzo usato per comunicare (si parla al riguardo di varietà o *variazione diamesica*). Tale distinzione, tuttavia, non è sufficiente a caratterizzare i testi oggetto di IS e va integrata da quella tra *usi formali* e *usi informali* della lingua (Nencioni 1983; Cortelazzo 1985). Inoltre, come hanno dimostrato gli etnografi della comunicazione (Hymes, Gumpertz, Goffman e altri), il parlato si caratterizza per la sua *dimensione pragmatica*, per le sue strategie comunicative oltre che per la sua struttura lessicale e morfologica.

Detto questo, svilupperò le mie riflessioni adattando a IS i tratti situazionali del parlato *tout court* illustrati da Voghera (1992) e Bazzanella (1994) e introdurrò nello studio di IS alcuni concetti elaborati da Goffman (1981) in un saggio dedicato alla conferenza.

1. *Il mezzo fonico-acustico*. La discretezza della scrittura consente al traduttore di operare su singole componenti, di spostarsi a piacimento avanti e indietro nel testo. La comunicazione orale si sviluppa invece lungo un continuum fonico ed è caratterizzata dalla linearità. L'interprete è costretto a seguire l'andamento lineare e la successione temporale (*порядок следования*) delle unità testuali della lingua di partenza (LP).¹

---

¹ Cfr. Cernov (Cernov 1987: 31-32): „одноразовость предъявления переводимого сообщения и синхронность протекания процессов

La prima differenza fondamentale tra TS e IS va dunque ricercata nella ricezione (acustica e non visiva) e nella riproduzione (orale e non scritta) del testo di LP nel testo della lingua d'arrivo (LA). Non solo. La contemporaneità delle fasi di ricezione (segmentazione), di comprensione e riproduzione (rispetto alla dilatazione tipica dello scritto), pone forti limitazioni operative su IS. In primo luogo, il fatto che una variabile cruciale, come quella temporale non sia lasciata alla discrezione del soggetto che esegue il compito, ma sia determinata dalle caratteristiche del compito stesso (*заданность темпа деятельности извне*); in secondo luogo, la velocità di saturazione della capacità di immagazzinamento delle unità linguistiche nella memoria a breve termine dell'interprete. Le particolari condizioni enunciative (*острый дефицит времени и одновременность слушания и говорения*) rendono necessaria l'attivazione di tutta una serie di meccanismi psicolinguistici che consentano al soggetto traduttore di non sovraccaricare la sua memoria a breve termine, di esercitare un controllo continuo sul proprio discorso per evitare l'interferenza, a tutti i livelli, di LP su LA (fenomeno a cui è maggiormente esposto l'interprete rispetto al traduttore, soprattutto in termini di suggestioni foniche), di distribuire l'attenzione tra le varie fasi di IS e, infine, di porre in essere strategie anticipatorie e previsionali, avvalendosi delle sue competenze cognitive (*фоновые знания, когнитивный запас*).

1.1. *Scarsa pianificazione.* Il grado di minore o maggiore pianificazione del discorso è considerato un parametro importante per distinguere il parlato dallo scritto: “unplanned discourse is discourse that lacks forethought and organizational preparation (...) planned discourse is discourse that has been thought out and organized (designed) prior to its expression”. Da questa distinzione della Ochs (Ochs 1979: 55), la prima ad introdurre il concetto, i discorsi, oggetto di IS risulterebbero essere una forma pianificata del discorso, in quanto anche un discorso non scritto presuppone un minimo di preparazione (cfr. *scripted vs. unscripted speech* in Enkvist 1982).² L'attività di IS non riguarda solo la conferenza in

---

рецепции и репродукции сообщения”. Svejcer (1973: 60) descrive il processo di IS come *одноразовый акт*.

2 Gregory (1980: 464), rifiutando la semplice dicotomia tra scritto e parlato, distingue tra “speaking spontaneously” e “non-spontaneously”; il parlato spontaneo può essere “conversing” o “monologuing”, mentre quello non

senso stretto, come situazione monologica nella quale vi è un unico parlante a cui è riconosciuto il diritto di parola e un gruppo di parlanti a cui è riconosciuto il ruolo di ascoltatori (Voghera 1992: 150). Ci sono numerose situazioni elocutive di grande dialogicità, come il dibattito, la tavola rotonda, l'intervista, la conferenza-stampa, nelle quali la forma del discorso non può essere pianificata o lo è scarsamente. Riprendendo la distinzione iniziale, i discorsi che riguardano IS, possono essere definiti come parlato formale, in quanto non sono assimilabili nè alla lingua scritta nè a quella parlata. Goffman distingue tre *modes of animating spoken words: memorization* (recitazione di un testo imparato a memoria), *aloud reading* (lettura ad alta voce) e *fresh talk* (parlato spontaneo). Ognuno di questi modi di produzione presuppone un rapporto particolare tra parlante e ascoltatore (vedi 2). Molto spesso gli oratori fanno un uso pragmatico delle caratteristiche reali del *fresh talk*: “journalists, politicians, even academics at times have planned their discourse to appear as if it were being planned in the course of its delivery, when, in fact, it has been worked out well in advance” (Ochs 1979: 77). Goffman parla dell'illusione del *fresh talk*, dell'impressione che la formulazione del discorso sia reattiva alla situazione comunicativa.

1.2. *Impossibilità di cancellazione*. Nel parlato, si può solo modificare in modo esplicito quello che si è già detto tramite autocorrezione (vedi 3), ma non si può veramente cancellare come nello scritto. Una produzione *in fieri* del discorso comporta, sul piano linguistico, problemi di esecuzione: false partenze, esitazioni, ripetizioni, pause, lapsus, frasi interrotte, cambiamenti di direzione, pronunce sbagliate, il perdere il filo, atti o commenti riparatori, indicatori di riformulazione (*cioè, volevo dire, ecc.*), uso di particelle modali (*praticamente, per così dire*), che sottolineano che è in corso un processo di riformulazione. La versione stampata di un discorso non conterrà tutte le divagazioni che ravvivano la

---

spontaneo può essere “reciting” (“performing the oral tradition”) o “speaking what is written”. Anche Halliday (1987: 59-60) parla di continuum più che di netta separazione tra le due modalità: “written/spoken is not a simple dichotomy - there are many mixed and intermediate types - and because the whole space taken up by such variation is by now highly coded (...) the wording is as much the product of stylistic conventions in the language as of choices made by individual speakers and writers”.

presentazione orale. Come ha dimostrato Cortelazzo (1985), nella fase di trascrizione vengono eliminati tutti gli errori di esecuzione e viene cancellato tutto ciò che è avvertito come tipico del parlato.

1.3. *Non permanenza o evanescenza.*³ A meno che non venga registrato (con le conseguenze esaminate in 1.2), il parlato non lascia traccia fisica, non a caso si dice *verba volant, scripta manent*. Il messaggio orale si affida quindi solo alla memoria. Le condizioni fisiche dell'espressione orale favoriscono una tendenza alla ridondanza che spesso agevola i meccanismi previsionali e anticipatori dell'interprete. L'organizzazione orale del discorso presenta una diversa strutturazione sintattica e testuale e un diverso rapporto tra sintassi e intonazione. La presentazione di elementi nuovi si alterna alla ripresa di concetti già trattati.⁴

1.4. *Importanza dei tratti prosodici.* E' questa una componente fondamentale di IS, che evidenzia chiaramente non solo la sua "oralità" ma anche alcuni aspetti di teatralità su cui mi soffermerò più sotto (vedi 2). Per capire l'importanza dell'intonazione, delle pause e dei mezzi paralinguistici (variazione di tono, energia, sonorità) è sufficiente pensare agli effetti disforici (termine goffmaniano) che si producono quando un'altra persona legge (*aloud reading*) il testo al posto dell'autore. La rilevanza dei tratti soprasegmentali in IS ha portato Stajter (1975: 105-107) ad assegnare a questi fattori un ruolo primario, fino ad arrivare a sostenere che l'insegnamento di IS dovrebbe mirare a sviluppare nello studente determinate capacità attoriali:

Тренировка памяти, внимания, сопоставительный анализ конструкций предложений в различных языках и тренировочные переводы официально-бесстрастно произнесённых преподавателем фраз не могут заменить эмоциональной окраски, необходимой синхронщику для мгновенного вживания в высказывание докладчика. А без этого студенты не в состоянии

3 Cfr. Seleskovitch (1978: 14), Kopczynski (1980: 24), Gile (1995: 68-69).

4 Cardona (in Voghera 1992: 25) parla di *andamento epicicloidale* del discorso. Nell'orale viene privilegiata una coesione semantica più che sintattica, bassa coerenza testuale (Bazzanella 1994: 13; Voghera 1992: 243). Secondo Chafe (1982: 38): "written language tends to have an «integrated» quality which contrasts with the fragmented quality of spoken language".

приобрести требующиеся для синхронного перевода навыки по скоростному согласованию структур предложений на разных языках. Для тренировки навыков следовало бы практиковать синхронный перевод художественных фильмов, не обращая внимания на неточности и пропуски в переводе (...) В синхронном переводе скорость синхронизации при подборе адекватных выражений обеспечивается вживанием в образ, подстановкой себя на место говорящего (...) В синхронном переводе, по крайней мере структурные неправильности фразы часто компенсируются переводчиком изменением эмоциональной окраски, интонации (...) Синхронщик обычно спотыкается и уходит, на „второй круг” не тогда, когда он замечает грамматическую неувязку, а тогда, когда он выбрал неверную интонацию. Но это, кажется, вообще свойство устной речи. Если запротоколировать нашу обыденную речь, мы заметим, что несём страшную несуразицу, которая закрашивается всегда верно подобранной интонацией.

2. *Contesto d'enunciazione comune.* Nella comunicazione scritta, l'atto dello scrivere non coincide con l'atto del tradurre. In altre parole, i tempi di ricezione del testo non coincidono con i tempi di decodifica da parte del traduttore. In IS, al contrario, la condivisione delle unità di tempo e di luogo fanno sì che la produzione di un testo sia contestuale e, come vedremo in seguito, funzionale alla sua presentazione. La conferenza si configura così come uno *speech event*, nel senso descritto per primo da Hymes. Se la conferenza servisse solo alla pura e semplice trasmissione di informazioni da parte di un parlante nei confronti di determinati ascoltatori non si distinguerebbe da altri metodi di comunicazione, come la pagina stampata. Come ha mirabilmente osservato Goffman (1981: 172-186): “audiences attend because a lecture is more than text transmission; indeed they may feel that listening to text transmission is the price they have to pay for listening to the transmitter. They attend - in part - because of something that is infused into the speaking on the occasion of the text transmission, an infusion that ties the text into the occasion (...) The content of a lecture is not to be understood as something distinctive to and characteristic of lecturing”.

Il traduttore ha a che fare con un testo stampato e non con la sua trasformazione in un testo orale, reattivo alla situazione particolare in

cui viene presentato. Il carattere *hic et nunc* dà all'evento comunicativo l'impressione di essere unico ed irripetibile. L'interprete, al pari del pubblico, ha un *accesso preferenziale* all'oratore, rispetto al lettore e al suo collega traduttore.⁵ Queste considerazioni sono di grande rilevanza pragmatica per IS. L'interprete, infatti, non ha accesso solo al *textual self*, inteso come l'autore del testo (che può apparire anche nella versione stampata del discorso e, al limite, può essere "proiettato" anche in sua assenza), ma anche ai vari *self* che l'autore "mette in scena" nel corso della presentazione orale del suo testo. A questo punto è opportuno introdurre due concetti di Goffman, quello di *frame* e quello di *footing*. *Frame* è la cornice metacomunicativa, interazionale nella quale è "incassata" (*embedded*) la conferenza e *footing* è la posizione che il parlante assume nei confronti di se stesso e dei suoi interlocutori nell'ambito di una situazione comunicativa. Si tratta delle variazioni nel modo di presentarsi e di appellarsi ai destinatari, gli espedienti vocali, i doppi sensi involontari, i problemi di esecuzione (vedi 1.2), l'animazione di sostegno, l'accompagnamento gestuale (vedi 1.4 e 2.1), le ammissioni parentetiche non presenti nel testo, le diverse chiavi di lettura (*keyings*) col le quali l'oratore si allontana dal contenuto letterale di quello che dice. Fenomeni come l'auto-ironia, l'auto-sarcasmo implicano una divisione del parlante in molteplici identità. Tutti questi commenti sono gli equivalenti sonori dei mezzi grafici (le virgolette, i trattini, le note), ma, a differenza di quest'ultimi, non possono essere riprodotti nella versione scritta.⁶ Ogni cambiamento di *footing* riguarda il modo in cui l'oratore "commenta" la propria

5 Si pensi, a questo proposito, ai commenti parentetici che venivano regolarmente inseriti nella trascrizione dei famosi ed interminabili "rapporti sull'attività del PCUS" (*отчётные доклады*): *Аплодисменты* (*applausi*), *Бурные, продолжительные аплодисменты* (*applausi scroscianti, prolungati*), *Оживление в зале* (*agitazione in sala*), *голос в зале: „Правда!“* (*una voce dalla sala: "E' vero!"*), *Возгласы одобрения* (*grida d'approvazione*). Al di là della funzione ritualistica e celebrativo-ideologica di queste formule, si trattava comunque del tentativo di rimediare ad una ricezione "differita" del discorso, di riprodurre graficamente alcuni momenti della presentazione orale di testi che erano scritti per essere letti ad alta voce.

6 Per esempio, per quanto le riguarda le virgolette, "the reader is not informed as to how the words so marked were managed in the speaking, whether by prosodic markers, verbal translitteration («I quote»...«unquote»), or/and finger gestures" (Goffman 1981: 161).

produzione mentre la sta producendo. L'interprete è quanto mai interessato non solo al *meaning of discourse* ma anche e soprattutto al *mechanics of discoursing*, alle strategie discorsive e pragmatiche che l'oratore utilizza nel corso della presentazione del suo testo e agli effetti che queste producono sugli ascoltatori. Un cambiamento di *footing* avviene anche alla fine del discorso. Il momento delle domande consente un contatto conversazionale con l'oratore. Si viene così a modificare anche il modo di produzione del discorso, per esempio con un passaggio da *aloud reading* a *fresh talk*.

2.1. *Ricorso frequente a mezzi non linguistici.* Oltre ai tratti soprasegmentali, è importante che l'interprete veda l'oratore per poter cogliere tutti quei fenomeni non vocali che accompagnano il discorso:⁷ il movimento delle labbra, degli occhi, cenni del capo, espressioni del volto, gesti, posizione del corpo, ecc. La visibilità dell'oratore consente anche all'interprete di comunicare in modo non verbale, anche se tale possibilità dipende dal grado di ufficialità della situazione comunicativa e dalla ubicazione della cabina.

2.2. *Uso di deittici.* Sia il traduttore che l'interprete possono riferirsi al contesto extralinguistico in cui avviene l'enunciazione, ma il grande limite del primo rispetto al secondo, è l'impossibilità di riferirsi al contesto d'enunciazione, perché non condiviso. Oltre alle inferenze linguistiche e cognitive, l'interprete può fare appello alle coordinate spazio-temporali in cui si produce l'evento comunicativo. Espressioni come *qui, in questa sala, in questa sede, questa conferenza*, ecc. Un esempio di deissi situazionale è quello descritto dalla Lederer (1981: 66). L'oratore, ad un certo momento del suo intervento, dice *Luci, per favore!* e il tecnico spegne le luci in sala per la proiezione di una serie di diapositive. Dopo un po' di tempo, l'oratore, con la stessa intonazione dice di nuovo *Luci, per favore!* e questa volta il tecnico, comprendendo perfettamente accende le luci, la proiezione è terminata. Un altro esempio è quello di nominare solo il paese al quale il presidente di una riunione dà la parola, al posto di una frase intera. Questo genere di inferenze deittiche, oltre a favorire la compressione lessicale e l'astrazione semantica del testo

7 “La natura immediata della comunicazione orale, il fatto che sia collegata ad altre modalità di rapporti interpersonali, fanno sì che una notevole quantità di informazioni giunga all'interlocutore tramite aspetti paralinguistici, o convogliata da codici prossemici e gestuali” (Marcato 1985a: 139).

di LP (strumenti quanto mai preziosi in IS), servono a supplire alla mancanza (seppure momentanea) della conoscenza di un termine tecnico che potrà eventualmente essere recuperato successivamente. E' il caso di *questo dispositivo, tale strumento*, ecc., l'aggettivo *particolare*, usato come termine generico per mascherare l'incertezza lessicale o, ancora, espressioni del tipo *come si può vedere dal diagramma, le cifre sono riportate nel grafico* (quando l'oratore "spara" una serie di numeri che appaiono su un lucido), *qualcuno ha già detto che, come ha detto l'oratore precedente* (in luogo della persona, il cui nome o non lo si è compreso o è impropronunciabile). Un'altra operazione pragmatica, legata alla condivisione del contesto d'enunciazione è il *riutilizzo*, "in tempo reale", da parte dell'interprete di locuzioni che fanno parte dell'idioletto dei partecipanti. Ciò vale anche per l'oratore che a volte si appropria di espressioni, particolarmente felici, usate dall'interprete.

3. *Compresenza di parlante, interlocutore/i (e interprete)*. Un dato ormai acquisito nella letteratura sia di TS che di IS, è la mediazione comunicativa e culturale, anzi transculturale operata sia da chi traduce utilizzando la penna, sia da chi usa il microfono. L'interprete non è solo un partecipante al processo comunicativo, ma svolge contemporaneamente il ruolo di ricevente e quello di mittente del messaggio. A differenza della traduzione monolingue, nella quale *destinatario* e *ricevente* coincidono, in IS il destinatario e il ricevente del messaggio non sono la stessa persona. Chi parla, infatti, rivolge il proprio discorso al destinatario del messaggio e non al ricevente, che è l'interprete. L'interprete è quindi il *ricevente non destinatario*. Ciò vale non solo per la coppia ascoltatore/destinatario, ma anche per la coppia parlante/ (e)mittente.⁸

L'interprete è il portavoce e non la fonte di enunciazione degli atti linguistici che produce, come, ad esempio, l'esercitivo *Siete pregati di prendere posto*, o il commissivo *Faremo di tutto perché questo non accada*. La forza illocutoria dei suoi atti linguistici, o meglio le condizioni di verità degli enunciati che proferisce sono specificate *a priori* dalla situazione enunciativa di IS. Altro aspetto importante è

---

8 "Parlante e (e)mittente non coincidono necessariamente: (e)mittente è più propriamente la fonte del messaggio e non sempre coincide col parlante; la stessa differenza vale per la coppia ascoltatore/destinatario: non sempre chi ascolta è colui a cui il messaggio è destinato" (Berruto 1995: 87, n. 45).

che, a differenza dell'oratore, che può cambiare le sue intenzioni durante il discorso, l'interprete, pur essendo produttore di un testo, non ha comunque *autonomia semantica* e il ritmo del suo comunicare è *eteronomo*⁹, imposto cioè dall'esterno. Come l'oratore, l'interprete è anche auto-ascoltatore, perché “chiunque parli, mentre parla si ascolta ed esercita una funzione di controllo sulla sua stessa produzione, per cui, ad esempio, si corregge” (Bazzanella 1994: 66). I casi di autocorrezione dimostrano come l'interprete controlli sia la ricezione di LP che la produzione del suo discorso. Il *самоконтроль* (*auditory feedback, controle auditive*) è uno dei meccanismi (a cui si è accennato in 1) che assicurano il funzionamento di IS. Diversamente da TS, la presenza fisica dei partecipanti in IS (e ancora più nell'interpretazione consecutiva) fa sì che il comunicare e il tradurre significhino anche *ritualità* e *comportamento sociale*. Per quanto riguarda il carattere rituale delle conferenze, si è già accennato in 2 al concetto della conferenza come *rappresentazione* (il rituale dell'esibizione). Gran parte della terminologia di Goffman è applicabile a IS: l'oratore (e l'interprete) come *performer*, la messa in scena elocutiva del *self*, gli eventi dal podio, la distanza dal ruolo, la divisione del *self* nei rituali di riparazione, la nozione di *backstage*, ecc.¹⁰ Come molti studiosi di

9 Prendo a prestito il termine usato da Parisi & Castelfranchi riportato da Bazzanella 1994: 13, n.19. “Interpreters do not have to perform the same speech-planning operations as speakers, since they follow the speaker's speech” (Gile 1995: 216).

10 In *La vita quotidiana come rappresentazione*, Goffman (1969) introduce i concetti fondamentali che poi riprenderà in *Forms of Talk*. “*Rappresentazione*: tutta quell'attività di un individuo che si svolge durante un periodo caratterizzato dalla sua continua presenza dinanzi a un particolare gruppo di osservatori e tale da avere una certa influenza su di essi; *la facciata*: quella parte della rappresentazione dell'individuo che di regola funziona in maniera fissa e generalizzata allo scopo di definire la situazione per quanti la stanno osservando. Si tratta dell'*equipaggiamento espressivo* di tipo standardizzato che l'individuo impiega intenzionalmente o involontariamente durante la propria rappresentazione; *l'ambientazione*: tutti quei dettagli di fondo che forniscono lo scenario e gli arredi per quelle improvvisazioni di azioni umane che vi hanno luogo dentro, davanti e sopra. In termini di spazio un'ambientazione tende ad essere ferma e quindi coloro che se ne servono, come parte integrante della loro rappresentazione, non possono cominciare la loro azione fintanto che non si trovano nel luogo appropriato

IS hanno sottolineato, il corrispettivo linguistico della ritualità di alcune situazioni comunicative è una maggiore prevedibilità lessicale e sintattica del discorso a tutto vantaggio dell'interprete.¹¹

Goffman ribalta i concetti tradizionali della teoria della comunicazione che abbiamo illustrato sopra. Alla nozione di parlante (o mittente), egli preferisce quella di *production mode*, che comprende la funzione di *animator* (la funzione del parlante in quanto macchina fonica) e di *author* (entità che formula il testo).¹² Allo stesso modo, la nozione di partecipante viene sostituita da quella di *participation mode*. I partecipanti si dividono in *ratificati* (autorizzati e richiesti a prendere parte allo scambio comunicativo) e

---

e devono terminarla entro quei medesimi confini.” (*ibid.*, 33-34; *il corsivo è mio*, F.S.). Questi aspetti interazionali non sono estranei a IS e meriterebbero uno studio più approfondito, alla luce del crescente interesse verso il parlato e dello sviluppo di discipline come l'etnografia della comunicazione e l'analisi conversazionalista (Hymes, Gumperz, Sacks, Schlegoff, Voghera, Bazzanella, Orletti, e altri).

11 “Ritualized speech events tend to have more predictable sequential ordering of social acts and more predictable message content” (Ochs 1979: 58). Sulla conferenza come forma di comunicazione altamente ritualizzata sia in termini di procedure formali che di uso della lingua cfr. anche Ilg (1980).

12 “In canonical talk, one of the two participants moves his lips up and down to the accompaniment of his own facial (and sometimes bodily) gesticulations, and words can be heard issuing from the locus of his mouth. His is the sounding box in use, albeit in some actual sense he can share this physical function with a loudspeaker system or a telephone. In short, he is the talking machine, a body engaged in acoustic activity, or, if you will, an individual active in the role of utterance production. He is functioning as an «animator». Animator and recipient are part of the same level and mode of analysis, two terms cut from the same cloth, not social role in the full sense so much as functional node in a communication system. (...) Sometimes one has in mind that there is an «author» of the words that are heard, that is, someone who has selected the sentiments that are expressed and the words in which they are encoded” (Goffman 1981: 144). Goffman distingue anche un terzo ruolo, quello del *principal (il mandante)* e cioè la persona che ha la responsabilità di quanto viene affermato, che “risponde” del contenuto di un testo. Tale ruolo può anche non coincidere con quello di *author*. Nel caso, per esempio, in cui una persona viene incaricata di formulare un testo in base a precise istruzioni del suo superiore o in base alle direttive di un'istituzione o di un ente, *authorship* e *responsability* non coincideranno.

non ratificati, che, secondo una successiva classificazione di Clark (Bazzanella 1994) si distinguono in *evidenti* (persone che, pur presenti apertamente nell'interazione verbale, non possono prendervi parte), e *nascosti* (persone che seguono lo scambio comunicativo di nascosto).¹³ Alla luce di questa distinzione, è necessario quindi ridefinire lo *status* partecipativo dell'interprete che, pur essendo un partecipante ratificato, non può comunque intervenire direttamente nell'interazione verbale.

3.1. *Importanza della funzione fatica*. La presenza contemporanea dei partecipanti alla situazione comunicativa comporta una maggiore interazionalità e un maggiore coinvolgimento emotivo nell'orale rispetto a ciò che avviene nello scritto.¹⁴ La funzione fatica assicura la coesione interna, il legame tra i partecipanti. Ciò che caratterizza il parlato è l'uso di fatismi: riempitivi di pausa, segnali discorsivi di conferma o disconferma, richieste di approvazione e partecipazione (*capite bene, sapete, diciamo così, ecco, ну значит, вы знаете, будем говорить так, вот видите, ну, помните, ну ладно, посмотрите, понимаете, как видите, учтите, если не возражают участники, так сказать, вот ну, и...*).

L'oratore può interrompere il suo discorso con diversi flussi di comunicazione fuori *frame*. Può chiedere quanto tempo ha ancora a

13 Quando l'interprete sente i commenti che involontariamente (e incautamente) vengono fatti dall'oratore/i a microfono acceso, il suo *status partecipativo*, secondo lo schema di Clark, sarà proprio quello di un ascoltatore *nascosto* o, in termini goffmaniani, quello di un *occasional overhearer*. Secondo Thie'ry (1990: 42), questa è la situazione "perenne" in cui si trova l'interprete: "the interpreter is (...) eavesdropping on a conversation or communication, that does not concern him and is not addressed to him."

14 "Non vi è un destinatario spettatore estraneo all'atto comunicativo: perchè la comunicazione orale sia efficace è indispensabile una partecipazione emotiva e un coinvolgimento attivo negli avvenimenti narrati tanto dell'emittente quanto degli ascoltatori" (Voghera 1992: 19). Sono molti gli autori che vedono nella componente emotiva una delle caratteristiche più importanti della distinzione tra scritto e parlato. Chafe (1982) oppone il *detachment* dello scritto allo *involvement* del parlato, quest'ultimo marcato dalla presenza di particelle che segnalano un'azione interpersonale. Sulla "situazione emozionale", sul rapporto tra tratti vocalici e stati emotivi nella produzione linguistica si veda Petroni (1995: 210-211) e, sull'opposizione *involved vs. informational production*, Biber (1995: 141-145).

disposizione, annunciare che salterà alcune parte del suo testo, fare riferimento ad accordi presi precedentemente con l'interprete, pronunciare frasi del tipo *adesso leggerò, mi staccherò dal testo*, chiedere se il microfono funziona, preoccuparsi della sua velocità di locuzione, promettere di parlare ad una velocità accettabile (atti commissivi spesso falsi e puramente di rito!), scusarsi per aver accelerato (atti riparatori). Oltre a tali scambi faticosi, l'oratore, nell'usare una determinata espressione, può anche domandarsi come verrà tradotta dall'interprete, suggerirne la soluzione oppure decretarne l'intraducibilità. Tutto ciò infrange necessariamente il *frame*, in quanto l'oratore, invece di trasmettere il testo previsto, trasmette dei commenti sulla trasmissione del testo. Questi atteggiamenti (*footing*) dell'oratore, rimarkano l'esistenza dell'interprete, la cui presenza dovrebbe invece passare inosservata. I dubbi e i sospetti sull'opera di mediazione in corso pregiudicano infatti la credibilità dell'interprete e il processo stesso di IS. I cambiamenti di *footing* riguardano anche l'interprete. La condivisione in tempo reale della situazione comunicativa consente all'interprete di rivolgersi direttamente ai suoi utenti. Si tratta dei casi in cui l'interprete interviene faticosamente con frasi come *l'oratore sta parlando fuori dal microfono!, il microfono è spento!*, oppure se la situazione lo permette: *l'oratore dovrebbe rallentare*. Un'altra rottura di *frame* si verifica quando l'interprete prende le distanze dalle parole dell'oratore: *è l'oratore che si corregge, sono le parole dell'oratore, sto citando l'oratore*, ecc. Si tratta dello scarico della responsabilità enunciativa che, nel parlato, a differenza del testo scritto, può essere indicato solo con mezzi lessicali e non grafici (come le virgolette). Evidentemente l'interprete avverte che "la verità" dei suoi enunciati può essere messa in dubbio e decide di ricorrere pragmaticamente ad un processo di disaffiliazione (*authorial disclaimers*). L'interprete opera un tale distanziamento quando, per esempio, si trova nella situazione imbarazzante di dover tradurre un linguaggio particolarmente scurrile. Ricorderò il caso (capitato al sottoscritto) di un famoso regista russo che, prima di apprestarsi a pronunciare una sequela di espressioni palesemente volgari, con una rottura repentina di *frame*, chiese al povero ed imbarazzato interprete "lo stesso registro" e la stessa "intensità stilistica" nel rendere i suoi sproloqui. Ci sono inoltre casi in cui l'interprete interviene metalinguisticamente per spiegare il significato di determinate parole, operazione questa che corrisponde alla classica nota a piè di pagina del traduttore. Tuttavia la possibilità di fare questi commenti, o meglio metacom-

menti, è fortemente limitata dai vincoli temporali di IS ed è maggiore nell'interpretazione consecutiva.

Alle famose massime conversazionali di Grice bisognerebbe, secondo il sottoscritto, aggiungerne una quinta, che potrebbe suonare nel modo seguente: *fai in modo di parlare ad una velocità che consenta la traduzione simultanea, oppure sii consapevole che il tuo discorso viene tradotto simultaneamente*. Ciò consentirebbe una maggiore cooperazione tra *author* (l'oratore) e *animator* (l'interprete).

3.2. *Possibilità di feed-back*. I segnali di conferma o disconferma, le interruzioni (avvicendamento dei turni di parola), e i cambiamenti di pianificazione del discorso indotti dall'esterno che i partecipanti utilizzano tipicamente nel parlato, riguarderanno le situazioni maggiormente dialogiche di IS (vedi 1).

3.3. *Sapere condiviso*. I partecipanti all'interazione verbale possono riferirsi alle conoscenze condivise, possono fare allusioni a persone, cose ed avvenimenti di cui l'interprete può essere all'oscuro. L'interprete, nonostante la sua "enciclopedia", può trovarsi al di fuori di tale "sapere condiviso", sia in termini di deficit cognitivo (minore conoscenza dell'argomento, competenza terminologica) sia in termini di riferimenti a situazioni passate, conosciute solo dai partecipanti (riunioni precedenti, allusioni "in codice", ecc.). Nel caso di messaggi volutamente criptici, l'interprete, in quanto escluso di proposito, diventerà, per usare il termine di Nencioni (1983) un ricevente non solo non destinato, ma addirittura *tangenziale*. L'uso di un linguaggio specialistico, di un determinato gergo, è il segnale di coesione e di appartenenza ad un gruppo. Sul piano linguistico, ciò corrisponderà al ricorso frequente all'*ellissi* e al vasto problema dell'*implicito*.

BIBLIOGRAFIA

- Bazzanella, C.
1994 *Le facce del parlare: un approccio pragmatico all'italiano parlato*, La Nuova Italia, Firenze 1994.

Slavica tergestina 5 (1997)

- Berruto, G.
1995 *Fondamenti di sociolinguistica*, Laterza, Bari 1995.
- Biber, D.
1995 *Dimensions of register variation*, University Press, Cambridge 1995.
- Cernov, G.V.
1987 *Osnovy sinchronnogo perevoda*, M. 1987.
- Chafe, W.L.
1982 *Integration and involvement in Speaking, Writing and Oral Literature*, in: *Spoken and written language: Exploring orality and literacy - Advances in Discourse Processes*, ed.: D.Tannen, Ablex, Norwood, NJ 1982: IX: 35-54.
- Cortelazzo, M.
1985 *Dal parlato al (tra)scritto: i resoconti stenografici dei discorsi parlamentari*, in: *Gesprochenes Italiennisch in Geschichte und Gegenwart*, a cura di G.Holtus & E.Radke, Narr, Tübingen 1985: 86-118.
- Enkvist, N.E.
1982 *Impromptu Speech: A Symposium*, Abo, Abo Akademi, Publications of the Research Institute of the Abo Akademi, Abo 1982.
- Gile, D.
1995 *Basic concepts and models for interpreters and translators training*, J.Benjamins, Amsterdam-Philadelphia 1995.
- Goffman, E.
1969 *La vita quotidiana come rappresentazione*, Il Mulino, Bologna 1969.

- 1981 *Forms of Talk*, University of Pennsylvania Press, Philadelphia 1981.
- 1988 *Il rituale dell'interazione*, Bologna, il Mulino, 1988.
- Gregory, M.J.
1980 *Perspectives on translation from the Firthian tradition*, "Meta", 1980: XXV(4): 455-466.
- Grice, P.
1975 *Logic and Conversation*, in: *Syntax and Semantics. Speech Acts*, ed.: E.P.Cox & J.L.Morgan, Academic Press, New York-San Francisco 1975: III: 41-48.
- Gumperz, J.
1982 *Discourse Strategies: Studies in Interactional Sociolinguistics*, Cambridge Univ. Press, Cambridge 1982.
- Gumperz, J., Kaltman, H. & O'Connor, M.C.
1993 *Coherence in spoken and written discourse: Ethnic Style in the Transition to Literacy*, in: *Coherence in Spoken and Written Discourse*, ed.: D.Tannen,, Ablex, Norwood, NJ 1993: 3-19.
- Halliday, M.A.K.
1987 *Spoken and Written Modes of Meaning*, in: *Comprehending Oral and Written Language*, ed.: R.Horovitz & S.J.Samuels, Academic Press, San Diego 1987: 55-82.
- Hymes, D.
1974 *Foundations in sociolinguistics*, Univ. of Pennsylvania Press, Philadelphia 1974.

- Ilg, G.
1980 *L'interprétation consécutive: les fondaments*, "Parallèles", 1980: IV: 56-62.
- Kopczynski, A.
1980 *Conference Interpreting, some linguistic and communicative problems*, Uniwersytet Im. A.Mickiewicza W. Poznania, Poznan, 1980.
- Lederer, M.
1981 *La traduction simultanée*, Minard- Lettres Modernes, Paris 1981.
- Marcato, G.
1985a *La retrocomunicazione nel messaggio orale*, in: *Sintassi e morfologia della lingua italiana d'uso - teorie e applicazioni descrittive*, a cura di Franchi de Bellis & M.L.Savoia, SLI, Bulzoni, Roma 1985: 135-140.
- 1985b *Italiano parlato, comunicazione di base e oralità*, in: *Gesprochenes Italiennisch in Geschichte und Gegenwart*, a cura di G.Holtus & E.Radke, Narr, Tübingen 1985: 24-41.
- Nencioni, G.
1983 *Di scritto e di parlato*, Zanichelli, Bologna 1983.
- Ochs, E.
1979 *Planned and unplanned speech*, in: *Discourse and Syntax Syntax and Semantics*, ed.: T.Givón, Academic Press, New York 1979: XII: 51-80.
- Ong, W.J.
1986 *Oralità e scrittura. Le tecnologie della parola*, Il Mulino, Bologna 1986.

- Orletti, F.
1994 (a cura di) *Fra conversazione e discorso: l'analisi dell'interazione verbale*, La Nuova Italia Scientifica, Roma 1994.
- Petroni, S.
1995 *"Playing the language": oggetto e prassi linguistica* in: *Parlare lo spazio. Sentieri semiotici e linguistici*, a cura di F.Trusso, Bulzoni, Roma 1995: 197-216.
- Seleskovitch, D.
1978 *Interpreting for International Conferences*, Pen and Booth, Washington, D.C. 1978.
- Stajter, B.
1975 *O mehanizme sinchronnogo perevoda*, in: "Tetradi perevodcika", *Mezdunarodnye otnosenija*, M. 1975: XII: 101-111.
- Svejcer, A.D.
1973 *Perevod i lingvistika*, Voennoe Izdatel'stvo Ministerstva Oborony, M. 1973.
- Thiery, C.
1990 *The sense of situation in conference interpreting*, in: "ATA" ("American Translators Association Scholarly"), ed.: David and Margareta Bown, State University of New York and Binghamton, 1990: IV: 40-43.
- Voghera, M.
1992 *Sintassi e intonazione nell'italiano parlato*, Il Mulino, Bologna 1992.

ABSTRACT

The paper investigates the differences between written translation and simultaneous interpretation (SI) from a pragmatic perspective. In particular, some concepts, developed by Goffman are applied to SI analysis. The starting point is the “orality” of SI, considered in terms of the physical means of transmission. SI is characterized by the following situational macro-traits: the phonic-acoustic means, the shared context of utterance and the simultaneous presence of the interlocutors. The paper discusses also the following points: discreteness vs. linearity, the activation of psycholinguistic mechanisms, planned vs. unplanned discourse, the impossibility of deleting (the phenomenon of self-correction, redundancy and problems of performance), evanescence of the oral message, the importance of prosody, frequent recourse to non linguistic and paralinguistic means, extensive use of deixis, the importance of the phatic function and the shared knowledge of the participants.

ПЕРЕВОД В УСЛОВИЯХ КРАТКОСРОЧНОГО ОБУЧЕНИЯ

Галина Богданова

В наше время потребности в практическом владении иностранным языком возрастают. Это относится и к русскому языку, как иностранному. Поэтому целью обучения является формирование такой системы коммуникативной деятельности, которая обеспечивает возможность пользоваться языком в различных ситуациях общения.

Для реализации этой задачи существуют различные методы и средства, соответствующие этапам обучения.

На продвинутом этапе только многообразие взаимосвязанных форм работы может полностью обеспечить достижение всех целей и конкретных методических задач, которые ставятся в учебном процессе. Решению именно этих задач служит аспектное обучение, и не последнее место в нём отводится переводу, поскольку он позволяет рассматривать текст, отдельные фразы с различных позиций, расширять лексический запас учащихся, развивать чувство языка, увидеть всё богатство русского языка.

Занятия по переводу в Центре русского языка Технического университета Санкт-Петербурга проводятся второй год. Студенты – из США, Англии, Франции и других стран западной Европы. Интересен тот факт, что работа проводится с английским языком (так как англоговорящие студенты – основной контингент учащихся Центра), представители других стран, владеющие английским языком, с удовольствием принимают участие в работе по этому аспекту. Занятия проводятся в течение всего учебного года, однако многие студенты приезжают лишь на один семестр, поэтому они занимаются только четыре месяца, и курс в целом оказывается довольно коротким. Это вызывает определённые трудности в преподавании, однако опыт работы приводит к выводу о необходимости такого аспекта и об интересе к нему со стороны студентов.

Материалами для перевода служат, как правило, газетные статьи, соответствующие темам, изучаемым на уроках по разговорной практике. Так при изучении темы *Знакомство, человек, портрет, характер, семья* используются статьи

о жизни и характере Петра I (то есть текст носит страноведческий характер), а также небольшие заметки о положении дел в семье в современной России. С темой *Ресторан, еда* связаны тексты об английской и русской кухне, об истории ресторана одной из старых и известных гостиниц Петербурга – Европа. По теме *Город, транспорт* переводятся тексты об установке в Москве на платных автостоянках миттеров (счётчиков), о проблемах транспорта в Англии, об истории и проблемах Петербурга.

При изучении темы *Преступления* переводятся статьи о преступлениях, совершённых в Санкт-Петербурге, о проблемах преступности в России. При изучении темы *Искусство* предлагаются для перевода статьи о Третьяковской галерее (её реставрации и открытии), о русских музыкантах, певцах и исполнителях, молодых или уже хорошо известных в мире.

Список тем может быть продолжен, но уже всё вышеперечисленное показывает, что материалы для перевода отбираются актуальные, связанные с современной жизнью и событиями в России (именно таково пожелание студентов, высказываемое ими в начале занятий). Кроме того, на перевод „с листа” даются маленькие заметки из цикла *Это забавно* или *Это интересно*. Такого же рода заметки используются и для обучения последовательному переводу.

Необходимо отметить, что данный курс рассчитан на получение студентами элементарных знаний о теории перевода и носит скорее практический, чем теоретический характер. Главная задача – научить студентов (хотя бы в небольшой степени) оперировать полученными и получаемыми знаниями, расширить лексический запас, а нередко и страноведческие знания.

Тем не менее занятия начинаются с введения в теорию перевода, когда студенты знакомятся с различными переводческими теориями, некоторыми понятиями, которые дадут им (пусть и весьма общее) представление о сущности перевода, об основных понятиях теории и практики перевода в России. Особое внимание уделяется вопросу о работе переводчиков в международных организациях системы ООН (Организации Объединённых Наций), хотя студенты, как правило, плохо представляют свою будущую специальность, они являются представителями стран, в которых,

как, например, в США, находятся многие международные организации.

Как уже указывалось, основное внимание уделяется практике перевода. Поэтому на занятиях рассматриваются вопросы о передаче лексических единиц английского языка – русскими, о проблеме переводческой транскрипции и транслитерации, о „ложных друзьях переводчика”, о некоторых грамматических особенностях английского языка и возможностях их передачи с помощью русского.

Разумеется, мы не рассчитываем на подготовку в условиях краткосрочного обучения специалистов-переводчиков (как не ставим вообще перед собой такой задачи), однако считаем полезным и необходимым введение данного аспекта в группах даже среднего уровня владения русским языком.

На занятиях по переводу не рассматриваются вопросы художественного и поэтического перевода, однако прозаический перевод направлен на сравнение буквального перевода со стилистически обработанным, сравниваются различные варианты перевода одного предложения и выбирается или создаётся общими усилиями наилучший.

ABSTRACT

This article is dedicated to the translation course at the RLTC (Russian Language Teaching Center), St-Petersburg University, Russia.

This course has been running for two years and experience shows that it has been a very useful method for acquiring greater knowledge of the Russian language.

Lessons are held once a week per semester (four months) or one year (8 months). Students come from the USA, Great Britain and other Western European countries.

All texts for translation are based on practical course themes and are related to modern life in Russia. At the end of the course students take an examination based on two texts (one known and one unknown).

PREVOĐENJE DRAME SA SRODNIH JEZIKA (KRITIČKI I KNJIŽEVNOISTORIJSKI ASPEKT)

Marija Mitrović

Savremeni austrijski pisac, Peter Handke, kaže da je razlika između skupova na kojima učestvuju pisci i onih na kojima učestvuju prevodioci vidljiva po tome što umesto velikih spisateljskih, prevodioci postavljaju “svoja blagotvorna mala pitanja, o rečima, stvarima i, pre svega, mestima” (Handke 1994: 82). Razgovor o prevođenju sa srodnih jezika morao bi biti usmeren ka još manjim i suptilnijim pitanjima – jer, međusobno srodni su oni jezici koje mogu – uz malo napora i bar u osnovnome značenju – razumeti svi govornici tih jezika. Peter Newmark kaže: “Što je sličniji jezik i kultura, to su sličniji prevod i original” (Newmark 1994: 25). Uz malo preterivanja možemo reći da se pri prevođenju sa srodnog jezika prevodilac ne koncentriše na kognitivnu, nego pre svega na ekspresivnu (ili persuazivnu) funkciju jezika. Prema tome, razgovor o prevođenju sa srodnih jezika nužno je usmeren ka “malim pitanjima” i finesama kao što su ritam, interferencija, pokušaj predstavljanja nekog lika uz pomoć idiolekta ili dijalekta, pokušaj održavanja “iste temperature” rečenice i slično.

U ovom radu kao srodni uzimaju se oni južnoslovenski jezici koji su do 1991. godine bili jezici jugoslovenskih naroda (dakle, srpskohrvatski, slovenački i makedonski). No čim se spomene to područje, tu svaka blagotvornost razgovora nestaje, detalji i finese nekako nabubre i narastu u “suštinska pitanja”, a ova opet svoj jedini smisao pronalaze u insistiranju na razlikama, koje su jako daleko od bilo kakve persuazivnosti. Nama se u ovom trenutku čini značajnim pokazati kakva su, kada i koja dramska dela prevođena sa jednog na drugi od ovde spomenutih jezika. Cilj takvog pregleda je dvojak: s jedne strane, pokazati šta se pojavljuje kao problem pri prevođenju, šta ostaje neprevodivo, a šta opet (i zašto) neprevedeno. Samo u toj oblasti, dok razgovaramo o detaljima koji utiču na ekspresivnost jezika, mi ostajemo u sferi “malih pitanja”. S druge strane, ovakav makroprojekat, koji nastoji da zabeleži sve do sada prevedene i na sceni izvedene drame koje su nastale na nekom srodnom južnoslovenskom jeziku, neminovno napušta teren “malih”, i zalazi u “velika” pitanja: kakav je kulturni i socijalni – u svakom slučaju: vanlingvistički – milje bio u svakoj od ovde obrađenih celina, kako je taj milje uticao na odбір baš tih, a ne

nekim drugih drama, šta su gledaoci mogli saznati o susednom i srodnom narodu na osnovu tih, tako odabranih i tako prevedenih drama? To su pitanja koja daleko prevazilaze teoriju i kritiku prevođenja, ali svakako pokazuju koji je značaj istorije prevođenja i šta se sve može zaključiti na osnovu jedne takve istorije.

Još jedno objašnjenje, pre nego što pređemo na stvarnu kratku analizu prevoda: dramsko delo se piše i prosuđuje u odnosu prema njegovoj primarnoj nameni, prema njegovom scenskom delovanju. Drama je zapravo svojevrsni pretekst za igru. Od helenskog mimos-a, preko rimskog mimusa, Commedia dell'arte sa svojim škrtim sinopsisima, pa do suvremenih pokušaja happeninga – gde se dramski kvaliteti ozbiljuju u improvizovanom traženju napetih situacija i objava uz posve rudimentarne tekstovne upute – drami je pre svega stalo do predstavljanja, a ne do imanentnih, književnih, estetskih vrednosti. Dramska reč nema onu autonomiju koju ima reč lirike i epike. Ona se sastoji upravo u realizaciji irealnog međusloja pesništva, čime se predodžba preobraća u percepciju, a čitalac postaje gledalac. Pa ipak, predodžbeni sloj dramskog teksta (predočavanje kretnji, odnosa, gesta, lica, mesta dramske radnje), neuporedivo je apstraktniji i labilniji u drami nego na primer u lirskom i epskom području. Suvremeni dramski pisci kao da naročito zlobno nastoje podvaliti eventualnim čitaocima svojih dela.

Može se, dakle, lako zaključiti da se pred prevodioca drame ne postavljaju isti zahtevi kao pred prevodioca poezije, proze ili eseja. To što se dramski tekst izvodi na sceni postavlja pred prevodioca nekoliko specifičnih zahteva: Kao prvo, prevod mora biti prilagođen dobrom i lakom govorenju dijaloga na sceni. Vezu sa slušaocem/gledaocem uspostavlja glumac na sceni. Nadalje: tekst koji glumac izgovara samo je jedno od sredstava kojim on treba da prenese poruku gledaocima; između tog teksta i glumca postoji još reditelj, koji naznačena fonetska svojstva teksta (prevoda ili originala) dopunjuje još i suprasegmentalnim, prozodijskim činiocima (tempo, intonacija, pauze...). Uz reči, glumac koristi i akciju, delovanje, fizičku radnju, a kao dopune tekstu mogu se javiti još i muzika, zatim kulisa, kostim. Između originalnog dramskog teksta i gledaoca posrednik nije samo prevodilac, nego i reditelj, scenograf, kostimograf, glumac. U dramskom tekstu reč deluje uvek okružena nizom drugih umetničkih elemenata (likovnih, muzičkih). S druge strane – i to bi već mogla biti treća specifičnost prevoda dramskih tekstova – činjenica je da izgovoreni dramski tekst nema, niti može imati bilo kakvu verbalnu nadopunu,

objašnjenje u vidu fus-note ili naknadnih objašnjenja, jer ona nikako ne mogu prodreti do gledaoca. Svi prevodilački problemi i nedoumice moraju se rešiti unutar replika.

U tekstu *O prevođenju savremenih pozorišnih komada* Dragoslav Andrić, vrsni prevodilac na srpski jezik, upozorava na razliku koja se javlja pri prevođenju klasičnog, s jedne, i savremenog pozorišnog dijaloga, s druge strane. Pošto u klasičnom dijalogu "reč okiva podtekst svojim zlatnim lancima, a u savremenom, reč mu skrušeno služi, jer današnji autor uglavnom gleda na reč kao na nužno zlo «zadatak» prevodioca savremenog pozorišnog komada nije toliko da prevodi tekst koliko da prevodi podtekst" (Andrić 1981: 220, 221). Može se ići i dalje od Andrićevih zapažanja, sledeći isti pravac: ne nosi svaki dramski dijalog iste količine ni vrste podteksta. Ako dramski pisac ostavlja određene ruke reditelju i čak ga obavezuje da tekst "dopisuje", ako je dramsko delo u toj meri otvoreno, da svako ko sa njim dođe u dodir u njega može upisivati svoje doživljaje zadatak teksta, onda i prevodilac ima sva prava da se prepusti svome doživljaju dela i u njega upisuje ona značenja koja u podtekstu sam iščitava. Sasvim druga stvar je kada prevodilac ima u rukama delo autora koji je sopstvenom imaginacijom osmislio i nekako unapred fiksirao svaki, pa i najmanji deo realizacije drame na sceni. Zato nije isto prevoditi jednog Harolda Pintera i jednog Heinerja Müllera (da kao primer uzmemo dva možda najznačajnija živa dramska pisca) – jer prvi je dramski pisac koji – dok piše – vidi scenu i piše tako da svaka reč "legne" na svoje mesto; reklo bi se da Pinter ne ostavlja čak ni dovoljno prostora za režiju, njegovi komadi se igraju baš u onoj formi koju im je on sam dao. To je tip autora s velikom i dalekosežnom imaginacijom, autora čiji se dramski tekstovi ne mogu menjati. Müllerovi, međutim, mogu – jer on zapravo pravi scenarije/skice za dramu, koje reditelj mora dopunjavati i – prema svojim nahodnjima – menjati.

Unutar bivšeg jugoslovenskog prostora postojala su pozorišta sa dramama izvođenim na srodnim jezicima (postojalo je srpsko, hrvatsko, slovenačko, makedonsko pozorište), kao i na krajnje različitim jezicima: mađarskom, albanskom, italijanskom, romskom. Uza sve razlike između pojedinih nacionalnih pozorišta kao institucija i sav ponos na rast pozorišta kao institucije na sopstvenom jeziku, u bivšoj Jugoslaviji nesumnjivo je postojalo i nešto što se s pravom nazivalo – jugoslovenski teatarski prostor. Nijedna

druga vrsta umetnosti, pa čak ni slikarstvo – mada je u toj oblasti takođe postojala odlična razmena među muzejima i galerijama – nije ostvarila taj stepen unutarnje fluktuacije ljudi, ideja i dela. Pozorišni reditelji, pozorišna dela, glumci, scenografi, kostimografi – sve je to kružilo i radilo i bilo postavljano na scenu u svim pozorišnim centrima obe bivše Jugoslavije, bez obzira na republičke i jezičke granice. Da dodamo u zagradi: to nipošto nije smetalo formiranju i razvoju nacionalnih pozorišta, pozorišnih publikacija, muzeja, teatroloških instituta, akademija za školovanje svih profila scenskih radnika. Uvek se unapred znalo šta je to slovensko gledalište, šta hrvatsko kazalište, šta srpsko pozorište, šta makedonski teatar, šta se može očekivati od mađarskog, albanskog ili romskog pozorišta, itd.

Jan Kot govori o *spektakularnom sinkretizmu* savremenog teatra: “Naš život je isto tako nečist kao vazduh koji se diše u velikim gradovima sveta, naše želje su nečiste, a još više naše savesti”. U pozorištu su srušene granice između klasičnih i modernih autora, “klasici danas govore sve jezike i postali su opšte dobro. Verujem da se u naše doba može prvi put govoriti o «teatru planete», istovremeno i u istorijskom i u geografskom smislu. U tom «teatru planete» sve tradicije i svi stilovi su istovremeno prisutni, uzajamno se prepliću: prošlost i sadašnjost, pravoverje i pustolovina, klasicizam i Commedia dell'arte, grčka maska, kabuki i kineski «make-up», ritual i verizam, vašarsko pozorište i «brehtovski» efekat” (Kot 1970: 95). – Ovakva priroda modernog teatra svakako je bila jedan od oslonaca funkcionisanja jugoslovenskog teatra kao celine u mnogo većoj meri nego drugih umetnosti. Ali – što je još značajnije – fenomen “spektakularnog sinkretizma” nesumnjivo je uticao na prirodu i karakter prevođenja dramskih dela. Ova tema odnosa modernog teatra i prevoda takvih modernih dela je veoma široka i ovde može biti samo nagoveštena.

Iz obimne bibliografije prevedenih i izvedenih drama na sceni susednog, jezički srodnog kazališta tokom poslednjih stotina godina lako se može zaključiti da se tome prevođenju pristupalo drugačije nego na primer prevođenju proze: ako otpišemo jedan broj apsolutnih laika, dakle ljudi koji nisu bili afirmisani ni kao prevodioci niti kao pozorišni ljudi (da ovde odmah dodamo da je pri prevođenju sa srodnih jezika uvek relativno visok taj broj “slučajnih” prevodilaca, prevodilaca koji se inače ne bave tim poslom, ali su boravili neko vreme u susednoj, jezički srodnoj sredini, ili su poreklom iz takve sredine, i njima se poverava posao

prevođenja, a da pri tom ništa, ili gotovo ništa ne znaju o kulturi, književnoj tradiciji, istoriji jezika toga naroda – nivo tih prevoda je tako nizak, da i ne zaslužuje ozbiljniju kritičku analizu, osim totalno i u celini negativne ocene) drame su najčešće prevodili sami pozorišni radnici – reditelji, glumci, pozorišni kritičari. Ovo mi se čini neobično značajnim podatkom, a zašto ga smatram značajnim, možda će najbolje ilustrovati sledeća anegdota, pozajmljena iz već citirane studije Dragoslava Andrića:

Uzevši kao izbeglica, možda nešto prejaki zalet, Bert Brecht se sredinom Drugog svetskog rata zatekao u Holivudu. Tamo se brzo prijatelji sa Charlesom Laughtonom, iako ovaj nije znao ni reči nemački, dok je Brecht znao engleski tek toliko da je mogao da se sporazumeva s kelnerima i šoferima. Pošto je Brecht u Laughtonu video svog Galileja, a ovaj u Galileju sebe, poznati glumac se prihvatio prevodioca istoimene Brechtove drame. Taj prevod je sam pisac ovako režirao: ne izlazeći iz okvira svog turističkog engleskog rečnika, ocrtao bi Laughtonu konture jedne replike, pa bi njegov prijatelj onda odglumio desetak varijanata svog improvizovanog prevoda, dok ga Brecht ne bi, kažiprstom kao signalom zaustavio na onoj varijanti koja bi bila propraćena najuverljivijim glumačkim izrazom. – I eto, taj tako reći fizički prevod ne samo da je bio ubrzo posle rata izvođen u Holivudu nego se još i danas koristi (Andrić 1981: 218).

U poglavlju o prevođenju drama u knjizi *Umjetnost prevođenja*, Jirži Levy (Levy 1982: 165) takođe podvlači značaj korelacije između scenskog dijaloga i govornika/glumca/junaka koji, govoreći o nečemu, priča i o sebi; Brecht-Lowtonovo iskustvo i termin “fizički prevod” koji za tu vrstu prevođenja uvodi D. Andrić mogu nam pomoći u pokušaju terminološkog označavanja tog, za dramu tako suštinski značajnog procesa. Dakle, pošto je scenski dijalog naročit slučaj izgovorene reči koji stoji – kako je to zapazio Levy (*ibid.*, 169) u korelaciji sa opštom normom razgovornog jezika (i zato se dramski tekst mora češće prevoditi, zato svaka generacija mora imati svoj prevod Shakespearea, Pirandela, Nušića), ali i u korelaciji sa govornikom/ glumcem (koji ne može javno i glasno izgovoriti preteške, “neizgovorive” reči koje bi slušaoci mogli loše (izokrenuto) čuti, pri prevođenju dramskih dela nije dovoljno da prevodilac transformiše značenje u smisao (Bedeutung in Sinn), nego mora stalno *slušati* prevod i tako – čulno, fizički – zaključiti može li taj jezik predstavljati (darstellen) ono značenje koje scenski dijalog pripisuje junaku. Ako takav tip prevoda označimo kao “fizički”, po analogiji, prevod koji

ocenjujemo na osnovu optičkog sravnjivanja originala i prevoda i koji zadovoljava kriterij transformisanja značenja u smisao, možemo možda nazvati “optičkim” prevodom.

Pokazaćemo ovde samo na jednom primeru kako teške, specifične probleme postavlja pred prevodioca prevođenje drame sa srodnog jezika. Baš zato što u principu nešto obrazovaniji gledalac može izvedenu dramu razumeti i u originalu (da je to tako pokazala su brojna gostovanja pozorišnih kuća unutar bivše Jugoslavije, kao i praksa koja se sporadično javljala – u Mariboru dvadesetih, a u Subotici osamdesetih godina – da se drame u originalu postave na scenu pozorišta sa srodnog jezičkog područja: u Mariboru su se igrale drame na srpskohrvatskom, a u Subotici, Ljubiša Ristić je pravio drame koje su govorili glumci iz različitih jezičkih sredina, a svako na svom maternjem jeziku), pred prevodioca se postavlja zadatak da iznađe adekvatne stilizacije govora junaka, da se i u prevodu oseti da je govor dramskog junaka diktiran iznutra, njegovim karakterom, a ne nekom voljom pisca spolja.

Od svih do sada pregledanih prevoda drama sa jugoslovenskog prostora najveća enigma je za mene ostala drama srpskog pisca Borislava Stankovića, *Koštana*, u prevodu Draga Jančara na slovenački jezik. Jančar je potencijalno idealni prevodilac: i sam je značajan moderni dramski pisac, koji je u Stankoviću prepoznao jednog od klasika srpske dramske umetnosti. Svaki narod ima obično po jedno delo koje smatra *svojim*, za koje smatra da izražava ono nešto posebno, neku srž duha toga naroda. Jančar je kao takvo klasično srpsko delo prepoznao baš dramu *Koštana*, a preveo je sve tri Stankovićeve drame (osim spomenute, to su još *Tašana* i *Jovča*) i, uz obimnu, sedamdesetak strana dugu studiju o toj dramatici, svoje prevode je objavio u posebnoj knjizi (Stanković 1980). Jančarova studija o Stankoviću je prevedena i objavljena i u Beogradu i smatra se jednom od značajnijih uopšte napisanih o ovome srpskom piscu sa početka stoleća. Studiju sam čitala pre prevoda same drame i možda sam zato još više očekivala od prevoda – smatrala sam da prevodilac koji tako dobro razume “svog” autora mora napraviti briljantan prevod, odnosno da će iz Jančarovog pera izići pravi “fizički” prevod, kakav se odmah može postaviti na scenu. Valja reći i to da je *Koštana* jedna od retkih drama koja je u prevodu objavljena u knjizi (ne u časopisu, ili nekom ručno umnožavanom materijalu), a koja do danas nije u tom, prevedenom obliku postavljena na scenu. Jer, sa dramama se

dogaća upravo obrnuto: da budu prevedene, postavljene na scenu, ali prevod ostane u rukopisu.

Jančar izvanredno oseća i tumači Stankovićev literarni svet kao “sakralni prostor srpske duhovne tradicije. Ugrađen je tako reći u temelje nacionalnog kulturnog identiteta. Na njegovoj poetičnosti i sasvim specifičnoj emotivnoj atmosferi čitave generacije su gradile svoj odnos prema estetskom, a verovatno i prema duhovnim vrednostima i vrednostima života uopšte” (*ibid.*, 15). Stanković u celini nesumnjivo čini klasika srpske pisane reči. On je, sasvim instinktivno, izrekao čitav registar individualnih ljudskih situacija i raspoloženja i svojim simbolima uspeo da pesnički artikuliše neka složena, nedokučiva subjektivna stanja jedinke.

Opšteljudsku problematiku (problem odnosa jedinke i društva, problem tereta koji pritiska pojedinca i ne dozvoljava mu da bude slobodan; problem lepote – fizičke i duhovne – koja ne nailazi na razumevanje, koja ili opija i začarava sredinu, te stvara probleme, ili ostaje tiha i neprimećena), Stanković je izrazio simbolima koji imaju lokalnu boju: ne samo da njegovi junaci (bar neki) govore istočnosrbijanskim dijalektom (u kojem ima tragova bugarskog, makedonskog i staroslovenskog), nego i sama ta simbolika ima nazive kao što su: žal za mladost, pusto tursko, dert, sevdah i karasevdah. Ta terminologija zavodi na čitanje drame kao socio-psihološke slike društva jednog konkretnog vremena i prostora. Stankovićeva literatura je dugo i bila čitana kao regionalna realistička, sve dok moderna kritika nije iza tih lokalnih termina pročitala neke opštije sadržaje. Zapravo, umesto termina “pusto tursko” i “žal za mladost” može se pročitati – neoromantičarska čežnja za nečim lepim, nedokučivim, prošlim. Iza Mitkeovog “derta” može se prepoznati moderni “spleen” i tako redom. Sve to oseća i o svemu tome piše i Jančar. Ali u prevodu nema ni traga od tih jezičkih specifičnosti, Mitke uopšte nije jezički obeležen ni izdvojen od ostalih junaka drame iako on u originalu govori svojim jako izraženim idiolektom, jako dalekim i suštinski različitim od gramatički pravilnog srpskog jezika. Mitke tokom drame insistira da mu lepotica Koštana i njena muzička družina pevaju i pesmom, a ponajviše glasom, zvukom, melodijom iskazuju njegovu bol, usamljenost, nesreću, večitu zaljubljenost u život i mladost i nerazumevanje na koje zbog tih svojih osobina nailazi kod najbližih ljudi, a pre svega kod brata. Njegov govor je – osim što je lokalni, istočnosrbijanski – još i ritmiziran i zapravo i leksički i melodijski sličan jeziku pesama koje mu Ciganka

Koštana peva. – U prevodu se mogao slediti makar taj ritmizirani sloj Mitkeovih monologa – a upravo po njima je ova drama postala klasična, upravo njegove reči – koje nemaju nikakve veze sa gramatički pravilnim, niti modernim srpskim jezikom, – upravo preko tih Mitkeovih monologa ova je drama ostala upisana u svesti običnog srpskog gledaoca/čitaoca. Bez te specifične obojenosti njegovih monologa, ova se drama opasno približava melodrami i jasno je da ne može i ne treba da bude postavljena danas na scenu.

No, sigurno je da je sve to znao i prevodilac! Jer Jančar je, rekospo, značajan dramski pisac. Jančar je nesumnjivo imao na umu neke druge zahteve i zakone koji se odnose na jezik junaka drame i smatrao ih značajnijim; prevodilac je nečemu žrtvovao posebnost i izdvojenost Mitkeova govora. J. Levy ističe (Levy 1982: 200) da prevodilac mora voditi računa o tome da tragični junak ne sme govoriti suviše obojeno: nepravilnosti u govoru uvek karakterišu komični lik, nepravilnost u govoru a priori povezujemo sa komičnim junacima. A Mitke je tragični junak – Jančar ga kao takvog tumači i u eseju, i verovatno zato se boji da mu dodeli suviše obojen idiolekt. On možda računa na dopune u drami – muzika, scena, kostimi..., možda računa da će sam tumač Mitkeove uloge stilizirati i ritmizirati njegov govor. Ipak, u čitanju prevoda drame bitno nedostaje Mitkeova jezička izdvojenost. Trebalo je, makar u didaskalijama, uputiti reditelja i glumca da stil, intonacija, ritam i gest glumca koji igra Mitkea jesu daleko emotivniji od tih osobina kod ostalih likova.

Ako se u prevodu sa srodnog jezika ne može postići neophodni stepen izdvojenosti jezika jednog od junaka, onda se uopšte postavlja pitanje: treba li takvu dramu prevoditi?

Na kraju, samo nekoliko zanimljivosti koje se – više anegdotski nego strogo stručno – mogu izvesti iz do sada prikupljenog materijala.

Na repertoaru slovenačkih pozorišnih scena u periodu od 1867. do 1991. postavljena je 112 puta neka drama čiji autor pripada korpusu srpske književnosti, 149 puta drama hrvatskoga autora i svega 3 puta makedonskog. Prva srpska drama izvedena je u Ljubljani 1870. godine, prva hrvatska 1871. godine (prva ruska drama, Gogoljev *Revizor*, postavljena je tek 1887. godine). Prema bibliografskom priručniku *Repertoar slovenskih gledališč 1867-1967*, prva srpska komedija postavljena na slovenačku scenu bila je Trifkovićevo *Svoje glavneži* (u originalu: *Tvrdo glavci* – stoji

zabeleženo u Priručniku). Problem je, međutim, u tome što među sačuvanim Trifkovićevim nema komada sa takvim naslovom. Osim toga, “prvi originalni komad Trifkovićev, Čestitam, igrao se 21. marta 1871. u Novom Sadu” (Popović 1939: 201), pa je teško verovatno da je Trifković igran u Ljubljani pre nego u svome gradu, Novom Sadu.

Jovan Sterija Popović, prvi srpski doista značajan pisac karakternih komedija, nije se probio na slovenačku scenu najverovatnije zato što se njegovi likovi grade uz pomoć jezičkih nijansi: svaki njegov lik ima svoj idiolekt, svaki govori nekim svojim srpskim jezikom, prepunim grčkih, ili nemačkih, ili mađarskih, slovačkih, rumunskih – i to ne književnih, nego dijalektalnih – reči. Zato se Sterija na slovenačkoj sceni našao samo dva puta, i to oba puta u originalu (bilo da je u pitanju gostovanje ili pokušaj postavljanja drame na srodnom jeziku).

Najčešće izvođeni srpski autor jeste Branislav Nušić: ukupno 16 njegovih komada postavljeno je na scenu ravno 60 puta, i to: devet puta *Pokojnik*, osam puta *Gospođa ministarka*, po sedam puta *Svet* i *Ožalošćena porodica* itd. Nušića su prevodili značajni pisci (Fran Govekar, Cvetko Golar, Milan Jesih) i kritičari (Josip Vidmar, Fran Albreht), prevod nije poveravan nekome ko je izvan pozorišne prakse, kome bi pozorište kao praksa bilo daleko. – Slovenačka pozorišta su i inače veoma rado na scenu postavljala komedije, što je verovatno zadovoljavalo zahteve publike, ali i na neki način popunjavalo prazninu koja je originalnoj slovenačkoj drami nedostajala. Ipak, Nušić je u tom žanru dobio apsolutnu prednost nad ostalim piscima komedija pre svega zbog lakše prevodivosti. Nušić zapravo nastavlja i dalje razvija onu liniju komedije intrige koju je započeo Trifković, koji je takođe dobio poprilično prostora na slovenačkoj sceni (izveden je sedam puta). Ona druga linija, koja izrasta iz Sterije i koja komediju karaktera razvija uz pomoć jezika, jezičkih nijansi, jezičkih obrta, različitih obeležja sociolekata i dijalekata, ta vrsta komedije ostala je neprevedena i izvan slovenačkih pozorišnih scena (Aleksandar Popović, Dušan Kovačević).

Među hrvatskim autorima, na prvom mestu po broju izvođenih dela je Miroslav Krleža: njegovih 6 drama postavljeno je na slovenačku scenu ukupno 20 puta, od toga *U agoniji* osam, a *Gospoda Glembajevi* šest puta. No odmah za njim – sasvim neočekivano – najčešće postavljani autor iz korpusa hrvatske književnosti je Petar Pecija Petrović: četiri njegova komada

(*Šuma, Mrak, Pljusak i Čvor*) postavljena su ukupno 14 puta na slovenačku scenu. Ovaj danas sasvim zaboravljeni autor, koji u historijama književnosti ima veoma skromno mesto slikara seoskog ličkog ambijenta na lak humorističan način, privlačio je slovenačku publiku od 1917. do 1954. godine. Tek iza Pecije Petrovića dolazi Ivo Vojnović, čije su tri drame (*Ekvinocij, Psyche* i *Smrt majke Jugovića*) na slovenačku scenu postavljene 12 puta (od toga *Smrt majke Jugovića* jedanputa i u originalu!) Onda dolazi opet jedno iznenađenje, a to je Držić: od godine 1941. (kada je "otkriven" Držić i kada je Marko Fotez napisao svoju verziju kraja parcijalno sačuvane Držićeve komedije), *Dundo Maroje* postavljan je na slovenačku scenu 9 puta, u tri različita prevoda (Mirko Rupel, Mirko Mahnič i Evin Fritz). Samo Držićeve predstave mogu se po broju izvođenja porediti sa Nušićem, samo ova dvojica autora dostizala su da njihove komedije budu prikazane po pedesetak puta u jednoj postavci! Čak u jednom malom teatru, kakav je koparski, *Dundo Maroje* je igran 53 puta! Nacionalne veličine, recimo Cankar, ili Krleža, u čuvenim režijama (Korunovoj ili Gavellinoj, na primer) doživljavali su maksimum 30 izvedbi! Držić je nesumnjivo težak za prevođenje, bar isto toliko koliko i Sterija ili Aleksandar Popović, ali pozorišna scena je iziskivala i nametala potrebu prevođenja renesansne komedije, dakle opet forme koju slovenačka dramska produkcija nije u sebi sadržavala. Upravo ovakvi detalji "popune repertoara delima iz jezički srodnih literaturu dokazuju postojanje jugoslovenskog pozorišnog prostora kao nekakvog okvira unutar kojeg se jezički srodne literature međusobno podržavaju.

Tri verističke drame Srđana Tucića (*Povratak, Truli dom* i *Golgota*) postavljene su na scenu ukupno 10 puta (od toga *Golgota* 6, a ostale dve drame svaka po dva puta). Tucić je emigrirao još za vreme Prvog svetskog rata najpre u London, a zatim u Ameriku, i u Hrvatskoj potom tako reći zaboravljen. Pa ipak, on je po broju izvedenih dela na sceni nešto ispred Milana Begovića, svojevremeno nastavnika Glumačke škole u Zagrebu i upravnika HNK, autora koji je svoj dugi život tako reći posvetio kazalištu: Begovićeve pet drama prikazano je ukupno 9 puta. Itd.

Posao na ovome projektu tek je u začetku; cilj projekta je – doći do što je moguće većeg broja rukopisa drama koje su prevedene sa srodnih jezika i izvođene na srpskim, hrvatskim i slovenačkim scenama od osnivanja nacionalnih teataru šezdesetih godina prošlog stoleća, do raspada Druge Jugoslavije, godine 1991. U

bibliografiju će ući i eventualno objavljene, ali na scenu nepostavljene drame. Tek tada će moći biti sačinjena ozbiljna studija o prirodi tih prevoda.

LITERATURA

- Andrić, D.
1981 *O prevođenju savremenih pozorišnih komada*, Beograd 1981.
- Handke, P.
1994 *O prevođenju: slike, odlomci, nekoliko imena*, prev.: D.Gojković, "Mostovi", Udruženje književnih prevodilaca Srbije, Beograd jan-mart 1994: XCVII: 82-84.
- Kot, J.
1970 *Klasici danas*, "Scena" 1970: III: 91-97.
- Levi, J.
1982 *Umjetnost prevođenja*, prev.: B.Dabić, Sarajevo 1982.
- Newmark, P.
1994 *La traduzione: problemi e metodi*, Garzanti, Milano 1994.
- Popović, P.
1939 *Rasprave i članci*, Beograd 1939.
- Repertoar slovenskih gledališč*
1867-1992 *Repertoar slovenskih gledališč 1867-1967; 1967-1972; 1972-1977; 1977-1982; 1982-1987; 1987-1992*, Gledališki muzej, Ljubljana 1867-1992.
- Stanković, B.
1980 *Drame*, prev., predgovor *Red in pekel*: D.Jančar, Založba Obzorja, Maribor 1980.¹

---

1 Zanimljivost ove knjige je i u tome što na koricama stoji naslov: Drago Jančar, *Red in pekel*. A u vrhu korica, sitnim crnim slovima na crvenoj podlozi stoji: *Koštana, Tašana, Jovča*. Ime Borislava Stankovića nigde se i ne spominje na koricama, ni na "rikni". Tek na prvoj strani, kada se otvore korice, stoji i ime autora drama.

ABSTRACT

This paper is an introduction to a field mentioned above. It tries to explain how to translate from similar languages when the translator focusses on the expressive, instead of the cognitive function of language. It also tries to define a specificity of drama translation: the stress is on the “physical” level of the translation so that the most important thing is ease of pronunciation, and not the “optical” correspondence between original and translated text.

Theater plays were often translated in Serbia, Croatia, Bosnia and Herzegovina and Montenegro from the Slovenian and Macedonian languages; in Slovenia from Serbo-Croatian and Macedonian; in Macedonia from Serbo-Croatian and Slovenian. This paper tries to identify typical errors in one Slovene translation of a Serbian drama *Koštana*; it also tries to answer the question of status of Serbian, Croat, and Macedonian drama on Slovene theater stages, and to put together its bibliography.

УЧЕБНЫЙ ПЕРЕВОД И ИСПОЛЬЗОВАНИЕ
РОДНОГО ЯЗЫКА В УПРАЖНЕНИЯХ
(РЕЗУЛЬТАТЫ АНАЛИЗА УЧЕБНИКОВ РУССКОГО
ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО)

О.А. Ерёмкина

Анализируя становление методики преподавания русского языка как иностранного, Х.Ш.Бахтиярова и А.Н.Щукин пишут, что на всех этапах происходила борьба между „прямыми“, доказывавшими, что совершенное владение иностранным языком наступает лишь тогда, когда учащиеся начинают мыслить на нём, не прибегая к переводу на родной язык, и сторонниками переводных методов, утверждавших, что мысль, возникающая в сознании учащегося, проходит путь от понятия, оформленного на родном языке, к понятию, оформленному на русском языке, и поэтому нельзя изгонять родной язык из процесса обучения.

Но практика обучения, с одной стороны, и социальные потребности, с другой, вступали в противоречие с этими крайними установками и требованиями как прямистов, так и сторонников постоянного сопоставления и перевода.

В результате экспериментальной записи хода занятий по русскому языку на подфаках в течение первых двух месяцев были получены сведения о применении родного языка на уроках, но они нуждались в подтверждении.

Средством верификации был избран анализ учебников русского языка. Учебники отбирались по следующим критериям:

1. учебники национально-ориентированные;
2. коммуникативного типа;
3. созданные совместными национально-российскими коллективами.

Каждый учебник отвечал всем трём критериям.

Было проанализировано около сорока учебников, созданных совместными авторскими коллективами для начального обучения детей и взрослых. С целью выявления динамики использования родного языка был проанализирован и ряд учебников для среднего и продвинутого этапов.

Случаи использования родного языка анализировались по блокам учебника, выделенным в исследовании И.С. Ко-

стиной (Костина 1985: 168) и соответствующим четырём стадиям учебной деятельности – установочной, ориентировочной, исполнительской, контрольной (Леонтьев 1977). В данной статье будут рассмотрены данные, полученные при анализе двух блоков: тренировочного и контролирующего.

Тренировочный блок, соответствующий исполнительной стадии учебно-познавательной деятельности, включает предкоммуникативную тренировку, т.е. языковые и речевые упражнения, формирующие языковую и речевую компетенции и коммуникативные задания.

Об использовании двуязычных упражнений в национально-ориентированных учебниках русского языка пишет В.Н.Вагнер. По её мнению специфика национально-ориентированного учебника состоит в том, что при его составлении авторы должны проводить целенаправленное сопоставление систем двух языков – родного и изучаемого.

Анализируя учебники русского языка, мы встретили упражнения на перевод в их классической функции – закрепления лексического или грамматического материала – только в учебнике для студентов-филологов I-го курса университетов Венгрии. Раздел языковых упражнений включает или завершается переводом – с родного языка на русский или (реже) с русского языка на венгерский. Фразы в упражнениях простые и содержат те слова и словосочетания, которые, во-первых, отрабатывались в предыдущих языковых упражнениях и, во-вторых, представляют трудность именно для венгерских учащихся.

Переходя к анализу основного массива упражнений, отметим, что чаще всего родной язык учащихся используется в формулировках упражнений или заданий. Иногда встречается параллельное употребление формулировки на родном и на русском языках (*Встречи-1*), в некоторых учебниках простые стандартизированные формулировки типа „Читайте”, „Расскажите” довольно быстро даются только на русском языке (*Маяк-1-2, Союз-1*). Применение родного языка позволяет авторам на самом начальном этапе давать разнообразные задания, не связанные лексическим минимумом. На родном же языке даются формулировки, включающие целевую интенцию. Например, на финском языке формулируется задание „Успокойте своего собеседника, скажите, чтобы он не волновался” (*Маяк-3*).

Так как лингвистическая терминология даётся в большинстве курсов на родном языке, то и задания, включающие её, формулируются на родном языке.

Формулировки упражнений или заданий на родном языке учащихся включают иногда целую программу действий учащихся: “Work with your partner and jot down as many names or titles as you can in answer to this quiz”.

На начальном этапе встречаются упражнения, в которых ситуация задаётся на родном языке (упражнения типа: „Что вы скажете в следующих ситуациях?”. Например, “Now you are speaking to Katya on the phone. Ask where to meet tomorrow” (*Диалог-1*).

Целесообразность использования ситуаций на родном языке на начальном этапе основывается на том, что с самых первых уроков в учебный процесс вводятся упражнения, имитирующие естественный процесс коммуникации, т.е. языковые упражнения, к которым, по словам А.Р.Арутюнова, „примыслена экстраметодическая интерпретация”. Интенция не связана ни с каким языком, она универсальна, поэтому её можно „задавать” на родном языке. Другие компоненты ситуации также можно давать на родном языке: учащийся использует описания компонентов ситуации в качестве экстралингвистических факторов, порождающих речевое высказывание. В какой-то степени родной язык выступает в той же функции, что и изобразительная наглядность, применяемая для создания ситуации.

В некоторых случаях родной язык используется в сочетании с рисунком. Наиболее интересно, на наш взгляд, использование карикатур, шаржей, например, в уроке о совместном полёте советского и кубинского космонавтов помещён шарж из газеты „Гранма”, на котором изображён кубинец, распевая знаменитую песню *Гуантанамера*, только вместо слов „Гуантанамера” (т.е. девушка, жительница Гуантанамо) из его рта вылетают слова „Гуантанамеро (...) гуантанамеро” (т.е. юноша, житель Гуантанамо). Соль этого рисунка в том, что первый кубинский космонавт – уроженец Гуантанамо. Учащиеся должны объяснить этот рисунок с надписью советскому товарищу, не понимающему его смысла (*Юность-2*).

Следующий вид упражнений, в которых используется родной язык учащихся, – это завершающий рассказ на те-

му, когда учащийся должен осуществить перенос и рассказать о себе, о своих увлечениях, о своих обязанностях, о своих взглядах на рассматриваемую проблему. Обычно ученику не хватает слов, чтобы произвести требуемый трансфер, так как круг тематической лексики велик и не может войти в обязательный лексический минимум. Авторы учебников вводят в таких случаях прямо в ткань упражнения дополнительные тематические двуязычные словарики типа *Словарь домашних дел*, *Словарь футболиста*, *Наши увлечения*, предваряя их обращением к ученикам, предлагая выбрать из этих словариков нужные им слова и выражения. Нам представляется подобное использование родного языка удачным разрешением противоречия между желанием учащегося выразить определённое содержание и ограниченностью словарного запаса, которым он владеет.

В некоторые учебники включены упражнения, в которых текст на родном языке используется как содержательная основа для рассказа на русском языке. Например, в финском учебнике *Маяк-2* даётся заметка из газеты о финском долгожителе. Нужно использовать её содержание в разговоре с товарищем из Москвы. В этом же учебнике даётся текст на финском языке о жизни и творчестве Яна Сибелиуса. Используя эти сведения как информационный источник, учащиеся должны написать сочинение о великом финском композиторе.

Ещё один вид упражнений с использованием родного языка – это известная игра в переводчика. Например, в кубинском учебнике используется ситуация приезда на Кубу лётчика-космонавта Ю.Романенко – участника совместного советско-кубинского полёта. У Ю.Романенко „берут” интервью, т.е. вопросы ему задаются по-испански, отвечает же он, естественно, по-русски. „Переводчик” должен переводить вопросы с испанского на русский, а ответы с русского на испанский. Подобная речевая ситуация естественна, задача в данном речевом действии является реально-коммуникативной, а само упражнение можно отнести к разряду коммуникативных. Использование родного языка здесь не искусственно, а вполне естественно.

Интересны упражнения, формирующие способность просмотрового или выборочного чтения: к тексту на русском

языке даются ситуации или вопросы на родном. Последние направлены на извлечение определённой информации из текста и контролируют его понимание. Таким образом, эти упражнения, с одной стороны, являются обучающими, а, с другой стороны, могут быть использованы и как контролирующие. Системно и регулярно такие упражнения представлены в учебниках *Диалог-1*. В качестве материала для чтения используются, даже на самом начальном этапе, оригинальные русские тексты: вывески магазинов, театральные афиши, програмки народных празднеств, оглавления книг и др.

Уже в первых уроках по-английски даётся ситуация: вы едете по Ленинскому проспекту, из окна автобуса вы видите эти вывески (соответствующим шрифтом даются вывески).

Далее следуют вопросы (на английском языке):

1. Какая вывеска содержит слова, похожие на английские? (Среди вывесок были: Телеграф-Телефон. Спорт. Электроника и др.).
2. В какое из этих мест вы пойдёте, если вы хотите:
  - а) послать телеграмму вашим родителям?
  - б) послать вашему другу открытку?
  - в) посмотреть фильм?
  - г) купить радиопрограмму? и т.д.

Постепенно задания усложняются.

Подведём итоги. В исполнительском блоке, объединяющем предкоммуникативную тренировку и коммуникативную практику, родной язык учащихся используется в нескольких функциях: пользуясь с определённой коррекцией терминологией, предложенной И.А.Тийтс, можно выделить информационно-ознакомительную, информационно-ориентирующую и стимулирующую функции. Информационно-ознакомительная функция реализуется в подаче формулировок заданий на родном языке. Формулировки заданий, включающие программу действий учащихся при выполнении упражнений, описания игр, инструкции к прагматическим задачам, встречающимся в учебниках (заполнение разного рода социологических анкет, тестов, условия химических опытов и физических задач), реализуют информационно-ориентирующую функцию. В стимулирующей функции родной язык выступает в упражнениях, включающих целевую интенцию речевого действия, ситуативные упражнения, тексты на родном

языке, служащие содержательной основой для высказывания на русском.

Контролирующий блок. Блок, включающий предкоммуникативную и коммуникативную практику, тесно связан с блоком, основной функцией которого является контроль – сравнение достигнутого результата с его целями, проверка, учёт.

В большинстве учебников можно выделить задания на первичный контроль понимания нового материала и задания контрольного характера, завершающие урок или цикл уроков. Как же применяется родной язык учащихся в этих заданиях? Основной вид контрольных заданий – перевод. Перевод с родного языка отдельных слов в упражнениях типа „Я забыл, как по-русски avion”. Собеседник должен перевести, ответив: „Самолёт”. Перевод на русский язык фраз, содержащих конструкции с близкими по значению предлогами (*Маяк-3*, 136) или фраз с близкими по значению глаголами (*Учебник для 7-го класса Болгарии*).

Систематический перевод на родной язык в качестве упражнения на первичный контроль используется в учебниках для старших классов школ Вьетнама. Это упражнение вводится обычно после того, как на основе тех или иных способов семантизации учащиеся должны догадаться о значении слов или словосочетаний. Упражнение типично и звучит так: „Прочитай вслух слова и словосочетания. Переведи их на родной язык. Проговори их несколько раз”.

Перевод с русского языка на родной встречается и в других учебниках и используется в качестве контроля понимания и различения слов с близкими значениями, например, глаголов „учить” и „изучать” (*Маяк-3*), разграничения значений многозначных слов (к примеру, после семантизации слова „простой”, данного в виде словарной статьи толкового словаря, болгарские учащиеся должны перевести примеры из неё, обращая внимание на то, при помощи каких прилагательных передаются на болгарском языке значения русского слова *простой*. Им предлагается подумать, возможен ли в некоторых случаях перевод при помощи болгарского слова *прост*).

С целью контроля понимания иногда нужно переводить с русского на родной язык небольшие тексты.

Интересно, что и в универсальных учебниках, например, в переработанном учебнике *Русский язык для всех*, используется перевод на родной язык для контроля понимания новых лексических единиц, понимания разницы конструкций с этими единицами в родном и изучаемом языках, разницы в управлениях и т.п. Вот образцы такого вида заданий:

1. Прочитайте диалог про себя. Решите, что значит выражение „сто лет не был”. Запишите его эквивалент на родном языке.
2. Посмотрите в словаре значение слова *нравится*. Разберитесь в таблице (следует таблица). Переведите на родной язык первое предложение таблицы, а затем вопросы.

Этап завершающего контроля представлен в ряде учебников заданиями, содержащими ситуации или речевые действия. На родном языке учащихся перечисляется, какими речевыми действиями они овладели, и даются ситуации, являющиеся вариантами речевого действия – образца, данного в учебнике.

В конце каждого урока учебника *Русский язык-1* для школ Вьетнама введён раздел *Проверьте себя*, где все задания, в основном ситуативного характера, формулируются на родном языке учащихся.

Использование ситуаций на родном языке в качестве контрольных заданий соответствует тенденциям современного тестирования. Американский методист А.Омаджио приводит примеры карточек – устных тестов. Сначала на изучаемом языке кратко обозначается ситуация и предлагается ставить разные вопросы, затем на родном языке намечается программа ведения диалога-расспроса.

Итак, блок контроля представлен в проанализированных учебниках или в виде отдельных заданий, или в виде структурных разделов *Проверьте себя* в конце урока, контрольных или контрольно-повторительных уроков в конце цикла уроков. Так же, как и в исполнительском блоке, ситуативные задания, задания, содержащие целевую интенцию, формулируются в основном на родном языке, особенно в начальных учебниках для первого-второго года обучения. Главное же отличие контрольного блока от исполнительского состоит в широком использовании самых разнообразных упражнений по переводу – с родного на

русский и, главным образом, с русского на родной (контролируется понимание слова, фразы, текста).

ЛИТЕРАТУРА

- Арутюнов, А.Р.
1987 *Конструирование и экспертиза учебника, ИРЯ им. А.С.Пушкина, М. 1987: 109.*
- Бахтиярова, Х.Ш. и Щукин, А.Н.
1988 *История методики преподавания русского языка как иностранного. Учебное пособие, Вища школа. Головне вид-во, К. 1988: 178.*
- Вагнер, В.Н.
1980 *Специфика учебника русского языка, ориентированного на учащихся определённой национальности, „Русский язык за рубежом”, 1980: VI: 46-49.*
- Костина, И.С.
1985 *Урок учебника русского языка для иностранцев, Диссертация канд. пед. наук, М. 1985.*
- Леонтьев, А.Н.
1977 *Деятельность, сознание, личность, М. 1977³.*
- Тийтс, И.А.
1984 *Основные факторы, определяющие коммуникативное содержание профессионального педагогического общения учителя на уроке, в: Коммуникативная направленность в обучении русскому языку, „Учёные записки Тартуского государственного университета”, Тарту 1984 (660): 16-25.*

- Фоломкина, С.К.
1986 *Тестирование в обучении иностранному языку*,
„Иностранные языки в школе”, 1986: II.
- Omaggio, Alice C.
1986 *Teaching Language in context Proficiency. Oriented
Instruction*, Heinle and Heinle Publishers, Boston
1986.

ABSTRACT

Exercises in Translation and Use of the Mother-Tongue.

The paper analyses about forty Russian textbooks for foreigners, comparing the function of the use of mother-tongue language in each case.

Slavica tergestina 5 (1997)

„СИМВОЛОТВОРЧЕСТВО” УСТНОГО ПЕРЕВОДЧИКА
(ОБУЧЕНИЕ КОНСПЕКТИРОВАНИЮ ПРИ
ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОМ ПЕРЕВОДЕ)

György Kárpáti

Выполнение последовательного перевода сопряжено с высокой умственной и эмоциональной напряжённостью переводчика, требует от него больших интеллектуальных и физических усилий. Достаточно напомнить о таких признаках последовательного перевода, как однократное слуховое восприятие исходного текста, большая нагрузка на память, временные ограничения для перехода с одного языка на другой, устное и однократное оформление перевода и, что немало важно, объём исходного текста. Последовательно можно переводить отдельные предложения, группы предложений, абзацы и даже целый текст; объём переводимого отрезка текста, как правило, зависит не от переводчика. Естественно, удерживать в памяти всё, что прозвучало в течение нескольких минут, невозможно. Однако переводчик, вооружённый методом записи (конспектирования) и овладевший соответствующими навыками, в состоянии справиться и с такой трудной задачей. Он может смягчить трудные условия своей работы, снять определённую часть нагрузки с памяти; усвоение метода записей помогает переводчику стать независимым от привычек оратора.

В своей переводческой и преподавательской работе за основу я взял метод записей, изложенный в работах Р.К. Миньяра-Белоручева (Миньяр-Белоручев 1969, 1980). Надеюсь, что краткая информация о нём может представить интерес и для вас.

Для того, чтобы успеть сделать такую запись, на основе которой возможно воспроизвести сообщение на языке перевода, необходимо соблюдать определённые правила.

1. В лексическом материале исходного текста выделяется ключевая или уникальная информация, (выбор слов, несущих наибольшую информационную нагрузку или выбор т.н. рельефных слов, способных аккумулировать значительное количество информации и отличающихся своей неординарностью).

Подавляющее большинство слов, несущих наибольшую информационную нагрузку, берётся непосредственно из исходного текста, однако в ряде случаев целесообразно прибегнуть к методу трансформации замены (напр., вместо громоздкого словосочетания *представители деловых кругов* записывается слово *бизнесмены*).

2. Отобранные из исходного текста слова могут фиксироваться при помощи *сокращённой буквенной записи*. При этом чаще всего отбрасываются окончания, суффиксы или же записывается первый слог слова. Возможно сокращение слова и за счёт гласных (*пример ' прмр*).

3. Следует придерживаться принципа *вертикального расположения* на бумаге выделенной информации, чётко обозначая границы каждого предложения и синтаксические связи внутри предложения и между предложениями. Как известно, в русском языке синтаксические отношения выражаются т.н. сегментными средствами (флексии, служебные слова) и т.н. супraseгментными средствами (интонация, порядок слов). При вертикальном расположении записи переводчик может эффективно использовать порядок слов для обозначения синтаксических связей. Например:

субъект	
предикат	объект ¹
	объект ²

Имеются условные знаки для выражения причинно-следственных отношений, уступительности, цели, сопоставления, отрицания.

4. Для выделенной информации следует находить экономные и наглядные обозначения, *символы*. Они должны удовлетворять требованиям экономичности, наглядности и универсальности.

а) Под *экономичностью* подразумевается то, что символы связаны не с определёнными предметами, явлениями или их классами, а с семантическим признаком, который можно обнаружить в целом ряде предметов и явлений. Например, символ ” (кавычки) может заменить в записи переводчика

такие слова как *говорить, речь, оратор, выступление, статья, газета, диктор, ведущий, автор, журналист, сообщить, заявить, комментатор* и др. Большой понятийный объём символов не является помехой, ведь запись не заменяет память переводчика, а служит ему лишь визуальной опорой в работе. При этом немаловажно и лёгкое графическое исполнение символов.

б) *Наглядность* символов заключается, в первую очередь, в том, что они вызывают соответствующие ассоциации. Например, символ *p*, ассоциирующийся с понятием *голова*, может служить обозначением таких слов как *руководитель, глава, директор, шеф, командир, президент, премьер-министр, председатель, начальник, заведующий, возглавлять, руководить, управлять* и др.

в) Под *универсальностью* символов понимается то, что они сами по себе никакой грамматической информации не несут. Они не указывают на принадлежность обозначаемых ими слов к той или иной части речи, не дают информации об их классификационной и парадигматической характеристике (род, число, падеж, лицо, время и др.). Таким образом, судить о том, является ли тот или иной символ обозначением существительного или глагола, можно судить на основе его расположения на бумаге.

Для обозначения некоторых *грамматических значений* имеются специальные символы: цифра 2 в виде индекса указывает на множественность, условные знаки ↓, ↙, ⊥, выражают настоящее, прошедшее и будущее время, символы < > указывают на начало и конец действия. Имеются также и специальные средства для выражения отдельных модальных значений (долженствование, возможность, намерение).

По *способу обозначения понятий* символы могут быть разделены на следующие группы:

буквенные символы: P – Россия, USA – США и др.

ассоциативные символы, например:

→ передавать, уходить, уезжать, продавать и др.

← получать, приходить, приезжать, покупать и др.

- ↑ повышать, улучшать, увеличивать, развивать и др.
 ↓ понижать, ухудшать, уменьшать, разорять и др.
 O конгресс, совещание, встреча, собрание, семинар, сессия

производные символы, например:

↔ невмешательство

⊖ делегация

↔ обмен, торговля, обмениваться, торговать и др.

Приведём несколько несложных примеров для иллюстрации описанного выше метода:

Мировой банк предоставил России заём в размере 400 миллионов долларов для финансирования программы реформ в секторе жилищного строительства.

МБ
 → Р
 400 m \$ → ↑ жил. стр.

Дискуссия началась на втором заседании.

⊕
 < 2.0

Конгресс обсуждает первый пункт повестки дня.

O
 ⊕ 1.§

Дискуссионный вопрос вызвал бурную полемику.

⊕ ?
 ⊕

Сокращение количества войск стало возможным в результате улучшения обстановки.

— ✂ \ \$

Возвращаясь к названию доклада, можно задать вопрос: следует ли переводчику заниматься „символотворчеством”?

то есть создавать всё новые и новые символы, условные знаки?

Ответ на этот вопрос однозначен: безусловно, да. Те или иные приёмы перевода, в частности и конспектирования, вырабатываются у переводчика в процессе многолетней практики. Каждый переводчик должен иметь что-то своё. Набор символов обновляется, одни символы отсеиваются, зато появляется необходимость в обозначении условными знаками каких-то других понятий.

В таком положении оказался и я. В ходе работы обнаружилось, что просто нехватало символов для выражения таких понятий, отношений, условное обозначение которых мне показалось необходимым. Пришлось ввести некоторые новые символы. Например:

h	–иметь, обладать, владеть, располагать, и др.
+	–согласие, одобрение
--	–несогласие, отказ
⇒	–становиться кем-л., чем-л., каким-л.
•	–существовать, иметься
*	–создавать, строить, сочинять, разработать, учредить и др.
×	–уничтожать, разрушать, ликвидировать, обанкротиться и др.
∩	–отношения, связи, контакты
" ⊥	–предлагать, рекомендовать
∈	–продолжать
v	–или
" _	–подчёркивать
<u>бы</u>	–требовать
	–содействовать, способствовать, вносить вклад, помогать и др.
⊥	–мешать, препятствовать, тормозить и др.

Обнаруживаются интересные соответствия между отдельными символами, которые служат чисто практическим целям, и некоторыми соображениями теоретической лингвистики о существовании т.н.

лексических параметров (Апресян 1974). Рассмотрим пример:

Если тот или иной символ подчёркивается в записи, это указывает на усиление данного качества, существенного признака обозначаемого понятия. Двойное подчёркивание выражает ещё более интенсивное усиление качества.

<i>прмр</i>	–	пример
<u><i>прмр</i></u>	–	хороший пример
<u><u><i>прмр</i></u></u>	–	блестящий пример

В указанной выше книге Ю.Д.Апресяна лексический параметр определяется как „абстрактное, типовое значение, которое, подобно грамматическому, выражается при достаточно большом числе слов, однако, в отличие от грамматического значения, при разных словах оно выражается различными средствами, причём способ его выражения зависит от того, при каком именно слове оно выражается” (Апресян 1974:46). В качестве примера, в частности, приводится лексический параметр *Magn.* („очень”, „высокая степень”). Этот лексический параметр сочетается со словами разных частей речи:

<i>Magn.</i> (дурак)	–	круглый
<i>Magn.</i> (ошибка)	–	грубая
<i>Magn.</i> (тишина)	–	гробовая
<i>Magn.</i> (тьма)	–	кромешная
<i>Magn.</i> (дисциплина)	–	железная
<i>Magn.</i> (знать)	–	досконально
<i>Magn.</i> (спать)	–	крепко
<i>Magn.</i> (ранить)	–	тяжело
<i>Magn.</i> (белый)	–	ослепительно
<i>Magn.</i> (здоровый)	–	абсолютно

Что касается методики обучения конспектированию, то – на мой взгляд – студентов следует не только ознакомить с символами, которыми пользуются переводчики в данное время, но и ориентировать их на „творческий подход”, указать им на то, что они должны не только усвоить, „переварить” учебный материал, но в ходе практической работы им предстоит и изменить, дополнить его в соответствии с их вкусами и потребностями. В таком случае

метод записи может сослужить им добрую службу на этом нелёгком поприще.

ЛИТЕРАТУРА

- Апресян, Ю.Д.
1974   *Лексическая семантика*, М. 1974.
- Миньяр-Белоручев, Р.К.
1969   *Последовательный перевод*, М. 1969.
1980   *Общая теория перевода и устный перевод*, М.
1980.

ABSTRACT

Consecutive interpretation requires quite a lot of intellectual and physical effort from the interpreter. One of the factors that makes interpretation rather difficult is the length of sections of the text that should be translated. Having acquired the special skill of taking notes, the interpreter makes his work easier and becomes more independent of the speaker's habit. The author shares his experience in working out his own way of taking notes, pointing out a certain need for “creative attitude” that has to be acquired by students on interpreting courses.

ДАЛОГ РАЗНЫХ КУЛЬТУР И РАЗНЫХ ЯЗЫКОВ

László Kerekes

Признаюсь, что в период усиливающейся эконократии, когда даже овладение иностранным языком приобретает коммерческий характер, может показаться анахронизмом говорить о культурном и языковом многообразии. Я уверен, что язык был и остаётся органической частью общечеловеческой культуры, невзирая на его непрерывное упрощение. Надо сказать, что язык современности бесспорно выцветает.

Предки наши, имевшие ещё огромный жизненный опыт с немалым искусством использовали так называемые лингво-фольклорные элементы в разговоре, охотно и щедро украшая свою речь пословицами или поговорками. По существу, до настоящего момента сохранила свою актуальность широкоизвестная народная мудрость: „Язык мой – враг мой!”

Но, маловероятно, что подобное утверждение уместно и в овладении другим языком. В этой связи я разделяю мнение писателя Гамзатова: „Языки не враждуют между собой”. Другой вопрос, что в ходе их изучения нам, простым смертным, следует с ними справляться. Очевидно, что языковая компетенция не развивается автоматически, как говорил академик Щерба: „знание языка не передаётся по наследству”.

Иными словами, языковую компетенцию следует нам, преподавателям языков, создавать. Становится всё более очевидным, что ошибочно сводить язык к пустым грамматическим или математическим формулам. Его надо наполнить содержанием и жизнью. В этой связи я полностью разделяю точку зрения известной венгерской переводчицы Като Ломб: „Язык – это сама жизнь и познание его так же сложно, как познание жизни, и нет ему конца”.

Культурное и языковое многообразие, как известно, существует с момента вавилонского столпотворения. С тех пор каждый народ говорит с богом на своём языке. Однако, стремиться быть оригинальным или самим собой – это далеко не значит отгораживаться от остальных. Даже наоборот! Правильно пишет Айтматов: „Каждый народ неповторим, и тем успешнее он взаимодействует с другими

народами, чем больше своего индивидуального вносит в общечеловеческую культуру”.

Из сказанного следует, что человек, овладев иностранным языком, как бы обретает душу другого народа и, согласно стихам Рождественского, он видит не только „как у нас”, а также „как у них” всё происходит.

Во всяком случае, проблема общности и различия языков оказывается камнем преткновения и, вместе с тем, служит вечно-зелёной темой методики. Между прочим я уверен в том, что учёт настоящей проблемы позволяет не только устранить языковую интерференцию, но и использовать родной язык в качестве помощника.

На первый взгляд, и с теоретической точки зрения, всё это звучит довольно просто. Но не напрасно на востоке говорят: „К простейшему ведёт самый сложный путь”.

Это, в частности, объясняется тем, что сопоставительный аспект невольно порождает вопрос: где же искать языковые трудности и как же их выявить? И мы ещё здесь не коснулись вопроса способа преодоления вышеупомянутых трудностей!

Практика показывает, что многие люди, изучающие иностранный язык, могут усвоить тысячи слов, могут также овладеть произношением или выучить грамматику, но, тем не менее, они допускают удивительные, нередко поразительные с точки зрения русского языка ошибки, просто потому, что в их родном языке данные слова имеют совершенно другую лексическую сочетаемость.

С этой точки зрения, сопоставление играет ключевую роль в познании природы языковой интерференции и позволяет понять, почему русский говорит *глухое окно* или *холостой патрон*, тогда как в венгерском сознании оба они должны быть *слепыми*. Точно так же обстоит дело с сочетаниями типа: *сильный* человек, но *крепкого* он сложения, *острый* на язык.

На примерах видно, что в языковой традиции народа складываются определённые закономерности соединения слов друг с другом. Иначе не называл бы иностранец климат *мокрым* вместо влажного. Более того! Не могу не привести здесь своего коронного примера. Почему в русском языке имеет гражданское право сочетание *варить кофе*, но никак нельзя сказать, к примеру, *варить чай*?

Или почему предлагается в *жаркий* день пить *горячий* чай?

Примеры можно было бы продолжать без конца. Они убедительно доказывают, что выявление лексических тонкостей заслуживает самого пристального внимания с целью анализа каждой языковой ситуации отдельно. Нет никаких сомнений в том, что обучение безэквивалентной лексике связано с преодолением целого ряда трудностей.

Для тех, кто посвятил многие годы изучению русского языка, не секрет, что главная его трудность состоит не столько в его парадигматических формулах, сколько в его лексико-семантической структуре. И это явно не случайно! Сегодня эта проблема стоит с особой остротой, ибо подавляющее большинство лингвистов увлекается изучением грамматической сочетаемости, так как оно даёт возможность делать обобщения, в то время как лексическая сочетаемость требует отдельного и тщательного подхода. По крайней мере, принято так считать.

Однако нет никаких сомнений относительно того, что языковая интерференция вызывается нередко также лексико-грамматическими причинами.

Чтобы оправдать сказанное, возьмём для примера различие предлогов и управлений в русском и венгерском языках, где сразу же бросаются в глаза грамматические и структурные различия:

Не жалеть ничего <i>для</i> ...	Nem sajnál semmit <i>vkítől</i>
Район закрыт <i>для</i> транспорта	Le van zárva a forgalom <i>elől</i>
Он прописал лекарство более <i>для</i> обычной, чем <i>для</i> надобности.	Inkább megszokásból, mint szükségből írta fel a gyógyszert.
Всё это отойдёт <i>перед</i> ...	Mindez eltörpül <i>mellette</i> .
Не устоять <i>перед</i> соблазном	Nem tud ellenállni a csábításnak
Иметь преимущество <i>перед</i> ...	Megvan az előnye vmivel <i>szemben</i>
Ужас <i>перед</i> болезнью	A betegségtől való irtózás
Быть в долгу <i>перед</i> кем ...	Valakinek adósa lenni
Можно взять <i>под</i> сомнение	Kétségbe vonható
Засыпать <i>под</i> музыку	Zenére alszik el
Выиграть у кого-нибудь <i>под</i> ноль	Nullára nyer valaki <i>ellen</i>

Надеюсь, что примеры в данных сопоставлениях говорят сами за себя и отражают межъязыковые интерференции надлежащим образом.

Аналогичные примеры можно найти и в других областях. Подобная ситуация складывается также в сфере синтаксиса при сопоставлении двух упомянутых выше языков. Вот несколько примеров:

Он посмотрел в его глаза (ему в глаза);
 Не хотел портить его настроение (ему);
 Он сыграл на его руку (ему на руку);
 Кто пришёл на его смену? (ему на смену);
 Он ушёл в свою комнату (к себе в комнату).

Примерам подобного рода, как говорится, конца-краю нет. Но в этой связи следует отметить, что не менее существенным источником грамматических, скорее даже морфологических, заблуждений служат некоторые слова иностранного происхождения и международного употребления.

В качестве примеров стоит, на мой взгляд, напомнить „реформу”, „программу”, „бригаду”, „карьеру”, „элиту”, а также недавно широким фронтом распространившуюся „аэробiku”. Все эти слова наши студенты у нас употребляют, не задумываясь, в мужском роде. Нетрудно ответить на вопрос – почему?

Противоположная тенденция сказывается в употреблении таких слов как: „коллектив”, „гарнитур”, „тариф” и ещё многих других, которые иноязычные студенты употребляют в женском роде.

Что же тут мешает и в чём же здесь трудности – вопрос риторический. Находясь в общении с родным языком, иностранцы „невольнo” допускают ошибки. Поэтому следует рассматривать такие языковые заблуждения сквозь призму интерференции. В данном случае роль родного языка можно оценивать как эффект бумеранга.

За примером не обязательно обращаться в область перевода. Рассмотрим два довольно простых русских предложения, доставляющих немало хлопот и головолomку в переводе на венгерский:

1. Никто их не приглашал, не звал.
2. Ведь человек мыслит с помощью языка и при помощи языка.

Очевидно, интерференция вызывается, во-первых, отсутствием подходящих венгерских эквивалентов. Во-вторых, в сознании студента с обычным уровнем знания русской грамматики конструкции „при помощи чего” и „с помощью чего-нибудь” не различаются между собой.

Однако, говоря о языковом и вместе с тем о культурном многообразии, было бы несправедливо забыть об их общности. Это – другая сторона медали, ибо каждый язык – это частица одной огромной языковой вселенной со своим языково-экологическим равновесием. Исходя из этого утверждения и придавая большое значение многостороннему анализу проблемы взаимозависимости разных культур и языков, в заключение и краткости ради, ограничимся на этот раз сопоставлением русского и немецкого языков. Любопытно отметить, насколько трудно определить самобытность, когда русский литературовед ищет *лейтмотив* в художественных произведениях, когда ребёнок необыкновенных способностей по-русски называется *вундеркиндом*, и, в конечном итоге, вся поднятая мною в настоящем докладе проблема не более, чем надводная часть *айсберга*.

Здесь вполне уместны выводы коллеги Шеломенцевой, с которой автору этих строк посчастливилось сотрудничать в исследовании взаимодействия русского и тюркских языков: „Область различий и общности в изучении языка означает область истинных учебных трудностей и вероятных ошибок”.

Выявить эти трудности в языковой вселенной, сохранив лингвоэкологическое равновесие, а также красоту и самобытность культуры народа, – одна из наиболее ответственных задач составителей учебных программ. Ибо, как говорится, красота языка в его значении, а значение языка в его красоте.

ABSTRACT

There are many ways of approaching the teaching of the structure of language. The work titled *The Dialogue of Languages and Cultures* studies the similarities and differences between languages with the help of grammatical and syntactic examples, while emphasising the uniqueness of each language.

The study reveals the problems of linguistic interference and so-called “non-equivalent” lexis in connection with three languages (Russian, German and Hungarian), highlighting the difficulties Hungarian learners of Russian have to cope with when encountering the cultural background.

НЕПРЯМЫЕ ЗНАЧЕНИЯ В РЕЧИ И НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ РУССКОЙ РЕЧИ НЕРУССКИХ

А.Л. Гребенев

Актуализация языковых знаков в речи обнаруживает двойственную направленность. В одних случаях реализуется основное значение лексемы, грамматической формы, синтаксической конструкции, интонации и т.д. Одновременно приглушаются или полностью десемантизируются периферийные значения данной единицы. В других случаях, напротив, знаки используются в непрямом значении и происходит их переосмысление, при котором проявляются коннотативные, эмоционально-оценочные, ассоциативные смыслы и связи знака или текста. В реальном общении эти тенденции вариативно сочетаются и взаимодействуют под влиянием коммуникативно-прагматических факторов.

В ситуациях первого типа устанавливаются прямые отношения между языковыми знаками и их значением: знаки однозначны. При обратном подходе – от содержания к способу его представления в речи – эти отношения сохраняются: данное содержание в конкретном контексте передаётся определённым знаком или их совокупностью. Так, информация Гидрометцентра: „В Москве завтра ожидается облачная погода с прояснениями, временами осадки в виде дождя и снега, температура ночью около 0, днём от +1 до +5, атмосферное давление 740 мм., относительная влажность 65%”, – передаётся стереотипизированными синтаксическими и интонационными конструкциями, тематически обусловленной лексикой. Смысл сообщения для отправителя и получателя одинаков, никаких семантических приращений ни при его производстве, ни при восприятии не возникает. (Здесь не затрагивается вопрос о том, как по-разному может использоваться подобная информация в качестве „руководства к действию” в различных экстралингвистических условиях, поскольку это изменило бы сам объект анализа.)

В ситуациях второго типа, напротив, знаки в высказываниях переосмысляются, приобретают неоднозначность, различного рода семантические приращения. Их восприятие предполагает участие ассоциативно-образного мышления,

допускает (в определённых пределах) вариативность интерпретации и осмыслений. При продуцировании высказывания одно и то же (или близкое по смыслу) содержание может быть передано различными средствами. Так, например, переосмыслиется „погодная” лексика в пословицах и поговорках: „Либо дождик, либо снег, либо будет, либо нет”, – в значении *неизвестно, сбудется ли предполагаемое, желаемое*. То же значение можно выразить иначе: „Бабушка ещё надвое сказала (гадала)”, „Это (ещё) вилами на воде писано”, „Поживём – увидим” и т.д. (*Словарь* 1966: 33-34, 353, 515). Значение высказывания при этом диффузно, размыто: это ни „да”, ни „нет” или „может быть «да», а может быть «нет»” и реципиенту приходится по-своему оценивать ситуацию и отношение говорящего к возможному ходу событий, т.е. придавать высказыванию некоторый собственный контекстуально обусловленный смысл.

Во всех функционально-стилевых вариантах речи встречаются те и другие ситуации, они взаимосвязаны и взаимно дополнительные, но преобладание того или иного способа актуализации является характеризующим, конститутивным признаком определённого типа речи. Так, в научной и официально-деловой речи реализуются преимущественно прямые значения, в поэтической и (отчасти) разговорной речи, в фольклоре, жаргонах и сленгах – ассоциативно-образные, причём их функциональная роль дифференцируется соответственно типу речи.

Однако, как замечает Ю.М.Лотман, „ни один из реально данных нам текстов не является продуктом какого-то одного механизма порождения. Такие тексты были бы бесполезны как генераторы новых смыслов. Даже научные тексты, которые должны были бы создаваться в пределах «чистых» метаязыков, «засоряются» аналогиями, образами и другими заимствованиями из иных, чуждых им, семиотических сфер. Что же касается других текстов, то гетерогенность их очевидна. Все они представляют собой плоды креолизации дискретных, недискретных языков и метаязыков, лишь с определённой доминанцией в ту или иную сторону” (Лотман 1992: 32).

Знаки в непрямых значениях используются в общении в различных целях и могут рассматриваться с т.з. их функциональной роли в тех или иных стилях, подстилях, жанрах

речи, с т.з. средств их выражения, использования их в интерпретации коммуникативной и денотативной ситуации, взаимоотношений и намерений коммуникантов и т.д.

Очевидна, например, связь между типом текста, его жанрово-стилевой разновидностью и целью и способами употребления в нём языковых единиц в непрямом значении. В фольклоре, пословицах, поговорках, загадках способы и формы выражения не прямых значений исторически закреплены и передаются от поколения к поколению (на протяжении определённых периодов) без существенных изменений; в поэтической речи, напротив, традиционные ассоциации и образы подвергаются обязательной индивидуально-авторской интерпретации и, кроме того, частотны окказиональные переосмысления знаков; для разговорной речи характерно чередование речевых формул, клише и вариативных способов выражения значений; жаргоны содержат код, закрытый для непосвящённых,¹ в различного рода языковых играх – кроссвордах, анекдотах, пародиях – иносказание становится основным принципом общения.

С этой т.з. использование и восприятие не прямых значений в текстах разной жанрово-стилевой принадлежности строится на разных принципах: в одних случаях они воспроизводятся, повторяются, в других – создаются в процессе общения, в одних жанрах они используются для того, чтобы расширить, обогатить семантику текста, в других – для того, чтобы сузить, ограничить, зашифровать значение знака.

Способность передавать не прямые значения обнаруживается на разных уровнях и подуровнях языковой системы: фонетико-интонационном, графическом, лексическом, деривационном, морфологическом, синтаксическом, стилистическом, а также в использовании невербальных средств коммуникации, причём эти средства чаще всего выступают в определённом взаимодействии.

На уровне графики в качестве средства не прямого выражения значений может использоваться криптограмма, как, например, в сцене объяснения в любви Кити и Левина в *Анне Карениной*: „Вот, сказал он и написал начальные буквы: к,в,м,о:э,н,м,б,з,л,э,н,и,т? Буквы эти значили: «когда

---

1 См. описание жаргонной лексики в: Даль 1990; Елистратов 1994.

вы мне ответили: этого не может быть, значило ли это, что никогда, или тогда?» Не было никакой вероятности, чтоб она могла понять эту сложную фразу; но он посмотрел на неё с таким видом, что жизнь его зависит от того, поймёт ли она эти слова... – Я поняла, – сказала она покраснев. – Какое это слово? – сказал он, указывая на н, которым означалось слово «никогда». – Это слово значит «никогда», – сказала она...» И далее: „Она написала: т,я,н,м,и,о... Он вдруг просиял: он понял. Это значило: «тогда я не могла иначе ответить»”. И диалог Кити и Левина с помощью криптограмм продолжается (Толстой 1947: 526-527).

Здесь, конечно, героям помогает общий настрой мыслей и чувств, знание ситуаций, о которых идёт речь, т.е. общность их апперцептивной базы.

Лексический уровень характеризует свойственные разговорной речи переименования объектов и действий, в результате которых когнитивный коррелят знака полностью или частично расходится с его словарным денотатом. ИмPLICITное при этом служит специфической системой отражения различных способов переосмысления событий и фактов.

Так, в *Мёртвых душах* во время игры в карты на губернаторской вечеринке почтмейстер „ударял по столу крепко рукою, приговаривая, если была дама: «пошла старая попадья!» если же король: «пошёл тамбовский мужик!» ... А председатель приговаривал: «А я его по усам! А я её по усам!» Иногда при ударе карт по столу вырывались восклицания: черви! червоточина! пикенция, или пикендрас! пичурушух! пичура! и даже просто: пичук! названия, которыми перекрестили они масти в своём обществе” (Гоголь 1977: V: 15-16).

Среди прочего здесь обращает на себя внимание характерный для устной речи „вольный” подход к словообразованию, при котором действующие модели трансформируются, используются неузальные способы и создаются окказиональные формы слов.

Эти примеры иллюстрируют также процессы переосмысления в индивидуальном и коллективном сознании языковых и речевых норм, отражающие мировоззрение и мироощущение коммуникантов, их способ восприятия, оценки и истолкования действительности.

Выступая во взаимодействии, знаки различных уровней могут создавать имплицитный контекст как один из видов пресуппозиции, повышающий внутреннюю информативность высказывания. В следующих высказываниях, например, смысл меняется в зависимости от порядка слов (места усилительной и выделительной частицы „даже“), интонации и фразового ударения: „Даже я не мог его уговорить“ (имеется в виду: 1. его пытались уговорить и другие, 2. у меня было больше, чем у других, оснований или возможностей его уговорить); „Я не мог даже уговорить его“ (имеется в виду: 1. от меня требовалось или ожидается нечто большее, чем просто уговорить его, 2. я не готов выполнить это требование или ожидание); „Я не мог уговорить даже его“ (имеется в виду: 1. его уговорить по каким-то причинам легче или проще, чем других, 2. я пытался или должен попытаться уговорить ещё кого-то).

Здесь ясно видно, как связаны синтагматические, интонационные и семантические преобразования высказываний.

В зависимости от условий общения не прямые высказывания могут семантизироваться однозначно или неоднозначно: в стандартных ситуациях типовые не прямые высказывания воспринимаются как однозначные. Когда мы слышим в метро: „Поезд дальше не идёт. Просьба освободить вагоны!“ – то семантизируем это объявление в соответствии с его конвенциональным значением в данной ситуации: мы понимаем, вопреки буквальному значению первой фразы, что поезд не останется стоять на станции, а только прекратит перевозку пассажиров по определённому маршруту. В подобных случаях не прямые высказывания уподобляются прямым и появляется возможность их адекватной замены, например: „Поезд следует в депо. Просьба освободить вагоны!“

Носителями не прямых значений могут быть отдельный знак, совокупность знаков, высказывание, фрагмент текста или весь текст. Показательны в этом отношении различного рода тропы, аллегории, иносказания в поэтической (в широком смысле) речи. Можно, в частности, отметить функциональную неоднозначность метафоры в поэзии и прозе.

В поэзии метафора – это прежде всего средство создания образного строя, часто она повторяется, иногда с

той или иной трансформацией или в новом контексте. Так, у Б.Л.Пастернака в начале и в конце стихотворения:

Не подняться дню в усилиях светилен,
Не совлечь земле крещенских покрывал.

***

Не подняться дню в усилиях светилен,
Покрывал крещенских ночи не совлечь.
(Пастернак 1989-1992: I: 436).

„Ты так играла эту роль!” – повторяется трижды, в каждой строфе в новом контексте, причём в последней – в переосмыслении:

Ты так! – ты лучше всех ролей
Играла эту роль!
(там же, 123).

Попадая в новый контекст, вступая в новые связи, метафора как бы наращивает ассоциативные смыслы и одновременно объединяет весь текст в единое целое.

Иногда, как в стихотворении *Снег идёт* реальное событие метафоризирует окружающий мир и само на этом фоне выступает как метафора (там же, II: 108-109). Аналогичным образом под влиянием контекста в стихотворении *Зимняя ночь* метафоризируется образ горящей свечи (там же, III: 526-527).

В прозе метафоры, сравнения, оценочные характеристики и номинации героев проявляют способность мультиплицироваться, умножаться, демонстрируя неоднозначность поведения и восприятия личности в различных ситуациях. Так, Пугачёв в *Капитанской дочке* А.С.Пушкина – и беглый казак, и император Пётр III. Но в то же время он выступает в оценке разных героев как вожатый, дорожный, мужичок, благодетель, отец родной, наш батюшка, атаман, кровопийца, ужасный человек, изверг, злодей, бродяга, разбойник, раскольник, самозванец, мошенник, вор, беглый каторжник, собачий сын, пьяница, bestия, обманщик, бездельник, предводитель мятежников и т.д. (Пушкин 1952: 578-676).

То же можно сказать о многих героях Н.В.Гоголя. Хлестаков – это прежде всего не ревизор в роли ревизора.

Но он также молодой человек без царя в голове, чиновник, полковник, елистратишка простой, мошенник, плут, шаромыжник, подлец, именитый гость, просвещённый гость, почтенный гость, генерал, вельможа, столичная штучка, барин, главнокомандующий, сочинитель, друг Пушкина, управляющий департаментом, ваше превосходительство, фельдмаршал, генералиссимус, государственный человек, важная персона, господин финансов, государь, ваше высокоблагородие, ваше сиятельство, дьявол, такой человек, что и на свете ещё не было, прекрасный, воспитанный человек, самых благородных правил, уполномоченная особа, не уполномоченный и не особа, ни сё ни то, чёрт знает что такое, генерал-губернатор, скверный мальчишка, которого надо высечь, негодяй, сосулька, тряпка, вертопрах и т.д. (Гоголь 1977: IV: 8-90).

Если в *Капитанской дочке* противоположные оценки Пугачёва отражают прежде всего социальный статус говорящих, а также отчасти ту или иную конкретную ситуативную роль героя, то в *Ревизоре* это главным образом средство создания комического эффекта, развёртывания действия одновременно в двух плоскостях: мира реального и вымышленного. Показательно, что когда сам Хлестаков включается в эту игру, то выдаёт себя вовсе не за ревизора, а за „важную особу” из Петербурга, чей статус достаточно неопределён, умножая тем самым возможность различных интерпретаций. Таким образом, герой в различных ситуациях как бы меняет свою функциональную роль, что и получает отражение в речи. Именно это, вероятно, имел в виду А.С.Пушкин, когда писал А.А.Бестужеву по поводу одного из героев *Горя от ума*: „Кстати, что такое Репетилов? В нём два, три, десять характеров.” (*Переписка А.С.Пушкина* 1982: I: 470).

В некоторых случаях герои выступают как бы персонифицированными метафорами определённых типов личности. Таковы, в частности, в *Мёртвых душах* Ноздрёв, Манилов, Собакевич, Коробочка, Плюшкин. Выдвигая в характере своих героев какое-то одно качество на первый план, Н.В.Гоголь делает их своего рода символами этих качеств. Метафоризированное таким образом имя собственное приобретает способность вторичного означивания явлений, предметов, лиц: скуп, как Плюшкин, и под. Воз-

можно также переосмысление и фразеологизация словосочетаний и реплик, типа: „мёртвые души”, „позвольте вам этого не позволить” и т.д. Вспомним опять отзыв А.С.Пушкина о комедии *Горе от ума*: „О стихах я не говорю, половина – должны войти в пословицу.” (*там же*).

Как уже говорилось, выражать не прямые значения могут определённые связные контексты. Примером может служить иносказательный разговор Пугачёва с хозяином постоянного двора: „В огороде летал, конопля клевал; швырнула бабушка камушком – да мимо. Ну, а что ваши? – Да что наши! – отвечал хозяин, продолжая иносказательный разговор. – Стали было к вечеру звонить, да попадья не велит: поп в гостях, черти на погосте. – Молчи, дядя, – возразил мой бродяга, – будет дождик, будут и грибки; а будут грибки, будет и кузов. А теперь (...) заткни топор за спину: лесничий ходит (...)”. Гринёв „ничего не мог тогда понять из этого воровского разговора; но после уж догадался, что дело шло о делах Яицкого войска, в то время только что усмирённого после бунта 1772 года.” (Пушкин 1952: 590).

Другой пример контекстуальной метафоры – пророческий сон Гринёва, в котором он вместо родного видит посажённого отца, мужика с чёрной бородой, размахивающего топором, – это своего рода аллегория последующих событий.

Различное „прочтение” таких контекстов может отражать разное мировоззрение героев: Пугачёв и Гринёв, например, каждый по-своему трактуют смысл калмыцкой сказки об орле и вороне (*там же*, 655).

В качестве сложной аллегории, иносказания может выступать не только фрагмент, но и весь текст художественного произведения. Иногда такой способ отражения действительности предусмотрен самим жанром, например, в баснях, притчах и сказках. В других случаях он диктуется определённой творческой школой, направлением или замыслом писателя. Так, романы Ф.Кафки *Замок*, *Процесс*, его рассказ *Превращение* целиком построены на принципе ассоциативно-образного представления действительности, причём точность и правдоподобие деталей только усиливают то поле напряжения между реальным и мистическим,

которое на всём протяжении повествования придаёт ему неоднозначность.

Способность художественного текста порождать собственные смыслы и допускать различные прочтения часто рассматривается не только семиотиками, но и писателями как одна из его важнейших функций. Об этом пишет в *Заметках на полях* к своему роману *Имя розы* известный итальянский учёный-медиевист Умберто Эко: „(...) роман... по определению – машина – генератор интерпретаций” (Эко 1989: 428). „Поэтическое качество я определяю как способность текста порождать различие прочтения, не исчерпываясь до дна” (*там же*, 429). „Наивный читатель, не защищённый теоретическими «буферами», в прямую наталкивается на ту истину, что у книги не может быть только один сюжет. Так не бывает” (*там же*, 455). Это роман о монастыре XIV века, действие в нём датировано концом ноября 1327 года, однако, как свидетельствует его переводчик на русский язык, „несомненно, многие частные ситуации романа и его главный конфликт вполне «прочитываются» и как иносказательное отображение ситуаций нынешнего, XX века. Так, многие рецензенты, да и сам автор в одном из интервью, проводят параллели между сюжетом романа и убийством Альдо Моро” (*там же*, 6). А Ю.М.Лотман по этому поводу замечает: „Поистине можно вообразить себе целую галерею читателей, которые, прочитав роман Эко и встретившись на своеобразной «читательской конференции», убедятся с удивлением, что читали совершенно различные книги” (*там же*, 468).

Установка на неоднозначность прочтения и возможность различных интерпретаций иногда содержится в самом названии произведения. „Заглавие *Имя розы*, – пишет У. Эко, – подошло мне, потому что роза как символическая фигура до того насыщена смыслами, что смысла у неё почти нет (...) Название, как и задумано, дезориентирует читателя. Он не может предпочесть какую-то одну интерпретацию (...) Название должно запутывать мысли, а не дисциплинировать их” (*там же*, 429).²

---

2 „Роза – христианский символ земного мира и мира небесного. В мифологической, религиозной и литературной традиции – это воплощение земной чувственной страсти, восторга, желания,

Отметим также возможность иносказательного использования названия и имён героев одного произведения в контексте другого. Читателей *Евгения Онегина*, например, А.С.Пушкин именует – „Друзья Людмилы и Руслана!”

Интересно, что и образ автора может трактоваться неоднозначно, причём часто это связывается с проблемой „подлинности” текста и „достоверности” изображаемых в нём событий. Так, У.Эко выдаёт собственный роман за свой итальянский перевод „с довольно сомнительного французского текста, который в свою очередь должен являть собой переложение с латинского издания семнадцатого века, якобы воспроизводящего рукопись, созданную немецким монахом в конце четырнадцатого” (*там же*, 9-10). Таким образом к мнимому автору XIV века присоединяется череда переводчиков (к числу которых относит себя и подлинный автор!), каждый из которых оставляет свои „следы” в повествовании. „Я засунул свою повесть в четырёхслойный конверт, защитив её тремя другими повестями: я говорю, что Валле говорит, что Мабийон говорил, что Адсон сказал (...) Маска, вот что мне было нужно” (*там же*, 437). Более того, мнимый автор также как бы раздваивается: „Восьмидесятилетний Адсон рассказывает, что он пережил, будучи восемнадцати лет. Кто здесь рассказчик: восьмидесяти- или восемнадцатилетний? Оба сразу. Так вышло, так и замышлялось... Раздваивая Адсона, я вдвое уве-

---

стыда и в то же время это высокий символ божественной любви. Роза – знак чувственного наслаждения и неземной радости, небесного блаженства. Красная роза с шипами – грехопадение (поцелуй Евы, капля крови Афродиты, кровь Адониса); белая роза – чистота, целомудрие; чёрная роза – смерть (чёрная роза на груди Бертраана); золотая роза – слава, бессмертие, вечная жизнь. Роза символизирует красоту земной женщины и – божественность Девы Марии и Христа (распятый Христос – Роза на Кресте) как воплощение милости, всепрощения, божественной любви, мученичества, страдания, славы и вечной жизни. Мистическая Роза в финале *Божественной Комедии* Данте объединяет души святых и праведников. Роза также символ гармонии мироздания. Это эмблема мира видимого и умопостигаемого, явного и тайного. Это символ божественной тайны (отсюда лат. *ыги кшыф* как обозначение тайны в тайных братствах). Это символ избранничества, высокого этического совершенства, духовного восхождения.” (*Мифы народов мира* 1980-1982: II: 386-387, в: Приходько 1994: 47).

личивал набор кулис и ширм, отгораживающих меня как реальное лицо или меня как автора-повествователя от персонажей повествования (в их числе и от повествующего голоса)” (там же, 443).

Вспомним, что к подобному приёму прибегал и А.С.Пушкин: *Повести Белкина* предваряются рассказом об их „авторе” Иване Петровиче Белкине, а *Капитанская дочка* выдаётся за записки Петра Андреевича Гринёва – непосредственного участника событий, чья рукопись доставлена издателю „от одного из его внуков”.

Языковые знаки, употребляемые в различных вариантах устной и письменной речи в непрямом значении, позволяют выражать одно и то же содержание разными формами или использовать одну и ту же единицу языка для выражения разных значений, то есть служат средством реализации функциональной асимметрии речи. При этом обнаруживается семантическая валентность знака, его способность к приращению значений и смысла в соответствии с коммуникативно-прагматическими, стилистическими, субъективно-оценочными, эмоциональными, модальными и другими аспектами общения.

Становясь средством выражения не прямых значений, языковой знак подчиняется речевым нормам, существенно отличающимся от языковых. Ознакомление иностранных учащихся с этими нормами, развитие у них понимания того, что в речи является приемлемым, допустимым, употребительным и достаточным в тех или иных конкретных ситуациях общения, – одна из важнейших задач обучения. Ведь носитель языка владеет, как правило, различными его стилевыми вариантами, а иностранный учащийся овладевает прежде всего своего рода одностилевым языком, неким усреднённым и редуцированным его вариантом. Это отражается в упрощении синтаксиса и сокращении предложений, в повторяемости лексики, в замедленности устной речи.

Кроме того, следует иметь в виду, что довольно распространённым результатом обучения, особенно на начальном этапе, является формирование в языковом сознании учащегося особого кода, совмещающего черты родного и изучаемого языков, и собственных стандартов пользования им. В англоязычной методической литературе для именованного

этого кода используется термин “interlanguage” (Spolsky 1991: 30-36; Ellis 1991: 98-99; Ellis 1994: 339, 351).

Субъективное осмысление языковых и речевых норм, узуса, культурологических параметров общения выражается в тенденциях к интернационализации и к бикультурной ориентации речи, существенно усложняющих её интерпретационный аспект. С целью компенсации недостающих знаний используются окказиональные способы номинации, неизвестные лексемы замещаются интернационализмами или лексемами родного языка, в словообразовании применяются неузальные модели, нарушаются нормы словоупотребления, лексической сочетаемости, тематического членения и синтаксического оформления высказываний, что затрудняет их адекватное восприятие, а иногда приводит к непредусмотренной импозиции – немотивированному выражению дополнительных смыслов. Вот некоторые примеры из речи болгар: 1. интернационализмы: постер-сессия, три медийных центра, аутентичные здания. Интересен пример словотворчества по модели русского языка из устной речи болгарки, специализирующейся в английском языке: „Мы пели сонгички” (в зн. песенки); 2. лексемы родного языка: 15 февраля, природонаучные дисциплины, ресторан с вместимостью 1000 человек, творческие экипаы, спортивный уред (снаряд), у неё укрепла (окрепла) воля, если он не успеет (сможет); 3. Словообразование: внедрительские подходы, отпечатывание литературы, просветный центр, занятие спортом; 4. Словоупотребление: число прибывания, число отъезда (дата/день приезда, отъезда), она глубоко связана с художественной гимнастикой, она превратилась в строгого, но благородного тренера, мальчику нравится работать умом и руками; 5. нарушение синтаксических связей: расходы за счёт участника или институции, которой он представляет, если желающие больше одного, просим откопировать регистрационные формы, для нас будет удовольствие ваше участие (в конференции), институт назван именем известным просветным деятелем, он является продолжителем возрожденческих традиций образовательной работы. Как видно из приведенных примеров, часто различные отступления от языковых и речевых норм сочетаются в пределах одного высказывания. 6. грамматикализация речи выражается в неуместной формально-языковой правиль-

ности и излишней эксплицитности высказываний, нарушающей речевые нормы. Вот некоторые примеры такой формализованной речи китайцев: „Какой университет носит имя Ломоносова?“ – „Московский государственный университет носит имя Ломоносова.“ „Какие месяцы считают в России зимними?“ – „Декабрь, январь, февраль считают в России зимними.“ „Кто из русских писателей родился в городе Нижний Новгород?“ – „Русский писатель Горький родился в городе Нижний Новгород.“

Обучая иностранному языку, мы должны помнить, что в международном общении языки выполняют специфические задачи, подвергаются дополнительным функциональным нагрузкам, испытывают принципиально иные воздействия на свою структуру и семантику, чем в ареале исконного распространения (подробнее об этом см.: Гребенев 1990: 69-76). При этом активизируется способность языка выступать проводником культурно-языковых контактов или отражать культурно-языковые конфликты. В связи с этим особое значение приобретает способность коммуниканта определять, по нормам какой культуры и как именно следует трактовать в речи ту или иную ситуацию. Можно говорить об особой коммуникативно-речевой стратегии двуязычного и бикультурного поведения, в которой существенно усложняется интерпретационный аспект речи, а содержание коммуникативной компетенции дифференцируется в зависимости от избранных сфер знания и деятельности и, соответственно, от жанрово-стилевой и функциональной специфики используемых в этих сферах текстов. Готовность индивида к их производству и восприятию предполагает владение не только языковыми, но и речевыми нормами, в том числе – способность вариативно выражать в речи не прямые значения.

ЛИТЕРАТУРА

- Гоголь, Н.В.
1977-1978   *Собрание сочинений в семи томах*, М. 1977: IV;
1978: V.
- Гребенев, А.Л.
1990   *Русская речь в международном общении (к вопросу о своеобразии)*, в: VII

Международный конгресс преподавателей русского языка и литературы. Доклады советской делегации, М. 1990: 69-76.

Даль, В.И.
1990

Условный язык петербургских мошенников, известный под именем музыки или байкового языка, „Вопросы языкознания”, 1990: I: 134-137.

Елистратов, В.С.
1994

Словарь московского арга, М. 1994.

Лотман, Ю.М.
1992

Избранные статьи в трёх томах, Таллин 1992: I.

Пастернак, Б.Л.
1989-1992

Собрание сочинений в пяти томах, М. 1989-1992.

Переписка А.С.Пушкина

1982

Переписка А.С.Пушкина в двух томах, М. 1982.

Приходько, И.С.
1994

Скрытые смыслы драмы А.Блока Роза и крест, ИАН СЛЯ 1994: LIII(6): 36-51.

Пушкин, А.С.
1952

Избранные произведения, М. 1952.

Словарь

1966

Словарь русских пословиц и поговорок, сост.: В.П.Жуков, М. 1966.

Толстой, Л.Н.
1947

Анна Каренина, М. 1947: I.

Эко, У.
1989

Имя розы, М. 1989.

- Ellis, R.
1991 *Understanding Second Language Acquisition*,
Oxford Univ. Press, Oxford 1991.
1994 *The Study of Second Language Acquisition*, Oxford
Univ. Press, Oxford 1994.
- Spolsky, B.
1991 *Conditions for Second Language Learning*, Oxford
Univ. Press, Oxford 1991.

ABSTRACT

Non Explicit Meanings and Characteristics of Non-Native Russian.
The paper examines a number of non-native levels of spoken Russian,
and analyses the errors due to interlanguage.

Slavica tergestina 5 (1997)